

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№3 2025 (МАРТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боробов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

М. А. Комарова

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел/факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

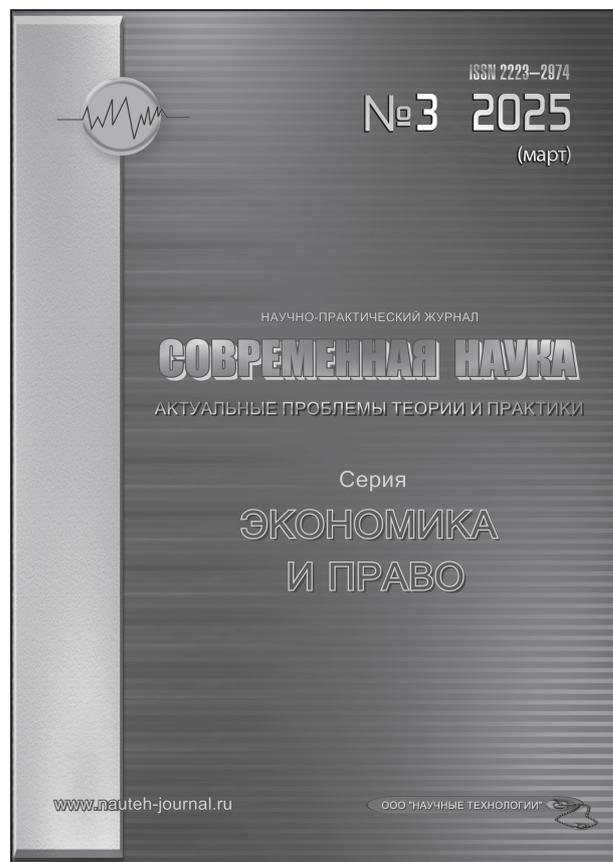
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.1.x, 5.2.x, 5.4.x)

В НОМЕРЕ:
ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 10.03.2025 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;
профессор, Белгородский Государственный Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор, г.н.с.,
НИЦ 4 ВНИИ МВД России

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор, Московский
Педагогический Государственный Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор, Санкт-
Петербургский университет МВД России

Проказина Наталья Васильевна — д.с.н., профессор,
Алтайский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюоровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор, Российский
государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

Бокарева М.Ю. — Генезис концепции управления рисками: философский и экономический подходы
Bokareva M. — The genesis of the risk management concept: philosophical and economic approaches6

Ван Чуньсюе, Янь Тяньбао — Изучение качественного развития экономики снега и льда в Хэйлунцзян с точки зрения китайской модернизации
Wang Chunxue, Yan Tianbao — Examining the qualitative development of snow and ice economy in Heilongjiang from the perspective of Chinese modernisation12

Захаров А.Д. — К вопросу влияния антикризисного управления на инновационную активность предприятий машиностроения
Zakharov A. — On the impact of anti-crisis management on innovation activity of mechanical engineering enterprises16

Кери И.Т. — Перспективы развития альтернативной энергетики в Российской Федерации
Keri I. — Prospects for the development of alternative energy in the Russian Federation.....21

Конюшков А.И., Шелихан М.Ю. — Влияние цифровой трансформации на эффективность управления производственными процессами и конкурентоспособность предприятия
Konyushkov A., Shelikhan M. — The impact of digital transformation on the efficiency of managing manufacturing processes and the competitiveness of the enterprise.....28

Кротова М.А., Сиджах А.А., Егиазарян Г.Е. — Теоретические аспекты формирования и функционирования региональных предпринимательских экосистем в международной и российской практике
Krotova M., Sidzhakh A., Egiazarian G. — Theoretical aspects of the formation and functioning of regional entrepreneurial ecosystems in international and Russian practice34

Миндлин Ю.Б. — Опыт стран Европы в реализации кластерной политики
Mindlin Yu. — The experience of European countries in implementing cluster policy.....39

Плетнев В.В. — Роль международных организаций в совершенствовании механизмов регулирования конкуренции цифровых платформ
Pletnev V. — The role of international organizations in improving the mechanisms for regulating the competition of digital platforms44

Соколов Д.В., Ануфриева Е.М., Смолькина Ю.В. — Дифференцированный подход к установлению равновесных цен в рамках зоны возможных сделок
Sokolov D., Anufrieva E., Smolkina Yu. — Differentiated approach to setting equilibrium prices within the area of possible transactions.....49

Сунь Чуньсин — Управление инновациями и проектная практика в сфере интеграции интеллектуальных цепочек поставок
Sun Chunxing — Innovation management and design practice in the field of intelligent supply chain integration53

Чернова К.А., Брель Д.О., Ивченко И.А. — Подход к повышению эффективности планирования и выполнения работ в РКО за счет формирования ресурсной модели
Chernova K., Brel D., Ivchenko I. — Development of proposals for the formation of a resource model to improve the efficiency of work within the framework of research and development.....58

Юрьев М.В. — Этапы становления системы экономической безопасности РФ
Yuryev M. — Stages of formation of the system of economic security of the Russian Federation66

Право

Гасанов Р.И. — Некоторые аспекты использования категории налогового обязательства
Gasanov R. — Some aspects of the use of the category of tax obligation71

- Дружинин А.В.** — Правовое регулирование религиозного образования в России: современное состояние и перспективы развития
Druzhinin A. — Legal regulation of religious education in Russia: current state and development prospects76
- Канатов Т.К.** — Соотношение ответственности за нарушение исключительных прав в гражданском, уголовном и административном законодательстве ЕАЭС
Kanatov T. — The ratio of responsibility for the violation of exclusive rights in the civil, criminal and administrative legislation of the EEU81
- Капустин В.В.** — Факторы, способствующие обеспечению законности и правомерности применения полицейскими физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия
Kapustin V. — Factors contributing to ensuring the legality and legality of the use of physical, special force and firearms by police.87
- Ковтун Н.Н., Юнусов А.А., Туманов Д.Ю.** — Электронное правосудие — мифологема цифровой реальности уголовно-процессуального права России
Kovtun N., Yunusov A., Tumanov D. — Electronic justice — mythologeme of digital reality of criminal procedure law of Russia.93
- Левандовская М.Г.** — пытки: понятие, признаки, противодействие в международном праве и российском законодательстве
Levandovskaya M. — Torture: concept, signs, and counteractions in international law and Russian legislation.98
- Линь Пэйюань** — Международные правовые акты в сфере таможенного регулирования трансграничной электронной торговли
Lin Peiyuan — International legal acts in the field of customs regulation of cross-border e-commerce 103
- Линь Пэйюань** — Таможенное регулирование трансграничной электронной торговли: роль международного права
Lin Peiyuan — Customs regulation of cross-border trade electronic commerce: the role of international law. 107
- Пекарева В.В.** — Компьютерная информация в уголовном законодательстве: проблемы толкования и квалификации
Pekareva V., Polischuk N. — Computer information in criminal legislation: problems of interpretation and qualification. 111
- Пивентьев А.С.** — О некоторых вопросах правового регулирования федеративных отношений в России
Piventyev A. — About some issues of legal regulation of federal relations in Russia 115
- Плахов А.В., Холодов В.А., Васильев В.А.** — Малое предпринимательство за рубежом: опыт правового регулирования и государственной поддержки
Plakhov A., Holodov V., Vasilev V. — Small business abroad: experience of legal regulation and state support 118
- Романова Н.В.** — Анализ рецепции отдельных принципов римского наследственного права в европейской правовой традиции
Romanova N. — Analysis of the reception of certain principles of Roman inheritance law in the European legal tradition 123
- Степаненко В.В.** — Особенности и перспективы правового регулирования в России результатов интеллектуальной деятельности, созданных с помощью систем искусственного интеллекта
Stepanenko V. — Features and perspectives of legal regulation in Russia of the results of intellectual activity created using artificial intelligence systems 128
- Твердова Т.В., Задорожная Е.В.** — Конституционные гарантии предпринимательства: некоторые аспекты реализации
Tverdova T., Zadorozhnaya E. — Constitutional guarantees of entrepreneurship: some aspects of implementation 132
- Упоров И.В.** — Социально-правовая характеристика экономических отношений в Российской империи и советском государстве
Uporov I. — Social and legal characteristics of economic relations in the Russian empire and the soviet state. 136
- Упоров И.В.** — Социальные отношения и право как их регулятор: противоречия в динамике развития
Uporov I. — Social relations and law as their regulator: contradictions in the dynamics of development 141

- Уфимцев А.Н.** — Портрет ятрогенного преступника при неоказании медицинской помощи
Ufimtsev A. — Portrait of an iatrogenic criminal in case of failure to provide medical care 146
- Шафигулина С.Р.** — Правовое просвещение избирателей как направление деятельности избирательных комиссий
Shafigulina S. — Legal education of voters as a field of activity of election commissions..... 151
- Шевченко А.А.** — Об актуальности проблемы противодействия преступности несовершеннолетних в сети «интернет»
Shevchenko A. — On the relevance of the problem of combating juvenile delinquency in the internet..... 155
- Ямалнеев И.М., Охотников И.В., Бакулин В.М.** — Правовые аспекты регулирования цифрового неравенства и доступа к информации
Yamalneeov I., Okhotnikov I., Bakulin V. — Legal aspects of regulation of digital inequality and access to information 158
- СОЦИОЛОГИЯ
- Конинский А.В., Ананченкова П.И.** — Возрастные особенности профессиональной мобильности
Koninsky A., Ananchenkova P. — Age-related features of professional mobility..... 162
- Кузнецова О.В., Верюжская Е.Р., Попова М.Е.** — Подходы к управлению образовательным процессом в контексте проблем социальной адаптации китайских студентов в России
Kuznetsova O., Veruzhskaya E., Popova M. — Approaches to educational management process in the context of social adaptation problems of Chinese students in Russia 166
- Мадоян С.А.** — Инновации в финансовом секторе: как технологии меняют банковское дело
Madoyan S. — Innovations in the financial sector: how technology is changing banking 170
- Мартыненко С.В.** — Социологический анализ потребительского онлайн-поведения поколения Z
Martynenko S. — Sociological analysis of online consumer behavior of generation Z 178
- Прозоровский К.А., Ананченкова П.И.** — Развитие инициатив активного долголетия в системе социальной защиты населения старших возрастных групп
Prozorovsky K., Ananchenkova P. — Development of active longevity initiatives in the social protection system of the population of older age groups 184
- Рубан Л.С.** — Фронтирная модернизация: парадоксы адыгейской специфики
Ruban L. — Frontier modernization: paradoxes of the Adyghe specifics 189
- Скопа В.А.** — Трансформация культурных практик: взаимосвязь медиа и культуры в современном обществе
Skopa V. — Transformation of cultural practices: the interrelationship of media and culture in modern society 195
- Юрченко Е.Д.** — Теоретико-методологические основы определения образа Другого как социального конструкта
Yurchenko E. — The theoretical and methodological foundations of determination the image of «other» as a social construct 199
- Наши авторы 204

ГЕНЕЗИС КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ: ФИЛОСОФСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ

THE GENESIS OF THE RISK MANAGEMENT CONCEPT: PHILOSOPHICAL AND ECONOMIC APPROACHES

M. Bokareva

Summary. The article examines the issues of globalization and uncertainty, indicates the connection between the processes of globalization and the phenomenon of risk, as well as international regulation and standardization of processes generated by globalization, including social and economic risks, provides an understanding of risk in the scientific literature, substantiates the scientific expediency of applying a philosophical approach to the problem of social and economic risks, analyzes the difference between the accepted today with a look at management risks and an approach to management risk control based on the philosophy of stoicism, it is proposed to make a transition to an alternative understanding of risks as existing (real) prerequisites for adverse events or events and a positive reliable analysis of the causes of these prerequisites, and from it to the development of regulatory measures that prevent these prerequisites. The purpose of the work is to analyze the philosophical and economic aspects of the risk management problem. This goal necessitated the need to explore the concept of risk; to analyze scientific and philosophical views on management risks, as well as the possibility of using a philosophical approach to controlling management risks in a globalized society and economy. As a result, an alternative understanding of risk is proposed as a scientific novelty and an approach to the control of management risks based on the philosophy of stoicism is formulated.

Keywords: risk, globalization, uncertainty, stoicism, control dichotomy, management risk control.

Бокарева Мария Юрьевна

аспирант, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации (Москва)
bokarewamaria1999@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы глобализации и неопределенности, указывается на связь процессов глобализации и феномена риска, а также международного регулирования и стандартизации порождаемых глобализацией процессов, в том числе общественных и экономических рисков, приводится понимание риска в научной литературе, обосновывается научная целесообразность применения философского подхода к проблеме общественных и экономических рисков, анализируется различие между принятым сегодня взглядом на управленческие риски и подходом к контролю управленческих рисков на основе философии стоицизма, предлагается совершить переход к альтернативному пониманию рисков как состоявшихся (реальных) предпосылок неблагоприятных явлений или событий и положительному достоверному анализу причин возникновения данных предпосылок, а от него — к разработке мер нормативного регулирования, препятствующих названным предпосылкам. Целью работы является анализ философских и экономических аспектов проблемы управления рисками. Поставленная цель обусловила необходимость исследовать понятие риска; проанализировать экономические и философские взгляды на управленческие риски, а также возможности использования философского подхода к контролю управленческих рисков в условиях глобализации общества и экономики.

В результате в качестве научной новизны предложено альтернативное понимание риска и сформулирован подход к контролю управления управленческих рисков на основе философии стоицизма.

Ключевые слова: риск, глобализация, неопределенность, стоицизм, дихотомия контроля, контроль управленческих рисков.

К проблеме рисков все чаще обращаются не только представители технических социологических, психологических и экономических наук, но и ученые-философы. Такое активное и пристальное внимание ученых объясняется повышением стохастичности и неопределенности в общественной и экономической жизни, что заставляет специалистов снова и снова исследовать феномен рисков и выявлять научно обоснованные способы их преодоления.

Как отмечает Ю.И. Соколов, «в последней трети XX века человечество вступило в новую фазу своего развития, которую современные исследователи чаще всего называют «обществом риска» (2016, С. 6). Основной причиной этого является развитие глобализации и сопря-

женное с ней углубление кризиса современного общества.

Необходимость осознания актуальных проблем общественного и экономического развития, а также поиск путей их решения заставляет ученых разных отраслей науки изучать феномен риска. При этом философское осмысление и изучение риска имеет несомненное преимущество перед его изучением специалистами других наук, так как по признанию сторонника междисциплинарного изучения риска Е.М. Калашниковой, «предметный интерес философии настолько многогранен, что позволяет исследовать феномен риска в разных ипостасях, от сущностных характеристик до установления междисциплинарных связей» (2015, С.12). Философский подход

к изучению экономических рисков позволяет опираться не только на теоретические, но и на мировоззренческие основы, от которых зависит общий взгляд на направление экономического развития и его оценка.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на многочисленные научные исследования в области рисков, сегодня отсутствует единое научное определение понятия «риск». Исследователи чаще всего ссылаются на работу Н. Лумана «Понятие риска», в которой автор отмечает, что «... часто слова “риск” и “опасность” исследуются как тождественные или же без ясного различия между ними» (Luhmann, 1991, P.150). В отличие от других исследователей Н. Луман считает, что следует различать риск и опасность. Он утверждает: «Различение предполагает (и отличается тем самым от других различений), что существует неуверенность относительно будущего ущерба. Здесь есть две возможности. Либо возможный ущерб рассматривается как следствие решения, т.е. вменяется решению. Тогда мы говорим о риске, именно о риске решения. Либо же считается, что причины такового ущерба находятся вовне, т.е. вменяются окружающему миру. Тогда мы говорим об опасности» (Luhmann, 1991, P.150).

Одновременно с Н. Луманом проблему риска в XX веке также рассматривали такие ученые как Э. Гидденс, У. Бек, М. Дуглас, при этом основной вклад в теорию риска внесли именно Э. Гидденс и Н. Луман.

Э. Гидденс в исследовании «Судьба, риск и безопасность» определяет риск как «результат нарастающего процесса глобализации» (Giddens, 1991, С. 117) и так же, как и Н. Луман разделяет понятия «риск» и «опасность», отмечая, что «в отличие от опасностей, угрожающих здоровью, риск событий со значительными последствиями по своему определению не связан с индивидом непосредственно, хотя (опять же по определению) представляет непосредственную угрозу для жизненных шансов каждого индивида» (Giddens, 1991, С. 117).

Необходимо отметить, еще в XVI веке яркий представитель политической философии Н. Макиавелли в трактате «Государь» упоминал о судьбе и неопределенности: «Я знаю, сколь часто утверждалось раньше и утверждается ныне, что всем в мире правят судьба и Бог, люди же с их разумением ничего не определяют и даже ничему не могут противостоять; отсюда делается вывод, что не зачем утруждать себя заботами, а лучше примириться со своим жребием. Особенно многие уверовали в это за последние годы, когда на наших глазах происходят перемены столь внезапные, что всякое человеческое предвидение оказывается перед ними бессильно. Иной раз и я склоняюсь к общему мнению, задумываясь о происходящем» (Machiavelli, 1982, С. 34).

Н. Макиавелли высказывает здесь точку зрения, в соответствии с которой человек вообще не в состоянии

что-либо предопределять в мире и управлять, так как всем в мире правят судьба и Бог. Однако человечество на протяжении всей своей истории демонстрировало стремление изменить условия своего существования, невзирая на судьбы и жребий, о которых рассуждал Н. Макиавелли.

При анализе происхождения слова «риск» указывается на «заимствование из французского, где *risque* (“опасность”) восходит к греческому *rizikon* — “скала”. Таким образом, современное значение развилось, видимо, в связи с чувством страха, которое испытывает человек, находясь на высоте, у обрыва» (Крылов, 2005, С. 342).

Современные исследователи часто избегают четкого определения понятия «риск» и пользуются максимально общей его трактовкой. Этому в немалой степени способствует широкое понимание риска, приведенное в публикации рабочей группы по стандартизации Европейской экономической комиссии ООН на тему: «Управление рисками в системах нормативного регулирования»: «в повседневном дискурсе, “риск” может означать опасность, вероятность, последствие, потенциальные неблагоприятные факторы или угрозы, а иногда и возможности. Все эти элементы (вероятность, последствие, опасность и т.д.) на самом деле характеризуют риски» (Friis Bach K., 2014, С.6)¹.

Таким образом, современным понятием «риск» называется нежелательное течение событий, которое может не зависеть от человека или человеческого общества и которое тем не менее человек пытается избежать или каким-то образом на него воздействовать. В научном экономическом сообществе употребление понятия «управление рисками» в недавнем прошлом стало признаком современного добротного научного исследования, а само это понятие — признанным предметом теоретических изысканий. Если религия в случае неопределенности направляет усилия человека на прошения к Богу, который, по выражению Н. Макиавелли, правит, то современная наука пытается найти способ воздействовать на неопределенность человеческими усилиями.

Ученые-экономисты разрабатывают классификации рисков, описывают и характеризуют различные виды рисков, пытаются выстроить концепции управления рисками, при этом признают, что «осознание рисков чаще всего не приводит к принятию адекватных мер по его устранению, из чего следует, что чрезвычайное положение грозит стать нормой жизни «общества риска» (Соколов, 2016, С. 9).

¹ Friis Bach K. (2014). Risk Management in Regulatory Frameworks: Towards a Better Management of Risks (ECE/TRADE/390). UNECE, November. <https://unece.org/info/publications/pub/2458>

Поэтому делается вывод, что «в современном мире управление риском является неотъемлемой частью общей системы управления любой организации, которая должна постоянно отслеживать возможные неблагоприятные изменения ситуации, держать их под контролем, адекватно реагировать» (Соколов, 2016, С. 19). Таким образом, управление рисками как неопределенностями само по себе становится постоянно текущим неопределенным процессом, не имеющим конечных целей, предельных задач и конкретных сроков завершения.

Процессы глобализации как экономической, социальной, так и политической в XXI веке занимают основное место в экономиках стран мира. По данным международного сайта опубликован список стран по индексу глобализации за 2023 год (табл. 1).

Таблица 1.

Индекс глобализации ведущих стран в 2023 году²

№ п/п	Страна	Индекс глобализации, в %
1	Швейцария	90,75
2	Бельгия	90,38
3	Нидерланды	90,32
4	Швеция	89,01
5	Германия	88,97
6	Австрия	88,5
7	Англия	88,39
8	Дания	87,79
9	Финляндия	87,33
10	Франция	87,19
11	Люксембург	85,74
12	Ирландия	85,41
13	Испания	85,35
14	Норвегия	84,9
15	Чехия	84,7
16	Португалия	84,54
17	Греция	83,68
18	Канада	83,62
19	Венгрия	83,45
20	Италия	83,03

² Источник: составлено автором на основе Einar H. Dyvik (2024). Top 50 countries in the Globalization Index 2023. Statista, October 9. <https://www.statista.com/statistics/268168/globalization-index-by-country/>

Современный глобализм характеризуется разрушением национального суверенитета и созданием утопического «планетарного государства с единым управляющим наднациональным центром» (Евдокимов, 2017, С.199), в котором население разделяется на «золотой миллиард» и остальной мир. Такой подход схож с теорией управляемого хаоса, разработанной в конце 20 века зарубежными специалистами–политологами при попытках научного обоснования форм управления большими социальными системами. В изложении О.А. Митрошенкова теория управляемого хаоса исходит из того, что «сложные системы никогда не достигают равновесия, а развиваются от одного метастабильного (временного) состояния к другому, в которых о порядке можно говорить очень условно» (2017, С. 66). При этом, как отмечает ученый, «мир выступает скорее ареной кризиса, в высокой степени хаотичного, нежели пространством порядка» (2017, С. 66).

В настоящее время главные политические субъекты, действующие на мировой арене и продвигающие идеи глобализации, используют технологии, разработанные на основе теории управляемого хаоса, для решения таких задач, как сокращение численности населения, разрушение национальных границ и государств, что, в свою очередь, приводит к созданию единого государства и правительства. По мнению В.Е. Лепского, «технологии управляемого хаоса — это новый неконтролируемый в настоящее время международными организациями вид оружия массового поражения для установления мирового порядка в интересах стороны его применяющей» (2010, С. 71). Исходя из этого, можно сделать вывод, что все порождаемые глобализацией процессы, протекающие внутри государств, в том числе и процессы управления экономическими рисками, подпадают под устанавливаемые межгосударственными структурами правила, к числу которых относятся единые международные стандарты — международные стандарты аудиторской деятельности, международные стандарты финансовой отчетности, международные стандарты менеджмента и другие.

Так, рабочей группой по стандартизации Европейской экономической комиссии ООН в 2014 году была подготовлена публикация на тему: «Управление рисками в системах нормативного регулирования», целью которой стало «предоставление аналитических выводов и рекомендаций всем заинтересованным сторонам, в особенности лицам, принимающим политические решения, возможности создания таких систем регулирования, в которых управление рисками было бы целесообразным, эффективным и прозрачным» (Friis Bach K., 2014, С.2)³. В данной публикации рабочая группа ООН

³ Friis Bach K. (2014). Risk Management in Regulatory Frameworks: Towards a Better Management of Risks (ECE/TRADE/390). UNECE, November. <https://unece.org/info/publications/pub/2458>

отмечает возможность создания «системы разработки новых и изменения уже существующих регламентов (управления рисками)», соответственно, в данном случае имеется в виду формирование некой единой системы управления рисками для всех государств, контролируемой ООН.

Что касается самих рисков, взгляд на них как на неизбежность характерен для названной публикации рабочей группы ООН, более того, социальный прогресс понимается через призму управления рисками: «эффективное управление рисками является отражением социально-экономического прогресса. История человечества — это история создания новых технологий, включая специальные технологии для управления рисками, помогающие нам снижать и, в некоторых случаях, полностью контролировать риски, которые прежде могли бы иметь самые разрушительные последствия» (Friis Bach K., 2014, С.1)⁴.

Таким образом, с конца 20 века активно продвигается политическая и социальная наука и теоретически обосновывается идея неизбежности рисков как явления, объективно (априори) присущего общественному развитию. Тем самым исподволь оправдывается стохастичность социальных процессов, вызываемая процессами глобализации.

Свой существенный вклад в разработку систем управления рисками вносят процессы информатизации. Как справедливо отмечает В.В. Рымкевич, «в эпоху глобализации мировой экономики информационные технологии начинают играть такую существенную, основополагающую роль, что появляется тенденция выделять их как пятый фактор производства наряду с известными — трудом, капиталом, природными ресурсами и предпринимательством» (2014, С.22). Информационные технологии становятся источником новых рисков, в том числе глобальных, вновь требующих регулирующего воздействия со стороны субъектов социального управления, следовательно, экономики стран полностью погружаются в «общество всеобщего риска», характерной чертой которого является «воспроизводство рисков во всех сферах жизнедеятельности общества: экономической, политической, духовной, социальной» (Шопенко, 2010, С. 311), что приводит к «общей зависимости от рисков, перед лицом которой индивидуальные возможности выбора не имеют особого значения» (Шопенко, 2010, С. 311), тем самым общество превращается в «общество страха». При этом, по мнению В.Е. Авдеенко, «только в условиях неопределенности возможно инновационное развитие столь интенсивное в последние десятилетия» (2022, С. 8).

⁴ Friis Bach K. (2014). Risk Management in Regulatory Frameworks: Towards a Better Management of Risks (ECE/TRADE/390). UNECE, November. <https://unece.org/info/publications/pub/2458>

Можно сделать вывод, что человечество, подталкиваемое акторами (субъектами) социального развития (в том числе международными организациями наподобие ООН) по пути глобализации, информатизации и управлению через хаос, движется в направлении самовоспроизводящихся и все более глобальных рисков, преодоление которых является безостановочным нарастающим процессом, лишаящим мировое и государственное социальное и экономическое развитие конкретных целей и стратегических перспектив.

Управленческие риски, или риски, возникающие в процессе управления каким-либо объектом (процессом), в силу своей природной неопределенности не могут стать полноценным объектом конкретного управленческого воздействия с заранее определенными результатом и ограничивающегося установленными ограниченными сроками. В связи с этим более оправданной и обоснованной является постановка вопроса о контроле управленческих рисков.

Контроль в теории управления рассматривается как одна из функций управления и власти. Глубокое мировоззренческое осмысление феномена контроля осуществлено в философии стоицизма. Поэтому представляется полезным и плодотворным при рассмотрении проблемы контроля управленческих рисков обратиться к философии стоицизма.

Стоицизм сформировался во времена эллинистической философии (IV век до Рождества Христова) и продолжился до римской философии, вплоть до III века после Рождества Христова. Стоицизм учит, как жить счастливой и полноценной жизнью благодаря обдуманному рациональным действиям. Философия стоиков построена на двух основных принципах: «дихотомия контроля и стоическая добродетель»⁵.

Под дихотомией контроля в философии стоицизма понимается философская идея, которая «определяет границы контроля человека над событиями, т.е. способность человека классифицировать любое действие, мысль, поведение или ситуацию по одному из двух критериев: то, что можно контролировать, и то, что нельзя»⁶. Таким образом, дихотомия контроля философии стоиков определяет границу между тем, что находится во власти человека и подконтрольно ему, и тем, что нет (рис. 1).

К основным последователям философии стоиков можно отнести Зенона — основателя стоицизма, Хрисиппа, Марка Аврелия, Сенеку и Эпиктета — наиболее яркого приверженца «дихотомии контроля». Как утверж-

⁵ Sandrip R. (2023). Dichotomy of control: the colossal first pillar of stoicism. The happiness blog, November 16. <https://happyproject.in/pillars-stoicism/>

⁶ Там же

дал Эпиктет в трактате «Энхиридион»: «некоторые вещи находятся в нашей власти, другие — нет. В нашей власти находятся мнение, мотивация, желание, отвращение, одним словом, все, что мы делаем сами; не в нашей власти находятся наше тело, наше имущество, репутация, должность и, одним словом, все, что мы не делаем сами... Если вы считаете своим только то, что принадлежит вам (а так оно и есть), то никто никогда не сможет вас принудить, никто не будет вам мешать, вы ни в ком не будете искать недостатков, ни в ком не будете обвинять, вы ничего не будете делать против своей воли, у вас не будет врагов, и никто никогда не причинит вам вреда, потому что никакой вред не может вам навредить»⁷.

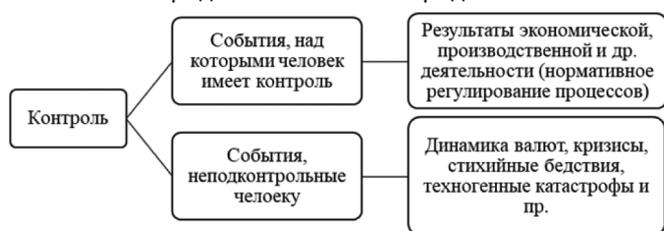

Рис. 1. Дихотомия контроля по стоицизму⁸

Следовательно, различие между принятым в настоящее время подходом к контролю управленческих рисков, определяемым международными стандартами, и контролем в соответствии с философией стоицизма состоит в том, что в последнем случае выявляются реальные (наступившие) риски, а не любые возможные и неопределенные, по которым нельзя принять конкретные меры. Условно и наглядно можно представить различие данных подходов в виде схем (рис. 2 и 3).

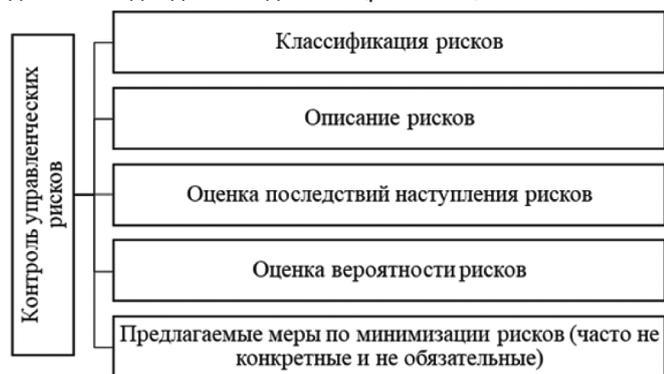

Рис. 2. Современный подход к контролю управленческих рисков⁹

Таким образом, применение философии стоицизма в контроле управленческих рисков состоит в том, чтобы исправлять наступившие неблагоприятные события (риски) и принимать меры к их неповторению. Так на-

⁷ Sandrip R. (2023). Dichotomy of control: the colossal first pillar of stoicism. The happiness blog, November 16. <https://happyproject.in/pillars-stoicism/>

⁸ Источник: составлено автором

⁹ Источник: составлено автором

писаны все действующие в настоящее время правила безопасности, они составлены на основе реальных, а не придуманных рисков и включают необходимые и обязательные действия человека, а не желаемые или вероятные. Кроме того, при современном подходе к контролю управленческих рисков речь идет, строго говоря, не о контроле (нельзя контролировать то, что еще не произошло), а о прогнозировании рисков. Философия стоицизма в контроле управленческих рисков означает их выявление при самом незначительном неблагоприятном событии и принятие мер по недопущению его повторения или предотвращению значительных масштабов неблагоприятного события.

Рис. 3. Контроль управленческих рисков в соответствии с философией стоицизма¹⁰

Философию стоицизма часто в научной литературе называют философией трудных времен. Возможно поэтому в настоящее время наблюдается интерес к философии стоицизма специалистов разного рода — от психологов до предпринимателей, бизнесменов и государственных деятелей.

Однако чаще всего трактовка и обращение к философии стоицизма затрагивают лишь сферу личных интересов тех или иных общественных деятелей. Применение основополагающих принципов философии стоицизма в социальном и экономическом управлении позволит качественно изменить подходы к решению общественных, экономических и национальных задач.

Неуправляемый вал политических, экономических, информационных, экологических и прочих рисков, захлестнувших человеческое общество в XXI веке, вынуждает менять отношение к рискам — от неумного желания управлять все новыми и новыми рисками с одновременной неизбежной потерей стратегических социальных ориентиров и целей (в силу переноса центра тяжести управленческой деятельности на прогнозирование, классификацию, оценку и прозрачное управление рисками), следует совершить переход к альтернативному пониманию рисков как состоявшихся (реальных) предпосылок неблагоприятных явлений или событий и положительному достоверному анализу причин

¹⁰ Источник: составлено автором

возникновения данных предпосылок, а от него — к разработке мер нормативного регулирования, препятствующих названным предпосылкам. Как следствие такой подход приведет к уменьшению неопределенности в конкретной экономической деятельности и повысит эффективность и плодотворность управления, вернув ему присущий предмет деятельности — управляемые события и процессы. Конечно, это не избавит от неизбежного в глобальном обществе и экономике внешне-го хаоса и непредсказуемости, но позволит направить практическую управленческую экономическую деятельность на достижимые цели и результаты.

Таким образом, стоит внимательнее присмотреться к философии стоицизма и сделать попытку перестроить на ее принципах управленческую и контрольную деятельность, направив усилия на достижение доступных человеческому сообществу целей и решение реальных задач. Как минимум, это высвободит значительную интеллектуальную, управленческую и властную энергию от непродуктивного выявления всевозможных рисков, воздействовать на которые управляющие субъекты не в силах с тем, чтобы использовать эту энергию на постановку позитивных задач и достижение желательных конструктивных целей социального и экономического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеенко Е.В., Радугин А.А. (2022). Неопределенность — доминантное качество современного общества // Вестник ВГУ. Серия Философия. № 2(44). С. 3–11. [Avdeenko E., Radugin A. (2022). Uncertainty is a dominant quality modern society. Bulletin of the VGU. No. 2(44), pp. 3–11. (In Russian).]
2. Геращенко И.Г., Геращенко А.И. (2023). Формы глобализма: история и современность. // Наука. Общество. Государство. № 1 (41). С. 102–110. [Gerashchenko I., Gerashchenko A. (2023). Forms of globalism: history and modernity. Science. Society. State. No. 1(41), pp. 102–110. (In Russian).] <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-1-11>
3. Гиддэнс А. (1991). Судьба, риск и безопасность. Тезис. [Giddens A. (1991). Fate, Risk and Security. Thesis. (In Russian).]
4. Евдокимов А.Ю. (2017). Веротерпимость и толерантность. // Вестник МГЛУ. № 3 (771). С. 199–208. [Evdokimov A.Yu. (2017). Latitude in religion and tolerance. Bulletin of the MGLU. No. 3 (771), pp. 199–208. (In Russian).]
5. Калашникова Е.М. (2015). Философия риска как насущная проблема междисциплинарного познания. // Вестник ПГГПУ. № 1. С. 11–18. [Kalashnikova E.M. (2015). Philosophy of risk as the persistent problem of cross-disciplinary research. Bulletin of the PGGPU. No. 1, pp. 11–18. (In Russian).]
6. Крылов Г.А. (ред.) (2005). Этимологический словарь русского языка. СПб.: ООО «Полиграфсервис». [Krylov G.A. (ed.) (2005). Selected works. St. Petersburg. Artistic literature. (In Russian).]
7. Лепский В.Е. (2010). Технологии управляемого хаоса — оружие разрушения субъектности развития // Информационные войны. № 4(16). С. 69–78. [Lepsky V. (2010). Technology of controlled chaos — weapon of destruction of subjectivity. Information wars. No. 4(16), pp. 69–78. (In Russian).]
8. Луман Н. (1991). Понятие риска. Тезис. [Luhmann N. (1991). The concept of risk. Thesis. (In Russian).]
9. Макиавелли Н. (1982). Избранные произведения. М.: Художественная литература. [Machiavelli N. (1982). Selected works. Moscow. Artistic literature. (In Russian).]
10. Митрошенков О.А. (2017). Теория управляемого хаоса: использовать себе во благо // Власть. №8. С. 64–73. [Mitroshenkov O.A. (2010). Theory of controlled chaos: use for your advantages. Power. No. 8, pp. 64–73. (In Russian).]
11. Рымкевич В.В. (2014). Глобализация как фактор экономических рисков // Беларусь и мировые экономические процессы. № 11. С. 21–29. [Rymkevich V.V. (2014). Globalization as a factor of economic risks. Belarus and global economic processes. No. 11, pp. 21–29. (In Russian).]
12. Соколов Ю.И. (2016). Проблемы рисков современного общества // Проблемы анализа риска. №2. С. 6–23. [Sokolov Y.I. (2016). The problems of risks in modern society. Problems of risk analysis. No. 2, pp. 6–23. (In Russian).]
13. Шопенко А.Д. (2010). Концептуальные основания социальной рискологии транзитивного общества // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. №120. С.307–314. [Shopenko A. (2010). Conceptual bases of social "riskology" of tranzitarian society. Bulletin of the GUU. No. 120, pp. 307–314. (In Russian).]
14. Einar H. Dyvik (2024). Top 50 countries in the Globalization Index 2023. Statista, October 9. <https://www.statista.com/statistics/268168/globalization-index-by-country/>
15. Friis Bach K. (2014). Risk Management in Regulatory Frameworks: Towards a Better Management of Risks (ECE/TRADE/390). UNECE, November. <https://unece.org/info/publications/pub/2458>
16. Sandrip R. (2023). Dichotomy of control: the colossal first pillar of stoicism. The happiness blog, November 16. <https://happyproject.in/pillars-stoicism/>

ИЗУЧЕНИЕ КАЧЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ СНЕГА И ЛЬДА В ХЭЙЛУНЦЗЯН С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КИТАЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

Ван Чуньсюе

старший преподаватель,
Хэйхэский университет, г. Хэйхэ, КНР
772078318@qq.com

Янь Тяньбао

доцент, Хэйхэский университет
807852573@qq.com

EXAMINING THE QUALITATIVE DEVELOPMENT OF SNOW AND ICE ECONOMY IN HEILONGJIANG FROM THE PERSPECTIVE OF CHINESE MODERNISATION

**Wang Chunxue
Yan Tianbao**

Summary. The article explores the prospects of qualitative development of snow and ice economy in Heilongjiang Province from the perspective of Chinese modernisation. Based on the analysis of economic indicators for 2015–2023 and relevant scientific research, the key problems of the industry are identified: structural dependence on traditional sectors, seasonal unevenness of tourist flow, shortage of qualified personnel and institutional barriers. A set of measures is proposed, including the development of public-private partnerships, diversification of tourism products, creation of educational clusters, introduction of 'green' financial infrastructure and strengthening international cooperation. Special attention is paid to the digital transformation of the industry in line with the national strategies of 'Double Circulation' and 'Made in China 2025'. The results of the study demonstrate the potential of winter tourism as a driver of regional development and a tool for implementing the concept of 'ecological civilisation'.

Keywords: winter tourism, Chinese modernisation, Heilongjiang, sustainable development, regional economy, public-private partnership.

Аннотация. В статье исследуются перспективы качественного развития экономики снега и льда в провинции Хэйлунцзян в контексте китайской модернизации. На основе анализа экономических показателей за 2015–2023 гг. и актуальных научных исследований выявлены ключевые проблемы отрасли: структурная зависимость от традиционных секторов, сезонная неравномерность туристического потока, дефицит квалифицированных кадров и институциональные барьеры. Предложен комплекс мер, включающий развитие государственно-частного партнёрства, диверсификацию туристических продуктов, создание образовательных кластеров, внедрение «зелёной» финансовой инфраструктуры и усиление международной кооперации. Особое внимание уделено цифровой трансформации отрасли в соответствии с национальными стратегиями «Двойной циркуляции» и «Сделано в Китае 2025». Результаты исследования демонстрируют потенциал зимнего туризма как драйвера регионального развития и инструмента реализации концепции «экологической цивилизации».

Ключевые слова: зимний туризм, китайская модернизация, Хэйлунцзян, устойчивое развитие, региональная экономика, государственно-частное партнёрство.

Модернизация экономики Китая, инициированная в рамках политики реформ и открытости 1978 года, в последние десятилетия приобрела новые черты, связанные с переходом от модели, основанной на экспорте и тяжелой промышленности, к экономике, ориентированной на внутреннее потребление, инновации и сферу услуг. Ключевыми элементами этой трансформации стали стратегии «Двойной циркуляции» (2020), направленной на баланс внутреннего и внешнего спроса, и «Сделано в Китае 2025», акцентирующей технологический суверенитет [1]. Как отмечает Х. Хонгджо, переход к «качественному росту» требует диверсификации секторов, включая туризм, который становится

драйвером регионального развития и социальной стабильности [4].

Особое внимание в этой стратегии уделяется зимнему туризму, что связано с амбициозными целями, поставленными после победы заявки на Зимние Олимпийские игры 2022 года в Пекине. Правительство запустило инициативу «3 сотни миллионов» (300 миллионов участников зимних видов спорта к 2025 году), стимулируя как массовый спорт, так и туристическую индустрию. Дэвид Шамбау, старший научный сотрудник «Chatham House», подчеркивает, что продвижение зимнего туризма — часть стратегии «мягкой силы», укрепляющей имидж Ки-

¹ Основные научно-исследовательские операционные расходы провинциальных высших учебных заведений провинции Хэйлунцзян: номер проекта 2023-KYYWF-1141, наименование проекта: Исследование пути и практики изучения китайской модернизации в приграничных регионах провинции Хэйлунцзян

тая как глобального лидера в условиях геополитической конкуренции [12]. Как утверждает Х. Конг, к 2025 году зимний туризм должен приносить более 1 трлн юаней (\$140 млрд) ежегодно, создав 2,5 млн рабочих мест [6].

Снежные направления становятся инструментом регионального развития, особенно в северных провинциях, где традиционные отрасли (угольная, сталелитейная) стагнируют. Примером служит провинция Хэйлунцзян, граничащая с Россией. Провинция Хэйлунцзян, административная единица на северо-востоке КНР, географически охватывает обширную территорию в пределах координат 43°26′–53°33′ северной широты и 121°11′–135°05′ восточной долготы [14]. С площадью 473 тыс. км² регион занимает шестую строчку в списке крупнейших по размеру субъектов страны.

Развитие инфраструктуры — ключевой фактор успеха. В рамках проекта «Пояс и путь» в Хэйлунцзяне модернизируются транспортные узлы: высокоскоростная железная дорога Харбин-Цзиси сократила путь до курортов с 8 до 2 часов, а аэропорт Тайпин увеличил пропускную способность до 20 млн пассажиров в год [16]. С.И. Лин отмечает, что инвестиции в логистику, гостиницы и цифровизацию услуг (например, внедрение «Alibaba's Fliggy» для онлайн-бронирования) усилили конкурентоспособность региона [9].

Важно и экологическое измерение. Власти Хэйлунцзяна, следуя курсу на «экологическую цивилизацию» (концепция, закреплённая в 13-м пятилетнем плане), развивают устойчивый туризм. Проекты в заповеднике Чанбайшань включают ограничение числа посетителей и использование возобновляемых источников энергии. Профессор Л. Ли предупреждает, однако, что массовый туризм угрожает хрупким экосистемам, требуя сбалансированного подхода [7]. Хэйлунцзян демонстрирует, как нишевые туристические направления могут стать локомотивом экономики, что подтверждается в результате анализа экономических показателей провинции [11]:

Финансовые индикаторы провинции демонстрируют устойчивую положительную динамику. Валовой региональный продукт (ВРП) вырос с 11690 до 15883,9 млрд юаней, что отражает стабильное расширение экономики. Сектор оптовой и розничной торговли увеличил добавленную стоимость с 830,9 до 1 362,2 млрд юаней, а гостиничный бизнес и общественное питание — с 173,7 до 248,1 млрд юаней, несмотря на временный спад в 2020 году.

Ключевой акцент — иностранный туризм:

- Доходы от международного туризма выросли почти в 1,6 раза — с 395,33 млн долл. США (2015 г.) до 645,93 млн долл. США (2019 г.).
- Число иностранных туристов увеличилось на 33,7 % — с 0,83 млн (2015 г.) до 1,11 млн человек (2019 г.).

Примечательно, что пик туристической активности пришёлся на 2019 год, после чего данные за 2020–2023 гг. не представлены, что, вероятно, связано с глобальными ограничениями (например, пандемией). Однако восстановление добавленной стоимости гостиниц к 2023 году (+40 % к уровню 2020 г.) указывает на потенциал сектора. Рост всех показателей, включая туризм, подтверждает диверсификацию экономики, но требует акцента на возобновление международных потоков для усиления мультипликативного эффекта.

Современные научные исследования всё чаще фокусируются на феномене ледово-снежного туризма в провинции Хэйлунцзян, формируя многоаспектный дискурс вокруг его потенциала и ограничений. Академические работы в этой области преимущественно анализируют туристические ресурсы, рыночные механизмы и стратегии развития. Так, Го Хуэйцю и Мэн Гуан [5] акцентируют роль зимнего туризма как катализатора экономики региона, предлагая стимулировать рост через создание специализированных фондов, либерализацию регуля-

Таблица 1.

Основные экономические показатели провинции Хэйлунцзян в период 2015–2023 гг.

Показатель/год	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Валовой региональный продукт (100 млн юаней)	11690	11895	12313	12846.5	13544.4	13633.4	14858.2	15831.5	15883.9
Добавленная стоимость оптовой и розничной торговли (100 млн юаней)	830.9	876	900.6	946.3	1001.3	997	1228.4	1310.3	1362.2
Добавленная стоимость гостиниц и услуг общественного питания (100 млн юаней)	173.7	186.6	200.2	213.7	232	176.6	215.1	210.1	248.1
Доходы в иностранной валюте от международного туризма (млн долл. США)	395.33	458.05	479.58	537.06	645.93	–	–	–	–
Число прибытий иностранных туристов (млн человек-раз)	0.83	0.96	1.04	1.09	1.11	–	–	–	–

торных барьеров и привлечение частных инвестиций. Чжан Лимэй [8] дополнил этот подход, интегрировав экономическое моделирование в «Планирование ледового и снежного туризма» для разработки адаптивных управленческих решений.

Ши Чанбо подчеркивает необходимость критической оценки ресурсных преимуществ (уникальный климат, ландшафты) и их трансформации в экономические дивиденды [2]. Аналитики, включая Чжань Шань и соавторов, настаивают на синхронизации развития туризма с экологическими, социальными и экономическими реалиями региона, продвигая принципы устойчивого развития [13].

Финансовые аспекты остаются ключевым вызовом: Цай Дефа и др. указывают на дефицит целевого финансирования, отсутствие специализированных финансовых инструментов и нехватку управленческих кадров [3]. Эти же авторы видят решение в диверсификации источников капитала, включая создание инвестиционных фондов, оптимизацию структуры активов и привлечение общественных средств. Кроме того, они идентифицируют системные проблемы — географическую удалённость, кадровый голод и инерцию управленческих механизмов — предлагая стратегии по усилению конкурентоспособности, реструктуризации отрасли и подготовке профессионалов.

Ву Вэйвэй и Лю Есинь разработали систему оценки конкурентоспособности зимнего туризма, провели её комплексный анализ, а также применили метод АНР для формулировки стратегических принципов развития, комбинируя качественные и количественные подходы [15]. Эконометрический вклад внес Цимэньди, выявивший с помощью коинтеграционного анализа и модели VARX долгосрочную взаимосвязь между доходами от зимнего туризма (1986–2014 гг.) и динамикой ВВП провинции [10].

Анализ приведённой литературы позволил выделить ключевые экономические проблемы Хэйлунцзяна:

1. Структурная зависимость от традиционных отраслей при недостаточном финансировании инновационных секторов.
2. Сезонная неравномерность туристического потока, усугубляющая дисбаланс в доходах.
3. Дефицит кадровых и управленческих ресурсов, ограничивающий эффективность проектов.
4. Институциональные барьеры, включая неразвитость финансовой инфраструктуры и регуляторную жёсткость.

На основании проведенного исследования представляется необходимым предложить комплексные меры для решения экономических проблем провинции Хэйлунцзян в рамках стратегий китайской модернизации:

1. Стимулирование государственно-частного партнёрства (ГЧП) в туризме. В соответствии с политикой «Двойной циркуляции» и целью диверсификации экономики необходимо создать специализированные фонды развития ледово-снежного туризма с участием государства, частных инвесторов и международных партнёров. Это позволит преодолеть дефицит финансирования, отмеченный Цай Дефа, и привлечь социальные капиталы, как предлагает Ло Далинь. Пример — расширение инвестиций в инфраструктуру (как в модернизированном аэропорту Тайпин) через механизмы проектного финансирования;
2. Круглогодичная диверсификация туристических продуктов. Для борьбы с сезонной неравномерностью (проблема №2) требуется синхронизация зимнего и летнего туризма. Инвестиции в летние активности (экотуризм в заповеднике Чанбайшань, культурные фестивали) и цифровизацию услуг (внедрение платформ типа «Alibaba's Fliggy») снизят зависимость от зимнего сезона. Параллельно стоит развивать событийный туризм (спортивные соревнования, арт-резиденции), что соответствует стратегии «3 сотни миллионов» и усилит имидж провинции;
3. Подготовка кадров и управленческих компетенций. Для решения кадрового дефицита (проблема №3) необходимо: создать региональные образовательные кластеры с фокусом на туристический менеджмент и экологическую устойчивость, интегрировав программы Пекинского университета и Циньхуа; запустить программы обмена с зарубежными курортами (например, альпийскими) для передачи опыта; внедрить стимулирующие схемы (налоговые льготы, гранты) для привлечения молодых специалистов в удалённые районы;
4. Развитие «зелёной» финансовой инфраструктуры. В рамках стратегии «экологической цивилизации» и целей «Сделано в Китае 2025» следует: эмитировать зелёные облигации для финансирования низкоуглеродных проектов (возобновляемая энергетика для курортов, экоотели); внедрить стандарты ESG (экология, социальное управление, корпоративная ответственность) для туристических компаний, что повысит их инвестиционную привлекательность;
5. Усиление межрегиональной и международной кооперации. Используя преимущества географического положения (граница с Россией) и проект «Пояс и путь», нужно: создать трансграничные туристические коридоры (например, маршруты Харбин—Владивосток) с упрощением визового режима; привлечь российских инвесторов в логистику и гостиничный бизнес, используя механизмы ШОС; продвигать провинцию на междуна-

родных выставках (например, ITB Berlin) как часть стратегии «мягкой силы» [2].

6. Цифровая трансформация отрасли. Внедрение Big Data и AI для прогнозирования туристических потоков, оптимизации цен и персонализации услуг, как это сделано в проекте «Умный Харбин». Интеграция с национальными платформами (например, Tencent's WeChat) позволит анализировать поведение туристов и снизить операционные издержки.

Предложенные решения соответствуют ключевым направлениям китайской модернизации — переходу к «качественному росту» через инновации (ст. «Сделано в Китае 2025»), балансу внутреннего/внешнего спроса («Двойная циркуляция») и экологической устойчивости.

Например, развитие круглогодичного туризма снизит зависимость от углеводородного сектора (проблема №1), а зелёные облигации помогут преодолеть институциональные барьеры (проблема №4). Учитывая успехи провинции в восстановлении гостиничного сектора (+40 % к 2023 г.), меры по ГЧП и кадровой подготовке усилят мультипликативный эффект, повышая добавленную стоимость смежных отраслей.

Таким образом, интеграция Хэйлунцзяна в национальные стратегии через зимний туризм может стать моделью для других регионов Китая, демонстрируя, как нишевые направления способны генерировать рабочие места, стимулировать технологические инновации и укреплять международный имидж страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кулинцев Ю.В. Стратегия «двойной циркуляции» и ее влияние на российско-китайские отношения. Китай в мировой и региональной политике // История и современность. 2021. № 26 (26). С. 242–255.
2. Changbo S., Shuo X. Analysis and Strategy Research on the Development of Ice and Snow Tourism in Heilongjiang Province[J] // Commercial Research. 2020. (1). (In Chinese).
3. Defa C., Meijia Z. Research on the Countermeasures to Promote the Development of Ice and Snow Tourism Industry in Longjiang[J] // Foreign Trade and Economics. 2013(9). (In Chinese).
4. ESCAP. China's economic transformation: Impacts on Asia and the Pacific. [Электронный ресурс] // Доступ: https://www.unescap.org/sites/default/files/China%27s%20economic%20transformation_impacts%20on%20Asia%20and%20the%20Pacific.pdf (дата обращения: 21.02.2025).
5. Huiqiu G., Guang M. Exploring the economic development of Heilongjiang Province by using ice and snow tourism[J] // Journal of Northeast Agricultural University (Social Science Edition). 2010(3). (In Chinese).
6. Kong H. et al. Exploring Chinese sustainable tourism: a 25-year perspective // Journal of Sustainable Tourism. 2024. Pp. 1–19.
7. Li L. et al. Integrating tourism supply-demand and environmental sensitivity into the tourism network identification of ecological functional zone // Ecological Indicators. 2024. T. 158. 111505.
8. Limei Z. Ice and Snow Tourism Planning [M]. Harbin: Harbin Institute of Technology Press. 2011. (In Chinese).
9. Lin C. Y. et al. Integrating culture and tourism: A resilient scale for digital transformation innovation // Journal of the Knowledge Economy. 2024. Pp. 1–34.
10. Mengdi Z. Discussion on the relationship between ice and snow tourism in Heilongjiang Province and regional economic growth // Frontier of Social Science, 2016(4). (In Chinese).
11. National Bureau of Statistics of China. [Электронный ресурс] // Доступ: <https://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=E0103> (дата обращения: 21.02.2025).
12. Shambaugh D.L. et al. China goes global: The partial power. — Oxford: Oxford University Press, 2013. T. 111. 120 p.
13. Shan Z., Zhanyou Y. Research on the current situation and countermeasures of ice and snow tourism in Heilongjiang Province[J] // Journal of Harbin Institute of Physical Education. 2011(2). (In Chinese).
14. Tao M., Zhao Y., Jiang Q., Wang Z., Wu Y. Study on the nonlinear transition relationship between water resources consumption and economic development in Heilongjiang province based on system dynamics // Journal of Hydrology: Regional Studies. 2025. Vol. 57. 102193
15. Weiwei W., Yexin L et al. Research on the competitiveness evaluation of ice and snow tourism industry in Heilongjiang Province based on resource value [J]. Ice and Snow Sports. 2016(4). (In Chinese).
16. Yang J. et al. Ice-and-snow tourism in China: trends and influencing factors // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. №. 1. Pp. 1–12.

К ВОПРОСУ ВЛИЯНИЯ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ИННОВАЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЙ МАШИНОСТРОЕНИЯ

Захаров Артём Дмитриевич
независимый исследователь
Zartem1439@gmail.com

ON THE IMPACT OF ANTI-CRISIS MANAGEMENT ON INNOVATION ACTIVITY OF MECHANICAL ENGINEERING ENTERPRISES

A. Zakharov

Summary. Individual aspects of industry development are considered with an emphasis on innovation dynamics as one of the value guidelines of the concept of technological development adopted for the period up to 2030 and aimed at giving mechanical engineering enterprises a growth direction; problems are identified that enterprises solve in the context of industry specificity, and directive management methods can contribute to clearly expressed solutions taking into account anti-crisis or arbitration management of the mechanical engineering industry; prospects for the development of innovative activity are outlined.

Keywords: innovative products, mechanical engineering, technological development, modernization, investment, mutual sanctions restrictions, competitiveness, anti-crisis management, arbitration management.

Аннотация. Рассмотрены отдельные аспекты отраслевого развития с акцентированием внимания на инновационную динамику как одного из ценностных ориентиров концепции технологического развития, принятой на период до 2030 года и направленной на придание предприятиям машиностроения направленности роста; выявлены проблемы, которые предприятия решают в контексте отраслевой специфичности, а директивные методы управления при этом могут способствовать чётко выраженным решениям с учётом антикризисного или арбитражного управления машиностроительной отраслью; очерчены перспективы развития инновационной активности.

Ключевые слова: инновационная продукция, машиностроение, технологическое развитие, модернизация, инвестирование, обоюдные санкционные ограничения, конкурентоспособность, антикризисное управление, арбитражное управление.

Основная масса инновационно направленных промышленных предприятий привлекает инвестиционные ресурсы, стремится наращивать технологические инновации [1], что, во-первых, обусловлено состоянием производственной инфраструктуры, продвижением инновационных стратегий, повышающих конкурентоспособность предприятий, а, во-вторых, комплексом взаимозависимых управленческих воздействий на промышленное производство.

Анализ выявил, что прогнозом долгосрочного социально-экономического развития [2] конкретизированы заданные показатели, что вызывает необходимость активизировать инновационную активность; это, безусловно, важно в контексте внедрения новшеств и может служить инструментом ускорения структурной модернизации предприятий машиностроительной отрасли.

Так, заданные показатели допускают, например, потенциальный сценарий последующего роста инвестирования в инновационную активность — инновационно-активный и традиционный. При инновационно-активном сценарии развития рост характеризуется содержательной технологической модернизацией специфических

отраслей, сфокусированных на реальный сектор экономики. В частности, считается, что потребуется инвестировать не менее 130 млрд руб. лишь на закупку железнодорожных компонентов за период с 2022 по 2025 гг., а к 2035 г. в рамках инновационно-активного сценария потребуется не только увеличить объём инвестиций, но и изменить структуру инвестиций, сократив импорт значительной части комплектующих для производства подвижного состава, при том, что в производство направляется около половины общего объёма инвестиций по всей отрасли железнодорожного производства[3].

При этом важно отметить, что, с одной стороны, текущий инновационный процесс отличается особенностями — на уровне государства управленческая система стимулирует предпочтения в общественном производстве и акцентирует по видам инноваций инвестиционные федеральные проекты и целевые программы [4]. С другой стороны, на региональном уровне управление сконцентрировано в большей степени на достижениях (модернизацию номенклатуры выпускаемой продукции, технологий), ключевых принципах (инновационных работах, гибкости, комплексности), инструментах (общеадминистративных, монетарных) и др.

При этом, в регионах участники технологических нововведений обозначают вектор собственной активности, что так или иначе обуславливает управленческие решения. Наряду с этим, инновационная деятельность увязывает и соразмеряет отдельные дивергентные интересы большей части ведомственных учреждений, что определено необходимостью продвижения на рынке прогрессивных материалов, технических средств и технологий. Подобная потребность, с точки зрения ряда исследователей, возникает при высоком потребительском спросе при ограниченном предложении вследствие недостаточно развитой базы [5].

При преимуществе инновационно ориентированных предприятий машиностроительного комплекса, директивный порядок управления в контексте классического подхода к организации и управлению предприятием, основанном на использовании различных типов организационной структуры, «с учётом отраслевой специфики, типа производства (серийности), конструктивных и технологических особенностей производимой продукции, характера используемых технологий (к примеру, использования групповых технологий обработки), уровня внешней кооперации (аутсорсинга) основного производства и т.д.» [6], как представляется, может содействовать конкретным решениям, касающимся, в том числе, антикризисного управления машиностроительной отраслью.

Предпочтение в выборе практики антикризисного управления зависит от отраслевой деятельности предприятий, сложившейся ситуации и целей. Косвенно можно выделить три их вида.

Во-первых, это превентивная, или упреждающая практика, которая реализовывает решения, требующие планирования в долгосрочном периоде, прогностического взгляда по превенции кризисов на перспективу. Планирование будущего является ключевым, требует опыта, учёта условий, тенденций, причин и следствий.

Во-вторых, это экстренная практика, применяемая в рамках антикризисного управления при необходимости обеспечить соразмерное соотношение степени ликвидности и платежеспособности предприятий, что нацеливает на определение первых симптомов той или иной проблемы и принятие соответствующих мер по восстановлению докризисного состояния.

И, в-третьих, это арбитражная практика, суть которой определена судебным признанием банкротства предприятий, снятия с них кредитных обязательств [7] и назначения арбитражного управляющего в ходе антикризисного регулирования. Законодательство чётко регламентирует работу арбитражных управляющих, её последовательность и продолжительность, уровень их

ответственности в каждом отдельно взятом деле о банкротстве; работа арбитражных управляющих определяет цель для каждого из рассматриваемых уровней управления, средства их достижения, режимы антикризисного управления с их характерными чертами, задачи и функции, которые свойственны каждой процедуре банкротства. Важно, что антикризисное управление подразделяет финансовое оздоровление на блок до открытия дела о банкротстве и блок, задействованный в деле о банкротстве.

Как мы видим, практики антикризисного управления во взаимосвязи с развитием инновационной активности предприятий достаточно сложны. В связи с этим на микроуровне поддержка со стороны государства несостоятельности (банкротства) обусловлена наличием нормативно-правовой базы, что является составной частью антикризисного регулирования.

Управление инновационной активностью требует владения практиками антикризисного управления, что характеризуется условиями неопределённости, когда возможно внезапное (например, из-за скачка курса валюты) завышение стоимости инновационного продукта и это обстоятельство может негативно повлиять на вывод продукта на рынок. Но превентивная или экстренная практики антикризисного управления могут сформировать особую обновлённую инфраструктуру и тем самым не только поддержать производство инновационного продукта, но и оставаться основным элементом воздействия в антикризисном управлении, предотвращая кризисы.

Объективно, в текущих условиях отрасль продолжает меняться, машиностроительные предприятия демонстрируют рост объёмов производства, последовательно, шаг за шагом вводятся самые инновационные технологические решения. В среднесрочной перспективе предполагается интенсивное вторжение искусственного интеллекта и интеллектуального обучения в производственный процесс. Прогнозируется, что уже в текущем году удельный вес автоматизации в машиностроении составит около пятидесяти процентов, что даст возможность сократить производственные издержки и усилить разработку и выпуск продукции. Важно отметить, что такой прогресс потребует формирования новых рабочих мест, повышения квалификации персонала, специализирующегося на ремонте, сервисном и техническом обслуживании роботизированного оборудования, тем самым повысится уровень занятости.

Текущая практика, однако, говорит о том, что инновационно направленные машиностроительные предприятия продуцируют инновационную и высокоёмкую продукцию ограничено. Ограничения выступают, во-первых, из-за устаревшего уровня технологий, как

правило, в краткосрочном и среднесрочном периодах. Во-вторых, из-за барьеров, уже на протяжении длительного времени затрудняющих доступ к технологиям даже среднего уровня и из-за привычного уже расширения интервала в технологической зависимости производственного аппарата в сравнении с ведущими экономиками мира. Выделяют следующие расширения интервала или так называемые «разрывы»: цивилизационный, преодоление которого потребует масштабного экономического потенциала и высокой институциональной адаптивности; технологический разрыв — или разрыв предложения при нехватке на рынке технологий; разрыв локализации — разрыв при дефиците самостоятельно производимых средств производства.

Охват собственного рынка в России недостаточно велик, на глобальном же рынке технологий долго ещё будет наблюдаться доминирование Китая [8]. В этом аспекте доступ к импортным технологиям и их компонентам для нашей страны пока не перекрыт. Но учитывая этот аспект, Евросоюз и США прониклись глубоким осознанием своей зависимости от КНР и прилагают существенные попытки для снижения китайского доминирования. Но дело в том, до какого уровня правительство России намерено усиливать технологическую подневольность от КНР и в какой мере допустимо будет не преодолевать эту подневольность.

Однако, нужно осознавать, что в сложившейся ситуации имеется ряд благоприятных аспектов. Прежде всего, это простор для дружественных и отечественных участников на российском рынке технологий. Принятие в начале 2023 г. новых документов по отраслевому развитию даёт возможность оценить масштаб финансирования и выявить оптимальный баланс между внутренним и дружественным импортозамещением. К примеру, по вектору развития науки, промышленности и технологий разработаны пять программ: «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности», «Развитие авиационной промышленности», «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности», «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», «Развитие судостроения и техники для освоения шельфовых месторождений», что на федеральном уровне показывает видение на долгосрочный период [9].

При готовности к реализации отраслевого развития в контексте технико-технологического перевооружения экономики, запустить процесс можно было бы, по мнению ряда исследователей, например, совмещая отдельные технопарки, технологические и машиностроительные площадки «под существующий инвестиционный спрос с единым координационным центром» [10], что нарастило бы производство наукоёмкой продукции гражданского назначения [11]. И если к концу 2025 года объём продукции гражданского назначения должен со-

ставить 30 %, то к 2030 году — возрасти до 50 % [12]. Для этого формируются гарантированные заказы на выпуск гражданской продукции предприятиями машиностроения. К тому же, по сути, без риска при выполнении заказов могут принимать участие банки, иные финансовые институты.

Однако, недостаточный объём выпуска инновационной продукции обусловлен сегодня и недостаточным интересом предпринимателей, которые пока не видят для себя более выгодных условий или преимуществ. Затягивает наращивание модернизации инновационно заинтересованных предприятий и перманентные обсуждения вопросов, решения которых заведомо прописаны в Бюджетном кодексе [13].

Как мы видим, сегодня глубинные причины, порождающие материально-технологические сложности предприятий, ещё не устранены: это и деградирование предприятий, это и износ основных фондов промышленных субъектов [14], это и слабая отраслевая база, это и деформация персонала среднего сегмента, напрямую выполняющего инновационные разработки. У частного предпринимательского сектора отсутствуют в нужных объёмах ресурсы для научно-технологического развития [15]. Государственное же финансирование гражданской науки в текущем году должно достичь 2,9 % расходов госбюджета, или 850 млрд руб. [16].

Имеют место и факторы, увеличивающие деструктивное состояние предприятий, когда, например, инновации порой не дают желаемой прибыли и необходимо использовать отдельные управленческие приёмы, что влечёт риски.

Понятно, что структурная модернизация предприятий машиностроительного комплекса ещё определённый период будет иметь характер догоняющего развития, а модель инновационного развития останется перспективной возможностью. Серьёзное продвижение структурной модернизации предприятий машиностроения станет возможным при ускоренном развитии их инфраструктуры, при усилении как индустриального, так и инновационного потенциала, на что, однако, потребуются самые серьёзные финансовые затраты.

В связи с анализом проблемы представляют интерес отдельные изменения в преимуществах технологического развития — этому способствует Концепция технологического развития, принятая на период до 2030 года и отражающая необходимость развития машиностроительной отрасли [17], которая обозначила приоритетом достижение технологического суверенитета, наличие отечественных критических и сквозных технологий [18].

С этой точки зрения наращивание инновационной активности предприятий в условиях ограничения мате-

риального, научного, кадрового потенциала объективно потребует разработки технологических предпочтений и их технографической сегментации. Эти требования означают спрос на выявление новых предпочтений, в рамках которых важно выработать и реализовать новую технологическую политику, в которой при благоприятных условиях отражалась динамика экономической ситуации, определялась бы база формирования технологических приоритетов.

Опять-таки, цели наращивания инновационной активности предприятий отрасли пока остались по большей части нереализованными. Так, анализ показывает, что «реализация стратегии инновационного развития машиностроения предполагает непрерывное управление инновационными процессами, приведение параметров деятельности предприятий согласно требованиям рынка, выражающихся в развитии конкурентоспособности на основе использования технологий, соответствующих уровню научно-технического прогресса» [19].

Инновационный рост отрасли можно было бы реализовать путём технико-технологического перевооружения предприятий, однако, в 2025 году ожидается конъюнктурное сокращение объёмов производства на предприятиях машиностроения, в частности, в автомобилестроении, в железнодорожном и сельскохозяйственном машиностроении, в производстве металлургического оборудования [20].

Усилить инновационный потенциал можно было через активизацию отечественного авиапрома, однако самолёт МС-21 в 2025 году не будет запущен в производство, как и не ожидается серийного выпуска самолётов Ту-214, сборка которого, возможно, начнётся в 2025–2026 годах, и SSJ 100 New, оснащённого отечественными двигателями. На 2025–2026 гг. намечена поставка на рынок самолётов Ил-114-300 и Ил-96-300, которые, однако, выпускаются в считанных экземплярах.

С другой стороны, эксперты считают, что модернизировать самолёт Ту-214, не имеет смысла, так как разработан более совершенный самолёт нового поколения этого же класса — МС-21, который можно будет массово производить, применяя современные технологии.

Понятно, что в условиях санкционных ограничений снижены инновационные процессы, снижено внедрение новых разработок, применяемых в машиностроении — результат: например, в 2024 году, не был произведён ни один пассажирский самолёт, и, скорее всего, последняя производственная программа по выпуску гражданской авиационной техники на ближайшие пять лет будет скорректирована с 609 до 235 самолётов и вертолётотов. Одна из причин в том, что Россия не может опираться на совместную международную работу, кооперацию поставщиков из широкой группы стран.

Понятно, что в создавшихся условиях обновление парка гражданской авиационной техники потребует воссоздать технологическую базу по всей стране, что по мнению А.Е. Злобина, бывшего в своё время начальником сектора «Двигатели летательных аппаратов» ЦИАМ, сродни восстановлению территориальной целостности страны, функционирование которой затруднительно без многофункциональной и многочисленной авиации. Предстоит работа по восстановлению производственных цепочек, профессиональных компетенций, научных и инженерных школ, что должно обеспечить безотносительность отечественной гражданской авиации от импортозамещения элементной базы, программного обеспечения и т.п. и требует новой индустриализации отрасли. Для этого работают конструкторские бюро, такие как Ульяновский филиал ПАО «Туполев», корпорация «Иркут», Центральный аэрогидродинамический институт имени профессора Н.Е. Жуковского (ЦАГИ) и ряд других, приняты инвестиционные программы по развитию авиатранспортной отрасли, в частности, до 2030 года, на эти цели запланировано выделить из бюджета более 770 млрд рублей.

Наряду с авиапромом, не менее значимой промышленной отраслью по линии производства инновационной продукции в контексте структурной модернизации выступает сельскохозяйственное машиностроение.

Конечно, на мировом рынке машиностроения как составной части глобального хозяйства, конкурентоспособность России не имеет сегодня видимого значения — объём инновационных технологий, как и производство сельскохозяйственной техники сокращается. Данные статистики, следующие: в 2024 году, в частности, выпуск сеялок и тракторов как важной техники, используемой для интенсификации работ, сократился на 6,7 % в сравнении с соответствующим периодом 2023 года, составив 7,3 тыс. штук. Производство сеялок таково: в 2024 году произведено 7,5 тыс. шт., что на 31,9 % меньше в сравнении с соответствующим периодом 2023 года [21].

Снижение производства данной группы сельскохозяйственной техники произошло по ряду причин: во-первых, этому способствовала экономическая нестабильность, вызванная обоюдными санкциями, что не могло не сказаться негативно на спросе, когда сокращались инвестиции и многочисленные мелкие и даже более крупные аграрные предприятия столкнулись с сокращением обновления парка. Последствием стало и то, что агропроизводители не смогли в полном объёме поддержать соответствующие масштабы производства. Тем самым, можно говорить об отсутствии стимулов к инновационному росту и структурной модернизации. К тому же, развитие отрасли стало сдерживаться повышенными процентными ставками.

Вместе с тем, имеются и благоприятные аспекты: с начала текущего года введена долгосрочная шкала индексации утилизационного сбора на отдельные модели сельхозтехники, что должно снизить финансовую нагрузку на агропроизводителей.

Как показывает анализ, отечественное машиностроение находится в затруднительном положении. Сокращение производства техники в агросекторе, как и в авиапроме диктует принятие комплексных мер для поддержки машиностроительной отрасли. В этой связи управление инновационной активностью требует владения практиками антикризисного управления, что характеризуется условиями неопределённости, в противном случае могут возникнуть серьёзные последствия для отечественного машиностроительного комплекса.

Преодолеть складывающуюся, можно сказать, типичную ситуацию могли бы возможности российских частных предприятий. Это и их привлечение к разработке продукции, что сократило бы затраты бюджета. Это и участие в акционировании, что усилило бы роль капитала частных предприятий по типу, например, французской авиастроительной компании Airbus, которая в 2024 году поставила на рынок 766 гражданских самолетов. Как к вектору развития частного бизнеса в авиапроме можно отнести и многочисленные возможности нахождения заказчиков.

Приведённые примеры характерны для формирования механизмов поддержки технологических инноваций, и в случае достижения намеченного Концепцией технологического развития, принятой на период до 2030 года, получится придать предприятиям машиностроения направленность роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономика научно-технологического прорыва и суверенитета: Межведомственная рабочая группа по технологическому развитию при Правительственной комиссии по модернизации экономики и инновационному развитию; Институт исследований и экспертизы ВЭБ: научный доклад. — Москва: РУДН, 2024.
2. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Минэкономразвития РФ / <http://static.government.ru/media/files/...>
3. Плотникова Д.А. О сценариях развития отечественного машиностроения. // Пятый российский экономический конгресс. Институт народно-хозяйственного прогнозирования РАН. Екатеринбург, 11–15 сентября 2023 года.
4. Инвестиционная деятельность / под общ. ред. Л.И. Юзвович; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский государственный экономический университет. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021.
5. Годяева Е.А. Инновационное развитие машиностроения в Российской Федерации // Молодой учёный. — 2023. — № 49 (496). — С. 541–544.
6. Управление машиностроительным предприятием: учебное пособие / С.Г. Баранчикова [и др.]. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — С. 173.
7. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О несостоятельности (банкротстве)». Ст.45.
8. Кожевников М.Ю. Борьба за технологический суверенитет: опыт Китая и уроки для России // Проблемы прогнозирования, 2023, № 5. — С.196–209.
9. Сасаев Н.И. Анализ стратегического подхода к отраслевому развитию в России // Стратегирование: теория и практика. — 2023. — Т. 3. — № 3. — С. 348–362.
10. Фролов И.Э. и др. Проблемы перехода к инновационному развитию российской экономики в условиях форсированного импортозамещения // Проблемы прогнозирования, 2023, № 4. — С.67–81.
11. Письмо Министерства промышленности и торговли РФ от 15 мая 2023 г. № ПГ-12-4596 Об определении понятия «продукция гражданского назначения» // <https://www.garant.ru>
12. https://finance.rambler.ru/other/44859159/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
13. Бюджетный кодекс РФ ФЗ от 31.07.1998 г. (в редакции от 03.12. 2011 г.). Ст. 34.
14. Приказ Росстата от 31.07.2023 № 367.
15. Новиков А.С. Научно-технологическая безопасность: предпосылки возникновения и экономическое содержание // Вестник Белорусского государственного экономического университета. — № 2 (163). — 2024. — С.5–17.
16. Газета «Коммерсантъ» №18/П от 03.02.2025. — С.2.
17. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г.» // garant.ru
18. Лебедев Н.А. Таможенная политика в системе экономической политики государства: сущность, этапы, результаты (на примере России XIX века): автореф. дис. ... д-ра экон. наук:08.00.01. — Москва, 2002. — С. 46.
19. Дубровина Н.А. Формирование и реализация стратегии инновационно-технологического развития машиностроения РФ: автореф. дис. ... д-ра экон. наук:08.00.05. — Москва, 2022. — С. 3.
20. Машиностроение. Тенденции и прогнозы. — Выпуск 56. — М., 2024.// e-mail: rating@rian.ru
21. www.graininfo.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Кери Игорь Тальевич

кандидат экономических наук, доцент,
Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова, Москва
keri.it@rea.ru

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ALTERNATIVE ENERGY IN THE RUSSIAN FEDERATION

I. Keri

Summary. The purpose of the work is to study the possibilities and prospects for the development of alternative energy in the Russian Federation. The object of research is alternative energy and renewable energy sources. Research methods: literary analysis and synthesis of information, correlation and regression analysis, forecasting. The article examines the prerequisites for the development of alternative energy in Russia, which are conditioned by the global transition to renewable energy sources. The development of the Russian electric power industry market and its territorial features are investigated. It has been established that the share of electricity generation in the Russian Federation from renewable energy sources is less than 1 %, however, there is a large amount of unused generating capacity from this source. The most significant regions of electric energy consumption have been identified: Central Russia, Siberia, and the Urals. The main problems include: difficulties with investments in alternative energy; the volatility and instability of alternative energy due to the climate; the unsatisfactory state of the economy; heterogeneity and uneven development of Russian regions due to; features of transport infrastructure and electricity transfer. In order to predict the development of energy based on renewable energy sources in Russia, a correlation and regression analysis was carried out. During the analysis, a predictive linear regression model was obtained to predict the development of alternative energy in Russia. The model is based on the following variables: the installed capacity of renewable energy power plants, electricity production as a demand factor, and investments in energy production and distribution as a supply factor. Forecasting the development of alternative energy until 2028 shows steady growth according to the model obtained. Thus, alternative energy in the Russian Federation has growth prospects. The article concludes that accelerating the development of the electric power industry based on renewable energy sources in the future 3–4 years is not advisable, due to the fact that the existing electric power system of the Russian Federation almost completely provides consumption through thermal power plants, nuclear and hydropower. The conclusion of the paper presents the conclusions based on the results of the study.

Keywords: alternative electric power industry, renewable energy sources, state support, regional development.

Аннотация. Целью работы является исследование возможностей и перспектив развития альтернативной энергетики в Российской Федерации. Объект исследования — альтернативная энергетика и возобновляемые источники энергии. Методы исследования: литературного анализа и синтеза информации, корреляционного и регрессионного анализа, прогнозирования. В статье рассмотрены предпосылки к развитию альтернативной энергетики на территории России, которые обусловлены мировым переходом на возобновляемые источники энергии. Исследовано развитие российского рынка электроэнергетики и его территориальные особенности. Установлено, что доля генерации электроэнергии Российской Федерации из ВИЭ менее 1 %, однако существует большой объем незадействованной генерирующей мощности из данного источника. Определены наиболее значимые регионы потребления электрической энергии: Центральная Россия, Сибирь, Урал. К основным проблемам относятся: трудности с инвестициями в альтернативную энергетику; непостоянство и нестабильности альтернативной энергетики из-за климата; неудовлетворительное состояние экономики; неоднородность и неравномерность развития российских регионов в связи; особенности транспортной инфраструктуры и трансферта электроэнергии. С целью прогнозирования развития энергетики на возобновляемых источниках энергии в России проведен корреляционный-регрессионный анализ. В ходе анализа получена прогнозная модель линейной регрессии для прогнозирования развития альтернативной энергетики в России. В основе модели следующие переменные: установленная мощность электростанций на ВИЭ, производство электроэнергии как фактор спроса и инвестиции в производство и распределение энергетики, как фактор обеспечения предложения. Прогнозирование развития альтернативной энергетики до 2028 года показывает устойчивый рост согласно полученной модели. Таким образом у альтернативной энергетики в Российской Федерации есть перспективы роста. В статье делается вывод о том, что ускорение развития электроэнергетики на возобновляемых источниках энергии в перспективе 3–4 года не является целесообразным, по причине того, что существующая электроэнергетическая система Российской Федерации практически полностью обеспечивает потребление за счет тепловых электростанций, атомной и гидроэнергетики. В заключении работы приведены выводы по результатам исследования.

Ключевые слова: альтернативная электроэнергетика, возобновляемые источники энергии, государственная поддержка, региональное развитие.

На сегодняшний день к источникам альтернативной электроэнергетики относятся: вода (гидроэлектростанции); солнечная энергия (гелиоэнергетика); ветер (ветроэнергетика); гидротермальная энергия Земли [5, с. 127]. Преимущества альтернативных источников электроэнергии — это снижение выбросов в атмосферу, экологическая чистота, возобновление, неисчерпаемость, доступность, снижение издержек [2, с. 378]. Переход развитого мира к альтернативному источнику электроэнергии стал очевиден с конца прошлого века, когда стало понятно, что дальнейшее использование ископаемого топлива для производства электроэнергии в совокупности с растущим населением и потребностями экономики может значительно ускорить изменение климата за счет парникового эффекта. В Российской Федерации развитие возобновляемых источников энергии отстаёт от ряда европейских стран, однако, на сегодняшний день в стране существуют все возможности для реализации проектов, связанных с альтернативной энергетикой.

В таблице 1 приведена структура производства и установленной мощности электроэнергии в 2023 году по типам электростанций.

Таблица 1.

Структура производства электроэнергии и установленной мощности электростанций в 2023 г. в Российской Федерации

Тип электростанции	Структура установленной мощности электростанций за 2023 год		Структура производства электроэнергии за 2023 год	
	млн кВт	Процент	млрд кВт·ч	Процент
ТЭС	185,0277	68,1	753,478	63,8
ГЭС	52,7098	19,4	201,951	17,1
АЭС	29,6153	10,9	218,485	18,5
ВИЭ	4,3472	1,6	7,086	0,6
Итого	271,7	100	1181	100

Источник: EES EAEC

Структура установленной мощности электростанций за 2023 год:

ТЭС: $271,7$ (Отчет EES EAEC «Электроэнергетический комплекс России», диаграмма «Установленная электрическая мощность-брутто электростанций России 1990–2023 г.», данные за 2023 г.) * $0,681$ (Отчет EES EAEC «Электроэнергетический комплекс России», диаграмма «Структура установленной мощности электростанций за 2023 год», доля ТЭС в структуре установленной мощности 2023 года) = $185,0277$ млн кВт.

Аналогично для других видов электростанций:

ГЭС: $271,7 * 0,194 = 52,7098$ млн кВт.

АЭС: $271,7 * 0,109 = 29,6153$ млн кВт.

ВИЭ: $271,7 * 0,016 = 4,3472$ млн кВт.

Структура производства электроэнергии за 2023 г.:

ТЭС: 1181 (Отчет EES EAEC «Электроэнергетический комплекс России», диаграмма «Производство электроэнергии-брутто электростанциями России, 1941–2023», данные за 2023 г.) * $0,638$ (Отчет EES EAEC «Электроэнергетический комплекс России», диаграмма «Структура производства электроэнергии за 2023 год», доля ТЭС в структуре производства электроэнергии 2023 года) = $753,478$ млрд кВт. ч.

Аналогично для других видов электростанций:

ГЭС: $1181 * 0,171 = 201,951$ млрд кВт. ч.

АЭС: $1181 * 0,185 = 218,485$ млрд кВт. ч.

ВИЭ: $1181 * 0,006 = 7,086$ млрд кВт. ч.

По данным на 2023 год на тепловые электростанции приходится 64 % производства электроэнергии, на гидроэлектростанции 17,1%, на атомные электростанции 18,5 %, на возобновляемые источники энергии 0,7 %. При чем в структуре установленной мощности доля ВИЭ составляет 4,3 % (Отчет EES EAEC «Электроэнергетический комплекс России», диаграмма «Структура установленной мощности электростанций за 2023 год», доля ВИЭ в структуре установленной мощности 2023 года) [11], что свидетельствует о недостаточной мобилизации генерирующей мощности данного источника для покрытия потребления электроэнергии. Наиболее значимое потребление электроэнергии приходится на Центральную Россию (259, 7 млрд кВт. ч.), Урал (263 млрд кВт. ч.) и Сибирь (229, 9 млрд кВт. ч.). [9].

Далее рассмотрим основные проблемы развития альтернативной энергетики, которые выделяют исследователи. Галушко М.В. выделяет: неравномерность распределения и сложность доставки энергии до потребителя; нестабильность получения энергии из возобновляемых источников [1, с. 426]. Жилина Д.М. выделяет другие проблемы: трудности с инвестициями в альтернативную энергетику; низкий уровень знаний об альтернативных источниках энергии; высокие тарифы на энергию из ВИЭ; непостоянство и нестабильности альтернативной энергетики из-за климата [2, с. 380]. Заблоцкий В.В. считает неперспективным развитие ВИЭ из-за особенностей энергосистемы страны [3, с. 73]. Захаров А.Н. выделяет проблемы недостаточного развития стандартов зеленой энергии и отсутствие полностью «зеленых» компаний на рынке альтернативной электроэнергии [4, с. 40]. Зингер Е.Ю. выделяет экономические проблемы: неудовлетворительное состояние экономики, дефицит средств на развитие альтернативной энергетики и сокращение финансирования [5, с. 128]. Лебедева М.А. в своем исследовании к основным проблемам развития

альтернативной энергии относит: неоднородность и неравномерность развития российских регионов в связи; особенности транспортной инфраструктуры и трансферта электроэнергии в регионах крайнего Севера; низкую плотность населения регионов крайнего Севера; недостаточность сырья и ресурсов, а также спроса на альтернативную энергетику [6, с. 62].

Для прогнозирования развития альтернативной энергетики необходимо составить прогнозную модель. Перспективы развития альтернативной энергетики могут зависеть от множества влияющих факторов, но наиболее значимые из них — спрос и предложение. В таблице 2 приведены переменные, использованные для построения модели линейной регрессии. Данные выбраны за период с 2013 по 2023 г.

В таблице 3 приведен расчет коэффициентов корреляции для построения модели прогнозирования развития альтернативной энергетики в Российской Федерации.

Таким образом, корреляция составит:

$$r_{yx_1} = \frac{\sum(x_1 - \bar{x}_1) \cdot (y - \bar{y})}{\sqrt{\sum(x_1 - \bar{x}_1)^2 \cdot \sum(y - \bar{y})^2}} = \frac{1179000,7}{\sqrt{68435662,7 \cdot 23816,9}} = 0,923$$

Таблица 2.

Описание переменных для построения модели прогнозирования развития альтернативной энергетики в Российской Федерации

Наименование	Описание	Ед. изм.	Источник данных
Зависимая переменная: развитие альтернативной энергетики (Y)	Установленная мощность электростанций на основе ВИЭ	млн кВт.	Деловой профиль
Влияющая переменная 1: спрос на электроэнергию (X ₁)	Производство электроэнергии brutto	млрд кВт·ч	EES EAEC
Влияющая переменная 2: фактор обеспечения предложения на рынке электроэнергии (X ₂)	Инвестиции в производство и распределение электроэнергии	млрд руб.	Федеральная служба государственной статистики

$$r_{yx_2} = \frac{\sum(x_2 - \bar{x}_2) \cdot (y - \bar{y})}{\sqrt{\sum(x_2 - \bar{x}_2)^2 \cdot \sum(y - \bar{y})^2}} = \frac{1146057,1}{\sqrt{68435662,7 \cdot 25577,9}} = 0,867$$

Таблица 3.

Расчет коэффициентов корреляции для построения модели прогнозирования развития альтернативной энергетики в Российской Федерации

Год	Y	X ₁	X ₂	(Y - \bar{Y}) * (X ₁ - \bar{X}_1)	(Y - \bar{Y}) * (X ₂ - \bar{X}_2)	(Y - \bar{Y}) ²	(X ₁ - \bar{X}_1) ²	(X ₂ - \bar{X}_2) ²
2013	136	1059	895,6	154603,9	138896,7	7250453,8	3296,7	2660,8
2014	198	1064	923,7	137890,8	61776,8	6920407,1	2747,5	551,5
2015	270	1068	917,9	123882,1	74926,3	6546775,1	2344,2	857,5
2016	795	1091	866	51689,0	165099,8	4135800,1	646,0	6590,7
2017	1137	1094	917,3	37921,5	50552,6	2861736,1	502,5	893,0
2018	1730	1115	933,9	1556,4	14594,0	1207068,4	2,0	176,4
2019	2092	1121	946,8	-3376,4	282,4	542677,8	21,0	0,1
2020	4131	1090	988,5	-34403,3	53808,1	1696072,1	697,8	1707,1
2021	5364	1159	979,5	107962,9	81933,5	6427915,1	1813,3	1044,4
2022	5782	1170	988,4	158249,4	121726,6	8722177,8	2871,2	1698,8
2023	6121	1181	966,4	212629,9	63267,7	10839458,8	4171,0	369,3
2024	6188	1185	1042,2	230394,3	319192,7	11285120,4	4703,7	9028,2
Сумма	33944,00	13397,00	11366,20	1179000,7	1146057,1	68435662,7	23816,9	25577,9
Среднее	2828,67	1116,42	947,18	98250,1	95504,8	5702971,9	1984,7	2131,5

Полученные в ходе анализа корреляции, показывают устойчивую взаимосвязь зависимой переменной и влияющих переменных. Коэффициент корреляции между производством электроэнергии брутто и установленной мощностью электростанций составляет 0,923; между инвестициями в производство и распределение электроэнергии и установленной мощностью электростанций на ВИЭ — 0,867.

Для получения итоговой модели прогнозирования развития альтернативной энергетики в Российской Федерации был проведен регрессионный анализ. Расчет коэффициентов линейной регрессии приведен в таблице 4.

Таким образом, найдем коэффициенты множественной линейной регрессии по методу наименьших квадратов:

$$\begin{cases} a_1 \sum_{i=1}^{12} x_1 + a_2 \sum_{i=1}^{12} x_2 + ab = \sum_{i=1}^{12} y \\ a_1 \sum_{i=1}^{12} x_1^2 + a_2 \sum_{i=1}^{12} x_1 x_2 + b \sum_{i=1}^{12} x_1 = \sum_{i=1}^{12} y x_1 \\ a_1 \sum_{i=1}^{12} x_1 x_2 + a_2 \sum_{i=1}^{12} x_2^2 + b \sum_{i=1}^{12} x_2 = \sum_{i=1}^{12} y x_2 \end{cases}$$

$$\begin{cases} a_1 13397 + a_2 11366,2 + 12b = 33944; \\ a_1 14980451 + a_2 12708026,8 + 13397b = 39074648; \\ a_1 12708026,8 + a_2 10791453,1 + 11366,2b = 33297248,2. \end{cases}$$

Получены коэффициенты множественной линейной регрессии: $b = (-53959,3)$; $a_1 = 33,58$; $a_2 = 20,36$.

Коэффициент детерминации составит:

$$R^2 = \left(\frac{\sqrt{r_{yx1}^2 + r_{yx2}^2 - 2r_{yx1}r_{yx2}r_{x2x1}}}{1 - r_{x1x2}^2} \right)^2 = \left(\frac{\sqrt{0,853 + 0,750 - 2 \cdot 0,923 \cdot 0,866 \cdot 0,754}}{1 - 0,568} \right)^2 = 0,845$$

Таким образом около 85 % зависимой переменной можно объяснить независимой переменной или переменными, что говорит о высокой тесноте связи между отобранными переменными даже несмотря на небольшое число наблюдений.

Далее проведем оценку значимости различия дисперсий двух случайных выборок по критерию F для соответствия уравнению распределению Фишера.

$$F = \frac{\sum (\hat{y}_x - \bar{y})^2}{\sum (y - \hat{y}_x)^2} \cdot (n - 2) = \frac{62940812,1}{5494850,6} \cdot 10 = 114,5$$

Значение F — критерия 114,5 > 60,1 (табличное значение критерия Фишера для 12 значений переменных и 1 степени свободы). Таким образом, полученные дисперсии значимо различаются и получены случайно. Уравнение статистически значимо.

Таблица 4.

Расчет коэффициентов линейной регрессии для построения модели прогнозирования развития альтернативной энергетики в Российской Федерации

Год	Y	X ₁	X ₂	X ₁ ²	X ₂ ²	YX ₁	YX ₂	X ₁ X ₂
2013	136	1059	895,6	1121481	802099,36	144024	121801,6	948440,4
2014	198	1064	923,7	1132096	853221,69	210672	182892,6	982816,8
2015	270	1068	917,9	1140624	842540,41	288360	247833	980317,2
2016	795	1091	866	1190281	749956	867345	688470	944806
2017	1137	1094	917,3	1196836	841439,29	1243878	1042970,1	1003526,2
2018	1730	1115	933,9	1243225	872169,21	1928950	1615647	1041298,5
2019	2092	1121	946,8	1256641	896430,24	2345132	1980705,6	1061362,8
2020	4131	1090	988,5	1188100	977132,25	4502790	4083493,5	1077465
2021	5364	1159	979,5	1343281	959420,25	6216876	5254038	1135240,5
2022	5782	1170	988,4	1368900	976934,56	6764940	5714928,8	1156428
2023	6121	1181	966,4	1394761	933928,96	7228901	5915334,4	1141318,4
2024	6188	1185	1042,2	1404225	1086180,84	7332780	6449133,6	1235007
Сумма	33944,0	13397,0	11366,2	14980451	10791453,1	39074648	33297248,2	12708026,8

В программе IBM SPSS рассчитаны другие параметры, модели для определения ее надежности и статистической значимости коэффициентов (Таблица 5). Стандартная ошибка показывает точность модели. Для X_1 и X_2 стандартная ошибка коэффициентов регрессии меньше полученного значения a_1 , a_2 . Значит, при прогнозировании они будут точно соответствовать исходным данным. Для константы значение стандартной ошибки (по модулю) больше полученного значения, значит данный коэффициент может давать неточность при прогнозировании. При анализе коэффициентов Бэты можно сделать вывод, что на 1 млн кВт. мощности электростанций на ВИЭ, производство электроэнергии увеличивается на 0,627 млрд кВт.ч., а инвестиции в производство и распределение электроэнергии на 0,394 млрд руб. Полученные значения критерия t-Стьюдента показывают, что коэффициенты, полученные методом наименьших квадратов. При уровне значимости 0,05 табличное значение составляет 2,18, что меньше значений в итоговой модели. Таким образом, оба коэффициента могут быть включены в модель.

Таблица 5.

Сводный данные по модели прогнозирования развития альтернативной энергетики в Российской Федерации

Модель	Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t-критерий Стьюдента
	B	Стандартная ошибка	Бета	
1	(Константа)	-53959,624	5684,264	9,493
	X1	33,587	7,709	0,627
	X2	20,367	7,439	0,394

Таким образом, полученная модель линейной регрессии и ее коэффициенты статистически значимы и могут быть использованы для дальнейшего прогнозирования производства электроэнергии на ВИЭ в Российской Федерации.

Регрессионный анализ позволил определить модель линейной регрессии для составления прогноза:

$$y = -53959,3 + 33,58 * x_1 + 20,36 * x_2$$

Для построения дальнейшего прогноза развития альтернативной энергетики также требуются данные по влияющим переменным: производство электроэнергии брутто, инвестиции в производство и распределение электроэнергии. Они будут получены на основе линейного трендового прогноза временного ряда до 2028 г. (Таблица 6)

Определим уравнения тренда для переменных X_1 и X_2 :

Таблица 6.

Данные для построения трендового прогноза переменных X_1 и X_2 на 2025–2028 г.

Год	T (период времени)	X_1	X_2	T^2	TX_1	TX_2
2013	1	1059	895,6	1	1059	895,6
2014	2	1064	923,7	4	2128	1847,4
2015	3	1068	917,9	9	3204	2753,7
2016	4	1091	866	16	4364	3464
2017	5	1094	917,3	25	5470	4586,5
2018	6	1115	933,9	36	6690	5603,4
2019	7	1121	946,8	49	7847	6627,6
2020	8	1090	988,5	64	8720	7908
2021	9	1159	979,5	81	10431	8815,5
2022	10	1170	988,4	100	11700	9884
2023	11	1181	966,4	121	12991	10630,4
2024	12	1185	1042,2	144	14220	12506,4
Сумма		78,0	13397,0	11366,2	650,0	88824,0
Среднее		6,5	1116,4	947,2		

$$b_1 = \frac{\sum TX_1 - 12 \cdot \bar{T} \cdot \bar{x}_1}{\sum T^2 - 12 \cdot \bar{T}^2} = \frac{88824 - 12 \cdot 6,5 \cdot 1116,4}{650 - 12 \cdot 42,25} = 12,19$$

$$a_1 = \bar{X} - b_1 \bar{T} = 1116,4 - 12,19 \cdot 6,5 = 1037,16$$

Таким образом, уравнение тренда для $X_1 = 1037,16 + 12,19 \cdot T_i$

$$b_2 = \frac{\sum TX_2 - 12 \cdot \bar{T} \cdot \bar{x}_2}{\sum T^2 - 12 \cdot \bar{T}^2} = \frac{75522,5 - 12 \cdot 6,5 \cdot 947,2}{650 - 12 \cdot 42,25} = 11,48$$

$$a_2 = \bar{X} - b_2 \bar{T} = 947,2 - 11,48 \cdot 6,5 = 872,53$$

Таким образом, уравнение тренда для $X_2 = 872,53 + 11,48 \cdot T_i$

Составим линейный прогноз на 2025–2028 для переменных X_1 и X_2 :

$$X_{1(2025)} = 1037,16 + 12,19 \cdot 13 = 1195,67 \text{ млрд кВт. ч.}$$

$$X_{1(2026)} = 1037,16 + 12,19 \cdot 14 = 1207,86 \text{ млрд кВт. ч.}$$

$$X_{1(2027)} = 1037,16 + 12,19 \cdot 15 = 1220,05 \text{ млрд кВт. ч.}$$

$$X_{1(2028)} = 1037,16 + 12,19 \cdot 16 = 1232,24 \text{ млрд кВт. ч.}$$

$$X_{2(2025)} = 872,53 + 11,48 \cdot 13 = 1021,83 \text{ млрд руб.}$$

$$X_{2(2026)} = 872,53 + 11,48 \cdot 14 = 1033,31 \text{ млрд руб.}$$

$$X_{2(2027)} = 872,53 + 11,48 \cdot 15 = 1044,8 \text{ млрд руб.}$$

$$X_{2(2028)} = 872,53 + 11,48 \cdot 16 = 1056,28 \text{ млрд руб.}$$

Таким образом, подставим полученные прогнозные значения переменных X_1 и X_2 в модель множественной линейной регрессии:

$$\hat{Y}_{2025} = -53959,6 + 33,58 \cdot 1195,67 + 20,36 \cdot 1021,83 = 7010,7 \text{ млн кВт.}$$

$$\hat{Y}_{2026} = -53959,6 + 33,58 \cdot 1207,86 + 20,36 \cdot 1033,31 = 7654,1 \text{ млн кВт.}$$

$$\hat{Y}_{2027} = -53959,6 + 33,58 \cdot 1220,05 + 20,36 \cdot 1044,8 = 8297,5 \text{ млн кВт.}$$

$$\hat{Y}_{2028} = -53959,6 + 33,58 \cdot 1232,24 + 20,36 \cdot 1056,28 = 8940,9 \text{ млн кВт.}$$

Построим график по полученным данным. На рисунке 1 приведен прогноз развития альтернативной энергетики с учетом полученной модели развития альтернативной энергетики в Российской Федерации.

Таким образом, при увеличении инвестиций в развитие электроэнергетики и повышении спроса на производство и распределение электрической энергии, установленная мощность электростанций на основе ВИЭ может увеличиться с 6188 млн кВт. в 2024 году до 8940,9 млн кВт. в 2028 г. Таким образом, альтернативная энергетика и вложения в эту отрасль являются перспективными на горизонте в ближайшие 3–4 года. Для этого потребуются инвестиции в развитие энер-

гетики всех типов в размере 1021,8–1056,28 млрд руб. в 2025–2028 г. Фактором спроса выступает переменная «производство электроэнергии брутто», которая согласно трендовому прогнозу в 2028 году достигнет 1232,24 млрд кВт. ч. Таким образом можно сделать вывод о том, что альтернативная энергетика в будущем может развиваться быстрее, однако увеличение ее доли с учетом наличия существующих источников энергии не является целесообразным. Генерируемая мощность в 1159–1181 млрд кВт на 99,3 % обеспечивается за счет гидроэнергетики, атомной энергетики и тепловых электростанций. Производство электроэнергии за последние 5–7 лет практически полностью покрывает спрос у населения и промышленности, поэтому в ближайшие годы ускорение темпов развития ВИА не целесообразно.

В ходе теоретического анализа выделены наиболее значимые проблемы развития альтернативной энергетики в Российской Федерации: неравномерность распределения и сложность доставки энергии до потребителя; трудности с инвестициями в альтернативную энергетику; непостоянство и нестабильности альтернативной энергетики из-за климата; неудовлетворительное состояние экономики; неоднородность и неравномерность развития российских регионов в связи; особенности транспортной инфраструктуры и трансферта электроэнергии. Установлено, что доля генерации электроэнергии Российской Федерации из ВИЭ менее 1 %, однако существует большой объем незадействованной генерирующей мощности из данного источника. На основе проведенного корреляционного регрессионного анали-

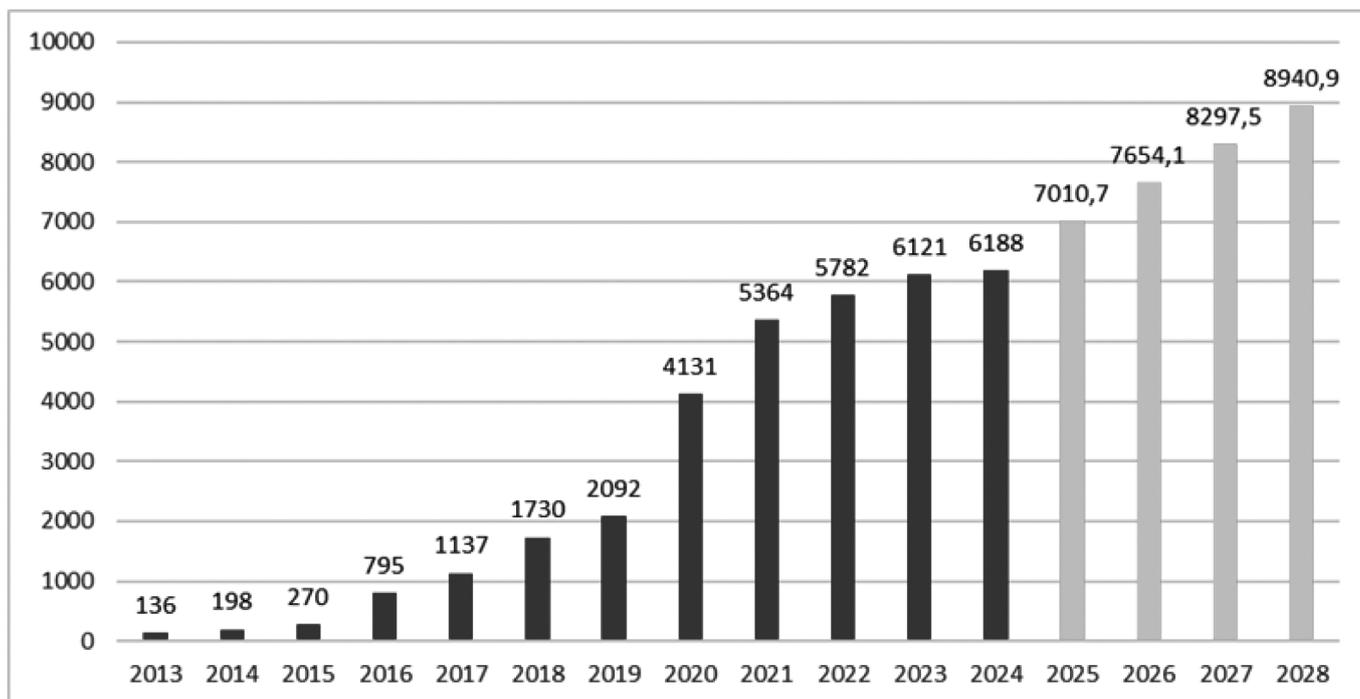

Рис. 1. Прогноз развития альтернативной энергетики в России (Установленная мощность электростанций на основе ВИЭ, млн кВт.)

за, установлены перспективы развития альтернативной энергетики в России. Полученное уравнение регрессии позволяет спрогнозировать рост установленной мощности электростанций на ВИЭ до 8940,9 млн кВт. в 2028 г. Однако ускорение темпов развития электро-

станций на ВИЭ, а также инвестиции в них не являются целесообразными, так как существующая электроэнергетическая система Российской Федерации практически полностью обеспечивает потребление за счет тепловых электростанций, атомной и гидроэнергетики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галушко, М.В. Основные проблемы и перспективы развития рынка ВИЭ в России / М.В. Галушко, С.А. Дедеева // Развитие и взаимодействие реального и финансового секторов экономики в условиях цифровой трансформации: материалы Международной научно-практической конференции, Оренбург, 24–25 ноября 2021 года. — 2021. — С. 422–428.
2. Жилина, Д.М. Проблемы и перспективы развития рынка возобновляемых источников энергии в России / Д.М. Жилина // Новая экономика, бизнес и общество: Сборник материалов Апрельской научно-практической конференции молодых исследователей, Владивосток, 11 апреля. 2022 года. — 2022. — С. 376–382.
3. Заблоцкий, В.В. Состояние и тенденции развития альтернативной энергетики в России / В.В. Заблоцкий, С.И. Тынянкин, Е.С. Тынянкина // Наука, образование, производство в решении экологических проблем (Экология-2022): Материалы XVIII Международной научно-технической конференции. В 2-х томах, Уфа, 01–15 мая 2022 года. Том 1. — 2022. — С. 71–75.
4. Захаров, А.Н. Развитие альтернативной энергетики в России с учётом китайского опыта / А.Н. Захаров, А.А. Карпова // Российский внешнеэкономический вестник. — 2022. — № 5. — С. 34–45.
5. Зингер, Е.Ю. Перспективы и проблемы развития современной альтернативной энергетики в России / Е.Ю. Зингер // Молодежь. Наука. Творчество: Материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции — 2021. — С. 125–128.
6. Лебедева, М.А. Предпосылки и проблемы развития альтернативной энергетики в субъектах Европейского Севера России / М.А. Лебедева // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. — 2021. — № 3. — С. 58–74. — DOI 10.17586/2310-1172-2021-14-3-58-74.
7. Соколов, А.А. Перспективы развития альтернативной энергетики в регионах степной зоны России / А.А. Соколов, О.С. Руднева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2020. — № 6(440). — С. 49–55.
8. Инвестиции в нефинансовые активы. [Электронный ресурс]: Федеральная служба государственной статистики. — URL: https://rosstat.gov.ru/investment_nonfinancial (Дата обращения: 10.12.2024).
9. Отчет о функционировании ЕЭС России в 2023 году. — [Электронный ресурс]: Системный оператор единой энергетической системы. — URL: https://www.so-ups.ru/fileadmin/files/company/reports/disclosure/2024/ups_rep2023.pdf (Дата обращения: 10.12.2024).
10. Перспективы развития возобновляемых источников энергии в России и крупнейшие генерирующие компании [Электронный ресурс]: Деловой профиль. — URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/perspektivy-razvitiya-vozobnovlyаемых-istochnikov-energii-v-rossii-i-krupneyshie-generiruyushchie-k/> (Дата обращения: 10.12.2024).
11. Электроэнергетический комплекс России. — [Электронный ресурс]: EES EAEC. — URL: <https://www.eeseaec.org/elektroenergeticeskij-kompleks-rossii> (Дата обращения: 10.12.2024).

© Кери Игорь Тальевич (keri.it@rea.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫМИ ПРОЦЕССАМИ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ

THE IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION ON THE EFFICIENCY OF MANAGING MANUFACTURING PROCESSES AND THE COMPETITIVENESS OF THE ENTERPRISE

**A. Konyushkov
M. Shelikhan**

Summary. The article examines the impact of digital transformation on the efficiency of managing production processes and the competitiveness of enterprises. The relevance of the topic is driven by the rapid development of digital technologies and the necessity of their integration into business processes to maintain competitive advantages. The aim of the research is to develop a framework for implementing digital transformation to enhance the competitiveness and efficiency of enterprises. The study discusses the key elements of digital transformation and analyzes their effects on companies' operations. Based on the analysis of statistical data and the experiences of leading companies, the most sought-after digital technologies in modern business are identified. An algorithm for implementing digital transformation is proposed, which includes assessing the current state of the enterprise, developing a strategy, determining the necessary technologies and staff skills, as well as methods for evaluating the effectiveness of transformations. Special attention is given to the role of the human factor in the digital transformation process. A structure for assessing the impact of digital transformation on the efficiency and competitiveness of enterprises is presented. The conclusion emphasizes the necessity of implementing a digital transformation strategy to ensure business growth and development under current conditions.

The study employs methods of analysis, description, and comparison, as well as scientific, systemic, and innovative approaches. Various definitions of digital transformation proposed by domestic and foreign researchers are considered. The results of implementing digital transformation in companies are analyzed, including increases in profits, operational efficiency, and customer satisfaction. Key success factors for digital transformation are identified, such as having a clear strategy, support from leadership, the development of digital skills among staff, and the establishment of an appropriate corporate culture. The importance of continuous monitoring and evaluation of the results of digital transformation for strategy adjustment is emphasized. The practical significance of the research lies in the development of specific recommendations for implementing digital transformation in enterprises across various industries.

Keywords: digital transformation; competitiveness; operational efficiency; innovative technologies; implementation strategy; business processes; human factor; digital competencies; artificial intelligence; data analysis; corporate culture; performance evaluation.

Конюшков Андрей Игоревич

преподаватель, ФГБОУ ВО Дальневосточный
государственный аграрный университет
konyushkov.99@mail.ru

Шелихан Максим Юрьевич

аспирант, ФГБОУ ВО Дальневосточный
государственный аграрный университет
5695577ii@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровой трансформации на эффективность управления производственными процессами и конкурентоспособность предприятий. Актуальность темы обусловлена стремительным развитием цифровых технологий и необходимостью их внедрения в бизнес-процессы для сохранения конкурентных преимуществ. Цель исследования — разработать структуру методики внедрения цифровой трансформации для повышения конкурентоспособности и эффективности предприятий. В работе рассмотрены ключевые элементы цифровой трансформации, проанализировано их влияние на деятельность компаний. На основе анализа статистических данных и опыта ведущих компаний выявлены наиболее востребованные цифровые технологии в современном бизнесе. Предложен алгоритм внедрения цифровой трансформации, включающий оценку текущего состояния предприятия, разработку стратегии, определение необходимых технологий и навыков персонала, а также методы оценки эффективности преобразований. Особое внимание уделено роли человеческого фактора в процессе цифровой трансформации. Представлена структура методики оценки влияния цифровой трансформации на эффективность и конкурентоспособность предприятий. Сделан вывод о необходимости реализации стратегии цифровой трансформации для обеспечения роста и развития бизнеса в современных условиях.

В исследовании использованы методы анализа, описания и сравнения, а также научный, системный и инновационный подходы. Рассмотрены различные определения цифровой трансформации, предложенные отечественными и зарубежными исследователями. Проанализированы результаты внедрения цифровой трансформации в компаниях, включая повышение прибыли, эффективности деятельности и удовлетворенности клиентов. Выявлены ключевые факторы успеха цифровой трансформации, такие как наличие четкой стратегии, поддержка руководства, развитие цифровых навыков персонала и создание соответствующей корпоративной культуры. Подчеркнута важность постоянного мониторинга и оценки результатов цифровой трансформации для корректировки стратегии. Практическая значимость исследования заключается в разработке конкретных рекомендаций по внедрению цифровой трансформации на предприятиях различных отраслей.

Ключевые слова: цифровая трансформация; конкурентоспособность; операционная эффективность; инновационные технологии; стратегия внедрения; бизнес-процессы; человеческий фактор; цифровые компетенции; искусственный интеллект; анализ данных; корпоративная культура; оценка эффективности.

Актуальность исследуемой проблематики обусловлена экспоненциальным ростом внедрения цифровых технологий, открывающих беспрецедентные возможности для оптимизации бизнес-процессов. Цифровизация оказывает трансформирующее воздействие на широкий спектр отраслей экономики, включая финансовый сектор, здравоохранение, коммерцию, промышленное производство и образование. В ответ на вызовы и новые потребности рынка, многие государства инициировали разработку стратегических программ развития искусственного интеллекта в различных секторах экономики, придавая приоритетное значение целям, связанным с цифровыми инновациями.

В этом контексте, цифровая трансформация приобретает статус императива для повышения эффективности управления предприятиями различных масштабов и отраслевой принадлежности. Внедрение инновационных механизмов и процессов способствует достижению конкурентного преимущества, решению проблем операционной эффективности и повышению уровня удовлетворенности клиентов.

Цель исследования

Основная цель настоящего исследования заключается в разработке комплексной методологической структуры для имплементации процессов цифровой трансформации, направленной на повышение конкурентных преимуществ и операционной эффективности хозяйствующих субъектов.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие исследовательские задачи:

1. Провести всесторонний анализ ключевых компонентов цифровой трансформации;
2. Определить степень корреляции между внедрением цифровых технологий и показателями конкурентоспособности и эффективности предприятий;
3. Разработать алгоритмическую модель внедрения цифровой трансформации.

Материалы и методы

Методология исследования базируется на комплексном применении аналитических, дескриптивных и сравнительных методов. В основу исследования положены научный, системный и инновационный подходы.

Объектом исследования выступают промышленные предприятия, в то время как предметом исследования являются специфические аспекты воздействия цифровой трансформации на конкурентоспособность и эффективность хозяйственной деятельности.

Научная проблематика исследования фокусируется на поиске путей повышения конкурентоспособности и эффективности предприятий посредством интеграции цифровых технологий. В условиях динамично меняющейся бизнес-среды, игнорирование необходимости адаптации к цифровым реалиям может привести к существенному снижению результативности операционной, финансовой и инвестиционной деятельности хозяйствующих субъектов.

Результаты исследований

В последние десятилетия феномен цифровой трансформации стал объектом пристального внимания научного сообщества. Экспоненциальный рост глобального рынка цифровой трансформации свидетельствует о широком признании потенциальных преимуществ данной концепции.

В научной литературе представлен широкий спектр определений цифровой трансформации. Так, С.А. Иноземцева концептуализирует цифровую трансформацию как процесс управления изменениями, вызванными интеграцией цифровых технологий, а также как фактор, способствующий постинтеграционной деятельности компаний [3].

В своем исследовании М.М. Мизаев, С.А.А. Сугаипов и А.А. Шоров акцентируют внимание на масштабности изменений, определяя цифровую трансформацию как применение инновационных цифровых технологий для инициации кардинальных преобразований в бизнесе, оказывающих всеобъемлющее влияние на различные аспекты жизнедеятельности пользователей [6].

Д.С. Куликова предлагает более прагматичный подход, рассматривая цифровую трансформацию через призму конкретных технологических инноваций, таких как мобильные устройства, и их потенциала в области оптимизации бизнес-процессов, повышения качества клиентского сервиса и создания инновационных бизнес-моделей. В данной интерпретации цифровая трансформация рассматривается как источник монетизации цифровых активов [4].

Технологический аспект цифровой трансформации представляет собой комплексную интеграцию передовых инновационных решений, включающих искусственный интеллект, машинное обучение и разнообразные аппаратные средства. Процесс имплементации новых технологических решений, а также оптимизация существующих технологических платформ являются ключевыми факторами в формировании устойчивого конкурентного преимущества, необходимого для обеспечения долгосрочного развития предприятия в условиях цифровой экономики. Эффективное управление

технологическим портфелем требует не только внедрения инноваций, но и постоянной модернизации существующей инфраструктуры, что позволяет организациям адаптироваться к быстро меняющимся рыночным условиям и сохранять лидирующие позиции в своих отраслях [7].

Культурный аспект цифровой трансформации охватывает широкий спектр организационных характеристик, включая модели межличностного взаимодействия сотрудников, паттерны взаимодействия персонала с технологическими системами, а также степень развития цифрового мышления в корпоративной среде. Синергия между корпоративной культурой и эффективным лидерством представляет собой фундаментальный базис успешной реализации стратегии цифровой трансформации. В этом контексте, роль лидеров приобретает особую значимость: они должны обладать четким видением будущего организации, глубоким пониманием трансформации бизнес-процессов и способностью оптимизировать взаимодействие человеческого капитала с технологическими инновациями. Формирование культуры, ориентированной на цифровую трансформацию, требует систематических усилий по развитию цифровых компетенций персонала, созданию атмосферы открытости к инновациям и поощрению инициатив, направленных на оптимизацию бизнес-процессов посредством цифровых технологий [5].

Аналитика данных играет критическую роль в процессе цифровой трансформации, учитывая экспоненциальный рост объемов информации, генерируемой цифровыми системами. Способность эффективно собирать, обрабатывать и интерпретировать big data становится ключевым фактором конкурентоспособности в цифровой экономике. Анализ данных представляет собой комплексный процесс, включающий систематический сбор информации, мониторинг ключевых показателей эффективности и оптимизацию бизнес-процессов на основе полученных идей. Эффективная аналитика данных позволяет организациям принимать более обоснованные решения, прогнозировать рыночные тренды и персонализировать взаимодействие с клиентами, что в конечном итоге приводит к повышению операционной эффективности и росту финансовых показателей [2].

Стратегический аспект цифровой трансформации заключается в разработке всестороннего плана действий, направленного на интеграцию новых или модернизацию существующих цифровых технологий с целью оптимизации бизнес-процессов и увеличения доходности. Эффективная стратегия цифровой трансформации должна учитывать специфику отрасли, текущее положение компании на рынке, доступные ресурсы и долгосрочные цели организации. При этом, стратегическое видение играет ключевую роль в процессе цифровой

трансформации, обеспечивая четкое представление о будущем состоянии организации после успешной имплементации цифровых инициатив. Оно задает направление изменений и служит ориентиром для всех участников трансформационного процесса. Конкретные цели цифровой трансформации могут варьироваться от получения конкурентных преимуществ до повышения эффективности бизнес-процессов и улучшения потребительского опыта.

Оптимизация бизнес-процессов в контексте цифровой трансформации предполагает фундаментальное переосмысление и реструктуризацию операционных моделей с использованием цифровых технологий. Это может включать в себя переход от традиционных форм хранения и обработки информации к облачным решениям, что не только повышает гибкость и масштабируемость бизнес-процессов, но и обеспечивает более эффективное управление документооборотом. Цифровизация бизнес-процессов также способствует повышению прозрачности операций, улучшению координации между различными подразделениями организации и ускорению принятия решений на всех уровнях управления.

Анализ статистических данных, представленных компанией Zipppia, позволяет сделать ряд существенных выводов относительно эффективности имплементации стратегий цифровой трансформации в современном бизнес-ландшафте. Результаты проведенных исследований демонстрируют многогранное позитивное влияние цифровизации на различные аспекты деятельности предприятий [8].

В частности, согласно полученным данным, 56 % топ-менеджеров отмечают прямую корреляцию между внедрением цифровых инноваций и увеличением прибыльности их компаний. Этот показатель свидетельствует о значительном экономическом эффекте цифровой трансформации и ее потенциале в качестве драйвера финансового роста.

Более того, исследование выявило, что 64 % организаций, активно внедряющих цифровые технологии, демонстрируют более высокую эффективность в достижении своих стратегических целей по сравнению с конкурентами. Данный факт подчеркивает роль цифровой трансформации как ключевого фактора конкурентоспособности в современной бизнес-среде.

Значительное внимание в исследовании уделено вопросу повышения операционной эффективности. Так, 40 % респондентов зафиксировали существенный рост эффективности бизнес-процессов в результате цифровизации. Это указывает на потенциал цифровых технологий в оптимизации внутренних операций и повышении производительности труда.

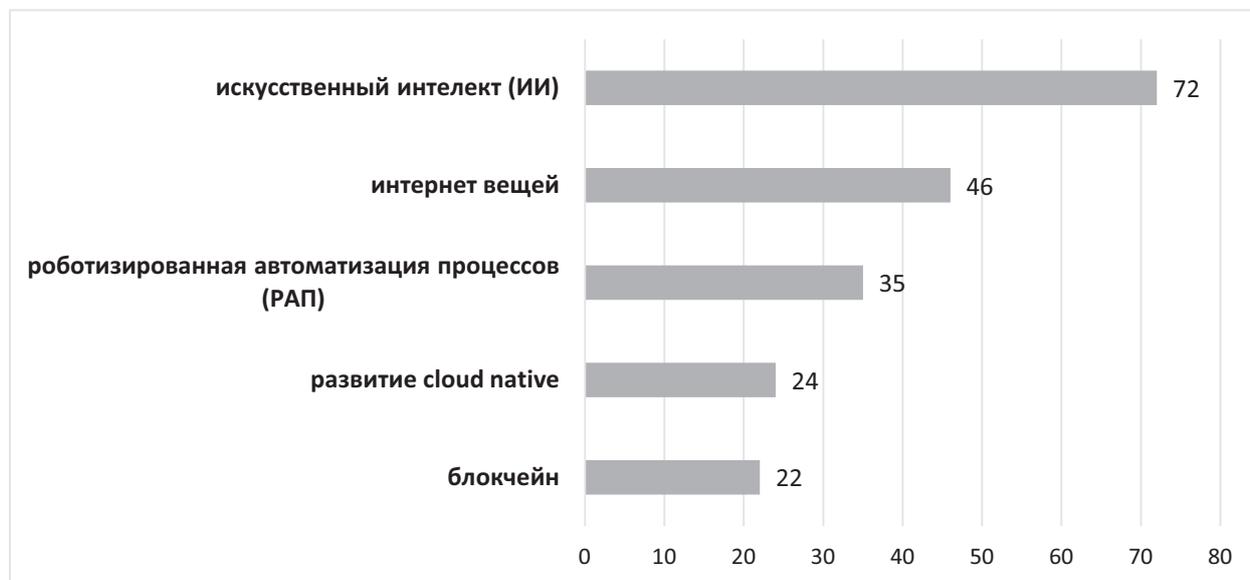

Рис. 1. Процентное распределение приоритетных технологических решений в современном корпоративном секторе

Особо следует отметить влияние цифровой трансформации на удовлетворенность клиентов. Согласно полученным данным, предприятия, инвестировавшие в цифровые инновации, демонстрируют на 35 % более высокий уровень клиентской удовлетворенности. Этот показатель подчеркивает важность цифровизации в контексте улучшения потребительского опыта и укрепления лояльности.

Анализ информации, опубликованной аналитической платформой FinancesOnline.com, позволяет идентифицировать ключевые технологические тренды, доминирующие в современном бизнес-ландшафте [10]. Визуальное представление этих данных, отраженное на рисунке 1, демонстрирует иерархию наиболее востребованных и широко применяемых технологических решений в корпоративном секторе.

Результаты исследований демонстрируют различную степень внедрения инновационных технологий в бизнес-процессы. Наибольшую популярность получил искусственный интеллект (72 %), применяемый для оптимизации деятельности компаний. Концепция интернета вещей, включающая умные датчики и виртуальных помощников, занимает вторую позицию с 46 % внедрения. Технология РАП, основанная на использовании программных роботов, составляет 35 %. Менее распространены подход Cloud Native (24 %) и блокчейн-технологии (22 %).

Алгоритм начинается с определения целей цифровой трансформации и анализа текущего состояния предприятия. Этот этап включает оценку действующей стратегии и корпоративной культуры, анализ применяемых технологий, оценку эффективности бизнес-процессов

и изучение методов взаимодействия с потребителями. Следующий этап предполагает создание стратегии, определение видения и целей цифровой трансформации. Важно обеспечить четкость и понятность целей для всех сотрудников, что способствует их эффективной реализации. Стратегия должна включать планирование необходимых технологий, навыков и ресурсов, а также разработку дорожной карты развития. Ключевым фактором успеха является наличие в компании специалистов, понимающих бизнес-процессы и имеющих опыт внедрения необходимых изменений. Взаимодействие с менеджерами по управлению изменениями также играет важную роль в успешной реализации стратегии цифровой трансформации и её масштабировании в рамках всего предприятия [1].

В контексте цифровой трансформации человеческий фактор играет ключевую роль, однако зачастую руководители недооценивают его значимость, концентрируясь преимущественно на технологических аспектах. Исследование компании «Nash Squared», охватившее 1785 респондентов из 82 стран, выявило, что 70 % руководителей в 2022 году считают недостаток навыков у персонала основным препятствием для своевременной адаптации к изменениям. Это подчеркивает необходимость развития цифровых компетенций у сотрудников для поддержки трансформационных процессов [9].

В рамках цифровой трансформации лидерам необходимо не только убедить персонал в преимуществах перемен, но и создать культуру, способствующую быстрому принятию решений, экспериментированию и инновациям. Важными элементами этого процесса являются регулярная обратная связь, признание вклада сотрудников и поощрение их инициативности. Инвести-

ции в обучение персонала и обеспечение необходимыми инструментами существенно повышают вероятность успешной реализации цифровой трансформации.

Для оценки эффективности цифровой трансформации необходимо определить ключевые показатели успешности. К ним могут относиться: улучшение потребительского опыта, рост производительности труда, увеличение доходов от внедрения цифровых технологий, окупаемость инвестиций, степень внедрения и эффективность цифровых решений. Мониторинг этих показателей позволяет контролировать ход трансформации, своевременно реагировать на возникающие вызовы и корректировать стратегию. При наличии необходимых ресурсов, инструментов и квалифицированного персонала можно приступить к реализации цифровой трансформации, обеспечивая её успешность и эффективность.

Таблица 1.

Структура методологии оценки воздействия цифровой трансформации на производительность и рыночные позиции компаний

Содержание методики	Пояснения
Цель	Оценка текущего уровня готовности предприятия к внедрению цифровых технологий и определение ключевых направлений развития
Задачи	1) Анализ существующей IT-инфраструктуры предприятия; 2) Оценка цифровых компетенций персонала; 3) Выявление потенциальных барьеров для цифровой трансформации; 4) Разработка рекомендаций по подготовке к цифровой трансформации
Подходы	1) Комплексный; 2) Экспертный; 3) Процессный
Методы	1) SWOT-анализ; 2) Анкетирование; 3) Бенчмаркинг; 4) Экспертные оценки.
Результаты	1) Карта готовности предприятия к цифровой трансформации; 2) План мероприятий по повышению уровня готовности; 3) Оценка потенциальных эффектов от внедрения цифровых технологий

Выводы

1. Цифровая трансформация является ключевым фактором повышения конкурентоспособности и эффективности предприятий в современных условиях. Исследование показало прямую корреляцию между внедрением цифровых технологий и улучшением финансовых показателей, операционной эффективности и удовлетворенности клиентов.
2. Успешная цифровая трансформация требует комплексного подхода, включающего технологические, культурные и аналитические аспекты. Особую роль играет развитие цифровых компетенций персонала и формирование соответствующей корпоративной культуры.
3. Ключевыми технологическими трендами в цифровой трансформации являются облачные вычисления, большие данные, искусственный интеллект и Интернет вещей. Их интеграция позволяет предприятиям оптимизировать бизнес-процессы и создавать инновационные продукты и услуги.
4. Эффективность цифровой трансформации зависит от наличия четкой стратегии, поддержки руководства и систематической оценки результатов внедрения цифровых инициатив.

Рекомендации

1. Предприятиям рекомендуется разработать комплексную стратегию цифровой трансформации, учитывающую специфику отрасли и текущий уровень цифровой зрелости организации.
2. Необходимо инвестировать в развитие цифровых компетенций персонала через программы обучения и повышения квалификации. Особое внимание следует уделить формированию культуры инноваций и готовности к изменениям.
3. Рекомендуется начать с пилотных проектов в ключевых бизнес-процессах для оценки эффективности цифровых решений и минимизации рисков при масштабировании.
4. Важно регулярно проводить оценку эффективности цифровой трансформации, используя ключевые показатели эффективности (KPI) и корректируя стратегию на основе полученных результатов.
5. Предприятиям следует рассмотреть возможность создания кросс-функциональных команд для управления процессом цифровой трансформации и обеспечения синергии между различными подразделениями.
6. Рекомендуется уделять особое внимание кибербезопасности и защите данных при внедрении цифровых технологий для минимизации рисков и обеспечения доверия клиентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмаров, А.В. Управление изменениями в условиях цифровой трансформации: как компании могут эффективно адаптироваться к новым бизнес-моделям / А.В. Ахмаров, А.В. Натальсон, А.Б. Темирова // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2023. — Т. 3, № 9(139). — С. 145–150. — DOI 10.36871/ek.up.p.r.2023.09.03.015.
2. Батищев, А.В. Инновации в бизнес-аналитике: трансформация данных в стратегические решения и конкурентное преимущество / А.В. Батищев, А.А. Артамонов, Н.А. Кондратенко, А.В. Волков // Естественно-гуманитарные исследования. — 2023. — № 6(50). — С. 589–596.
3. Иноземцева, С.А. Технологии цифровой трансформации в России / С.А. Иноземцева // Актуальные проблемы экономики, социологии и права. — 2018. — № 1. — С. 44–47.
4. Куликова, Д.С. Цифровизация бизнес-моделей: глобальные тренды и перспективы развития / Д.С. Куликова // Инновации и инвестиции. — 2022. — № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-biznes-modeley-globalnye-trendy-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 22.09.2024).
5. Лебедев, М.С. Влияние цифровизации на развитие корпоративной культуры / М.С. Лебедев // Управление персоналом: современные вызовы и перспективы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 02 марта 2023 года / под науч. ред. Н.А. Александровой, под общ. ред. А.М. Павловой. — Екатеринбург: Уральский государственный университет путей сообщения, 2023. — С. 164–168.
6. Мизаев, М.М. Цифровая трансформация в бизнесе: использование инновационных ИТ-решений / М.М. Мизаев, С.А.А. Сугаипов, А.А. Шоров // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 104-14. — С. 73–75. — DOI 10.18411/trnio-12-2023-783.
7. Плис, С.А. Цифровая трансформация управленческих процессов как непереносимый атрибут развития инновационных технологий и конкурентоустойчивости бизнеса / С.А. Плис, Л. М. Идигова // Тенденции развития науки и образования. — 2022. — № 85-7. — С. 22–24. — DOI 10.18411/trnio-05-2022-292.
8. Ценжарик, М.К. Цифровая трансформация компаний: стратегический анализ, факторы влияния и модели / М.К. Ценжарик, Ю.В. Крылова, В.И. Стещенко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. — 2020. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-transformatsiya-kompaniy-strategicheskij-analiz-factory-vliyaniya-i-modeli> (дата обращения: 22.09.2024).
9. Digital Leadership Report. URL: <https://www.nashsquared.com/dlr-2022> (дата обращения: 22.09.2024).
10. Join The Leading Business Software Discovery & Research Platform // FinancesOnline: [сайт]. — URL: <https://financesonline.com/> (дата обращения: 22.09.2024).

© Коношков Андрей Игоревич (konushkov.99@mail.ru); Шелихан Максим Юрьевич (5695577ii@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ЭКОСИСТЕМ В МЕЖДУНАРОДНОЙ И РОССИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ¹

THEORETICAL ASPECTS OF THE FORMATION AND FUNCTIONING OF REGIONAL ENTREPRENEURIAL ECOSYSTEMS IN INTERNATIONAL AND RUSSIAN PRACTICE

**M. Krotova
A. Sidzhakh
G. Egiazarian**

Summary. The article examines the theoretical aspects of the formation and functioning of regional entrepreneurial ecosystems, with an emphasis on their role in economic development in both international and Russian practice. Various methodological approaches to the analysis of entrepreneurial ecosystems are explored. Particular attention is paid to the systematization of existing foreign and domestic authorial approaches to the formation of an entrepreneurial ecosystem. Key factors in the formation of regional entrepreneurial ecosystems are analyzed. The results of the study can be useful for researchers and entrepreneurs seeking to create more effective conditions for business development at the regional level.

Keywords: entrepreneurial ecosystem, regional development, international practice, ecosystem approach, entrepreneurial entities, systems approach.

Кротова Марина Александровна

кандидат экономических наук,
ФГБОУ ВО Кубанский государственный
технологический университет, г. Краснодар
kubstu.ieub@gmail.ru

Сиджах Аскер Адамович

Аспирант, ФГБОУ ВО Кубанский государственный
технологический университет, г. Краснодар
Asker.sidzhakh@bk.ru

Егиазарян Герман Ервандович

Аспирант, кафедры экономической безопасности
ФГБОУ ВО Кубанский государственный
технологический университет, г. Краснодар
German_004@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты формирования и функционирования региональных предпринимательских экосистем, с акцентом на их роль в экономическом развитии как в международной, так и в российской практике. Исследуются различные методические подходы к анализу предпринимательских экосистем. Особое внимание уделяется систематизации имеющихся зарубежных и отечественных авторских подходов к формированию предпринимательской экосистемы. Анализируются ключевые факторы формирования региональных предпринимательских экосистем. Результаты исследования могут быть полезны для исследователей и предпринимателей, стремящихся к созданию более эффективных условий для развития бизнеса на региональном уровне.

Ключевые слова: предпринимательская экосистема, региональное развитие, международная практика, экосистемный подход, предпринимательские субъекты, системный подход.

Стремительное развитие инновационных технологий и цифровизации бизнес-процессов не только приводят к появлению новых компаний, услуг, продуктов и сервисов, которые упрощают доступ к благам и лучше удовлетворяют потребности конечных пользователей. Эти изменения также существенно влияют на традиционные компании, вызывая трансформацию их бизнеса, появление новых бизнес-моделей и адаптацию существующих подходов к ведению бизнеса. Одной из таких моделей является экосистема.

Актуальность формирования предпринимательской экосистемы обусловлена несколькими ключевыми факторами:

1. Поддержка инноваций: предпринимательская экосистема способствует развитию новых идей и технологий, что важно для повышения конкурентоспособности бизнеса и экономики в целом.
2. Создание рабочих мест: развитие предпринимательства ведет к созданию новых рабочих мест, что снижает уровень безработицы и способствует экономическому росту.
3. Устойчивое развитие: эффективная экосистема поддерживает малые и средние предприятия, что способствует диверсификации экономики и снижению зависимости от крупных игроков.

¹ Статья выполнена за счёт средств гранта Российского научного фонда № 24-78-10011 (<https://rscf.ru/project/24-78-10011/>)

4. Синергия ресурсов: объединение различных участников экосистемы — стартапов, инвесторов, образовательных учреждений и государственных структур — позволяет более эффективно использовать ресурсы и знания.
5. Адаптация к изменениям: в условиях быстро меняющейся экономики и технологий предпринимательская экосистема обеспечивает гибкость и способность адаптироваться к новым вызовам.
6. Социальное развитие: экосистема предпринимательства может способствовать решению социальных проблем, таких как неравенство и доступ к ресурсам, через создание инклюзивных бизнес-моделей.

Таким образом, формирование эффективной предпринимательской экосистемы является важным шагом для обеспечения устойчивого экономического роста и социальной стабильности.

На сегодняшний день не существует единого подхода к определению, формированию и функционированию экосистемы. Необходимо систематизировать имеющиеся зарубежные и отечественные авторские подходы к формированию предпринимательской экосистемы.

Джеймс Мур, пионер бизнес-экосистем, сосредоточил свои исследования на выявлении, характеристике и структуре этих экосистем. Он описал экосистемы как динамические, совместно развивающиеся сообщества различных участников, которые создают и сохраняют ценность посредством взаимодействия и конкуренции [1].

В своих работах Мур уточнил, что экосистема в биологии — это сообщество организмов, которые взаимодействуют друг с другом и с окружающей средой. В бизнесе экосистема — это ...экономическое сообщество, основанное на взаимодействии организаций и отдельных лиц в бизнес-среде. Экосистема компании включает потребителей, рыночных посредников (включая агентов и каналы сбыта), поставщиков и саму организацию, а также владельцев, заинтересованные стороны и регулирующие органы. Мур также подчеркнул, что в современном мире конкурентное преимущество зависит от знания того, когда и как создаются экосистемы, и от способности управлять ими для устойчивого роста и непрерывного развития. В структуре предпринимательской экосистемы он выделял как основные, так и расширенные элементы, учитывая множества факторов, таких как рынки и организации [2].

Исследователи К. Мэйсон и Р. Браун уточнили концепцию предпринимательской экосистемы, рассматривая ее как комплекс взаимосвязанных предпринимательских субъектов (как существующих, так и потенциальных), организаций (компаний, венчурных инвесторов,

бизнес-ангелов, банков), институтов (образовательных институтов, государственных удобства) и финансовых организаций) и процессов (количество основанных компаний, количество быстрорастущих компаний, количество серийных предпринимателей, уровень предпринимательских амбиций). Эти элементы взаимосвязаны формально и неформально, влияют и регулируют эффективность местной бизнес-среды [3].

В своем исследовании Тянь Сюй-Хуа и Не Цинкай разработали модель взаимодействия компаний в бизнес-экосистемах [4].

Дэниел Айзенберг в своей работе отмечал, что бизнес-система включает в себя множество компонентов (лидерство, культура, фондовые рынки, продвинутые покупатели и т. д.), между которыми существуют сложные взаимоотношения. Только целостное взаимодействие всех элементов способствует развитию предпринимательства. Поэтому в странах, где использовались только отдельные элементы экосистемы, запланированных результатов достичь не удалось [5].

По мнению Д. Айзенберга, для формирования эффективной предпринимательской экосистемы необходимо учитывать шесть ключевых аспектов:

- 1) комплексное развитие всех компонентов экосистемы: политики, финансового сектора, культурной среды, инфраструктуры, поддерживающей предпринимательство, человеческого капитала (в том числе образования) и рынков;
- 2) избегать одновременных изменений всех элементов экосистемы, начинать с некоторых, а затем под влиянием их изменений корректировать остальные;
- 3) изучать лучшие мировые практики, не копируя слепо чужие успехи;
- 4) построение экосистемы на местном уровне, при этом некоторые ее элементы (например, политика) должны разрабатываться на национальном уровне;
- 5) создавать независимые предпринимательские команды, обладающие уникальными навыками и энергией, способствующие взаимодействию с заинтересованными сторонами и развитию всех элементов экосистемы;
- 6) использовать опыт успешных предпринимателей для поддержки новичков.

Концепция экосистемы быстро нашла применение в управлении инновациями. Чжан Сяорэнь, Дин Лин и Чэнь Сяндун обнаружили, что теория бизнес-экосистемы обеспечивает универсальную основу для изучения новых идей в контексте сотрудничества между конкурентами. Инновации являются центральным аспектом этого взаимодействия.

В некоторых исследованиях термины предпринимательское сообщество и предпринимательская экосистема используются как синонимы. Например, Брэд Фелд рассматривает сообщества стартапов как предпринимательские системы, которые поощряют инновации и поддерживают малый бизнес. Зарубежные ученые отмечают, что эффективная (инновационная) предпринимательская экосистема возникает там, где разрушаются барьеры между организациями и отдельными людьми, налаживается сотрудничество в различных областях и отраслях, развивается предпринимательская культура и сетевые взаимодействия.

Т. Петерсон в работе Создание инновационной экосистемы выделяет ключевые характеристики такой экосистемы, в том числе активные университетские исследования, ориентированные на потребности рынка; обучение инновационным теоретическим и практическим навыкам; вовлечение преподавателей в предпринимательские и инновационные проекты на всех уровнях; Основное внимание уделяется трансляционным исследованиям, которые способствуют передаче технологий из университетов в промышленность.

Термин предпринимательская экосистема шире термина инновационная экосистема, поскольку включает в себя не только инновационное предпринимательство, но и его традиционные формы, такие как социальная и экологическая.

Несмотря на то, что существуют такие подходы к формированию экосистемы, как инновационный, экономических, социальный, ценностный и другие, самым популярным среди зарубежных авторов является системный. На это указывают такие классификационные признаки, как наличие в определениях большого количества элементов, а также сложные взаимосвязи между ними.

В России и других странах постсоветского пространства понятие предпринимательская экосистема активно используется относительно недавно, при этом исследования в этой области базируются на зарубежном опыте. Эксперты стараются уточнить и расширить предыдущие выводы, учитывая специфику своей страны. Поэтому, рассматривая проект фонда Луйс для стартапов, Дж. Караасланы акцентирует внимание на важности формирования предпринимательской экосистемы в Армении [6].

М. Черякова и О. Копачен, изучающие социальное предпринимательство в Беларуси, отмечают, что такая экосистема поддерживает стартапы, создает равные условия для предпринимателей и защищает их права [7].

Важными элементами экосистемы являются стабильная правовая база, высококачественная система образования, доступ к финансам и культура поддержки,

а также множество заинтересованных участников, включая правительство, бизнес и научные учреждения. В исследованиях, посвященных Российской Федерации и ее регионам, учитываются отдельные отрасли экономики, например, агропромышленный комплекс. Например, К.С. Веселов и его коллеги оценили элементы предпринимательской экосистемы Нижегородской области и выявили факторы, сдерживающие ее развитие, такие как слабость финансового сектора и недостаточная связь с высшим образованием. Исследования в области предпринимательских экосистем тесно связаны с изучением предпринимательских сетей.

В.В. Алещенко в своей работе подчеркивает, что предпринимательская экосистема представляет собой актуальную сетевую модель экономического взаимодействия, отражающую новый уровень взаимоотношений между участниками бизнеса. Он указывает, что в последнее время экосистемы начали преодолевать традиционные административные барьеры и соединять соседние регионы и города; иногда они даже теряют территориальную привязку: локальные системы формируются по индустриальному или технологическому принципу и переезжают в регионы и страны с более благоприятными условиями для ведения бизнеса.

В контексте агропромышленного комплекса В.В. Алещенко указывает на аналогичные процессы дефрагментации, приводящие к возникновению агропредпринимательских экосистем. Эти процессы в России усиливаются историко-географическими факторами специализации сельского хозяйства и являются прекрасной моделью поддержки малого бизнеса в аграрном секторе. В результате конкурируют не предприятия АПК разных стран, а участники разных агропродовольственных экосистем с разными моделями обучения и государственной поддержкой.

Для анализа развития агропродовольственных экосистем автор предлагает использовать системную методологию с картированием внутренней и внешней среды. Внутренняя среда каждой экосистемы характеризуется схожими условиями ведения бизнеса в агропромышленном комплексе, но существенно отличается неоднородностью от соседних экосистем. Автор разработал несколько методических основ, определяющих связь агропродовольственной экосистемы с ее внешней средой [8].

Е.А. Миронова и Н.М. Смирнова, опираясь на идеи Д. Айзенберга, предлагают разделить элементы предпринимательской экосистемы на шесть категорий: поддерживающая культура (принятие рисков и ошибок, высокий социальный статус предпринимателя); политическая и лидерская поддержка; наличие целевого финансирования (поддержка бизнес-ангелов, венчурный капитал, микрокредитование); адекватный человеческий

капитал (квалифицированная и неквалифицированная рабочая сила, серийные предприниматели, программы обучения предпринимательству); рынок сбыта (первые последователи, покупатели) и комплексная институциональная и инфраструктурная поддержка (юридические и бухгалтерские консультации, телекоммуникационная и транспортная инфраструктура, ассоциации, способствующие развитию предпринимательства).

И.Н. Дубина и коллеги, изучая экосистемы инноваций и предпринимательства как ключевого элемента устойчивого развития регионов, ссылаются на работы Караянниса Э. и Кэмпбелла Д. Они подчеркивают, что эта экосистема представляет собой многоуровневую, многофункциональную и многоуровневую систему — многоуровневая сеть, объединяющая инновационные институты и взаимодополняющие друг друга интеллектуальные кластеры, основанные на человеческом и интеллектуальном капитале, сформированные под влиянием социального капитала и укрепленные финансовыми ресурсами.

Исследователи определяют пространственную экосистему инноваций и предпринимательства как сложную и открытую динамическую систему, в которой создается специализированная институциональная среда, адаптирующаяся к стратегическим задачам и способствующая активизации процессов генерации инноваций, технологий и человеческого капитала. Такой подход позволяет расширить концепцию экосистемы на разные уровни: государство, регион, кластер и компания.

Авторы выделяют экзогенные и эндогенные факторы, влияющие на действия экономических субъектов данной экосистемы, такие как государственная поддержка, налоговые льготы для инвесторов и развитие предпринимательской культуры. Влияние этих факторов способствует усложнению системы, требующей согласования интересов и решений в условиях ограниченности ресурсов и высокой неопределенности, что, в свою очередь, негативно влияет на адаптивность системы инноваций и предпринимательства.

Помимо рассмотрения инновационных экосистем, внимание также уделяется венчурным экосистемам. Исследователи И.В. Богуславский и Е.А. Угнич описывают венчурную экосистему как совокупность взаимосвязанных элементов венчурного бизнеса, обеспечивающих саморазвитие и автономность благодаря частному капиталу. Они выявляют факторы, влияющие на взаимодействие участников венчурной экосистемы, и делят их на внешние и внутренние. Внешняя среда включает природный, демографический, научно-технический, экономический, социальный, экологический, политический и международный аспекты, характеризующиеся многовариантностью и непредсказуемостью. Внутренняя

среда создает связи между участниками, создавая уникальную культуру взаимодействия. В России венчурная экосистема призвана поддерживать бизнес-среду для успешной реализации проектов.

Мобильные экосистемы, в свою очередь, объединяют разработчиков и пользователей различных информационных продуктов. Университетские экосистемы являются важной темой исследований, поскольку их развитие способствует инновациям. Наличие предпринимательской экосистемы в университетах считается важной предпосылкой роста молодежного предпринимательства, ключевым элементом которого является самоорганизация.

Можно заметить, что у российских авторов так же, как и у зарубежных, основным подходом к формированию

Таблица 1.

Методические подходы к анализу предпринимательских экосистем

Методические подходы	Российские авторы	Зарубежные авторы
Эволюционный	Могут акцентировать внимание на специфике переходного периода и влиянии исторических факторов, таких как постсоветские трансформации.	Часто используют долгосрочные исторические анализы, чтобы показать, как экосистемы развиваются в ответ на технологические изменения и рыночные условия.
Социокультурный	Могут фокусироваться на традиционных ценностях и социальных нормах, которые влияют на восприятие предпринимательства в обществе.	Исследуют влияние культурных факторов на предпринимательство, акцентируя внимание на инновационных культурах и стартап-экосистемах.
Контекстуальный	Часто учитывают специфику локальных условий, таких как экономические и социальные факторы, которые могут существенно отличаться от западных моделей.	Обычно применяют более универсальные модели, которые могут быть адаптированы к различным регионам.
Институциональный	Могут больше сосредоточиться на уникальных особенностях российской правовой системы и бюрократии, а также на роли неформальных институтов.	Исследуют влияние различных институтов (государственных, частных) на предпринимательскую активность, часто используя сравнительные исследования

предпринимательской экосистемы является системный. Однако стоит отметить появление не встречавшегося у зарубежных авторов географического подхода, автором которого является В.В. Алещенко.

Подводя итог краткому обзору исследований, основанных на концепции бизнес-экосистем, стоит выделить несколько ключевых аспектов. Сегодня экосистемный подход служит теоретической основой социально-экономических исследований в различных областях, в том числе в сфере предпринимательства. Уникальная междисциплинарность термина предпринимательская экосистема не только позволяет, но и определяет использование различных методологических подходов для ее анализа: эволюционного, институционального, контекстуального и социокультурного, которые прослеживаются как у отечественных, так и у зарубежных авторов.

Анализ понятия экосистема через призму различных методических подходов — эволюционного, институционального, контекстуального и социокультурного — демонстрирует как общие черты, так и отличия в подходах российских и зарубежных авторов.

Таким образом, хотя российские и зарубежные авторы используют схожие методические подходы к анализу экосистем, их применение может варьироваться в зависимости от контекста и специфики исследуемых условий. Это разнообразие позволяет глубже понять

динамику и структуру предпринимательских экосистем в разных странах.

То есть, с одной стороны, это затрудняет формирование единого мнения о природе и структуре предпринимательской экосистемы. С другой стороны, это расширяет горизонты научных исследований, где предпринимательская экосистема рассматривается как типичный для России предмет и предмет исследования. Российские ученые, опираясь на данные зарубежных коллег, в первую очередь расширяют сферу применения экосистемного подхода за счет изучения различных видов предпринимательской деятельности. Во-вторых, анализируется пространственная иерархия экосистем на федеральном, региональном и отраслевом уровнях. В-третьих, внимание акцентируется на отдельных элементах структуры, особенно на культуре. Наша цель — не столько пересмотреть саму концепцию, сколько интегрировать структуру предпринимательской экосистемы, подчеркнув важность политических элементов, таких как стратегии и программы развития, которые влияют на взаимодействие всех компонентов экосистемы.

Таким образом, предпринимательская экосистема, на наш взгляд, это совокупность различных элементов, связанных между собой сложными связями и взаимодействующих между собой для развития предпринимательства в конкретной среде и на определенной территории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Moore J.F. Predators and Prey: A New Ecology of Competition // Harvard Business Review. — 1993. May/June. — P. 75–86
2. Moore J.F. Business ecosystems and the view from the firm (PDF) // The Antitrust Bulletin. — 2006. — Vol. 51(1). — P. 31–75.
3. Brown R., Mason C., Mawson S. Increasing The vital 6 percent: Designing effective public policy to support high growth firms. — NESTA Working Paper. 2014. No. 14/01.
4. Tian X.H., Nie Q.K. On Model Construction of Enterprises' Interactive Relationship from the Perspective of Business Ecosystem // South China Journal of Economics. — 2006. — No. 4. — P. 50–57
5. Zhang Xiaoren, Ding Lingand, Chen Xiangdong. Interaction of Open Innovation and Business Ecosystem // International Journal of u- and e-Service, Science and Technology. — 2014. — Vol. 7. — No.1. — P. 51–64 [Электронный ресурс]. URL: <http://dx.doi.org/10.14257/ijunesst.2014.7.1.05> (дата обращения: 17.10.2024).
6. Карааслания Ж. SEE Circle: Формируем предпринимательскую экосистему [Электронный ресурс]. URL: <http://www.luys.am/ru/content/view/Inn-news135> (дата обращения: 17.10.2024).
7. Черякова М., Копачен О. Социальное предпринимательство. Белорусский сценарий. Перевод исследования на русский язык: ОДБ Брюссель odb-office.eu [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nadaciapontis.sk> (дата обращения: 17.10.2024).
8. Алещенко В.В. Предпринимательские сети в агропромышленном комплексе: основы формирования // Экономика и управление инновационными процессами, проектами, программами: Материалы Междунар. заочной науч.-практ. конф. — Омск, 2015. — С. 34–38.

© Кротова Марина Александровна (kubstu.ieub@gmail.ru); Сиджах Аскер Адамович (Asker.sidzhax@bk.ru);

Егиазарян Герман Ервандович (German_004@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОПЫТ СТРАН ЕВРОПЫ В РЕАЛИЗАЦИИ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Миндлин Юрий Борисович

*К.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»
mindliny@mail.ru*

THE EXPERIENCE OF EUROPEAN COUNTRIES IN IMPLEMENTING CLUSTER POLICY

Yu. Mindlin

Summary. The study of foreign, including European, experience in implementing cluster policy is relevant and important for improving the effectiveness of cluster policy in other countries where Russia is of the greatest interest. The article examines the experience of European countries in implementing cluster policy, the principles of the cluster model of industrial policy formation in European countries, and identifies the features of the cluster approach of European countries in comparison with the approaches of other regions of the world — the American and Asian approaches. The result of the study was a systematization of the disadvantages and limitations of the European approach to cluster policy implementation. It was revealed that in European countries, the so-called «bottom-up» approach prevails in cluster policy, where the market plays a leading role and the government acts as a catalyst, but does not set national priorities. The author identified the following disadvantages and limitations of the European approach to cluster policy implementation: limited synergy, risk of isolation, dependence on external factors, limited resources, and scaling difficulties. The author comes to the conclusion that the European approach to implementing cluster policy in general is not effective enough compared to other approaches.

Keywords: cluster, cluster approach, cluster initiatives, industrial cluster, cluster policy, Europe, European countries, foreign experience.

Аннотация. Исследование зарубежного, в том числе европейского, опыта реализации кластерной политики является актуальным и важным для повышения эффективности кластерной политики в других странах, где Россия представляет наибольший интерес. В статье рассмотрен опыт европейских стран по реализации кластерной политики, принципы кластерной модели формирования промышленной политики в европейских странах, выявлены особенности кластерного подхода европейских стран по сравнению с подходами других регионов мира — американским и азиатским подходом. Результатом исследования стала систематизация недостатков и ограничений европейского подхода реализации кластерной политики. Было выявлено, что в странах Европы в кластерной политике преобладает так называемый подход «снизу вверх», где рынок играет ведущую роль, а правительство выступает в роли катализатора, но не устанавливает национальные приоритеты. Автором были выявлены следующие недостатки и ограничения европейского подхода реализации кластерной политики: ограниченная синергия, риск изоляции, зависимость от внешних факторов, ограниченность ресурсов, сложности в масштабировании. Автор приходит к выводу, что европейский подход реализации кластерной политики в общем виде является недостаточно эффективным по сравнению с другими подходами.

Ключевые слова: кластер, кластерный подход, кластерные инициативы, промышленный кластер, кластерная политика, Европа, европейские страны, зарубежный опыт.

Введение

Кластерная политика европейских стран имеет свои особенности, отличающие ее от азиатской или американской кластерной политики. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что кластерная политика европейских стран в условиях глобализации характеризуется рядом особенностей и стратегий, которые могут служить примером для других регионов, в том числе для России. Целью исследования является выявление особенностей европейского опыта реализации кластерных проектов и оценка его достоинств и недостатков.

Материалы и методы исследования

Исследования проведено на основании научных статей отечественных и зарубежных авторов в области реализации кластерной политики в разных странах мира,

в частности, в европейских странах. Методы исследования: сравнение, описание, систематизация, сопоставление, логика, контент-анализ источников, графический и табличный методы.

Результаты и обсуждения

Проведенный анализ источников выявил, что чаще всего кластер рассматривается как совокупность связанных компаний и организаций, расположенных в конкретной географической области. Эти структуры объединяются на основе общих или дополняющих друг друга интересов, создавая выгодную бизнес-экосистему. Они способствуют развитию специализированных знаний и ресурсов, что обеспечивает конкурентные преимущества данного региона или страны [7, 10].

Первые локальные кластерные программы стартовали в Европе: Германии, Италии и Австрии. Через 20 лет

программы кластерного развития заработали в большинстве стран Европейского союза [2].

Инновационные кластеры в Германии существенно влияют на успех экономики страны. Это объединения компаний, научных институтов и университетов, которые совместно разрабатывают и внедряют новые технологии. Такое сотрудничество ускоряет вывод исследований на рынок и повышает конкурентоспособность экономики.

Правительство Германии поддерживает эти кластеры через программы, создающие благоприятные условия для их работы, включая финансовую помощь и налоговые льготы. Оно также поощряет государственно-частное партнерство, стимулируя инновации. Особое внимание уделяется ключевым отраслям, таким как автомобильная промышленность, машиностроение, фармацевтика, энергетика и ИТ. Кластерный подход в Германии формирует прочные сети для обмена знаниями, а также способствует международному сотрудничеству и привлечению зарубежных инвестиций [3].

Примеры успешных инновационных кластеров в Германии включают следующие инициативы. В рамках кластера BioRegio на национальном уровне удалось создать новые фирмы и привлечь ресурсы, увеличив число биотехнологических компаний более чем на 300 % и создав более 9 тыс. рабочих мест. Это помогло уменьшить разрыв между Великобританией и Германией по количеству компаний. Программа также привлекла частные инвестиции свыше 750 млн евро и вдохновила на создание новых технологических программ. Даже регионы, не выигравшие конкурс, успешно развивали свои биотехнологические отрасли без приоритетного финансирования. На региональном уровне успех был заметным: все победившие регионы привлекли новые компании и создали рабочие места. В Йене число биотехнологических компаний выросло с 5 до 34. Региональные лидеры увеличили свою долю в немецком биотехнологическом секторе, хотя в Мюнхене занято больше сотрудников в этой сфере. Рост числа рабочих мест в биотехнологии был выше в победивших регионах BioRegio, чем в целом по Германии [4].

Кластер InnoRegio достиг успеха в организации сетей, хотя инновационные результаты были менее очевидны. Среди основных выводов было отмечено, что на этапе разработки внешняя модерация в значительной степени способствовала созданию и развитию сетей. В сетях InnoRegio также больше компаний, занимающихся исследованиями и разработками, чем в Восточной Германии в целом [5].

Далее рассмотрим опыт Франции в реализации кластерной политики. Полюсы конкурентоспособности

(Pôles de Compétitivité) — это основная политика Франции в области конкурентоспособности, программа, направленная на объединение предприятий, научных центров и учебных заведений для совместной работы над инновациями в определенных секторах, таких как аэрокосмическая промышленность и биотехнологии [4].

Во Франции успешно функционирует несколько инновационных кластеров. Среди них — Центр инноваций в Иль-де-Франс, известный своими передовыми разработками, и Технополис Эстер Лимож, специализирующийся на электронике и коммуникационных технологиях. Также стоит отметить Savoie Technolac, который фокусируется на развитии альтернативных источников энергии, кластер SYNERGIA, занимающийся нанотехнологиями и экологически чистыми индустриями, и Технополис Лаваль Майен Технополь, сосредоточенный на охране окружающей среды и пищевой промышленности.

В настоящее время во Франции особое внимание уделяется интеграции бизнеса и научных организаций, формированию исследовательских центров в рамках кластеров, что способствует постоянному развитию инновационного бизнеса. Французская модель реализации кластерной политики основана на партнерстве между предприятиями, при этом роль государства остается значительной, где его главной задачей является поддержка научных исследований и внедрение инноваций в производство, что помогает укреплять конкурентоспособность и устойчивость экономики [1].

Италия известна своими региональными кластерами, особенно в пищевой и модной индустриях, которые способствуют экономическому развитию регионов за счет специализации и кооперации. Одним из уникальных подходов в странах Европы является интеграция концепции кластеров в процесс предоставления государственных услуг, что реализовано, например, в Италии. Технологические районы были созданы в контексте научно-технической политики для улучшения сотрудничества в области финансирования, исследований и применения результатов в областях, представляющих значительный коммерческий интерес и социальную ценность. Для районов южной Италии были использованы структурные фонды Европейского союза [4].

В Великобритании существует ряд кластерных инициатив, поддерживаемых Министерством торговли и промышленности, которые разрабатываются и внедряются Агентствами регионального развития (RDA) и местными администрациями. Программы различаются, но включают в себя проведение региональных картографических исследований, выявление и налаживание связей с важными региональными кластерами и использование кластеров в качестве инструмента для реализации более широких инициатив в области экономического развития [4].

Великобритания применяет либеральные подходы в реализации кластерной политики, где правительство исполняет роль координатора и частично участвует в финансировании. На центральном уровне осуществляется идентификация и картографирование существующих кластеров, далее координация и контроль осуществляется на местном уровне. Основное управление кластерами и других инновационных структур осуществляется на региональном уровне госуправления.

Особенностью британской модели реализации кластерной политики является значительная роль предпринимательства в экономике. Важный вклад в процесс кластеризации вносит и мощная система высших учебных заведений в Великобритании. При университетах, под эгидой правительства, была создана сеть агентств и технопарков, основной задачей которых является распространение технологий.

Многие инновационные кластеры Великобритании сосредоточены вокруг университетов. Например, Кремниевый круг в Кембридже, Эдинбургский центр трансфера технологий, который играет ключевую роль в коммерциализации научных разработок, Центр технологий Стокбриджа, специализирующийся на аграрном секторе, и Центр по оценке загрязненности территории и исследованию возможностей восстановления, созданный в партнерстве с Университетом Эдинбурга, Университетом Напьера и Университетом Шотландии. Эти кластеры демонстрируют, как академическая среда может содействовать развитию инноваций и поддерживать взаимодействие между наукой и бизнесом [1].

Обобщая вышесказанное, важно отметить разнообразие подходов к кластерной политике в Европе, которые адаптированы к специфическим экономическим и культурным условиям каждой страны. При этом успешное развитие кластеров требует долгосрочной государственной поддержки, эффективного взаимодействия между участниками и благоприятных условий для инноваций. Исследование Roelandt, Theo J.A. и Pim den Hertog позволило им выделить основные принципы кластерной модели формирования промышленной политики в европейских странах (рис. 1).

Согласно вышеприведенным принципам, политика должна заключаться только в создании благоприятных рамочных условий для эффективного и динамичного функционирования рынков.

Следовательно, в странах Европы преобладает так называемый подход «снизу вверх» в кластерной политике, где рынок играет ведущую роль, а правительство выступает в роли катализатора, но не устанавливает национальные приоритеты. Исключения составляют некоторые страны Северной Европы, где правительство определяет приоритеты в консультации с бизнесом и наукой, но затем процесс кластеризации становится рыночным. Как отмечает A. Pessoa, предпочтение подхода «снизу вверх» скорее идеологическое и отражает эволюцию экономической политики от промышленного вмешательства в середине XX века к рыночной ориентации и принципам Вашингтонского консенсуса, которые продолжают влиять на политику экономического роста и развития кластеров в том числе [2, 8].

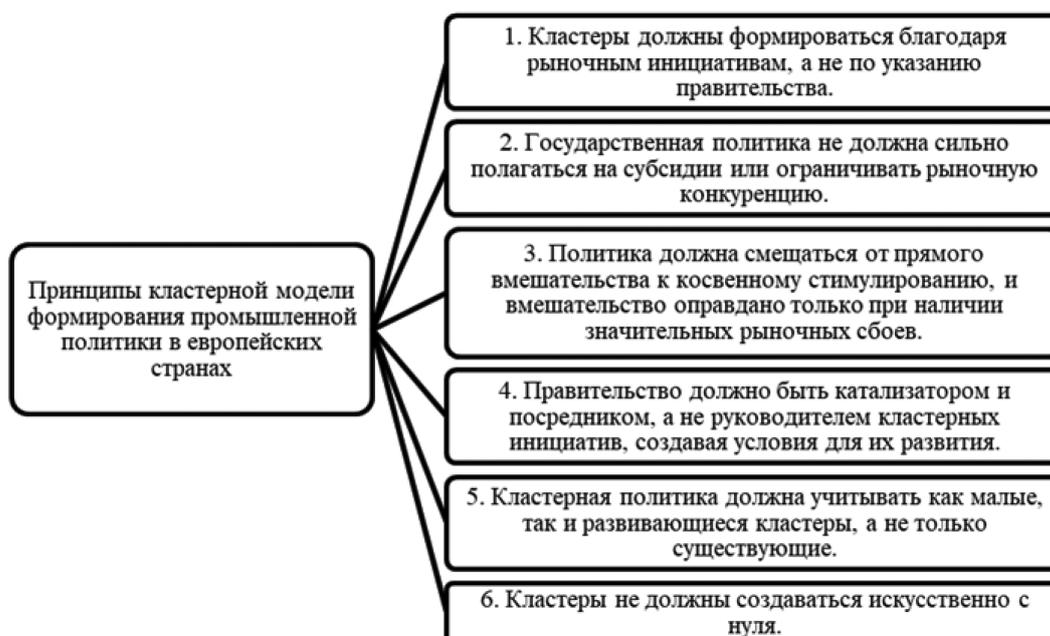

Рис. 1. Принципы кластерной модели формирования промышленной политики в европейских странах
 Источник: составлено автором по данным [9]

При этом подход азиатских стран сочетает управление кластерами как сверху, так и снизу. Правительство выступает катализатором и посредником, определяет национальные приоритеты и разрабатывает долгосрочную стратегию. Оно создаёт промышленные зоны, привлекает ключевые компании и поддерживает связанные с ними фирмы через инвестиции в инфраструктуру. Со временем государство сокращает своё участие, чтобы усилить конкурентные процессы и передать полномочия местным властям, что способствует росту роли рынка в управлении кластерами [6]. Согласимся с мнением А. Pessoa, что азиатская модель на практике более эффективна при создании и поддержке кластеров, а также стимулировании экономического роста.

Также исследования показали отличия подходов в стимулировании развития кластеров в разных регионах мира. Так, стратегии развития кластеров делят на два типа: кластерные инициативы и кластерно-ориентированные планы экономического развития. Первые акцентируют внимание на поддержке и ускорении роста отдельных кластеров через развитие бизнес-сетей, финансирование и выход на новые рынки, обычно иницируются частным сектором с поддержкой государства, например, через программы SBA и EDA. Вторые интегрируют кластерные стратегии в более широкие экономические программы, которые охватывают несколько кластеров, такие как улучшение транспортной инфраструктуры или повышение квалификации рабочей силы, и часто разрабатываются государственными органами или в рамках государственно-частных партнерств [10].

Учитывая вышесказанное, необходимо отметить, что в Европе более распространен первый подход — кластерные инициативы по определенным кластерам. В этой связи считаем необходимым выделить недостатки и ограничения данного подхода с точки зрения эффективности реализации кластерной политики в сравнении с более интегрированными стратегиями (таблица).

Указанные ограничения подчеркивают важность интеграции кластерных инициатив в более широкие экономические стратегии, которые учитывают разнообразие и комплексность региональной экономики.

Следовательно, испытывая значительное недоверие к промышленной политике, европейские страны занимают пассивную позицию в ожидании проектов, представленных частными инициативами. Они поддерживают значительные бюрократические структуры, которые занимаются написанием нормативных актов, классификацией проектов и выделением денег на одобренные проекты. В европейской модели реализации кластерной политики правительство ожидает действий частной инициативы, в то время как она ожидает действий правительства. Результатом является низкий уровень равновесия, при котором кластеры появляются только случайно [8].

Таблица 1.

Недостатки и ограничения европейского подхода реализации кластерной политики с точки зрения его эффективности

Наименование	Характеристика
Ограниченная синергия	Фокус на отдельных кластерах может не учитывать потенциал межотраслевого взаимодействия и синергии между различными секторами, что может ограничить общий экономический рост региона и страны
Риск изоляции	Кластерные инициативы могут привести к изоляции, когда определенные кластеры получают большую часть ресурсов и внимания, в то время как другие секторы остаются без поддержки, что может вызвать дисбаланс в региональной экономике
Зависимость от внешних факторов	Кластерные инициативы могут стать уязвимыми к изменениям на мировых рынках, если они слишком зависят от одного или нескольких конкретных кластеров
Ограниченность ресурсов	Направление ресурсов на отдельные кластеры может ограничить возможности для более широких инфраструктурных улучшений и инвестиций в человеческий капитал, которые могут иметь долгосрочные выгоды для всей экономики
Сложности в масштабировании	Успешные кластерные инициативы могут столкнуться с трудностями при попытках масштабирования за пределы первоначального региона, особенно если инфраструктура и рыночные условия не поддерживают расширение

Выводы

В статье рассмотрен опыт европейских стран по реализации кластерной политики, принципы кластерной модели формирования промышленной политики в европейских странах, выявлены особенности кластерного подхода европейских стран по сравнению с подходами других регионов мира — американским и азиатским подходом. Результатом исследования стала систематизация недостатков и ограничений европейского подхода реализации кластерной политики. Было выявлено, что в странах Европы в кластерной политике преобладает так называемый подход «снизу вверх», где рынок играет ведущую роль, а правительство выступает в роли катализатора, но не устанавливает национальные приоритеты. Автором были выявлены следующие недостатки и ограничения европейского подхода реализации кластерной политики: ограниченная синергия, риск изоляции, зависимость от внешних факторов, ограниченность ресурсов, сложности в масштабировании. Европейский подход реализации кластерной политики в общем виде является недостаточно эффективным по сравнению с другими подходами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коокуева, В.В., Церцейл Ю.С. Обзор зарубежного опыта реализации кластерной политики в развитии территорий // Российское предпринимательство. — 2019. — Том 20. — № 1. — С. 401–414.
2. Новосельцева, Ю.А. Анализ российского и зарубежного опыта кластерной кооперации в промышленности // Управление экономическими системами. — 2016. — №7. — С. 2–20.
3. Шполянская, А.А. Инновационные кластеры — взаимодействие бизнеса и науки. Опыт Германии // Инновационная экономика. — 2016. — №3(65). — С. 106–114.
4. Competitive regional clusters: national policy approaches. An overview of innovation activities at the regional level OECD Publication, 2007. — 354 p.
5. Eickelpasch, A. et al. The InnoRegio programme: A new way to promote regional innovation networks — empirical results of the complementary research // Presented at the 42nd conference of the European Regional Science Association, Dortmund, Germany, 2002. — pp. 27–31.
6. Kuchiki, A., Mizobe T., Gokan T. A multi-industrial linkages approach to cluster building in East Asia. — Springer, 2017. — 282 p.
7. Napolitano, J., Pawlenty T. Cluster-Based Strategies for Growing State Economies. — National Governors Association, 2018. — 44 p.
8. Pessoa, A. Regional cluster policy: The Asian model vs. the OECD approach // MPRA Paper. — 2012. — №42024. — URL: https://mpra.ub.unimuenchen.de/42024/1/MPRA_paper_42024.pdf/ (date of application: 22.01.2025).
9. Roelandt, T.J.A., Hertog P. Cluster Analysis and Cluster-Based Policy Making: The State of The Art; chapter 17 in OECD Boosting Innovation: The Cluster Approach OECD Publications Service, Paris, France, 1999. — pp. 9–26.
10. Zeuli, K., O'Shea K., Nijhuis A. Building Strong Clusters for Strong Urban Economies: Insights for City Leaders from Four Case Studies in the U.S. — JPMorgan Chase & Co, 2017. — 20 p.

© Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ МЕХАНИЗМОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНКУРЕНЦИИ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

Плетнев Валерий Валерьевич

Аспирант,

Всероссийская академия внешней торговли, Москва

pletnevvaleriy@mail.ru

THE ROLE OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN IMPROVING THE MECHANISMS FOR REGULATING THE COMPETITION OF DIGITAL PLATFORMS

V. Pletnev

Summary. The research is devoted to the analysis of the role of international organizations in improving the mechanisms of competition regulation of digital platforms, which are actively transforming global economic processes. Digital platforms, using innovative strategies, create new sales channels and change traditional business models, which causes difficulties for regulators. In this paper we applied the methods of analysis, synthesis, generalization and comparison, as well as studied legislative initiatives of different countries and practices of digital economy regulation. As a result of the analysis, effective approaches to assessing market dominance and regulating competition in the sphere of digital platforms were proposed. The main conclusions are the need to revise traditional regulatory methods, strengthen preventive measures, redistribute responsibilities between platforms and regulators, and strengthen international cooperation. The results of the study may be useful for national and international regulators, as well as for scholars of digital economy and competition law. Further improvement of the regulatory framework and competition policy instruments is required to ensure sustainable development of the digital economy.

Keywords: digital transformation, competition, regulation, digital platforms, antimonopoly legislation.

Аннотация. Исследование посвящено анализу роли международных организаций в совершенствовании механизмов регулирования конкуренции цифровых платформ, которые активно трансформируют глобальные экономические процессы. Цифровые платформы, используя инновационные стратегии, создают новые каналы сбыта и меняют традиционные бизнес-модели, что вызывает сложности для регуляторов. В работе применялись методы анализа, синтеза, обобщения и сравнения, а также изучались законодательные инициативы различных стран и практики регулирования цифровой экономики. В результате проведённого анализа предложены эффективные подходы к оценке рыночного доминирования и регулированию конкуренции в сфере цифровых платформ. Основные выводы заключаются в необходимости пересмотра традиционных методов регулирования, усилении превентивных мер, перераспределении ответственности между платформами и регуляторами, а также в укреплении международного сотрудничества. Результаты исследования могут быть полезны для национальных и международных регуляторов, а также для учёных, занимающихся вопросами цифровой экономики и конкурентного права. Для обеспечения устойчивого развития цифровой экономики требуется дальнейшее совершенствование нормативной базы и инструментов конкурентной политики.

Ключевые слова: цифровая трансформация, конкуренция, регулирование, цифровые платформы, антимонопольное законодательство.

Введение

В современном мире непрерывный процесс цифровой трансформации радикально меняет привычный уклад жизни населения и затрагивает каждый сектор экономической деятельности. Появление инновационных бизнес-моделей в цифровой среде требует существенной модернизации законодательной базы. В этих условиях антимонопольные органы сталкиваются с необходимостью адаптации методов контроля и регулирования деятельности различных корпораций. Особую актуальность приобретает разработка более действенных механизмов поддержания здоровой конкурентной среды в условиях стремительной диджитализации национальных рынков. В настоящее время они

становятся более конкурентоспособными благодаря повсеместному внедрению цифровых платформ (далее ЦП). Эти инновационные решения способствуют стиранию географических барьеров и временных ограничений, открывая новые возможности для межорганизационного взаимодействия. Глобальное распространение платформенных технологий революционизирует различные сферы бизнеса, создавая беспрецедентные условия для эффективной коммуникации между участниками рынка. Постоянное взаимодействие и оптимизация рабочих процессов, обеспечиваемые ЦП, значительно повышают производительность и ускоряют процесс трансформации хозяйственной деятельности стран в целом [1-4].

Актуальность и новизна

В последнее время активно обсуждаются методологические, институциональные и отраслевые аспекты регулирования цифровой экономики, включая вопросы конкурентного права. Этот повышенный интерес к диджитализации обусловлен несколькими основными факторами. Во-первых, цифровые технологии (далее ЦТ) радикально меняют привычные модели ведения бизнеса и структуру традиционных отраслей. Во-вторых, формируются новые экономические модели с нулевым ценообразованием, где прибыль генерируется не через классический обмен товарами, а посредством сетевого взаимодействия. В-третьих, экономика ЦП представляет собой малоизученное явление, требующее глубокого анализа и понимания. Все эти инновационные решения и технологические преобразования создают потребность в адаптации существующих правовых механизмов и антимонопольного законодательства к новым реалиям цифрового рынка. Правовые механизмы и традиционные методы регулирования оказываются неэффективными в отношении интернет-пространства, поскольку цифровые процессы в глобальной сети не имеют территориальных границ и не подчиняются юрисдикции отдельных государств.

Цель исследования — исследование роли международных организаций в совершенствовании механизмов регулирования конкуренции ЦП.

Материалы и методы исследования

Анализ, синтез, обобщение, сравнение, классификация.

Результаты исследования

Законодательное регулирование ЦП впервые появилось в Германии, что сделало эту страну, наряду с Еврокомиссией, законодателем трендов в сфере цифрового права. В конце 2020 года были представлены проекты Digital Markets Act и Digital Services Act, разработанные Европейской комиссией для публичного обсуждения. Сегодня многие государства, включая Францию, Австралию, Китай и Великобританию, активно пересматривают свои антимонопольные законы, адаптируя их под особенности цифровой экономики и специфику регулирования онлайн-рынков. В сфере регулирования крупных технологических компаний Евросоюз может стать ведущим законодательным ориентиром, хотя и не имеет собственных цифровых гигантов. Комплексное правовое воздействие на функционирование цифровых платформ осуществляется через два ключевых акта, включающих нормы конкурентного права. DSA фокусируется на защите пользовательских данных и борьбе с противоправным контентом, в то время как DMA призван стимули-

ровать рыночную конкуренцию. Эти всеобъемлющие нормативные документы формируют целостную систему контроля над деятельностью ЦП (Князева, Айтжанов, Бычкова, 2021) [5].

В конце 2020 года Управление по защите конкуренции и рынкам Великобритании представило общестественности документ с рекомендациями по контролю digital-сферы, предварительно проведя масштабное исследование цифровой рекламы и интернет-платформ. Для дальнейшего развития конкурентной среды в digital-пространстве британские власти весной 2021 года сформировали новую структуру — Digital Markets Unit CMA. Этот орган призван создать свод правил для крупнейших технологических компаний и разработать механизмы, способствующие здоровой конкуренции на ЦП¹ [6,7].

В силу уникального положения и частичной изоляции от зарубежных ЦП, Китайская Народная Республика (КНР) обладает особым опытом в сфере цифровой экономики. Это позволяет стране разрабатывать инновационные модели регулирования и выявлять специфические последствия информатизации, которые могут быть незаметны регуляторам других государств. Важным шагом стала публикация в начале 2021 года Антимонопольных рекомендаций для платформенной экономики, разработанных Антимонопольным комитетом при Госсовете КНР. Значительный прогресс в борьбе с монополиями подтверждается статистикой: за 2020 год были расследованы 109 случаев нарушения антимонопольного законодательства. Дальнейшее совершенствование регулирования платформенной экономики планируется через усиление судебного контроля, о чем заявил Верховный суд Китая в апреле 2021 года² [8].

В Соединенных Штатах Америки (США) наблюдается следующая ситуация: крупнейшие технологические корпорации, включая Google и Facebook, будучи зарегистрированными в этой стране, вынуждены считаться с требованиями местных властей. Интересно, что сами IT-гиганты проявляют инициативу в создании приемлемых регуляторных механизмов. Эти компании не только определяют конкурентную среду, но и существенно влияют на функционирование глобальной сети в целом. В связи с этим американские суды и государственные органы активно разрабатывают методологию и рекомендации по антимонопольному контролю над деятельностью ЦП. Представители IT-гигантов США предлагают обратиться к истории создания технических стандартов, которые привели к цифровой революции. Это поможет

¹ Digital Markets Unit. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/digital-markets-unit>. (Дата обращения: 21.02.2025).

² China's supreme court eyes tougher antitrust proceedings. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202104/1221856.shtml> (Дата обращения: 20.02.2025).

разработать эффективное законодательство, не препятствующее инновациям. Ключевым моментом является необходимость коллаборации между компаниями для выработки общих принципов функционирования. При этом речь идет не о технических регламентах, а о правилах взаимодействия и этических нормах в цифровой среде (Князева, Айтжанов, Бычкова, 2021) [5].

В отличие от Европейского Союза, где существует единая концепция контроля ЦП, российское законодательство долгое время не имело системного подхода к этому вопросу. Эксперты считают оптимальным решением внедрение универсальных механизмов регулирования платформенных сервисов, особенно для крупных игроков рынка, хотя эти компании и работают в различных секторах экономики. Такой подход позволит эффективно контролировать быстрорастущий сегмент цифровой экономики, играющий все более значимую роль в развитии страны. В мае 2021 года произошло знаковое событие в сфере цифрового регулирования — Министерство экономического развития представило важный документ. Речь идет о Концепции регулирования ЦП и экосистем, которая определяет базовые принципы контроля за группами компаний, объединенных в единую цифровую экосистему. Документ не только вводит ключевую терминологию, разъясняя такие понятия как «экосистема» и «цифровая платформа», но и подробно освещает перспективы и потенциальные угрозы, связанные с функционированием подобных структур. Этот шаг стал первым в истории России по созданию комплексной системы регулирования ЦП, подчеркнув острую необходимость в правовом контроле этой стремительно развивающейся сферы. В условиях современной экономики Россия способна укрепить свою технологическую независимость и обеспечить устойчивый рост благодаря формированию собственных цифровых экосистем. Бизнес-структуры страны, развивая национальные платформенные решения, получают мощный инструмент для успешной конкуренции с иностранными компаниями и открывают перед собой широкие перспективы стратегического развития. Создание отечественных ЦП становится ключевым фактором сохранения экономической автономии государства в глобальном масштабе. [9–13].

Для эффективного контроля за рынком международным организациям в качестве регуляторов необходимо внедрять передовые технологии мониторинга, включая системы искусственного интеллекта и поведенческую аналитику. Постоянное изучение маркетинговых материалов и проведение потребительских опросов позволяет отслеживать появление новых схем, особенно тех, что находятся вне текущего правового поля. Особое внимание следует уделять выявлению наиболее распространенных и действенных механизмов. В условиях непрерывной эволюции платформенных инструментов регулятору требуются значительные ресурсы для адап-

тации к персонализированным особенностям каждой системы и обеспечения надлежащего правового контроля. Эффективное взаимодействие надзорных органов разных стран играет ключевую роль, поскольку обеспечение соблюдения законодательства и контроль за его исполнением связаны с существенными затратами материальных и человеческих ресурсов (Ларионова, 2024) [4].

Обсуждение

На наш взгляд, регулирование конкуренции в цифровой среде требует особого подхода к оценке рыночного влияния и монополистических тенденций. Традиционные методы анализа доминирования на рынке зачастую оказываются неэффективными в digital-пространстве, что создает потребность в разработке новых механизмов оценки. Каждая юрисдикция, опираясь на собственную правовую базу и исторический опыт, стремится найти оптимальное соотношение между избыточным контролем и недостаточным надзором за рынком. При этом критически важно, чтобы применяемые регуляторные меры не препятствовали естественному развитию конкурентной среды и не тормозили инновационные процессы. Ключевым фактором успешной конкурентной политики становится точная диагностика уровня монополизации и злоупотреблений рыночным положением в цифровом секторе [14,15].

США и Великобритания придерживаются подхода, при котором большее внимание уделяется опасности недооценить доминирующее положение. Такая позиция находит поддержку в ОЭСР, где после изучения практики стран-участниц пришли к выводу о необходимости смещения акцентов при оценке рисков. В целом при анализе рыночного доминирования существует дилемма между чрезмерной и недостаточной оценкой доминирования компаний [16].

В современном мире компании, владеющие ключевыми информационными ресурсами, способны существенно влиять на рыночные процессы. Подобное доминирование характеризует степень рыночного воздействия и возможные риски исключения других игроков или их эксплуатации. Антимонопольным службам крайне трудно прогнозировать результаты объединения организаций, располагающих взаимодополняющими информационными базами. Это касается как слияния прямых конкурентов, так и случаев, когда компании-владельцы данных поглощают дистрибьюторские фирмы, зависящие от этих данных в своей работе. Особую сложность для регуляторов представляет анализ того, как управление информационными потоками и их использование влияет на конкурентную среду, поскольку доступ к данным сам по себе может стать источником доминирующего положения на рынке [17].

При регулировании цифровых рынков международным организациям необходимо тщательно анализировать потребительский спрос и рыночную динамику. Применение жестких ограничений и структурных мер может противоречить специфике платформенной экономики и ухудшать положение пользователей. Достижение оптимального баланса и снижение неопределенности становится ключевой задачей регулирования. При этом поведенческие меры воздействия требуют постоянного мониторинга и эффективного взаимодействия между различными регуляторными органами в конкретных отраслях цифровой экономики. В контексте защиты прав потребителей следует оценивать потенциал и эффективность мероприятий по управлению спросом, избегая при этом чрезмерного контроля со стороны регулирующих органов [18].

Как было выявлено при исследовании, современном мире происходит масштабная перестройка системы регулирования цифровых рынков. Ключевые страны и регионы, такие как Китай, Великобритания, США и Европейский Союз, внедряют инновационные подходы к контролю над ЦП. Особое внимание уделяется крупным игрокам рынка, в частности «гейткиперам» — компаниям, контролирующим важнейшие цифровые каналы. Традиционный подход к определению доминирования на рынке через рыночную долю уступает место новым методам оценки. Теперь во многих юрисдикциях ключевыми показателями становятся размер пользовательской базы и финансовые показатели компании. Для эффективного надзора за цифровым рынком создаются специализированные регуляторные органы, особенно

заметна эта тенденция в Великобритании и Европейском Союзе. Параллельно формируется новая законодательная база, учитывающая специфику цифровой экономики [19, 20].

Заключение

В настоящее время происходит существенная трансформация регуляторной системы. Конкуренционные органы активно наращивают свой цифровой потенциал, формируя специализированные отделы и выделяя дополнительные ресурсы для исследования рынков. Особое внимание следует уделять превентивным мерам контроля над компаниями, которые пока не достигли доминирующего положения, но демонстрируют признаки движения к монополизации рынка. Важным нововведением стало перераспределение ответственности — теперь платформы сами должны доказывать отсутствие злоупотреблений. Регуляторы получили право применять временные ограничительные меры еще до окончательного вердикта по делу о злоупотреблении доминирующим положением. Именно поэтому, на наш взгляд, растет необходимость международного сотрудничества антимонопольных ведомств для выработки эффективных механизмов регулирования рынков и анализа потребностей в обновлении нормативной базы. Важное значение имеет усиление цифровых инструментов и экспертизы конкурентных органов. Однако, совершенствования конкурентной политики недостаточно, так как многие аспекты деятельности цифровых платформ лежат за пределами ее инструментария.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефери́н Я.Ю., Россотто К.М., Хохлов Ю.Е. Цифровые платформы в России: конкуренция между национальными и зарубежными многосторонними платформами стимулирует экономический рост и инновации // Информационное общество. — 2019. — № 1-2. — С. 16–34.
2. Кочергин Д.А. Кriptoактивы: экономическая природа, классификация и регулирование оборота // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2022. — Т. 17. — № 3. — С. 75–130.
3. Муха Д.В. Роль инвестиционной политики в формировании и развитии цифровой экономики // Вестник института экономики НАН Беларуси. — 2021. — С. 83–96.
4. Стародубцева Е.Б., Медведева М.Б. Появление новых международных организаций в условиях цифровой трансформации мировой экономики: миф или реальность? // Вестник университета. — 2022. — № 12. — С. 55–62.
5. Князева И.В., Айтжанов А.Т., Бычкова Е.С. Цифровые платформы как объекты регулирования: проблемы совершенствования антимонопольного законодательства в государствах — членах ЕАЭС. // Российское конкурентное право и экономика. — 2021. — №4. — С. 8–17. <https://doi.org/10.47361/2542-0259-2021-4-28-8-17>.
6. Юзефальчик И. Механизмы совершенствования финансового регулирования в условиях цифровой трансформации // Банковский вестник. — 2020. — № 9. — С. 3–15.
7. Сарабеков А.А. Регулирование цифровых платформ и интернет-услуг: правовые аспекты и перспективы // Universum: экономика и юриспруденция. — 2024. — Т. 1. — № 11 (121). — С. 40–43.
8. Туровец Ю.В., Вишневи́ский К.О. Стандартизация цифрового производства: возможности для России и ЕАЭС // Бизнес-информатика. — 2019. — Т. 13. — № 3. — С. 78–96.
9. Шелепов А.В., Колмар О.И. Регулирование цифровых платформ в России // Вестник международных организаций. — 2024. — Т. 19. № 2. — С. 110–126. doi:10.17323/1996-7845-2024-02-06
10. Шелепов А.В. Оценка роли цифровых платформ и экосистем в экономическом развитии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2023. — Т. 18. — № 3. — С. 142–162.

11. Шелепов А.В. Влияние политики лидеров цифровизации-членов «группы двадцати» на механизмы международного регулирования и условия развития цифровой экономики // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2022. — Т. 17. — №. 1. — С. 96–113.
12. Ларионова М.В., Шелепов А.В. Формирующиеся механизмы регулирования цифровой экономики. Риски и возможности для многосторонней системы глобального управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2021. — Т. 16. — №. 1. — С. 29–63.
13. Ларионова М.В. Проблемы регулирования цифровых платформ: трудности и возможности международного сотрудничества // Вестник международных организаций. — 2024. — Т. 19. — №. 2. — С. 110–126. doi:10.17323/1996-7845—2024-02-04.
14. Ткаченко А.А. Роль МОТ в международных процессах к столетию международной организации // Международные процессы. — 2019. — Т. 17. — №. 3. — С. 36–50.
15. Энджела Э. и др. Векторы цифровой трансформации // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2020. — Т. 15. — №. 3. — С. 7–50.
16. Залоило М.В., Шулятьев И.А. Право в условиях цифровой реальности (обзор XIII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2018. — №. 4 (71). — С. 171–187.
17. Ларионова М.В., Шелепов А.В. Возможно ли лидерство «Группы двадцати» по вопросам управления данными? Есть ли шанс на сближение подходов? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2023. — Т. 18. — №. 1. — С. 7–32.
18. Ларионова М.В., Шелепов А.В. Индия. Формирование регулирования технологических компаний для роста цифровой экономики // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2024. — Т. 19. — №. 2. — С. 7.
19. Баринаева В.А., Девятова А.А., Ломов Д.Ю. Роль цифровизации в глобальном энергетическом переходе и в российской энергетике // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2021. — Т. 16. — №. 4. — С. 126–145.
20. Игнатов А.А. Управление Интернетом в повестке БРИКС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. — 2022. — Т. 17. — №. 2. — С. 86–109.

© Плетнев Валерий Валерьевич (pletnevvaleriy@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД К УСТАНОВЛЕНИЮ РАВНОВЕСНЫХ ЦЕН В РАМКАХ ЗОНЫ ВОЗМОЖНЫХ СДЕЛОК

DIFFERENTIATED APPROACH TO SETTING EQUILIBRIUM PRICES WITHIN THE AREA OF POSSIBLE TRANSACTIONS

**D. Sokolov
E. Anufrieva
Yu. Smolkina**

Summary. The absence of perfect competition in the modern market economy indicates the differentiation of goods in the market in quality and price. Accordingly, it is necessary to use a differentiated approach to manufacturers in quality, and to buyers in income. As part of the differentiation of the zone of possible transactions, it is necessary to distinguish the zone of possible transactions and the equilibrium price for the rich part of the population and similarly for the poor, which, in turn, will establish the zone of possible transactions for the middle class. In order to simplify the study, three assumptions were introduced into the model: linear functions of supply and demand, abstraction from elasticity, abstraction from the quantity of goods. As part of a differentiated approach to establishing equilibrium prices, three options for the model were considered: gap, contact and overlap of the interests of the rich and poor.

As a result, a diverse differentiation of various types of goods was established relative to the three classes of the population by income. Thus, a significant gap between the zones of possible transactions (interests) is characteristic of household appliances, clothes, shoes, etc. The contact of interests is characteristic of the used car market, the overlap of interests is for agricultural products (tomatoes, cucumbers, potatoes, carrots, garlic).

Keywords: differentiation of buyers, differentiation of goods by quality, market equilibrium, equilibrium price, zone of possible transactions, rich, poor, middle class.

Соколов Дмитрий Викторович

к.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»
sokolov77@inbox.ru

Ануфриева Елена Михайловна

к.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»
elena2984@mail.ru

Смолькина Юлия Викторовна

к.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»
smolka7979@mail.ru

Аннотация. Отсутствие в современной экономике рынка совершенной конкуренции свидетельствует о дифференциации товара на рынке по качеству и цене. Соответственно необходимо использовать дифференцированный подход к производителям по качеству, а к покупателям по доходу. В рамках дифференциации зоны возможных сделок необходимо выделять зону возможных сделок и равновесную цену для богатой части населения и аналогично для бедных, что, в свою очередь, установит зону возможных сделок для среднего класса. С целью упрощения изучения в модель введено три допущения: линейные функции спроса и предложения, абстрагирование от эластичности, абстрагирование от количества товара. В рамках дифференцированного подхода к установлению равновесных цен рассмотрено три варианта модели: разрыва, соприкосновения и наложения интересов богатых и бедных.

В результате установлена многообразная дифференциация разнообразных видов товаров относительно трех классов населения по доходу. Так, существенный разрыв между зонами возможных сделок (интересами) характерен для бытовой техники, одежды, обуви и т.д. Соприкосновение интересов свойственно для рынка подержанных легковых автомобилей, наложение интересов — для сельскохозяйственной продукции (томаты, огурцы, картофель, морковь, чеснок).

Ключевые слова: дифференциация покупателей, дифференциация товара по качеству, рыночное равновесие, равновесная цена, зона возможных сделок, богатые, бедные, средний класс.

Классическая рыночная экономика наиболее полно себя проявила только в период «чистого капитализма», типичными чертами которой являлись государственное невмешательство, рыночное равновесие и ценообразование, рынок совершенной конкуренции и т.д. Идеальной моделью рынка для большинства товаров и услуг считается рынок совершенной конкуренции, характеристику которого первым определил шотландский экономист А. Смит [1, С.167–169]. Но в настоящее время рынок совершенной конкуренции полностью отсутствует. Даже если речь идет о таких товарах как картофель, морковь, чеснок, лук и т.д., про них говорят как

о рынках, «наиболее приближенных к рынку совершенной конкуренции». Все остальные рынки товаров и услуг относятся к рынкам несовершенной конкуренции, среди которых покупатели в основном сталкиваются с тремя типами: монополистическая конкуренция, олигополия и монополия.

Целью научной работы является формирование дифференцированного подхода к установлению равновесных цен.

Теоретическую основу работы составили положения классиков экономической теории А. Смита, А. Маршала

и др. Методологическую основу составили такие методы как моделирование, научная абстракция и логическое умозаключение.

Классическое рыночное равновесие представлено пересечением линий спроса и предложения, определяющими равновесную цену и равновесный объем продаж. Данная модель в экономической теории получила название — «Крест Маршала» [1, С.398–401]. Свое развитие теория классического рыночного равновесия получила также в период развития экономики «чистого капитализма». Совмещение линий спроса и предложения на одном графике образует четыре зоны (Рис. 1) [3, С.69]:

- мертвая зона — взаимодействие покупателей и продавцов исключены (интересы покупателей ниже линии спроса, интересы производителей выше линии предложения);
- зона высоких цен — продавцы готовы продавать, но покупатели не готовы покупать;
- зона низких цен — покупатели готовы покупать, но продавцы не готовы продавать;
- зона возможных сделок — интересы покупателей и производителей будут совпадать.

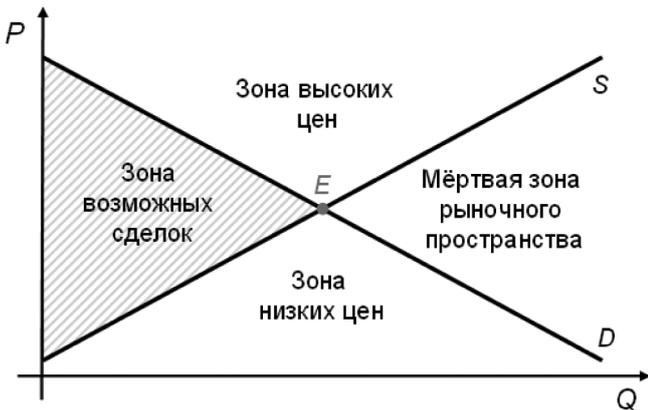

Рис. 1. Зоны экономической активности

Рынок совершенной конкуренции и рыночное равновесие, определяющее равновесную цену и равновесный объем продаж наиболее полно себя проявили при рыночной экономике свободной конкуренции. На сегодняшний день рыночные принципы функционирования классического рынка теряют свою регулирующую силу под воздействием институциональных ограничений.

Возможности покупателей в современной рыночной экономике дифференцированы в соответствии с их доходами. Высокое неравенство доходов приводит к избыточным доходам богатых и острой нехватки средств к существованию бедных. В результате чего предложение не соответствует спросу и рыночное равновесие нарушается. Часть производителей, в свою очередь, вынуждены снижать цены для удовлетворения спроса посредством снижения затрат, что отрицательно сказывается на качестве товара. Таким образом, высокое не-

равенство доходов между различными группами населения способствует высокой дифференциации качества товаров. Данная дифференциация была невозможна в период «чистого капитализма», но современное развитие науки и технологии способствовало замещению нормального сырья на искусственные и дешевые субституты.

С точки зрения экономической теории, товары должны делиться на три ценовые категории в соответствии с тремя группами населения, которым они соответствуют. Так богатые нацелены на приобретение товаров высокого ценового сегмента (соответственно высокого качества), бедные — на дешевые товары (низкого качества), средний класс покупает товары среднего ценового сегмента. Именно потребности среднего класса должны обеспечиваться отечественными производителями [2, С.32–33].

Дифференциация доходов покупателей будет способствовать дифференциации спроса, а дифференциация производителей и продавцов — дифференциации предложения, так как каждый производитель перед началом производства определяет круг покупателей данного товара. В этой связи можно выделить нижнюю и верхнюю границу спроса. Верхняя граница характеризуется желанием богатых, а нижняя граница — возможностью бедных покупать товар. Аналогично необходимо определить границы предложения. Данную модель можно охарактеризовать как, дифференцированный подход к зоне возможных сделок. Для упрощения изучения модели необходимо ввести следующие допущения:

- линии спроса и предложения представлены линейными функциями, т.е. имеют вид прямых;
- абстрагируемся от эластичности, так как она будет влиять на изменение наклона линий спроса и предложения;
- абстрагируемся от количества товара, поскольку рассматриваем зоны возможных сделок, представленные множеством допустимых точек совершения сделок по дифференцированным ценам.

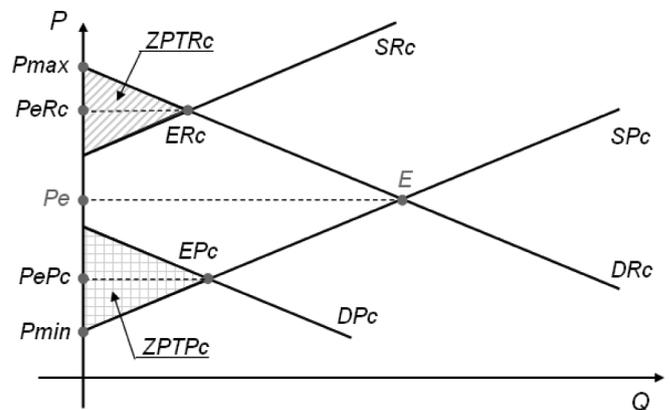

Рис. 2. Зоны возможных сделок при существенном разрыве интересов богатых и бедных

На рисунке 2 рассмотрим I вариант модели дифференциации зоны возможных сделок при незначительной доли богатых и бедных, а следовательно, существенном разрыве между их интересами и возможностями.

Логическую последовательность введенных обозначений рисунка 2 выведем в таблице 1 в соответствии с начальными буквами английских слов.

Таблица 1.

Логика присвоения обозначений

Русский	English	Обозначение
Спрос	Demand	D
Предложение	Supply	S
Равновесная цена	Equilibrium price	P_e
Богатый класс	Rich class	R_c
Бедный класс	Poor class	P_c
Зона возможных сделок	The zone of possible transactions	ZPT
Из вышеуказанных обозначений следует:		
Спрос богатого класса		DR_c
Спрос бедного класса		DP_c
Предложение для богатого класса		SR_c
Предложение для бедного класса		SP_c
Равновесная цена богатого класса		P_{eR_c}
Равновесная цена бедного класса		P_{eP_c}
Зона возможных сделок богатого класса		$ZPTR_c$
Зона возможных сделок бедного класса		$ZPTP_c$

Верхняя граница спроса обуславливается спросом богатого класса (DR_c), нижний предел — спросом бедного класса (DP_c). Аналогично обозначим границы предложения. Линии спроса для богатых (DR_c) и предложения для бедных (SP_c) образуют усредненную равновесную цену (P_e) на рынке данного товара для всех групп покупателей. Таким образом, зона возможных сделок на рынке данного товара ограничивается треугольником (P_{max})(E)(P_{min}).

В силу дифференциации покупателей и производителей определим равновесные цены для богатых (P_{eR_c}) и бедных (P_{eP_c}). На основе пересечения спроса для богатых (DR_c) и предложения для богатых (SR_c) получим зону возможных сделок для богатого класса ($ZPTR_c$). Аналогичное пересечение линий спроса бедных (DP_c) и предложения для бедных (SP_c) определяет зону возможных сделок для бедного класса ($ZPTP_c$). На рисунке 2 зоны возможных сделок богатых ($ZPTR_c$) и бедных ($ZPTP_c$) на-

ходятся вне взаимодействия друг с другом, что может свидетельствовать о четком разграничении на рынке данного товара между богатыми и бедными и невозможности совпадения интересов.

Так, богатая часть населения приобретает товар только дорогого сегмента и высокого качества у соответствующих продавцов. Бедное население будет довольствоваться товаром низкого качества по низкой цене. Но, кроме богатых и бедных, в экономике есть средний класс, зона возможных сделок которого будет в границах фигуры (P_{eP_c})(P_{eR_c})(E)(E)(P_c). Средний класс не будет покупать товар ниже равновесной цены бедных (P_{eP_c}) так как настолько низкое качество для него не приемлемо и не будет покупать выше равновесной цены богатых (P_{eR_c}), где за пределами высокая цена не компенсирует высокое качество.

Примером таких товаров будет высокая дифференциация по качеству, а значит, и по цене — бытовая техника, одежда, обувь, часы, мебель и т.д.

На рисунке 3, II вариант модели, отражающей касание зон возможных сделок богатых ($ZPTR_c$) и бедных ($ZPTP_c$).

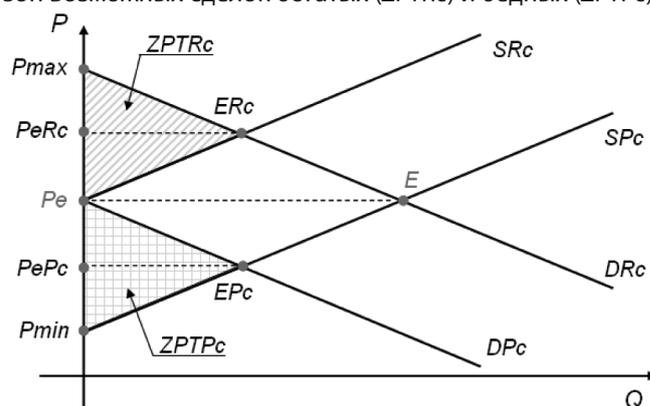

Рис. 3. Зоны возможных сделок при соприкосновении интересов богатых и бедных

В соответствии с рисунком 3 зона возможных сделок богатых может осуществляться в границах изменения цены от P_e до P_{max} , так как богатая часть населения не имеет желания приобретать товар качества ниже среднего, т.е. по цене ниже равновесной (P_e). В свою очередь бедная часть населения не будет покупать товар более высокого качества или переплачивать за сам бренд. Бедные будут довольствоваться товаром качества ниже среднего. Зона возможных сделок среднего класса останется в границах той же фигуры (P_{eP_c})(P_{eR_c})(E)(E)(P_c).

Соприкосновение интересов может быть представлено рынком подержанных автомобилей. Бедные не будут покупать автомобили престижных марок даже по невысокой цене, поскольку содержание таких авто-

мобилей невозможно с низкими доходами, а именно высокое потребление топлива, дорогие запасные части и ремонт, высокие налоги и страховка. В свою очередь, богатые не купят автомобиль, марки которая не будет соответствовать их статусу. Средний класс будет покупать автомобили не ниже равновесной цены бедных ($PePc$), потому что у них несоответствующий внешний вид и они требуют постоянного ремонта. Но выше равновесной цены богатых ($PeRc$) покупать тоже не будут, поскольку слишком дорогое содержание автомобиля неприемлемо даже для среднего класса.

Рассмотрим III вариант модели, отражающей наложение друг на друга зон возможных сделок богатых ($ZPTRc$) и бедных ($ZPTPc$) на рисунке 4.

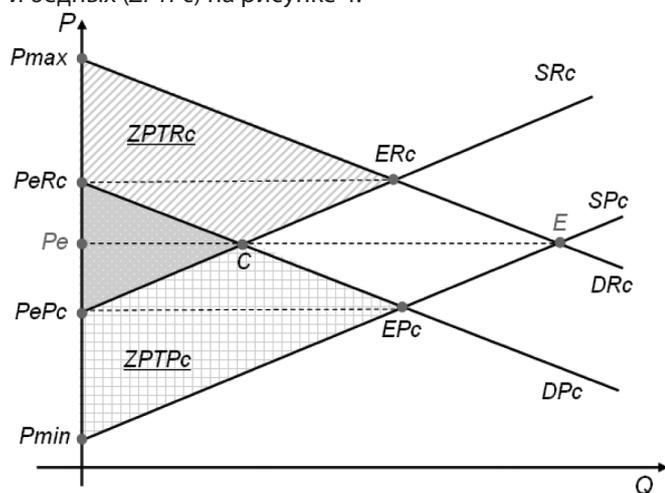

Рис. 4. Зоны возможных сделок при наложении интересов богатых и бедных

На рисунке 4 зоны возможных сделок богатых ($ZPTRc$) и бедных ($ZPTPc$) не только представлены значительными площадями, но и имеют наложение друг на друга, образуя зону общих интересов. Зона совпадающих интересов богатых и бедных представлена треугольником с вершинами $(PePc)(PeRc)(C)$. При этом зона сделок среднего класса имеет небольшой ценовой диапазон от $PePc$ до $PeRc$, приближенный к общей равновесной цене Pe .

В качестве товара зоны наложения интересов может выступать сельскохозяйственная продукция в пик сезона: картофель, огурцы, томаты, клубника и т.д. Качественную и свежую продукцию, выращенную в личных подсобных хозяйствах, все категории покупателей смогут купить только на продовольственном рынке с незначительной дифференциацией по качеству и цене.

Сформированная модель дифференциации зон возможных сделок основана на введении линий спроса и предложения для богатых и бедных групп населения. Проанализировав три варианта модели дифференциации зон возможных сделок уточнено что, покупатели дифференцированы по уровню дохода, а производители дифференцированы по качеству товара, соответствующего заданному ценовому сегменту. В соответствии с этими параметрами установлено, что каждый вид товара имеет несколько равновесных цен, а также несколько зон возможных сделок для каждой из трех групп населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров / Е.М. Майбурд. — М. Дело, Вита-Пресс, 1996. — 544 с.
2. Соколов Д.В. Расширение доли среднего класса как основы повышения эффективности Российской экономики / Д. В. Соколов // Oeconomia et Jus. — 2019. — № 2. — С. 28–34. — EDN OBWULU.
3. Тарануха Ю.В. Микроэкономика: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / Ю.В. Тарануха: под общ. ред. проф. А.В. Сидоровича. — 3-е изд. — М.: Издательство «Дело и Сервис», 2011. — 608 с.

© Соколов Дмитрий Викторович (sokolov77@inbox.ru); Ануфриева Елена Михайловна (elena2984@mail.ru);

Смолькина Юлия Викторовна (smolka7979@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УПРАВЛЕНИЕ ИННОВАЦИЯМИ И ПРОЕКТНАЯ ПРАКТИКА В СФЕРЕ ИНТЕГРАЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК ПОСТАВОК

Сунь Чуньсин

Аспирант,

Российский университет дружбы народов, г. Москва

1042238096@pfur.ru

INNOVATION MANAGEMENT AND DESIGN PRACTICE IN THE FIELD OF INTELLIGENT SUPPLY CHAIN INTEGRATION

Sun Chunxing

Summary. Innovation management and design practice in the field of intelligent supply chain integration is a cutting-edge management innovation that deeply integrates cutting-edge technologies such as modern information technology, Internet of Things technology, big data analysis, and artificial intelligence into every link of the supply chain. This service model not only improves the transparency of the supply chain, but also greatly improves the operational efficiency of the entire chain and the ability to respond quickly to market changes. Through smart supply chain integration services, enterprises can realize real-time monitoring and management of the whole process of products from raw material procurement to final delivery to consumers, ensuring that every link reaches the optimal state.

In this process, the information flow, logistics and capital flow upstream and downstream of the supply chain have been integrated like never before. Enterprises can grasp the inventory status, logistics dynamics and market demand in real time, so as to make more accurate decisions. This integrated service not only optimizes internal processes, but also promotes close cooperation with suppliers, distributors and customers, and realizes seamless docking and efficient collaborative work in all aspects of the supply chain.

The implementation of smart supply chain integration services has brought significant cost savings and efficiency improvements to enterprises. By reducing inventory backlogs, optimizing logistics routes, and increasing order processing speed, companies can significantly reduce operating costs. At the same time, this kind of service also helps companies better meet customer needs, improve service levels, and ultimately enhance their competitiveness in the market.

Keywords: Smart supply chain, integrated services, innovation management, information technology, Internet of Things, big data analysis, artificial intelligence, supply chain transparency, efficiency improvement, cost reduction, market competitiveness, real-time monitoring, process optimization, close cooperation, seamless docking, efficient collaboration, accurate decision-making, inventory management, logistics optimization, order processing, customer demand satisfaction.

Аннотация. Управление инновациями и проектная практика в сфере интеграции интеллектуальных цепочек поставок — это передовая инновация в области управления, которая глубоко интегрирует передовые технологии, такие как современные информационные технологии, Интернет вещей, анализ больших данных и искусственный интеллект, в каждое звено цепочки поставок. Такая модель обслуживания не только повышает прозрачность цепочки поставок, но и значительно повышает операционную эффективность всей цепочки и способность быстро реагировать на изменения рынка. Благодаря сервисам интеллектуальной интеграции цепочки поставок предприятия могут осуществлять мониторинг и управление всем процессом производства продукции в режиме реального времени — от закупки сырья до конечной доставки потребителям, гарантируя, что каждое звено находится в оптимальном состоянии.

В рамках этого процесса информационные потоки, логистика и движение капитала в восходящем и нисходящем звеньях цепочки поставок были интегрированы как никогда ранее. Предприятия могут в режиме реального времени отслеживать состояние запасов, динамику логистики и рыночный спрос, что позволяет принимать более точные решения. Этот комплексный сервис не только оптимизирует внутренние процессы, но и способствует тесному сотрудничеству с поставщиками, дистрибьюторами и клиентами, а также обеспечивает бесперебойную стыковку и эффективную совместную работу во всех аспектах цепочки поставок.

Внедрение услуг по интеграции интеллектуальных цепочек поставок позволило предприятиям значительно снизить затраты и повысить эффективность. Сокращая количество незавершенных складских запасов, оптимизируя логистические маршруты и повышая скорость обработки заказов, компании могут значительно снизить операционные расходы. В то же время этот вид услуг также помогает компаниям лучше удовлетворять потребности клиентов, повышать уровень обслуживания и, в конечном счете, повышать свою конкурентоспособность на рынке.

Ключевые слова: интеллектуальная цепочка поставок, интегрированные услуги, инновационный менеджмент, информационные технологии, Интернет вещей, анализ больших данных, искусственный интеллект, прозрачность цепочки поставок, повышение эффективности, снижение затрат, конкурентоспособность на рынке, мониторинг в режиме реального времени, оптимизация процессов, тесное сотрудничество, плавная стыковка, эффективная совместная работа, точное принятие решений, управление запасами, оптимизация логистики, обработка заказов, удовлетворение потребностей клиентов.

Материалы и методы исследований

В данном разделе мы рассмотрим ключевые материалы, которые были использованы для проведения исследований, а также методы, применяемые в управлении инновациями и проектной практике. Важно отметить, что интеграция интеллектуальных цепочек поставок требует глубокого понимания как технологических аспектов, так и экономических и социальных факторов, влияющих на эффективность инновационных процессов.

Во-первых, для анализа были отобраны материалы, включающие в себя научные статьи, отчеты исследовательских институтов, а также данные, полученные из отраслевых конференций и семинаров. Эти материалы позволили охватить широкий спектр мнений и подходов к управлению инновациями в сфере интеграции цепочек поставок.

Во-вторых, методы, применяемые в исследовании, включали в себя как количественные, так и качественные подходы. Среди количественных методов использовались статистический анализ, моделирование и оптимизация, а качественные методы включали в себя экспертные оценки и кейс-стадии. Это позволило не только оценить количественные показатели инновационных процессов, но и понять их качественную сторону, включая организационные и культурные аспекты.

Также особое внимание было уделено использованию информационных технологий и цифровых инструментов для поддержки интеграции цепочек поставок. Это включало в себя анализ систем управления ресурсами предприятий (ERP), систем управления цепочками поставок (SCM), а также инструменты для управления проектами и инновациями.

В заключение данного раздела подчеркивается, что выбор и применение соответствующих материалов и методов исследования играют решающую роль в обеспечении успешной интеграции интеллектуальных цепочек поставок и эффективного управления инновациями в современных условиях глобализации и цифровизации экономики.

Интеграционные услуги интеллектуальной цепочки поставок являются краеугольным камнем конкурентоспособности современных предприятий, благодаря интеграции передовых информационных технологий и инновационных концепций управления, чтобы достичь интеллектуальной, автоматизированной работы и максимальной эффективности цепочки поставок. Определение интеллектуальной цепочки поставок не ограничивается традиционной логистикой, информационными потоками и управлением денежными потоками, но так-

же подчеркивает использование IoT, анализа больших данных, искусственного интеллекта и других ключевых технологий для мониторинга и оптимизации цепочек поставок в режиме реального времени в ответ на быстро меняющиеся потребности рынка и ожесточенную глобальную конкуренцию. [1]

Интеграционные услуги играют ключевую роль в интеллектуальной цепочке поставок, интегрируя ресурсы и информацию в цепочке поставок, чтобы достичь оптимизации процессов и повысить общую эффективность. Например, благодаря внедрению IoT-технологий каждое звено в цепочке поставок может контролировать и обмениваться данными в режиме реального времени, что значительно сокращает запасы и повышает скорость реагирования. Согласно исследованию McKinsey, применение технологий IoT в управлении цепочками поставок может снизить уровень запасов на 10–15 %, одновременно повышая прозрачность и гибкость цепочек поставок. Например, Amazon использует технологию больших данных для анализа покупательского поведения, точно прогнозирования рыночного спроса и достижения точного управления запасами. Динамическая стратегия пополнения запасов и тонкое управление классификацией запасов обеспечивают эффективное оборот запасов, что делает их намного выше, чем у традиционных розничных продавцов. Эти функции интегрированных услуг не только повышают эффективность и оперативность цепочки поставок, но и обеспечивают значительную экономию затрат и конкурентное преимущество для предприятий [2].

В инновационной практике управления интеллектуальными цепочками поставок применение технологий Интернета вещей стало ключевым фактором, способствующим повышению эффективности и прозрачности цепочек поставок. Питер Друкер сказал: «Инновации — это действие, которое дает ресурсам новые возможности для создания богатства». Интеллектуальная цепочка поставок сохраняет лидирующие позиции в жесткой конкуренции на рынке путем интеграции ресурсов между отделами, преодоления информационных изоляций, автоматизации процессов и интеллектуального принятия решений. [3]

В широком применении интеллектуальных служб интеграции цепочек поставок, технология Интернета вещей является мощной движущей силой, которая ведет управление цепочками поставок на путь инноваций. Развертывая датчики, RFID-метки и интеллектуальные устройства на всех этапах цепочки поставок, компании могут собирать и анализировать данные в режиме реального времени, что позволяет точно контролировать поток товаров, уровни запасов и состояние оборудования. Немецкая компания Bosch оптимизировала производственные процессы с помощью технологий

Интернета вещей и снизила себестоимость производства. Применение технологии IoT в интеллектуальных логистических инновациях делает отслеживание грузов более точным, а благодаря мощным возможностям анализа данных в режиме реального времени предприятия могут эффективно прогнозировать и реагировать на возможные сбои в цепочке поставок, гарантируя доставку грузов в пункт назначения своевременно и без ошибок. [4]

Технологии искусственного интеллекта, особенно машинного обучения и обработки естественного языка, постепенно преобразуют процессы принятия решений в цепочках поставок. Используя интеллектуальные алгоритмы, системы цепочки поставок могут автоматически идентифицировать и реагировать на ненормальные ситуации, такие как задержки в транспортировке или риски поставщиков, что повышает гибкость и быстроту реагирования по всей цепочке поставок. [5]

В интеллектуальных сервисах интеграции цепочек поставок множество примеров применения больших данных и искусственного интеллекта. Применение аналитики больших данных и искусственного интеллекта в оптимизации цепочек поставок также сталкивается с проблемами, такими как защита конфиденциальности данных, алгоритмическая прозрачность и этические вопросы. Компании должны стремиться к эффективности и инновациям, одновременно обеспечивая соблюдение нормативных требований и выполнение социальных обязательств. Создание устойчивой экосистемы интеллектуальных цепочек поставок требует установления баланса между технологическим прогрессом и этикой, обеспечивая, чтобы использование технологий способствовало общему благополучию общества [6].

В рамках инновационных проектов интеллектуальной логистики мы видим, как технологический прогресс революционизирует управление цепочками поставок. в инновационном управлении и проектной практике интеллектуальных услуг интеграции цепочек поставок примеры инновационных проектов интеллектуальных систем хранения подчеркивают глубокое влияние технологического прогресса на оптимизацию цепочки поставок. [7] Как сказал Питер Друкер, «инновации — это создание новой ценности». Инновационные проекты интеллектуальных складских систем создают новую ценность, которая не только повышает эффективность, но и обеспечивает устойчивое конкурентное преимущество для предприятий. [8]

С быстрым развитием технологий Интернета вещей управление цепочками поставок претерпевает беспрецедентные изменения. По прогнозам IDC, к 2025 году количество подключений IoT-устройств превысит 55 миллиардов, что значительно повысит прозрачность

и эффективность цепочек поставок. [9] Интеграционные сервисы интеллектуальной цепочки поставок создают новый способ оптимизации распределения ресурсов посредством применения инновационных технологий, которые приносят конкурентное преимущество предприятиям.

С ростом мировой торговли и растущим разнообразием потребительских потребностей Интегрированные сервисы интеллектуальных цепочек поставок сталкиваются с беспрецедентными возможностями. Согласно исследованию McKinsey, к 2025 году цифровая трансформация управления цепочками поставок принесет до 1,5 триллиона долларов в мировой ВВП. Как сказал Джефф Безос, «мы несем ответственность за сохранение нашей планеты и сохранение устойчивой окружающей среды для будущих поколений». Поэтому создание эффективной и экологически чистой экосистемы интеллектуальных цепочек поставок является важной тенденцией будущего управления цепочками поставок. [10]

В практике инновационных проектов в интеллектуальных цепочках поставок, тематический анализ показывает, что некоторые ведущие компании уже начали внедрять экологически чистые системы управления цепочками поставок. Например, международный гигант розничной торговли не только повысил эффективность хранения, но и сократил избыточные запасы за счет точного контроля запасов, снизив тем самым воздействие на окружающую среду. Реализация стратегии устойчивого развития требует учета воздействия на окружающую среду на каждом этапе цепочки поставок, начиная от закупки сырья и заканчивая утилизацией продукта, и все решения должны быть направлены на сокращение воздействия на окружающую среду. [11]

С точки зрения проблем, управление зелеными цепочками поставок сталкивается с целым рядом проблем, таких как давление на затраты, сложность сотрудничества с поставщиками и соответствие нормативным требованиям. Компании должны инвестировать больше средств в улучшение экологически чистых технологий и процессов, одновременно обеспечивая эффективность цепочки поставок. [12] В то же время партнерские отношения с поставщиками должны основываться на общей концепции защиты окружающей среды, что на практике часто требует преодоления культурных различий и конфликтов интересов.

Применение стратегий устойчивого развития в интеллектуальных цепочках поставок является ключом к достижению долгосрочной конкурентоспособности и корпоративной социальной ответственности. Поскольку глобальное изменение климата и дефицит ресурсов становятся все более серьезными, управление цепочками поставок должно учитывать воздействие

на окружающую среду и социальную ответственность. [13] Одно исследование показало, что предприятия могут значительно сократить выбросы парниковых газов путем оптимизации транспортных маршрутов, например, исследование администрации Панамского канала показало, что оптимизация маршрутов может снизить потенциал выбросов до 10 %. Применение технологий анализа больших данных и искусственного интеллекта не только повышает эффективность цепочки поставок, но и позволяет прогнозировать и смягчать потенциальные экологические риски. Например, благодаря глубокому анализу исторических данных и рыночных тенденций компании могут точно предсказать колебания цен на сырье и принимать эффективные меры по минимизации негативного воздействия на окружающую среду.

В условиях глобализации торговли интеллектуальные интегрированные сервисы цепочки поставок должны строго соответствовать международным торговым нормам для обеспечения соответствия цепочкам поставок. Интеграционные сервисы для интеллектуальных цепочек поставок, используя передовые технологии, такие как блокчейн, могут повысить прозрачность и гарантировать неизменность записей транзакций, помогая компаниям лучше соблюдать правила международной торговли, одновременно повышая эффективность и надежность цепочек поставок. [14]

В процессе внедрения интеллектуальных интегрированных сервисов цепочки поставок этические вопросы и социальная ответственность имеют решающее значение. Поскольку глобализация и сложность цепочек поставок становятся все более сложными, компании должны уделять больше внимания этическому поведению и социальной ответственности в цепочках поставок, сосредоточив внимание на затратах, эффективности и качестве [15]. Практика управления «зеленой» цепочкой поставок показывает, что благодаря сокращению отходов, снижению энергопотребления и использованию устойчивых материалов предприятия могут снизить воздействие на окружающую среду, одновременно повышая имидж бренда и конкурентоспособность на рынке [16].

Результаты исследований управления инновациями и проектная практика в сфере интеграции интеллектуальных цепочек поставок показывают, что внедрение инновационных подходов в управление цепочками поставок может значительно повысить эффективность и гибкость системы. Интеграция интеллектуальных технологий, таких как искусственный интеллект и большие данные, способствует оптимизации процессов, улучшению прогнозирования спроса и повышению уровня обслуживания клиентов. Проектная практика подчеркивает важность сотрудничества между участниками цепочки поставок, а также необходимость постоянного обучения и адаптации к меняющимся рыночным условиям.

В дополнение, интеграция интеллектуальных технологий позволяет предприятиям в реальном времени мониторить и анализировать данные по всей цепочке поставок, обнаруживать и решать проблемы в своевременном порядке. Это способствует снижению рисков и повышению устойчивости бизнеса. Кроме того, такая интеграция способствует более эффективному использованию ресурсов, снижению воздействия на окружающую среду и увеличению социальной ответственности предприятий.

Обсуждения исследований в современном мире инновации в управлении играют ключевую роль в повышении эффективности и конкурентоспособности бизнеса. Интеллектуальные цепочки поставок, интегрированные с передовыми технологиями, способствуют оптимизации процессов, уменьшению издержек и улучшению взаимодействия между участниками рынка. Проектная практика в этой области включает в себя разработку и внедрение инновационных решений, таких как использование больших данных, искусственного интеллекта и машинного обучения для прогнозирования спроса, оптимизации логистических маршрутов и автоматизации рабочих процессов.

Важным аспектом является также создание гибких и адаптивных систем, которые могут быстро реагировать на изменения в рыночной среде и потребностях клиентов. Это достигается за счет внедрения модульных решений и платформ, позволяющих компаниям легко интегрировать новые технологии и методы работы. Важно подчеркнуть, что успешная интеграция интеллектуальных цепочек поставок требует не только технологических инноваций, но и квалифицированных кадров, способных управлять этими сложными системами и постоянно повышать их эффективность.

Выводы исследований показывают, что интеграция интеллектуальных цепочек поставок может значительно повысить эффективность управления и оперативность реагирования на изменения рынка. Это достигается за счет использования передовых технологий, таких как искусственный интеллект, большие данные и Интернет вещей, которые способствуют оптимизации логистических процессов и повышению прозрачности цепей поставок. Важным аспектом является также сотрудничество с ключевыми партнерами и поставщиками, что позволяет создавать более гибкие и адаптивные модели бизнеса, которые могут быстро реагировать на изменения в спросе и предложении. Достигается это, в частности, за счет внедрения систем управления, которые позволяют в режиме реального времени отследить состояние инвентаря, прогнозировать потребности и оптимизировать закупки. В результате, компании могут сократить затраты, повысить качество услуг и продукции, а также ускорять время выхода новых продуктов на рынок.

Применимость выводов исследований не ограничена только отрасль интеграции интеллектуальных цепочек поставок. Они также могут быть полезны для других отраслей, где эффективное управление цепочками поставок является ключевым фактором успеха. Например, в розничной торговле, транспортировке или медицине.

Однако, для успешного внедрения интеллектуальных решений в цепочки поставок необходимо не только наличие технологии, но и готовность компаний к изме-

нениям, включая переосмысление бизнес-процессов, повышение квалификации персонала и создание соответствующей инфраструктуры.

Таким образом, исследования в области управления инновациями и проектная практика в сфере интеграции интеллектуальных цепочек поставок открывают новые возможности для повышения эффективности бизнеса и создания более гибких и адаптивных модели работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Li Bo, Liu Weihua, «Smart Supply Chain Transformation Evaluation Analysis and Operation Mechanism Research», China Social Sciences Press, March 2024, 17–39.
2. Shen Liqiong, Huang Guangyu, Ye Fei, «Supply Chain Policy and enterprise technological innovation: Empirical evidence from the government's identification of supply chain innovation pilot enterprises», Science and Technology Management Research, 2022, 42 (19), pp. 97–110.
3. Song Hua, Han Mengwei, Hu Xueqin, «How does Supply Chain Finance Promote the low-carbon development of Supply chain? Based on the Innovation practice of State Grid YingUniversity», Management World, Vol. 39, No. 5, 2023, pp. 93–112.
4. Jensen T., Hedman J., Henningsson, S. How TradeLens Delivers Business Value With Blockchain Technology. MIS Quarterly Executive. 2019, 18(4), 221–243.
5. Zhang Xiaojin, «Review and Prospect of Supply chain Innovation Research: Connotation, Measurement and influence Mechanism», Journal of Chongqing Technology and Business University (Social Science Edition), 2021, 38 (5), 9–21.
6. Xia Zhenlai, Zou Ruyi, Qi Hui, Li Yuda, The development trend of global intelligent supply chain and Suggestions on the supply chain construction strategy of central enterprises, Journal of Modern Management, 2020-12-30, 2020, 10(6), 1062–1068. Published Online December 2020 in Hans. <http://www.hanspub.org/journal/mm>, <https://doi.org/10.12677/mm.2020.106128>.
7. Zhang Mingyan, Smart logistics development model and optimization countermeasures from the perspective of supply chain, 2024-10-18, Pages: 3 (35 to 37), DOI: 10.12323 / j.i SSN. 1673-0542.2024.11.009, <https://d.wanfangdata.com.cn/periodical/QKBJBD20242024101800007354>.
8. Shuang Wei, Weihua Liu, Yong Lin, Jingkun Wang, Tingting Liu, Smart supply chain innovation model selection: exploitative or exploratory innovation, International Journal of Logistics Research and Applications, 2021, 478–497, DOI:10.1080/13675567.2021.1965104Corpus ID: 238720125, <https://www.semanticscholar.org/paper/Smart-supply-chain-innovation-model-selection%3A-or-Wei-Liu/50bd4fe86a73ca33834f661fa53a4f4544f6a97b>.
9. Mohammad J. Aladaileh, Khaled Jameel Aladaileh, Eva Lahuerta-Otero, Mapping sustainable supply chain innovation: A comprehensive bibliometric analysis, Volume 10, Issue 7, 15 April 2024, e29157, <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e29157>.
10. Weihua Liu, Yanjie Liang, Ming K. Lim, Shangsong Long, Xiaoran Shi, A theoretical framework of smart supply chain innovation for going global companies: a multi-case study from China, The International Journal of Logistics Management, May 23, 2022, 1090–1113, ISSN: 0957-4093, <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/ijlm-10-2020-0388/full/html>.
11. Bo FENG, Qiwen YE, Operations management of smart logistics: A literature review and future research, Frontiers of Engineering Management, Published: 15 April 2021, Volume 8, pages 344–355, <https://link.springer.com/article/10.1007/s42524-021-0156-2>.
12. ShiYun, intelligent architecture of supply chain: from business to technology, mechanical industry publishing house, 2022-7, page number: 312, <https://book.douban.com/subject/36019000/>.
13. Wang Guowen, Supply Chain Management, Latest Definition of Logistics Management, published by CLM, 2005-01-008, DOI: CNKI:SUN:ZWZJ.0.2005-01-008, jinyueya.com.
14. Weibalsaux and Kraus, Maersk, Fundamentals of Logistics Management, 2012-01-30, 70-98
15. Shi Dongmei, Wang Jing, Supply Chain Policy and Suggestions of the Biden Administration, High Technology Research and Development Center, Ministry of Science and Technology, Vol.38 No.2, Feb. 2023, DOI: 10.3772/j.issn.1009-8623.2023.02.004, https://journals.istic.ac.cn/qkqkjilw/ch/reader/create_pdf.aspx?file_no=202302004&year_id=2023&quarter_id=2&falq=1.
16. Supply Chain Management-an International Journal, ENGLAND, ISSN: 1359-8546, Multiple, Founded in 1996, 6 issues/year, <https://www.ifabiao.com/sci/13598546/>.

© Сунь Чуньсин (1042238096@pfur.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОДХОД К ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ И ВЫПОЛНЕНИЯ РАБОТ В РКО ЗА СЧЕТ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСУРСНОЙ МОДЕЛИ

DEVELOPMENT OF PROPOSALS FOR THE FORMATION OF A RESOURCE MODEL TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF WORK WITHIN THE FRAMEWORK OF RESEARCH AND DEVELOPMENT

*K. Chernova
D. Brel
I. Ivchenko*

Summary. This article analyzes the current situation of planning and implementation of research and development in the rocket and space industry. The process of allocating resources in the planning and execution of research and development is considered. An approach to the allocation of resources and knowledge in the rocket and space industry based on the use of intelligent decision support systems is proposed.

Keywords: research work, development work, planning, efficiency, resources, resource model, solution, neuro-network technologies, knowledge, competencies, management.

Чернова Карина Алексеевна

АО «ЦНИИмаш», г. Королев
chernova.car@yandex.ru

Брель Даниил Олегович

АО «ЦНИИмаш», г. Королев
BrelDO@tsniimash.ru

Ивченко Иван Александрович

к.т.н., АО «ЦНИИмаш», г. Королев
IvchenkoIA@tsniimash.ru

Аннотация. В данной статье проанализирована текущая ситуация планирования и выполнения НИР и ОКР в ракетно-космической отрасли. Рассмотрен процесс распределения ресурсов при планировании и выполнении НИР и ОКР. Предложен подход к распределению ресурсов и в ракетно-космической отрасли на основе использования интеллектуальных систем поддержки принятия решений.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа, опытно-конструкторская работа, планирование, эффективность, ресурсы, ресурсная модель, нейросетевые технологии, компетенции, управление.

Введение

Выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ играет ключевую роль в развитии экономического прогресса в стране. Согласно основным целям и принципам государственной научно-технической политики [1] на научные организации возложена большая ответственность по эффективному использованию научно-технического потенциала, увеличению вклада науки и техники в развитие экономики государства, реализации важнейших социальных задач, обеспечению прогрессивных структурных преобразований в области материального производства, повышение его эффективности и конкурентоспособности продукции, улучшение экологической обстановки и защиты информационных ресурсов государства, укрепление обороноспособности государства.

Наука, благодаря научным открытиям определяет статус государства на международном уровне, позволяет государству активно прогрессировать и успешнее преодолевать кризисы, а также приносит большую прибыль национальной экономике [2].

Успешное выполнение НИР и ОКР научными организациями основывается на грамотном планировании работ и распределении ресурсов [3]. Ресурсами, оказывающими влияние на реализуемость и эффективность проектов в ракетно-космической отрасли (РКО), являются как структурные подразделения организации, так и предприятия-соисполнители составных частей проекта. К основным видам ресурсов, используемых предприятием, относят: материальные ресурсы, трудовые, в том числе интеллектуальные ресурсы, финансовые, информационные и др. [10].

Планирование работ включает в себя анализ деятельности предприятия, технико-экономический анализ вариантов проектов, подготовку обоснования разработки, подготовку головного технического задания, частных технических заданий, генерального и исполнительного план-графика, рабочих планов проекта [4, 5].

Выполнение НИР и ОКР подразумевает выполнение большого объема работ, учет и контроль возникающих изменений, а также оценку способности выполнения задач в срок с учетом изменения объема работ и наличия необходимых ресурсов.

Научно-исследовательская сфера имеет несколько немаловажных особенностей, которые затрудняют традиционное полномасштабное стратегическое планирование, среди них можно выделить:

- детерминированность событий;
- вероятности отклонений от хода выполнения работы;
- затяжной характер исследований;
- слабую прогнозируемость будущих событий;
- высокую стоимость исследований и как следствие, высокую стоимость ошибок [3].

В связи с этим, для грамотного планирования и выполнения данных работ, возрастает потребность в инструментах рационального управления ресурсами и знаниями.

Актуальность данной работы обосновывается наличием большого объема ресурсов, грамотное распределение которых при планировании и выполнении НИР и ОКР является ключевым фактором, влияющим на успешное выполнение работ.

Научная новизна работы состоит в предложении нового подхода к распределению ресурсов при планировании и выполнении НИР и ОКР в РКО, основанному на использовании интеллектуальной системы поддержки принятия решений.

Предложенный в настоящей работе подход направлен на повышение эффективности планирования и выполнения НИР и ОКР посредством рационального распределения ресурсов, что достигается за счет:

- применения систем поддержки принятия решений на основе технологий машинного обучения;
- цифрового профиля сотрудника;
- цифровых профилей организаций.

Постановка задачи

Целью данной работы является повышение эффективности распределения ресурсов в рамках планирования и выполнения НИР, ОКР посредством внедрения интеллектуальной системы поддержки принятия решений.

Проблематика исследования заключается в том, что распределение ресурсов в рамках планирования и выполнения НИР и ОКР в РКО достаточно трудоемкий и ответственный процесс, напрямую влияющий на успешное выполнение работ. В рамках планирования и выполнения НИР и ОКР необходим учет множества факторов в разных степенях напрямую или косвенно влияющих на выполнение работ. Анализ данных факторов и выявление закономерностей их влияния достаточно длительный и трудоемкий процесс, отнимающий большое количество ресурсов и времени.

Современными тенденциями для решения такого рода задач является использование систем поддержки принятия решений на основе нейро-сетевых алгоритмов. Данные системы успешно применяются в финансовом секторе, юриспруденции, энергетике, логистике, промышленности и др. [13, 15].

На сегодняшний день в РКО отсутствует практика использования данных систем при принятии решений, в связи с чем важно рассмотреть применение таких систем при распределении ресурсов в рамках планирования выполнения НИР и ОКР.

Разработка подхода

Согласно нормативным документам Госкорпорации «Роскосмос» (ГК «Роскосмос») обеспечивает реализацию государственной политики в области космической деятельности и ее нормативно-правовое регулирование, а также размещает заказы (выполняет функцию Государственного заказчика) на разработку, производство и поставку космической техники и объектов космической инфраструктуры.

ГК «Роскосмос» осуществляет свою деятельность в рамках выполнения ГП «Федеральная космическая программа России на 2016–2025 годы», утвержденной Постановлением Правительства РФ №230 от 23 марта 2016 года [7].

Головной исполнитель НИР и ОКР определяется на конкурсной основе. Госкорпорация выявляет потребности в необходимой продукции, подготавливает необходимые документы для организации закупок (техническое задание (ТЗ), проект договора и пр.), проводит конкурс и заключает контракт с выигравшей организацией.

Типовая схема планирования выполнения НИР, ОКР в общем виде включает следующие работы: анализ и декомпозиция технического задания на задачи, которые необходимо выполнить для достижения поставленной цели, определение сроков работ, формирование команды для выполнения тех или иных задач, учет рисков. К типовым рискам относятся: сокращение объемов финансирования работ, нехватка кадров, болезнь ключевых сотрудников, отпуска, увольнение, перегруженность трудовых ресурсов, отсутствие вовлеченности в проект, нарушения сроков план-графика работ, изменения требований головного заказчика, срыв срока контрактации и пр. [8–9].

Основной проблемой для головного исполнителя при планировании и выполнении НИР и ОКР в РКО является неэффективное распределение ресурсов, приводящее к срыву сроков и невыполнению требований технического задания [3, 6].

Эффективное распределение ресурсов — это распределение ресурсов между задачами, учитывая приоритеты, зависимости и ограничения проекта, анализ большого объема данных для достижения желаемого результата в срок [11].

На данный момент существуют различные отечественные интеллектуальные системы поддержки принятия решений, различающихся по количеству элементов в системе и возможностью использования набора функций. Среди основных систем можно выделить PolyAnalyst, Loginom, Almaz Monitoring. Представленные программы анализируют данные и текстовые документы посредством извлечения именованных сущностей, их классификации и выявления связей между документами в целях принятия более эффективных управленческих решений [12].

Согласно источнику [13], внедрение системы PolyAnalyst в компаниях демонстрирует высокое качество анализа: полнота результатов составляет от 0,84 до 0,93; точность — от 0,82 до 0,98 по разным типам событий. Готовое решение за 1 час обрабатывает около 20 миллионов слов. Для обработки информации такого объема команде в 20 человек понадобится не менее 18 рабочих дней. Увеличилась частота предоставления отчетности с 12 раз в год до 52. Увеличилась глубина и скорость осознания компанией потребностей своих клиентов и уровня их удовлетворенности обслуживанием.

Внедрение Loginom в ГК «Авенир» позволило оперативно выявить три контракта, суммарно приносящих 30 млн. руб. убытков в месяц, система помогла обосновать перед ключевым партнером — компанией «Unilever» более выгодных договорных условий. В Estee Lauder Companies Inc. при помощи Loginom компания многократно сократила временные и трудовые затраты на прогнозирование розничных продаж [14]:

- время на обработку сценария для off-line розницы — 1 минута;
- время на обработку сценария для on-line розницы — 30 секунд,

и оптимизировала товарные запасы:

- сокращение запасов на 50 % в off-line рознице (на примере бренда Bobbi Brown);
- сокращение сверхзапасов в on-line рознице на 15 % за 3 месяца.

Сравнение данных систем представлено в таблице 1.

Не смотря на очевидные преимущества, практическое применение данных систем для организаций ракетно-космической отрасли не подходит по ряду причин. В представленных решениях отсутствует возможность предоставления открытого исходного кода, что в даль-

Таблица 1.

Сравнение интеллектуальных систем поддержки принятия решений [12-15]

Критерии	PolyAnalyst	Loginom	Almaz Monitoring
Статистический анализ	+	+	Отсутствует
Потоковая аналитика	+	+	+
Наличие API	+	+	+
Многопользовательский доступ	+	+	+
Анализ больших данных	+	+	+
Администрирование	+	+	+
Коннекторы для источников данных	+	+	+
Бесплатное пользование	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует
Визуализация данных	+	+	+
Машинное обучение	+	+	+
Импорт/Экспорт данных	+	+	+
Индикация трендов и проблем	+	+	+
Прогнозирование и предсказательная аналитика	+	+	+
Отчетность и аналитика	+	+	+
Интерактивная аналитическая обработка	Отсутствует	+	+
Интеллектуальный анализ данных	+	+	Отсутствует
Учет специфики предприятия	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует

нейшем, в случае возникновения потребности в доработке системы для нужд научных институтов обязывает заключение контракта на выполнение работ. Недостатком является и то, что данные системы платные. Также, при внедрении системы необходимо учитывать специфику организации, организационную структуру управления предприятием [5, 6]. Интеграция в РКО существующих решений потребует значительных временных и финансовых затрат. И результат внедрения может оказаться неудовлетворительным.

Для эффективного распределения ресурсов при планировании и выполнении работ предлагается создание программного комплекса, основывающегося на нейросетевых технологиях и цифрового профиля организации.

В качестве критериев эффективности при выполнении НИР и ОКР предлагается принять сроки, бюджет и соответствие результатов работ задачам, поставленным в ТЗ.

В предлагаемом решении нейросетевые технологии осуществляют итеративный анализ большого объема данных, выявляют паттерны, определяют взаимосвязи данных и сопоставляют эти данные с данными цифрового профиля организации с целью формирования ресурсной модели при выполнении НИР и ОКР.

Ресурсная модель представляет собой перечень сотрудников с процентной возможностью выполнения необходимой работы.

Цифровой профиль организации служит для хранения аккумулированных данных по выполненным

работам, текущим ресурсам и компетенциям организации.

Цифровой профиль организации включает карточки сотрудников с данными об их компетенциях с разделением на категории hard skills (технические навыки), soft skills (личностные качества), перечнем должностных обязанностей, пройденными курсами, выполненными работами (портфолио) и прочими данными. Также цифровой профиль организации содержит информацию о деятельности организации, количестве и составе выполненных и текущих работ, затраты на выполнение НИР и ОКР и пр. (рисунок 1).

Наличие цифрового профиля организации является одним из ключевых элементов предлагаемого решения,

Рис. 1. Состав Цифрового профиля организации

аккумулирующим и предоставляющим алгоритмам комплексную и структурированную информацию для анализа и обработки данных для эффективного определения ресурсов.

На рисунке 2 представлена логика работы предлагаемого решения в процессе распределения ресурсов при выполнении НИР и ОКР.

Логика работы предлагаемого решения заключается в следующем. В программный комплекс загружаются документы для анализа (государственные контракты, технические задания, рабочие программы). При помощи библиотеки *pullenti* из загруженного документа формируется модель документа json, состоящая из задач, требований, сроков и результатов, и словарь токенов. Далее полученные результаты передаются в сервис выбора исполнителя.

Процесс работы сервиса выбора исполнителя заключается в следующем. На вход подаются сформированная модель требований, словарь токенов документа и сло-

варь токенов Цифрового профиля сотрудника. При помощи нейросети *Word2Vec* словари токенов переводятся в векторы, им присваиваются векторные значения. Далее при помощи простого алгоритма исполнители отфильтровываются по критериям. Критериями выступают требования и данные Цифрового профиля сотрудника (направление деятельности, набор компетенций, опыт работы и прочее). Совокупность исполнителей формируют ресурсную модель.

Результат построения модели требований представлен ниже (рисунок 3, рисунок 4).

Помимо преимуществ, представленных выше, применение данного подхода способствует выявлению критических и/или недостающих знаний в организации, необходимые навыки, требуемые проектами, что позволит соответствующим службам оперативно реагировать на данные риски, тем самым наращивать компетенции организации и повышать её экономическую значимость.

Предложения по внедрению: внедрение подхода для одной организации одного проекта, далее распростра-

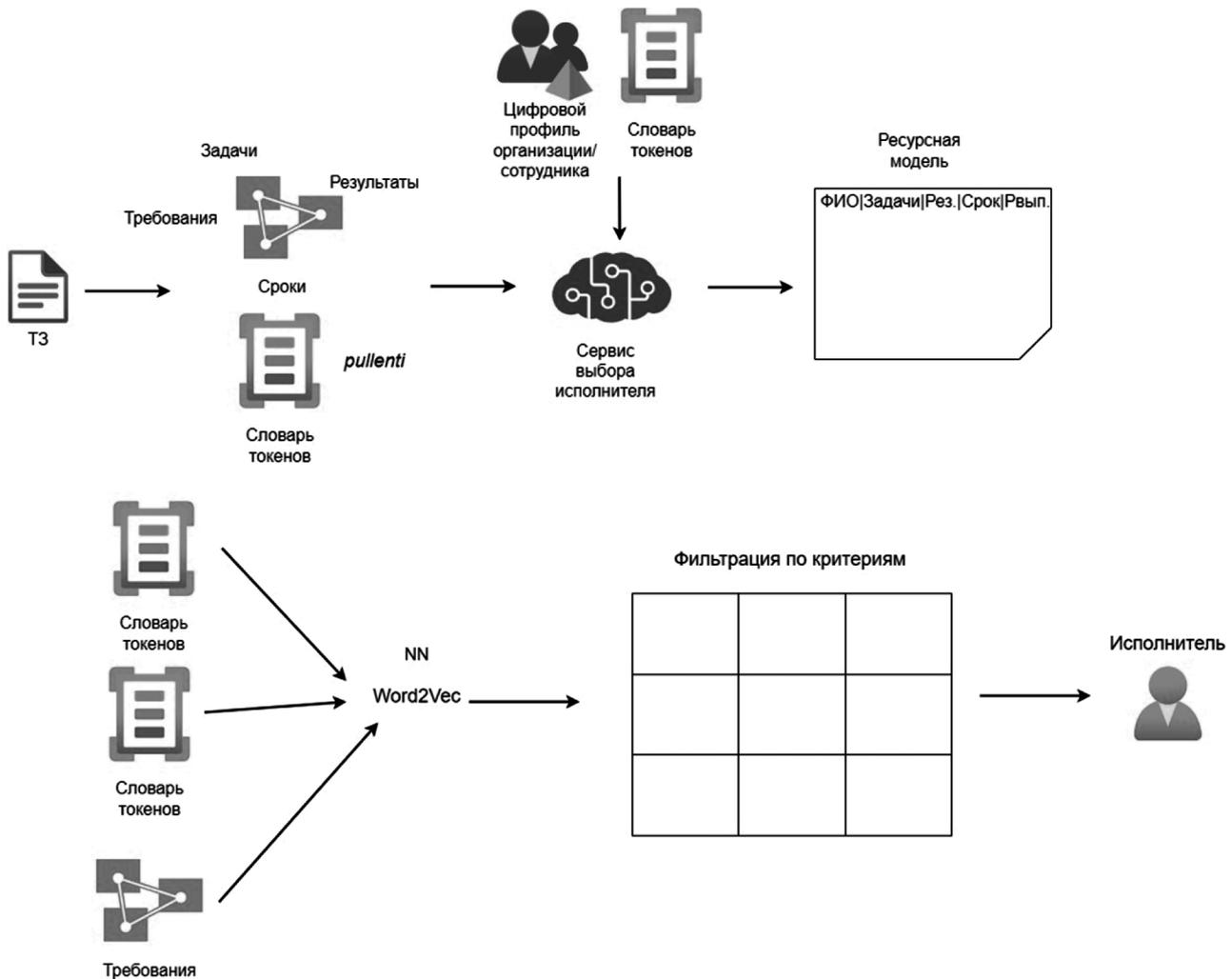

Рис. 2. Модель логики работы программного комплекса

- 14. Задачами государственной политики в области космической деятельности в интересах фундаментальных космических исследований являются:¶
 - а) реализация к 2015 году потенциала для создания космических средств и решения наиболее актуальных задач, включая развертывание и эксплуатацию космических обсерваторий для проведения исследований астрофизических объектов в радио-, рентгеновском и гамма-диапазонах спектра электромагнитного излучения, создание на базе унифицированной платформы дешевых малоразмерных космических аппаратов для решения отдельных актуальных задач исследования космических лучей и солнечно-земных связей, возобновление комплексных исследований Луны с использованием автоматических космических аппаратов, изучение клеточных и молекулярных механизмов влияния невесомости и других эффектов воздействия космического пространства, участие в международных космических проектах по исследованию Луны, Марса и системы Юпитера;¶
 - б) создание к 2020 году отечественных космических обсерваторий для проведения исследований астрофизических объектов в ультрафиолетовом, гамма- и миллиметровом диапазоне спектров электромагнитных излучений со сверхвысокими чувствительностью и разрешающей способностью;¶
 - в) проведение углубленных исследований Луны с окололунной орбиты и на ее поверхности автоматическими космическими аппаратами, в том числе с использованием луноходов и средств доставки образцов лунного грунта на Землю, выбор районов размещения автоматических лунных баз;¶
 - г) активное участие в международной кооперации по исследованию Солнца, Луны, планет и малых тел Солнечной системы;¶
 - д) изучение биологических эффектов лунной и марсианской силы тяжести, создаваемой с помощью боттовых центрифуг на биоспутниках. проведение исследований комбинированных

Рис. 3. Типовой фрагмент документа [16]

нить на несколько проектов нескольких подразделений, после чего можно интегрировать в несколько организаций.

Заключение

В статье рассмотрена проблема неэффективного распределения ресурсов при выполнении НИР и ОКР, проанализирована текущая ситуация планирования и выполнения НИР, ОКР, и предложен подход к распределению ресурсов и в ракетно-космической отрасли на основе использования интеллектуальных систем поддержки принятия решений.

Предложен подход, применение которого способно сократить время по формированию ресурсной модели

в рамках планирования и выполнения работ, снизить риски, избежать критических ошибок, что приводит к срыву сроков и невыполнению требований ТЗ, сократить трудозатраты, повысить вероятность эффективного распределения ресурсов, и тем самым повысить вероятность успешного выполнения НИР, ОКР.

Также, данное решение, помимо формирования ресурсной модели для выполнения работ, способно выявлять критические и/или недостающие знания в организации, необходимые навыки, требуемые проектами, что позволит соответствующим службам оперативно реагировать на данные риски тем самым наращивать компетенции организации и повышать её экономическую значимость.

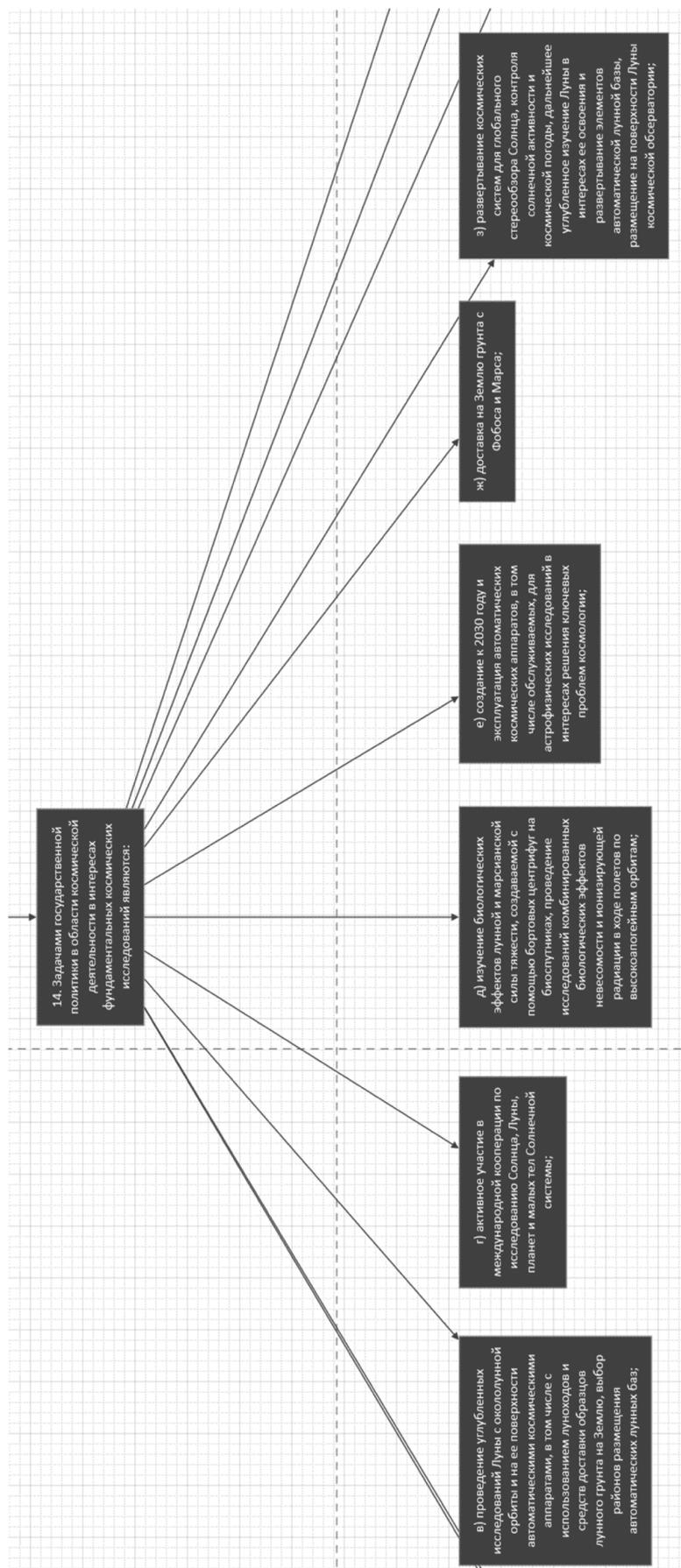

Рис. 4. Результат построения модели документа

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 23.08.1996 N 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О науке и государственной научно-технической политике» Статья 11. Основные цели и принципы государственной научно-технической политики.
2. Самарина В.П., Новикова О.А., Склярова Е.А., Ульянова А.Б. Роль науки в развитии экономики: теоретические аспекты и практика // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 2(63). С. 118–121.
3. М.Г. Гагиян, Г.С. Сапрунов, Р.К. Францев Аспекты управления проектами НИОКР в ракетно-космической отрасли // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2016. №12.
4. ГОСТ Р 15-101-2021» Национальный стандарт Российской Федерации. Система разработки и постановки продукции на производство. Порядок выполнения научно-исследовательских работ» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 24.08.2021 N 784-ст).
5. РК-11 Порядок создания, производства и эксплуатации (применения) ракетных и космических комплексов.
6. Зырянова М.М. Некоторые аспекты управления кооперацией при реализации проектов в ракетно-космической промышленности // Вестник науки. 2024. №6 (75).
7. Куркова О.П. Организация и планирование научно-технических исследований и разработок // Монография Санкт-Петербург «Наукоемкие технологии». 2018.
8. Славянов А.С., Хрусталёв Е.Ю. Риски и приоритеты стратегии развития отечественной ракетно-космической промышленности // Научный журнал КубГАУ. 2017. №129.
9. Чернова К.А. Обзор основных рисков при управлении проектом и предложения по снижению их влияния // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №4-5 (91).
10. Надточий Ю.Б., Горелова Л.И. Проблемы ресурсного обеспечения предприятий ракетно-космической отрасли // Вопросы инновационной экономики. 2019. №2.
11. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).
12. Обширный список программных систем и сервисов [Электронный ресурс]. URL: <https://soware.ru/products/> (дата обращения: 10.06.2024).
13. Информационно-аналитическая платформа PolyAnalyst [Электронный ресурс]. URL: <https://www.megaputer.ru> (дата обращения: 10.06.2024).
14. Low-code платформа для реализации аналитических процессов [Электронный ресурс]. URL: <https://loginom.ru/> (дата обращения: 10.06.2024).
15. Обзор программы Almaz-monitoring [Электронный ресурс]. URL: <https://inleksys.ru/almaz-monitoring/> (дата обращения: 10.06.2024).
16. Основные положения ОСНОВ государственной политики Российской Федерации в области космической деятельности на период до 2030 года и дальнейшую перспективу, утвержденные Президентом Российской Федерации от 19 апреля 2013 г. № Пр-906.

© Чернова Карина Алексеевна (chernova.car@yandex.ru); Брель Даниил Олегович (BrelDO@tsniimash.ru);

Ивченко Иван Александрович (lvchenkoIA@tsniimash.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СИСТЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

STAGES OF FORMATION OF THE SYSTEM OF ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

M. Yuryev

Summary. This paper studies the stages of formation of the system of economic security from the times of pre-revolutionary Russia to the present time. The paper characterizes the Soviet period of formation of the economic security system, taking into account the significant success of its control function, but insufficient attention to the economic efficiency of economic processes. The paper identifies the key moments of the formation of bodies that form the system of economic security, starting with the OVKhSS and the NKVD. The study is conducted separately in the context of economic security of the whole state and a separate economic entity. In the end the directions of improvement of the system of economic security of enterprises for the purpose of realization of the current Strategy of economic security of the country are defined.

Keywords: economic security of the country, economic security of the organization, state defense order, stages of development, sanctions.

Юрьев Марат Владимирович

ФГАОУ ВО «Самарский национально-исследовательский университет»

Ch44ch@mail.ru

Аннотация. В данной работе проводится исследование этапов становления системы экономической безопасности со времен дореволюционной России до настоящего времени. Дана характеристика Советскому периоду становления системы экономической безопасности, с учетом значительного успеха ее контрольной функции, но недостаточного уделения внимания экономической эффективности хозяйственных процессов. В работе определены ключевые моменты становления органов, формирующих систему экономической безопасности, начиная с советского времени. Исследование проводится отдельно в разрезе экономической безопасности всего государства и отдельного хозяйствующего субъекта. В завершении определены направления совершенствования системы экономической безопасности предприятий в целях реализации действующей Стратегии ЭБ страны.

Ключевые слова: экономическая безопасность страны, экономическая безопасность организации, гособоронзаказ, этапы развития, санкции.

Российская экономика совсем недавно по мировым меркам живет в условиях рыночной экономики, всего три десятилетия назад страна функционировала в условиях плановой экономики. Наша страна прошла этот переход очень стремительно, ведь некоторые страны проходили его в течение столетий. В этих условиях повышалась значимость и необходимость обеспечения экономической безопасности как на уровне государства, так и подразделений по обеспечению экономической безопасности субъектов хозяйственной деятельности существенно возросла.

Важно отметить, что вид государственных политической и экономической систем, а также этап развития государства напрямую влияют на порядок организации и функционирования системы обеспечения экономической безопасности его и существующих в нем субъектов предпринимательства вне зависимости от их форм собственности или хозяйствования.

Повышение уровня экономической безопасности страны происходит не только за счет усилий государства, но и со стороны предприятий. Состояние экономической безопасности предприятия формирует общий уровень экономической безопасности государства. Это

происходит за счет того, что, борясь с негативными явлениями экономического характера предприятия обеспечивают и безопасность страны. Причем, можно предположить, что это одна из обязанностей менеджмента, а не только право.

Безусловно — экономическая безопасность государства включает в себя намного больше, чем экономическая безопасность хозяйствующего субъекта. Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208 (далее — Стратегия ЭБ), экономическая безопасность — это состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации. [1]

Но и исключать прямого влияния государственной системы на формирование системы обеспечения экономической безопасности субъектов предпринимательства, предприятий и организаций не допустимо.

Современный этап развития российского государства, существенно отличается от укладов, существовавших лишь три года назад, несмотря на то что он является логическим продолжением линии реформ, заложенной в начале 90-х годов XX века. Анализ исторических аспектов развития экономической безопасности в России свидетельствует о необходимости пересмотра взглядов на подходы к организации и обеспечению экономической безопасности субъектов хозяйственной деятельности для приведения их в соответствие с современными реалиями.

Несмотря на то, что первая Стратегия ЭБ принята Президентом РФ в 1993 году [2], вопросы экономической безопасности стали актуальны для России гораздо раньше.

Со сменой экономических условий хозяйствования, политических режимов и настроений общества менялось и представление об экономической безопасности. Генезис развития системы экономической безопасности страны тесно связан с этапами исторического развития государства. Безусловно, подобную параллель можно провести и с позиции экономической безопасности предприятия, ведь хозяйствующий субъект в условиях крепостного права и при плановой экономике подвержен совершенно разным угрозам и рискам.

Исследование исторических периодов Древней Руси в контексте экономической безопасности кажется автору нецелесообразным и далеким от современного содержания этого понятия. По результатам исследования проф. М.Я. Корнилова [3], первые элементы системы экономической безопасности можно заметить на этапе столыпинских реформ. Существенный индустриальный скачок, появление и развитие железнодорожного транспорта, развитие горной промышленности — все это стало стимулами развития новых подходов в обеспечении безопасности хозяйств. Уже тогда сформировалось понимание, что безопасность является базовой потребностью для развития человека, а для роста предприятия следует обеспечивать его имущественную безопасность.

Начиная с 17 века в России стали появляться в составе полиции первые должности, направленные на экономические отношения. В развивающихся тогда городах Урала за счет горнодобывающей промышленности вводятся коменданты, которые контролировали фабрики, а также мелкие хозяйства, имеющие мастерские на предмет хищений. Развитие индустриального производства в 19 веке привело к пониманию того, что оптимизация процессов труда, его организации несомненно приводит к повышению эффективности управления собственностью. То есть не только хищение, но и неэффективная эксплуатация наносит ущерб. В связи с этим стали появляться должности управляющих придворным

хозяйством. Помимо этого, можно отнести к признакам экономического воздействия на контрольные функции системы штрафов и имущественных наказаний за провинности.

Безусловно, значительное число исследователей [4, 5, 6] в качестве переломного этапа выделяет 1917 год и переход к коллективной собственности. Теперь уже не личная (частная) собственность стала объектом обеспечения экономической безопасности. В условиях государственного регулирования экономики понятия экономической безопасности страны и предприятия практически равны. Практически все предприятия находились в государственной собственности. Несмотря на то, что по мнению ряда авторов, угрозы экономической безопасности советской властью не признавались, что по мнению Ленина никаких сколько-нибудь серьезных внутренних угроз построению социализма и коммунизма возникнуть не может и экономике СССР внешние экономические угрозы не страшны вследствие наличия у нее самых передовых производительных сил и неизмеримо большего, чем у экономики «капиталистического мира» ресурсного потенциала, нельзя не отметить становление системы борьбы с экономическими преступлениями.

За переходный период 1917–1930-е годы были потеряны сформировавшиеся в предпринимательской среде прогрессивные формы управления, касательно построения системы экономической безопасности предприятия. Однако, во время НЭПа и индустриализации сформировалась работающая экономическая система, позволяющая накапливать капитал и, следовательно, появились риски утраты этого капитала. Обзор деятельности контрреволюционных элементов на экономическом фронте представил еще в 1928 г. сотрудник органов ВЧК — ОГПУ М.Е. Климов [3]. Это, по существу, первая работа, посвященная деятельности органов безопасности по защите экономики государства. Именно в период НЭПа появляются работы с анализом процессов возрождения и развития капиталистических элементов в экономике государства и методов борьбы с ними. Впоследствии на основе этих методов стала строиться работа органов ВЧК — ОГПУ — НКВД, так как в них содержались своего рода инструкции по ограничению капиталистических элементов.

По мнению Лобастова А.А. [6] одним из важнейших этапов становления органов контроля в сфере экономики, и следовательно формирования экономической безопасности является создание в 1937 году отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией — ОБХСС НКВД СССР в составе Главного управления милиции. Безусловно, ключевой задачей в сфере экономической безопасности при советской власти была охранная функция, но появление

в 1937 году отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности и спекуляцией — ОБХСС НКВД СССР является признаком признания властью роста рисков именно в экономической сфере.

Также было принято положение об ОБХСС. В нем говорилось: «ОБХСС создается для обеспечения борьбы с хищениями социалистической собственности в организациях и учреждениях государственной торговли, потребительской, промышленной и индивидуальной кооперации, заготовительных органах и сберкассах, а также для борьбы со спекуляцией».

Безусловно, на данном этапе не стоит забывать, что на условия хозяйствования в середине XX века существенно повлияла Великая Отечественная война. Когда работники стоят у станков по 18 часов, когда все производство направлено на достижение скорейшей победы и обеспечение фронта, внедрять принципы экономической безопасности не имело никакого смысла. Но, если говорить о временном промежутке всего правления коммунистической партии, этот период можно считать незначительным.

В послевоенное время начался активный этап развития экономической безопасности (1950–1991 гг.). Вместе с огромным экономическим прорывом страны активно велась работа по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства.

Широкое исследование космоса, строительство крупнейших заводов по производству автомобилей, станков, ракет и т.д. требовало совершенствования вопросов организации управления. Появление совхозов-миллионеров и общий энтузиазм привело к повышению значимости «управленца», «хозяйственника». Контроль за экономическими преступлениями по-прежнему возлагался на отделы ОБХСС, куда стали входить и экономисты, эксперты-бухгалтеры и т.д. К началу 80-х в ОБХСС направляли на службу уже только с высшим юридическим и экономическим образованием.

Если в 1980 году число выявленных преступлений по линии отдела составляло 386, то за 1985 год работниками ОБХСС было выявлено 624 таких преступления.[8]

Нельзя не отметить, что общественный характер собственности приводил к тому, что экономическое состояние предприятия никак не влияло на уровень достатка руководителя и работников. Поэтому возникли проблемы в части кризиса управления, которые привели к последующему распаду СССР и внешнему вмешательству в систему экономической безопасности в том числе.

Начиная с 1991 года до 2000-х уровень экономической безопасности был крайне низким как в стране, так

и на уровне предприятий. Несмотря на публикацию первой Стратегии ЭБ РФ в 1993 году, ее реализация происходила на крайне низком уровне.

Негативно сказывались на состоянии экономики постоянные преобразования экономических механизмов, нестабильность на финансовом рынке и зависимость национальной валюты от стоимости нефти, а также существенные масштабы бандитизма. Это влияло в том числе и на аспекты, связанные с экономической безопасностью. Действующее с 1997 года ГУБЭП МВД справлялась с задачами на непозволительно низком уровне.

Начиная с 2000-х в Российской Федерации начинает формироваться более устойчивая система контроля, в том числе и в сфере экономической безопасности. Появляется Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), осуществляющая функции по противодействию легализации доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма. Это напрямую связано с обеспечением экономической безопасности государства.

В это время вопросы экономической безопасности приобрели особую актуальность. Это привело к необходимости применения новых научных подходов в сфере обеспечения экономической безопасности предприятий и вызвало потребность в создании системы управления, которая бы гарантировала экономическую безопасность как самих компаний, так и государства и его граждан [9].

В условиях жёсткой конкуренции процессы управления компаниями стали более трудоёмкими. Крупные и средние предприятия начали активно формировать подразделения и департаменты, отвечающие за экономическую безопасность. Начальники таких отделов получили статус заместителей и помощников руководителей организаций. Требования к специалистам по экономической безопасности существенно возросли, ведь от их профессионализма стало зависеть стабильное функционирование основного производства.

На государственном уровне создаются специализированные отделы в Федеральной службе безопасности, а также Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД. Контрольно-надзорная система уделяет очень пристальное внимание вопросам экономической безопасности.

Кардинально новый этап в обеспечении экономической безопасности нашей страны стало начало специальной военной операции на территории Украины в феврале 2022 года. Беспрецедентное санкционное давление сформировало уникальную среду для формирования суверенитета по всем направлениям, в том числе и экономического.

В условиях обострения ключевых вызовов для экономики любой страны, произошла неожиданная для многих адаптация к новым «подсанкционным» условиям и переход к восстановительному росту. [10]

Помимо оборонных предприятий, демонстрирующий существенный рост после начала СВО, существенно активизировалась промышленность, обеспечивающая проведение операции. Подъем наблюдается и в текстильной промышленности, в производстве электроники и оптических приборов, машин и металлических изделий и т.д.

Не стоит скрывать, что текущий рост экономики обеспечивается и за счет ВПК. Гособоронзаказ (ГОЗ) вливает в экономику работающих на половину мощности до 2022 года предприятий. Экономист, директор Центра конъюнктурных исследований ИСИЭЗ НИУ ВШЭ Георгий Остапович приводит в пример опыт США, где разразившаяся на рубеже 20-30-х годов прошлого века Великая депрессия сменилась промышленным ростом именно благодаря нуждам военно-промышленного комплекса [11].

Такие отрасли как машиностроение, электроэнергетика, приборостроение, металлургия нарастили объемы и загрузку мощностей в несколько раз за счет ГОЗ, обеспечили промышленный рост в 2023–2024 гг.

Движение в сторону многополярного мира, предполагает наращивание экономической безопасности страны, без истребления экономик других стран. Правительство США, желающие удержать свое монополистическое влияние, демонстрирует несогласие с данными доводами. Постоянно вводимые санкции и нарушение основополагающих принципов всемирной торговой организации ухудшают большинство экономических процессов и требуют новых подходов в управлении. [6]

Таким образом, базируясь на исследованиях ученых-экономистов, историков, а также происходящих изменениях в социально-экономическом развитии России можно сформулировать следующие этапы, характеризующие систему экономической безопасности (далее — ЭБ) государства и, как следствие, экономической безопасности предприятия.

В таблице 1 выделен отдельно в современном этапе становления ЭБ Постпандемийный период и новые вызовы, который привел к колоссальным преобразованиям и еще долго будет восприниматься исследователями как период становления экономической безопасности РФ.

В рамках исследования этапов можно сказать, что действующая Стратегия ЭБ РФ целом для государства

по-прежнему остается актуальной, то для субъектов хозяйственной деятельности необходимо пересматривать подходы к организации системы обеспечения экономической безопасности. Наиболее актуальным это для двух категорий: промышленных предприятий, напрямую или опосредованно участвующих в государственном оборонном заказе, и коммерческих структур, пострадавших от санкционной политики западных государств, вынужденных прибегать в политике жесткой экономии и секвестрирования.

Основными триггерами для этого являются:

- смена цепочек поставщиков и соисполнителей, а также логистической сети доставки материалов и покупных изделий;
- уход с российского рынка глобальных поставщиков средств производства и появление новых российских производителей оборудования и материалов;
- существенный рост объемов заказа для промышленных предприятия в весьма сжатые сроки;
- усложнение доступа к передовым мировым технологиям производства материалов, изделий и оборудования и иным научно-техническим разработкам;
- ужесточение государственной денежно-кредитной политики государства для большинства участников рынка с одновременным увеличением государственных инвестиций в оборонно-промышленный комплекс и др.

Существенная интенсификация и повышение оборачиваемости для промышленных предприятий в условиях рыночной экономики, а не жесткого государственного регулирования, существовавшего в период Великой Отечественной войны, также появление существенного количества барьеров для иных российских субъектов хозяйственной деятельности диктует необходимость существенной трансформации существующих подразделений, занимающихся обеспечением экономической безопасности.

Таким образом, для снижения издержек и повышения качества производимой продукции в современных условиях требуется внедрение инновационных наиболее сбалансированных подходов к организации экономической безопасности, способных одновременно гарантировать добросовестность поставщиков входящей продукции и ее качество без увеличения сроков проведения в отношении них проверочных мероприятий, а также обеспечить экономию финансовых средств путем выбора наиболее конкурентной цены поставки и сохранении при этом ее оптимальных качественно-количественных и временных характеристик.

Этапы становления системы экономической безопасности РФ

ЭБ на уровне государства	ЭБ на уровне предприятия
Дореволюционный период (до 1917 года)	
До революции 1917 года экономическая политика Российской империи была направлена на защиту национальных интересов через введение таможенных барьеров и регулирование внешней торговли. Государство стремилось развивать инфраструктуру и промышленность для укрепления экономической устойчивости.	На уровне предприятий ключевой задачей была защита собственности и минимизация финансовых рисков. В условиях рыночной экономики основное внимание уделялось безопасности торговых операций и защите от мошенничества.
Советский период (1917–1991 годы)	
После Октябрьской революции, новая власть национализировала экономику, создав централизованную плановую систему. Индустриализация и коллективизация стали основными мерами для создания самодостаточной экономики, способной противостоять как внутренним, так и внешним угрозам. Борьба с экономическими преступлениями велась на государственном уровне.	В условиях отсутствия частной собственности практически все предприятия находились под контролем государства. Экономическая безопасность обеспечивалась через централизованное планирование и строгий контроль за производственными и финансовыми процессами. Меры безопасности включали предотвращение хищений и коррупции.
Переходный период (1991–2000 годы)	
С распадом Советского Союза началась масштабная либерализация и переход к рыночной экономике. Приватизация государственных предприятий потребовала создания новой правовой базы для защиты экономических интересов государства. Финансовый кризис 1998 года выявил слабые места в экономической системе и необходимость в реформах.	Возникновение частного бизнеса и акционерных обществ создало новые вызовы. Появились новые механизмы защиты собственности и финансовой стабильности. Угроза криминальных рисков и экономических преступлений, таких как рейдерские захваты, стала актуальной.
Современный период (с 2000 года до настоящего времени)	
С приходом к власти В.В. Путина началась стабилизация экономики и усиление роли государства в экономических процессах. Были разработаны национальные стратегии экономической безопасности, направленные на защиту стратегических предприятий и реакцию на международные санкции.	Современные методы управления рисками и контроля включают использование информационных технологий. Особое внимание уделяется кибербезопасности и защите интеллектуальной собственности, что стало важным элементом корпоративной стратегии.
Постпандемный период и новые вызовы (2020-е годы)	
Пандемия COVID-19 внесла значительные коррективы в экономическую политику. Усиление мер по обеспечению устойчивости к внешним шокам стало приоритетом. Активные усилия направлены на диверсификацию экономики и снижение зависимости от внешних источников.	В условиях пандемии предприятия были вынуждены адаптироваться к новым реалиям, включая удаленную работу и цифровизацию процессов. Усиление кибербезопасности стало критически важным в условиях возросших цифровых угроз. Антикризисное управление и адаптация к глобальным экономическим изменениям стали неотъемлемой частью стратегий компаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. N 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»
2. Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. N 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)»
3. Климов М.Е. Контрреволюция на экономическом фронте (эпоха нэпа). М.: Высшая пограничная школа ОГПУ, 1928. 180 с.
4. Корнилов М.Я., Юшин И.В. Экономическая безопасность: учебное пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: РФ-Пресс, 2019. — 320 с.
5. Хадиуллина, Г.Н. Эволюция методологических подходов к трактовке экономической безопасности отдельного индивида / Г.Н. Хадиуллина // Экономическая безопасность и качество. — 2018. — № 4(33). — С. 5–9. — EDN YSQEXB.
6. Василевская, В.Э. Экономическая безопасность как синтетическая категория политэкономии: сущность и основные угрозы / В.Э. Василевская // Импортозамещение, научно-техническая и экономическая безопасность: Сборник статей V Международной научно-технической конференции. В 3-х томах, Минск, 07–09 декабря 2022 года. Том 2. — Минск: Белорусский государственный технологический университет, 2022. — С. 13–17. — EDN OPZVUQ.
7. Наумова, О.А. Финансовая безопасность предприятия / О.А. Наумова // Проблемы развития предприятий: теория и практика: Материалы 13-й Международной научно-практической конференции, Самара, 27–28 ноября 2014 года / Ответственный редактор С.И. Ашмарина. Том 3. — Самара: Самарский государственный экономический университет, 2014. — С. 235–236. — EDN TXFBTH.
8. Лобастов А.А. Историко-правовое исследование деятельности подразделений по борьбе с хищениями социалистической собственности // Социология и право. № 2, 2019. — С. 86–90
9. Унижаев Н.В. Управление экономической безопасностью организации (Создание и реинжиниринг системы безопасности, практика применения), Москва, 2018.
10. Ахапкин Н.Ю. Российская экономика в условиях санкционных ограничений: динамика и структурные изменения / Н.Ю. Ахапкин // Вестник ИЭРАН 06/2023, 2023.
11. Кривошапов О. Военный двигатель прогресса. Как СВО помогла избавиться от сырьевой модели / Интернет-издание Регнум, 2023, Режим доступа: <https://regnum.ru/article/3850008>

© Юрьев Марат Владимирович (Ch44ch@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАТЕГОРИИ НАЛОГОВОГО ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

SOME ASPECTS OF THE USE OF THE CATEGORY OF TAX OBLIGATION

R. Gasanov

Summary. The work is devoted to the study of the validity of the allocation of such a legal category as a tax liability in modern legal science. It has been established that in modern times, more and more civil law structures are trying to raise to the intersectoral level of interaction. The legal structure of the obligation, despite its functional significance, is increasingly being used for public law purposes. The author came to the conclusion that this approach is incorrect, since it does not take into account the dialectics of private and public.

Keywords: tax, obligation, legal category, tax obligation, legislation.

Гасанов Рамиль Ибрагимович

Аспирант,

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ra.gasanov@yandex.ru

Аннотация. Работа посвящена изучению обоснованности выделения в современной правовой науке такой правовой категории как налоговое обязательство. Установлено, что в современное время все больше гражданско-правовых конструкций пытаются возвести на межотраслевой уровень взаимодействия. Правовую конструкцию обязательства не взирая на её функциональную особенность все чаще используют в публично-правовых целях. Автор пришел к выводу, что данный подход является неверным, поскольку не учитывает диалектики частного и публичного.

Ключевые слова: налог, обязательство, правовая категория, налоговая обязанность, законодательство.

Налоговое обязательство как правовая категория, описывающая режим обязанности налогоплательщика, действующему налоговому законодательству не известна. Однако в доктрине и на практике все чаще звучит позиция о необходимости четкого определения соответствующей конструкции.

Основные доводы сторонников внедрения категории «налоговое обязательство» опираются на сходство обязанности налогоплательщика уплатить соответствующую сумму обязательных платежей в бюджет с частноправовым обязательством.

Возможности использования категории «налоговое обязательство» для характеристики отношений по уплате налогов и иных налоговых платежей одной из первых привела в своей работе М.В. Карасева¹. Она указывает, что налоговое обязательство имеет исключительно положительное содержание и сугубо односторонний характер. В налоговом обязательстве субъективное требование кредитора является властным велением для должника и обязательным для исполнения кредитором².

По мнению С.Г. Пепеляева, налоговое обязательство является имущественным, поскольку осуществляется переход денежных средств от налогоплательщика государству³.

¹ См.: Карасева М.В. Финансовое правоотношение. М., 2001. С. 271–283.

² Там же. С. 283.

³ Налоговое право: учебник / под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Пепеляев групп, 2015. С. 150. Автор главы — С.Г. Пепеляев.

Сторонники налогового обязательства считают, что оно имеет заранее определенный состав, а потому оно относительное правоотношение. Поскольку предметом обязанности является активное поведение налогоплательщика — уплата налога в бюджет, то можно считать данное правоотношение активным. За налоговым обязательством его сторонники признают целевой характер, так как платеж всегда в пользу государства или муниципального образования. Кроме того, налоговое обязательство фактически гарантировано, поскольку законом предусмотрены меры государственного принуждения для обеспечения уплаты налога.

Отличия налогового обязательства от обязательства гражданско-правового, С.Г. Пепеляев выделяет в следующем: «налоговое обязательство имеет односторонний характер и положительное содержание. Это связано с тем, что налогоплательщик обязан заплатить налог, а налоговый орган не имеет встречных обязанностей по данному обязательству»⁴.

Между тем, гражданское право знает договор дарения, где одна сторона обязуется передать что-либо другой без встречного предоставления. Поэтому вряд ли безвозмездность есть отличительная черта выделяемого налогового обязательства.

К тому же на самом деле налогоплательщик, уплачивая налоги и сборы имеет право требовать от должност-

⁴ Налоговое право: учебник / под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Пепеляев групп, 2015. С. 150. Автор главы — С.Г. Пепеляев.

ных лиц налоговых органов и иных уполномоченных органов соблюдения законодательства о налогах и сборах при совершении ими действий в отношении налогоплательщиков (пп.10.п.1 ст.21 НК РФ). Тем самым он вправе требовать принятия его надлежащего исполнения налоговой обязанности от государства, в том числе и при применении налоговых вычетов. Тем самым, несмотря на безвозмездность, государство имеет встречные обязанности, хотя явно некоторые авторы как было показано смешивают безвозмездность и одностороннее обязательство.

Д.В. Винницкий по аналогии с гражданским обязательством называет налоговое обязательство «правовой формой присвоения публично-территориального образования налоговых доходов бюджетов»⁵ наподобие с присвоением материальных ценностей посредством обязательства.

Другой довод сторонников рассматриваемой правовой категории опирается на якобы наличие у нее воспитательной функции в отношении государства. Так, государство, осознавая наличие налогового обязательства, будет осознавать и необходимость ответственного использования налоговых доходов, расходовать их более прозрачно⁶.

Данное утверждение является достаточно спорным. Все-таки только там, где надлежащим образом работают институты гражданского общества, соблюдается принцип разделения властей, установлены надлежащие механизмы системы сдержек и противовесов, государство будет вести себя ответственно и расходовать налоговые доходы более прозрачно.

Полагаем, что высказанные ранее подходы фактически нацелены на убеждение в существовании такой правовой конструкции, как налоговое обязательство. Между тем, такая постановка вопроса понуждает обратиться в первую очередь к вопросу о существовании гражданско-правового обязательства.

Конструкция налогового обязательства не вписывается в систему сдержек и противовесов, поскольку сама

⁵ Винницкий Д.В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 11.

⁶ Е.П. Ярмош указывает: «Пренебрежение этим со стороны законодателя приводит к некачественному правовому регулированию общественных отношений, а, следовательно, к низкому уровню их реализации. Важным также является тот факт, что в случае использования для построения налогового законодательства юридической конструкции «налоговая обязанность» и избегая юридической конструкции «налоговое обязательство», а также опуская вопрос, перед кем эта обязанность существует, государство в таком случае устраняется от ответственности за организованную налоговую систему». Ярмош Е.П. Налоговое обязательство как дискуссионная категория налогового права // Право.бу. 2017. № 6 (50). С. 80–83. EDN QMVRDZ.

по себе никак не ограничивает государство в отношениях с более слабым субъектом, а наоборот навязывает идею равенства сторон, в тех отношениях, где его нет.

Некоторые авторы⁷ указывают следующие признаки налогового обязательства: имущественный характер, относительный характер правоотношения, хотя относительно последнего имеются возражения т.к. конкретизация налоговой обязанности происходит в момент её исполнения⁸, налоговая обязанность реализуется посредством активного действия должника — налогоплательщика, основным содержанием налоговых обязательств правоотношений является право требования управомоченного лица и корреспондирующая ему обязанность совершить активные действия⁹, срочный характер.

М.В. Карасева налоговое обязательство определяет как правоотношение между налогоплательщиком и государством (муниципальным образованием) в лице соответствующих органов, в силу которого первый обязан своевременно платить налог (сбор), а второе имеет право требовать исполнения данной обязанности¹⁰.

И.С. Полищук указывает, что налоговое обязательство — это публичное правоотношение имущественного характера, возникающее в ходе воспроизводственного оборота при формировании налоговых доходов публично-правового образования¹¹.

А.С. Баринов вышеуказанные определения налогового обязательства через правоотношения относит к материальному виду, тогда как наряду с ним выделяет еще и организационное правоотношение¹².

К организационным правоотношениям, которые выполняют вспомогательную функцию без выполнения которой невозможны материальные действия, относятся,

⁷ См., например: Винницкий Д.В. Налоговое обязательство и система налогового обязательственного права // Законодательство. 2003. № 7. С. 22–32; Полищук И.С. Налоговое обязательство в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 29с.; Порохов Е.Б. Теория налоговых обязательств: учебное пособие. Алматы, 2001. 168 с.; Цинделиани И.А. Налоговое обязательство в системе налогового права России // Финансовое право. 2005. № 9. С. 17–21.

⁸ См.: Щербакова Л.В. К дискуссии об обязательственной концепции налогового правоотношения в современной национальной доктрине // Административное и муниципальное право. 2011. № 11. С. 43–53.

⁹ См.: Карасева М.В. Финансовое правоотношение. С. 274–276.

¹⁰ Там же. С. 280.

¹¹ Полищук И.С. Налоговое обязательство в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 10–11 с.

¹² Баринов А.С. Институт налоговых обязательств в налоговом праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 102 с.

например, «правоотношения по учету налоговым агентом суммы дохода налогоплательщика и суммы налога, которую необходимо перечислить в бюджет»¹³.

Таким образом, в действительности налоговое обязательство не несет в себе ничего, кроме налоговой обязанности, и фактически они являются тождественными понятиями по содержанию.

Исходя из положений ст. 23 и 44 НК РФ можно сформулировать понятие налоговой обязанности как обязанности по уплате законно установленного налога или сбора, которая возникает, изменяется и прекращается у налогоплательщика, плательщика сбора при наличии оснований, установленных законом (НК РФ или иным актом законодательства о налогах и сборах).

В налоговом законодательстве термины «налоговая обязанность» и «налоговое обязательство» используются как синонимы (например, абз. 3 п. 4 ст. 346.3 НК РФ).

По смыслу положений п. 1 ст. 307 ГК РФ в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.

Как видно, и налоговая обязанность, и обязанность должника в гражданском обязательстве содержат в себе меру должного поведения пассивного субъекта (налогоплательщика¹⁴, должника, т.е. лица, которому не принадлежит право требования¹⁵).

Гражданское обязательство подразумевает поведение должника, в частности, по передаче имущества в пользу кредитора, налоговая обязанность — только поведение налогоплательщика по передаче имущества в соответствующий бюджет.

Вообще говоря, содержанием любой юридической обязанности является поведение обязанного субъекта¹⁶. В этом смысле действительно гражданская обязанность и налоговая обязанность имеют однородное содержа-

ние, но это характерно для любой правовой конструкции, в которой имеется обязанность.

Однако сущность гражданской обязанности в её обязательственной форме совершенно отлична от сущности налоговой обязанности.

Неверно говорить, что понятие «налоговое обязательство» не используется законодателем вовсе. Так, согласно абз. 3 п. 4 ст. 346.3 НК РФ налогоплательщик, утративший право на применение единого сельскохозяйственного налога, в течение одного месяца после истечения налогового периода, в котором допущено нарушение указанного в абзаце первом настоящего пункта ограничения и (или) несоответствие требованиям, установленным п. 2, 2.1, 5 и 6 ст. 346.2 настоящего кодекса, должен за весь налоговый период произвести перерасчет *налоговых обязательств* по налогу на добавленную стоимость, налогу на прибыль организаций, налогу на доходы физических лиц, налогу на имущество организаций, налогу на имущество физических лиц в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах для вновь созданных организаций или вновь зарегистрированных индивидуальных предпринимателей.

В Положении по бухгалтерскому учету «Учет расчетов по налогу на прибыль организаций ПБ 18/02»¹⁷ используется понятие отложенного *налогового обязательства*, из которого возможен поспешный вывод о том, что налоговая обязанность является *налоговым обязательством* в силу прямого указания подзаконного нормативного правового акта. Однако, на наш взгляд, такое понимание будет ошибочным по следующим причинам:

- 1) понятия и термины налогового законодательства устанавливаются НК РФ (п. 1 ст. 11 НК РФ);
- 2) Положение ПБ 18/02 принято во исполнение Постановления Правительства РФ «Об утверждении Программы реформирования бухгалтерского учета в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности»¹⁸.

Если обратиться к Международному стандарту финансовой отчетности № 12¹⁹ (далее — МСФО 12), то

¹³ Баринов А.С. Институт налоговых обязательств в налоговом праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 102 с.

¹⁴ Здесь и далее под налогоплательщиком будет пониматься и плательщик сбора.

¹⁵ Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 3: Обязательное право / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2019. С. 28; Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. М.: Статут, 2017. 395 с.

¹⁶ Следует заметить, что в юридической литературе вопросам юридической обязанности уделяется несравненно меньше внимания по сравнению с вопросами субъективного права.

¹⁷ Приказ Минфина России от 19.11.2002 г. № 114н (с изм. от 20.11.2018 г.) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет расчетов по налогу на прибыль организаций» ПБУ 18/02» (зарегистрировано в Минюсте России 31.12.2002 г. № 4090) // СПС Консультант плюс (дата обращения: 06.01.2024).

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 06.03.1998 г. № 283 «Об утверждении Программы реформирования бухгалтерского учета в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности» // СПС Консультант плюс (дата обращения: 06.01.2024).

¹⁹ Международный стандарт финансовой отчетности № 12 «Налоги на прибыль» // URL: ifrs.org / IAS 12 Income Taxes (дата обращения: 06.01.2024).

раздел, посвященный отложенным налоговым активам и отложенным налоговым обязательствам, обозначен как «Tax assets and tax liabilities» соответственно. Слово «liability» можно перевести и как ответственность, и как обязательство. Между тем, если взять статутный акт The sale of goods act, 1893²⁰, где в параграфе 37 Части III говорится об ответственности покупателя за пренебрежение или отказ в доставке товара («liability of buyer for neglecting or refusing delivery of goods»), можно предположить, что правовой смысл в данный термин заложен иной, нежели бухгалтерский.

Между тем, причиной возникновения отложенных налогов служит то обстоятельство, что правила признания доходов и расходов в бухгалтерском и налоговом учете не совпадают, а значит, не совпадает и финансовый результат, ибо возникают разницы. Разницы различают постоянные и временные; в МСФО 12 указываются только временные. Это разницы между балансовой стоимостью актива или обязательства в отчете о финансовом положении и их налоговой базой.

Временные разницы бывают вычитаемые, которые приводят к возникновению отложенного налогового актива, и налогооблагаемые, что приводят к возникновению отложенного налогового обязательства. Отложенные налоговые активы — это суммы налога на прибыль, возмещаемые в будущих периодах в связи с вычитаемыми временными разницами, а также в связи с переносом на будущий период неиспользованных налоговых убытков и налоговых кредитов. Отложенные налоговые обязательства — это суммы налога на прибыль, подлежащие уплате в будущих периодах в связи с налогооблагаемыми временными разницами.

Отложенные налоговые активы и отложенные налоговые обязательства отражаются в бухгалтерском балансе соответственно в качестве внеоборотных активов и долгосрочных обязательств.

²⁰ The Sale of Goods Act, 1893: With Notes: Frank Newbolt: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (дата обращения: 06.01.2024).

Таким образом, существование отложенных налогов связано лишь с разницей учета, которая возникает из-за различий применяемых хозяйствующим субъектом правил бухгалтерского и налогового учетов. Термин «обязательство» используется в смысле, придаваемом ему правилами бухгалтерского учета, а не гражданским законодательством.

В то же время, публичная обязанность существует только по воле государства. Не может возникнуть публичной обязанности без указания на нее в законе. Налоговая обязанность существует тогда и только тогда, когда ясно определены все элементы его состава. Гражданское обязательство может существовать и по воле сторон, если из их волеизъявления можно определить содержание обязательства.

Обязательство — это не просто самостоятельная конструкция, которая могла быть легко реципировано из частного в публичного. Обязательство имеет внутренние генетические и функциональные связи в системе гражданского права, вырастая из правил о сделках, используя функции гражданского права, которые проявляются в том числе в принципах для своего порождения эффекта и без которых обязательство не может существовать.

Перенос данной конструкции на «почву» иных принципов — публично-правовых фактически уничтожает саму идею обязательства.

Кроме того, законодательное признание «налогового обязательства» не решит проблему ответственности государства, поскольку в таком случае государство будет кредитором со своим собственным имущественным интересом, тогда как при налогообложении государство должно руководствоваться общественным интересом, находя при этом баланс с интересом частным. Проблемы налогообложения для хозяйствующих субъектов лежат в пределах права государства на вмешательство в оперативную деятельность хозяйствующих субъектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виницкий Д.В. Российское налоговое право: проблемы теории и практики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
2. Налоговое право: учебник / под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Пепеляев групп, 2015.
3. Ярмош Е.П. Налоговое обязательство как дискуссионная категория налогового права // Право.бу. 2017. № 6 (50). С. 80–83. EDN QMVRDZ.
4. Григорьев А.С. Конструкция налогового обязательственного правоотношения и проблемы устранения международного двойного налогообложения // Российский юридический журнал. 2011. № 5 (80). С. 148–155. EDN OGOHJ.
5. Баринов А.С. Институт налоговых обязательств в налоговом праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 192 с. EDN YNREYH.
6. Кочанов Л.М. Налоговые обязательства сторон в договоре подряда // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты: сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Вып. 1. Пермь: ИП Сигитов Т.М., 2016. С. 82–84. EDN VNHIUT.
7. Шевелева Е.В. Категория налогового обязательства в современном налоговом процессе // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 19. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-nalogovogo-obyazatelstva-v-sovremennom-nalogovom-protsesse> (дата обращения: 08.11.2023).
8. Виницкий Д.В. Налоговое право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. 360 с.

9. Карасева М.В. Финансовое правоотношение. М., 2001.
10. Порохов Е.Б. Теория налоговых обязательств: учебное пособие. Алматы, 2001. 168 с.
11. Винницкий Д.В. Налоговое обязательство и система налогового обязательственного права // Законодательство. 2003. № 7. С. 22–32.
12. Полищук И.С. Налоговое обязательство в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 29 с.
13. Цинделиани И.А. Налоговое обязательство в системе налогового права России // Финансовое право. 2005. № 9. С. 17–21.
14. Щербакова Л.В. К дискуссии об обязательственной концепции налогового правоотношения в современной национальной доктрине // Административное и муниципальное право. 2011. № 11. С. 43–53.
15. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. — М.: Статут, 2017. — 832 с.
16. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 3: Обязательное право / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2019. 800 с.

© Гасанов Рамиль Ибрагимович (ra.gasanov@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

LEGAL REGULATION OF RELIGIOUS EDUCATION IN RUSSIA: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

A. Druzhinin

Summary. The article analyzes current issues in the legal regulation of religious education in the Russian Federation. It identifies gaps and contradictions in current legislation and suggests ways to address them. Special attention is paid to the differentiation between religious and secular educational programs implemented by religious educational organizations. The article substantiates the need to develop clear criteria for distinguishing between these types of educational activities. The historical experience of regulating religious education in the Russian Empire, as well as contemporary foreign practices, are analyzed.

Keywords: religious education, secularity, religious educational organizations, education law, freedom of conscience, state-confessional relations.

Совершенствование правового регулирования религиозного образования является одной из актуальных задач, стоящих перед российским законодателем и правоприменителем. Устранение пробелов и противоречий в действующих нормах, более последовательная реализация конституционных принципов свободы совести и вероисповедания, светскости государства и равенства религиозных объединений перед законом будут способствовать укреплению социального согласия и взаимопонимания между представителями разных мировоззрений и конфессий [1, с. 15].

Современное состояние правового регулирования религиозного образования в Российской Федерации характеризуется наличием ряда проблем и коллизий, обусловленных несовершенством действующего законодательства. Основные трудности связаны с реализацией положений Федерального закона от 26.09.1997 №125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [2] и Федерального закона от 29.12.2012 №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [3], касающихся религиозного образования.

Одной из ключевых проблем является нечеткость формулировок и пробелы в регулировании статуса духовных образовательных организаций. Это приводит

Аннотация. В статье анализируются актуальные проблемы правового регулирования религиозного образования в Российской Федерации. Выявляются пробелы и противоречия в действующем законодательстве, предлагаются пути их устранения. Особое внимание уделяется вопросам разграничения религиозных и светских образовательных программ, реализуемых духовными образовательными организациями. Обосновывается необходимость выработки четких критериев, позволяющих разграничить эти виды образовательной деятельности. Анализируется исторический опыт регулирования религиозного образования в Российской империи, а также современная зарубежная практика.

Ключевые слова: религиозное образование, светскость, духовные образовательные организации, образовательное право, свобода совести, государственно-конфессиональные отношения.

к сложностям с их финансированием, лицензированием и аккредитацией, определением их налогового статуса [4, с. 105]. Возникают коллизии, связанные с совмещением религиозных образовательных программ и программ профессионального образования, реализуемых в рамках одной организации.

Другой проблемной областью является признание богословских степеней и званий, полученных до вступления в силу Федерального закона от 02.07.2013 №185-ФЗ [5]. Соответствующий законопроект №323220-8 содержит ряд недостатков и противоречий, не в полной мере учитывает специфику различных конфессий [6]. Сохраняются сложности с аттестацией граждан, прошедших религиозные образовательные программы за рубежом, особенно в тех случаях, когда зарубежные религиозные организации имеют особый юридический статус (как, например, Ватикан) [7].

На уровне общего образования остро стоит проблема реализации курсов «Основы православной культуры» (ОПК) и «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ). Несмотря на их потенциал в профилактике экстремизма и противодействию деструктивным культурам, организационные и методические трудности препятствуют их полноценному включению в образовательный процесс [8, с. 25].

Спорным остается и научный статус теологии. Предоставление особых публикационных прав для соискателей ученых степеней по теологии вызывает неоднозначную реакцию научного сообщества и ставит вопрос о критериях научности в этой области [9].

Для разрешения указанных проблем необходим комплексный пересмотр законодательства о религиозном образовании. Целесообразно внести изменения в базовые законы №125-ФЗ и №273-ФЗ, а также в ряд подзаконных актов (в частности, в Положение о лицензировании образовательной деятельности). Религиозные образовательные программы должны быть четко определены и классифицированы, их выпускникам следует предоставить права, сопоставимые с правами выпускников профессиональных образовательных программ. Требуется уточнение особенностей лицензирования, аккредитации и финансирования духовных образовательных организаций.

Особого внимания заслуживают правовые риски, связанные со смещением акцента в деятельности духовных религиозных образовательных организаций с реализации основных уставных целей (подготовки служителей культа, религиозно-просветительской деятельности) на преимущественное осуществление программ профессионального образования [10, с. 140].

С точки зрения гражданского законодательства, такое смещение может рассматриваться как отклонение от основной цели деятельности религиозной организации, закрепленной в ее уставе. В соответствии со ст. 50 и 117 ГК РФ, религиозные организации являются унитарными некоммерческими организациями, преследующими специфические цели, связанные с удовлетворением духовных потребностей граждан [11]. Преобладание образовательной деятельности по программам высшего образования над религиозной может ставить под сомнение ее соответствие заявленной организационно-правовой форме.

Реализация преимущественно светских образовательных программ религиозными организациями может приводить и к нарушениям бюджетного законодательства. Согласно ст. 69.1 и 78.1 БК РФ, религиозные организации могут получать субсидии из бюджета на осуществление своей уставной деятельности [12]. Направление этих средств на реализацию профессиональных образовательных программ может квалифицироваться как нецелевое использование бюджетных средств, влекущее ответственность по ст. 15.14 КоАП РФ и ст. 285.1 УК РФ [13], [14].

Смещение акцентов в деятельности духовных образовательных организаций чревато и налоговыми рисками. В соответствии со ст. 149 НК РФ, реализация ре-

лигиозных образовательных программ освобождается от обложения НДС [15]. Если большую часть деятельности организации составляют профессиональные образовательные программы, оснований для применения этой льготы может не быть. Кроме того, при получении значительных доходов от реализации платных образовательных услуг религиозная организация рискует утратить право на льготы по налогу на прибыль, предусмотренные ст. 251 НК РФ для поступлений на уставную деятельность [16].

Наконец, переориентация духовных образовательных организаций на реализацию светских программ может приводить к размыванию их религиозной идентичности, затруднять выполнение ими функций подготовки кадров священнослужителей. Это, в свою очередь, может негативно сказываться на кадровом обеспечении религиозных организаций, препятствовать реализации права граждан на свободу вероисповедания, гарантированного ст. 28 Конституции РФ [17].

Действующая система государственной аккредитации образовательной деятельности и аккредитационного мониторинга, регламентированная ст. 92 и 97 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», не в полной мере учитывает специфику теологического образования. Критерии и показатели, используемые при проведении аккредитационной экспертизы и оценки качества образовательных программ, не всегда релевантны содержанию и целям подготовки служителей культа и специалистов в области теологии. Связь между результатами аккредитационных процедур и реальным статусом и качеством теологических программ весьма условна.

Сложившаяся система государственного регулирования образования в целом ориентирована преимущественно на точные и естественные науки, а не на гуманитарные и социальные дисциплины, к которым относится теология [18]. Такие инструменты, как независимая оценка качества образования, единый государственный экзамен, федеральный интернет-экзамен и т.п., лишь в малой степени затрагивают содержательную специфику теологического знания. Участие в них духовных образовательных организаций носит во многом формальный характер и мало влияет на качество реализуемых ими образовательных программ. По сути, единственным реальным стимулом для получения государственной аккредитации для этих организаций остается возможность получения контрольных цифр приема за счет бюджетных средств.

Следует отметить, что проводившаяся в последние годы политика интеграции рынка труда и системы профессионального образования также лишь в малой степени учитывает особенности трудоустройства выпускников

теологических программ. Профессиональные стандарты в области религиозной деятельности справедливо отсутствуют, а применяемые во ФГОС ВО 3++ компетенции слабо коррелируют с реальными квалификационными требованиями, предъявляемыми к деятельности теолога [19]. Наибольший смысл имеет профстандарт педагога, однако для этого ООП ВО по теологии должна иметь значительную долю педагогических компетенций в составе профессиональных компетенций, а теологическое образование для педагога не является основным. В условиях реформы высшего образования Минобрнауки и Минтруд России ведут дискуссию о привязке образовательных программ к общероссийским классификаторам видов экономической деятельности и занятий, но религиозные организации выполняют эти требования формально, не видя возможности полноценно учесть их в содержании образовательного процесса [20].

Определенные надежды возлагались на созданное в 2016 году Федеральное учебно-методическое объединение по теологии (ФУМО), призванное координировать разработку и реализацию образовательных программ в этой области. Однако на практике деятельность ФУМО сводится преимущественно к формальному согласованию ФГОС ВО и примерных основных образовательных программ. Реальное влияние этой структуры на содержание теологического образования и его связь с потребностями религиозных организаций и общества остается незначительным.

Ситуация, когда духовные образовательные организации высшего образования (ДОРО ВО) получают контрольные цифры приема (КЦП) на реализацию программ высшего образования по направлению «Теология», фактически означает государственное финансирование подготовки служителей религиозного культа. Это может рассматриваться как противоречащее принципу светскости государства, закрепленному в ст. 14 Конституции РФ, а также положениям ст. 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», согласно которым государство обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях [21], [22].

Кроме того, такая практика ставит в неравное положение различные религиозные организации, поскольку возможность получения КЦП имеют лишь те из них, которые реализуют образовательные программы, соответствующие ФГОС ВО по направлению «Теология». Это может рассматриваться как нарушение принципа равенства религиозных объединений перед законом, установленного ст. 14 Конституции РФ.

Все эти проблемы требуют комплексного пересмотра подходов к государственному регулированию религиозного образования. Необходима разработка специальных критериев и процедур оценки качества

образовательных программ, реализуемых духовными образовательными организациями, с учетом их содержательной и функциональной специфики. Государственная аккредитация этих программ должна опираться не только на формальные показатели, но и на экспертизу их соответствия запросам религиозных организаций и общества [23, с. 180].

Целесообразно дополнить перечень областей и видов профессиональной деятельности, утвержденный Приказом Минтруда России от 29.09.2014 №667н, специальным разделом, отражающим специфику профессиональной религиозной деятельности [24]. Это позволило бы более полно учесть особенности трудоустройства выпускников теологических программ при разработке и экспертизе образовательных стандартов и программ.

Представляется целесообразным дополнить Гражданский, Налоговый, Бюджетный кодексы РФ положениями, учитывающими специфику религиозных организаций и духовных образовательных организаций. Необходимы коррективы в Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД) и Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ) с целью более полного отражения реалий религиозной сферы [25].

Для устранения противоречий необходимы точечные изменения в законодательстве. В Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» можно было бы внести следующие коррективы:

- уточнить понятие «профессиональное религиозное образование», четко отграничив его от высшего образования по направлению «Теология»;
- установить, что государственное финансирование (в том числе через механизм КЦП) может предоставляться религиозным организациям лишь на реализацию светских образовательных программ, не связанных непосредственно с подготовкой служителей культа;
- предусмотреть равные условия доступа к государственному финансированию образовательной деятельности для религиозных организаций различной конфессиональной принадлежности [26].

Соответствующие изменения потребуются и в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации»:

- дополнить перечень видов образования, установленный ст. 10, профессиональным религиозным образованием;
- конкретизировать особенности реализации профессиональных религиозных образовательных программ, их отличия от высшего образования по направлению «Теология»;
- уточнить правовой статус ДОРО ВО, ограничив их право на получение КЦП подготовкой по светским направлениям [27].

Кроме того, целесообразно уточнить в Бюджетном кодексе РФ цели и условия предоставления субсидий религиозным организациям на реализацию образовательных программ, а в Налоговом кодексе РФ — особенности налогообложения профессиональных религиозных образовательных организаций.

При разработке этих законодательных новелл важно учитывать исторический опыт регулирования религиозного образования в России. Особого внимания заслуживают правовые решения, выработанные в Российской империи во второй половине XIX — начале XX века в условиях нарастающей секуляризации образования и развития веротерпимости [28]. Хотя полностью перенести эти подходы в современные реалии невозможно, отдельные их элементы (разграничение функций религиозного и светского образования, специальный статус духовных учебных заведений, государственный контроль за распределением финансирования) могут быть адаптированы к нынешним условиям.

Необходимо усилить роль религиозных организаций и их объединений в деятельности учебно-методических объединений и иных структур, определяющих содержание теологического образования. Это могло бы обеспечить более полный учет интересов и потребностей конфессий при разработке и реализации соответствующих образовательных программ.

Наконец, важно обратиться к историческому опыту интеграции духовного образования в общую систему образования и профессиональной подготовки. При разработке новых подходов к регулированию следует учитывать не только современный зарубежный опыт, но и исторические модели государственно-конфессиональных отношений в сфере образования, существовавшие в Российской империи. Хотя государственное устройство и конфессиональная структура общества существенно отличались от нынешних, некоторые элементы дореволюционной системы регламентации конфессионального образования могут быть адаптированы к современным условиям. В частности, представляет интерес опыт обеспечения веротерпимости и учета интересов различных конфессий при сохранении общего контроля со стороны государства [29].

В Российской империи на рубеже XIX-XX веков был реализован ряд мер по сближению программ духовных семинарий и академий со светскими учебными курсами. При этом сохранялась самостоятельность духовно-учебного ведомства и учитывалась специфика подготовки священнослужителей. Этот опыт может быть творчески переосмыслен и использован в современных условиях [30].

Также полезным может оказаться обращение к опыту зарубежных стран, где накоплен значительный опыт сочетания светского характера государства и государственной поддержки религиозного образования. Например, в Германии религиозные общины имеют право учреждать частные учебные заведения, которые получают государственное финансирование на общих основаниях с другими частными школами и вузами. Во Франции государство напрямую не финансирует религиозные учебные заведения, но предоставляет им налоговые льготы и иные формы косвенной поддержки [31, с. 155]. Анализ этих практик позволит выработать оптимальную для России модель государственно-конфессиональных отношений в сфере образования.

Таким образом, гармонизация правового регулирования религиозного образования требует комплексного подхода, учитывающего не только очевидные противоречия между отдельными законодательными актами, но и более глубокие проблемы, связанные с размыванием границ между религиозной и светской образовательной деятельностью. Необходима выработка четких критериев, позволяющих разграничить религиозные образовательные программы и программы профессионального образования, реализуемые религиозными организациями. Эти критерии должны найти отражение в законодательстве об образовании, а также в нормах гражданского, бюджетного, налогового права. Только так можно обеспечить соблюдение конституционных принципов свободы совести, светскости государства и юридического равенства религиозных объединений, создать условия для эффективного функционирования системы религиозного образования в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Понкин, И.В. Правовые основы светскости государства и образования / И.В. Понкин. — Москва: Про-Пресс, 2003. — 416 с.
2. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
3. Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
4. Козырев, Ф.Н. Религиозное образование в светской школе. Теория и международный опыт в отечественной перспективе: монография / Ф. Н. Козырев. — Санкт-Петербург: Апостольский город, 2005. — 636 с.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 185-ФЗ. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148576/ (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.

6. О внесении изменений в статьи 92 и 108 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: Законопроект № 323220-8: внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/323220-8> (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
7. Кулешов, М.С. Теология в системе светского высшего образования: pro et contra / М.С. Кулешов // Как наше слово отзовется: гуманитарное образование в развитии российского социума и человека: Тематический сборник материалов международной научно-практической конференции, Москва, 15–16 марта 2017 года. — Москва: Шадринский государственный педагогический университет, 2017. — С. 786–790. — EDN: YOKZMG.
8. Метлик, И.В. Взаимодействие социальных институтов в духовно-нравственном воспитании детей в российской школе: монография / И.В. Метлик, И.А. Галицкая, А.В. Ситников. — Москва: ФГБНУ ИИД СВ РАО, 2018. — 240 с.
9. Астапов, С.Н. О демаркации предметов исследования философии религии и религиоведения / С.Н. Астапов // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2018. — № 5. — С. 112–121. — DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.5.112. — EDN: YLWKQH.
10. Никифоров, А.В. Религиоведение в системе образования / А.В. Никифоров // Культура как вид человеческого бытия и познания: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, Ишим, 22–23 ноября 2013 года / научный редактор В.И. Полищук; ответственный редактор Г.В. Сильченко. — Ишим: Издательство ИППИ им. П.П. Ершова, 2013. — С. 108–111. — EDN: VHYMDH.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: [редакция от 28.06.2022]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
12. Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июля 1998 г. № 145-ФЗ: [редакция от 19.12.2022]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
13. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ: [редакция от 19.12.2022]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
14. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: [редакция от 29.12.2022]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
15. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ: [редакция от 29.12.2022]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
16. Шахов, М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации / М.О. Шахов. — 2-е изд., доп. — Москва: Издательство Сретенского монастыря, 2013. — 528 с.
17. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
18. Петракова, Т.И. Совместная деятельность органов управления образованием и религиозных организаций по духовно-нравственному образованию и воспитанию, изучению истории и культуры религий. Из опыта работы регионов России / Т.И. Петракова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. — 2008. — № 11. — С. 17–82.
19. Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»: Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 октября 2013 г. № 544н: [редакция от 05.08.2016]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155553/ (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
20. Дружинин, А.В. Проблемы и перспективы интеграции системы высшего образования и рынка труда РФ в контексте реформы профессионального образования (на примере гуманитарных направлений подготовки) / А.В. Дружинин // Право и образование. — 2025. — № 5.
21. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
22. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
23. Бажан, Т.А. Религиоведение для юристов: учебник / Т.А. Бажан, О.В. Старков. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2007. — 490 с.
24. О реестре профессиональных стандартов (перечне видов профессиональной деятельности): Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 29 сентября 2014 г. № 667н: [редакция от 19.12.2022]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_169631/ (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
25. Общероссийский классификатор занятий ОК 010-2014 (МСК3-08): [принят и введен в действие Приказом Росстандарта от 12.12.2014 № 2020-ст]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_177953/ (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
26. Дорская, А.А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII — начала XX вв.: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Дорская Александра Андреевна. — Москва, 2008.
27. Складорова, Т.В. Возрастная педагогика и психология: учебное пособие для студентов педагогических вузов / Т.В. Складорова, О.Л. Янушквичене. — Москва: Покров, 2004. — 143 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002438461> (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
28. Яценко, Р.В. Развитие церковно-приходских школ России: Вторая половина XIX — начало XX века: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Яценко Роман Викторович. — Волгоград, 2005. — 181 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002745327> (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.
29. Лукьянов, С.А. К вопросу о государственно-правовом регулировании деятельности Римско-католической церкви в России / С.А. Лукьянов, А.Г. Удодов // Государственная служба и кадры. — 2018. — № 2. — С. 33–39.
30. Сухова, Н.Ю. История Центральных органов управления духовно-учебными заведениями в России: 1807-1918 гг. / Н.Ю. Сухова // Вестник архивиста. — 2001. — № 6 (66). — С. 264–302.
31. Робберс, Г. Государства и религии в Европейском Союзе: (опыт государственно-конфессиональных отношений): сборник статей / Г. Робберс; Институт Европы (Москва). — Москва, 2009. — 719 с. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004657867> (дата обращения: 15.01.2025). — Текст: электронный.

СООТНОШЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ В ГРАЖДАНСКОМ, УГОЛОВНОМ И АДМИНИСТРАТИВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ЕАЭС

THE RATIO OF RESPONSIBILITY FOR THE VIOLATION OF EXCLUSIVE RIGHTS IN THE CIVIL, CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE LEGISLATION OF THE EEU

T. Kanatov

Summary. The article discusses problematic aspects of liability for violation of exclusive rights in the civil, criminal and administrative legislation of the EAEU countries. It should be noted that the science of civil law has always faced specific problems at each stage of its development, determined by the political, economic, socio-cultural, scientific and technical needs of society. Among their wide variety, there are those that are key to legal science at any stage of its development. These include, with good reason, the study of problematic aspects of liability for violations of exclusive rights in the civil legislation of the EEU countries. In legal theory, these issues have been discussed for several years, and the article reflects the most significant theoretical findings of prominent scientists on these controversial legal issues from various eras.

Keywords: legal responsibility, exclusive rights, civil legislation, EEU.

Канатов Танат Канатович

Доктор Ph.D., ассоциированный профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
natan82008@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты ответственности за нарушение исключительных прав в гражданском, уголовном и административном законодательстве стран ЕАЭС. Следует отметить, о том, что перед наукой гражданского права на каждом этапе ее развития всегда стояли конкретные проблемы, определяемые политическими, экономическими, социально-культурными и научно-техническими потребностями общества. Среди их большого разнообразия существуют такие, которые являются ключевыми для юридической науки на любом этапе ее развития. К их числу можно с полным основанием отнести исследование проблемных аспектов ответственности за нарушение исключительных прав в гражданском законодательстве стран ЕАЭС. В юридической теории данные вопросы обсуждаются на протяжении нескольких лет, в статье отражены наиболее весомые теоретические выкладки выдающихся ученых по данным правовым спорным вопросам различных эпох.

Ключевые слова: юридическая ответственность, исключительные права, гражданское законодательство, ЕАЭС.

В отличие от Основ гражданского законодательства 1991 г. перечень способов обеспечения исполнения обязательств, установленный в действующем ГК РФ, является открытым. Помимо предусмотренных в законе, стороны, руководствуясь принципами диспозитивности и свободы договора, могут применить другие юридические конструкции. Например, в соответствии с Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 07 июля 2004 г. № 78 [1], арбитражный суд удовлетворяет заявление о применении предварительных обеспечительных мер, если заявитель мотивировал, хотя бы одно из оснований их применения, предусмотренных п. 2 ст. 90 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [2] (далее — «АПК РФ»).

Перечень обеспечительных мер представлен в п. 1 ст. 91 АПК РФ, одной из таких мер является наложение ареста на денежные средства или иное имущество, принадлежащее ответчику, находящееся у него или других лиц. При выборе компетентного арбитражного суда в соответствии с п. 3 ст. 99 АПК РФ учитывается характер обеспечиваемого требования, вид истребуемой меры,

ее исполнимость в рамках компетенции данного суда, период времени, необходимый для реализации ходатайства о предварительных обеспечительных мерах в ином компетентном суде.

То есть, есть минимум три признака обеспечения исполнения обязательств. Во-первых, стимулирующий признак, во-вторых, защитный (компенсационный), в-третьих, акцессорность способов обеспечения.

В силу ч. 1 ст. 144.1 Гражданского процессуального кодекса РФ [3] (далее — «ГПК РФ») суд по письменному заявлению организации или гражданина вправе принять предварительные обеспечительные меры, направленные на защиту исключительных прав заявителя. В порядке обеспечения иска по делу о нарушении исключительного права может быть наложен арест на материальные носители, оборудование и материалы, запрет на осуществление соответствующих действий в информационно-телекоммуникационных сетях, если в отношении таких материальных носителей, оборудования и материалов или в отношении таких действий вы-

двинуто предположение о нарушении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации [4].

Примерами принятия обеспечительных мер являются: определения Московского городского суда об удовлетворении заявления о принятии предварительных обеспечительных мер: от 09.06.2015 № 2и-95/2015 (на обеспечение защиты авторских и (или) смежных прав на фильм, размещенный на сайте в сети Интернет); от 26.06.2015 № 2и-151/2015 (на фонограммы, размещенные на сайте в сети Интернет); от 25.03.2019 № 2и-859/2019 (на сообщение передач (телевизионное вещание) телеканалов, осуществляемое на сайте в сети Интернет); от 28.03.2019 № 2и-938/2019 (на дизайн сайта, используемый на сайте сети Интернет).

Несмотря на достаточно глубокую проработанность вопросов гражданско-правовой ответственности в науке и законодательстве за нарушение исключительных прав правовая категория «меры ответственности» еще не получила должного уровня детализации в странах ЕАЭС. В российском законе эти меры рассредоточены по Части четвертой ГК РФ, а в концентрированном виде содержатся в п. 3 ст. 1250 ГК РФ: «Предусмотренные настоящим Кодексом меры ответственности за нарушение интеллектуальных прав подлежат применению при наличии вины нарушителя, если иное не установлено настоящим Кодексом».

Анализируя особенности гражданско-правовой ответственности за нарушения исключительных прав в РФ, следует руководствоваться, прежде всего, правилом, что их защита гарантируется статьями 11-12, 1250, 1252 ГК РФ и другими нормами российского законодательства.

В России к гражданско-правовым способам защиты исключительных прав относятся следующие требования:

- признание исключительного права (п. 1 ст. 1252, ст. 1358 ГК РФ);
- пресечение действий, нарушающих исключительное право или создающих угрозу его нарушения (подп. 2 п. 1 ст. 1252 ГК РФ);
- возмещение убытков (ст. 401; подп. 3 п. 1 ст. 1252 ГК РФ);
- изъятие и уничтожение контрафактных материальных носителей (подп. 4 п. 1 ст. 1252);
- публикация решения суда о допущенном нарушении (подп. 5 п. 1 ст. 1252 ГК РФ);
- ликвидация юридического лица или прекращение деятельности индивидуального предпринимателя (ст. 1253 ГК РФ);
- признание патента недействительным или частичный запрет на использование фирменного либо коммерческого обозначения (абз. 3 п. 6 ст. 1252 ГК РФ);

- компенсация (ст. 1301, ст. 1406 ГК РФ);
- другие меры, предусмотренные законодательными актами.

Защита патентных прав, как следует из п. 2 ст. 1406, в случаях, указанных в статьях 1387, 1390, 1391, 1398, 1401 и 1404 ГК РФ, осуществляется в административном порядке в соответствии с пунктами 2 и 3 статьи 1248 ГК РФ. В данном случае законодатель явно указывает на взаимосвязь гражданско-правовой и административной ответственности.

Применение административного порядка в отношении нарушения патентных прав осуществляется по следующим категориям споров:

- подача и рассмотрение заявок в Роспатенте;
- государственная регистрация и выдача соответствующих правоустанавливающих документов;
- оспаривание предоставления объектам правовой охраны или ее прекращение.

Решения, принятые Роспатентом по этим вопросам, могут быть обжалованы в Палату по патентным спорам. Основной документ, регламентирующий порядок рассмотрения споров — это Правила подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам, утвержденные Приказом Роспатента от 22.04.2003 № 56 [5].

Статьи 1406 и 1406.1 ГК РФ определили перечень наиболее распространенных споров, которые рассматриваются непосредственно в судах без обращения в Палату по патентным спорам, а именно:

- об авторстве изобретения, полезной модели, промышленного образца;
- об установлении патентообладателя;
- о нарушении исключительного права на изобретение, полезную модель или промышленный образец;
- о заключении, об исполнении, об изменении и о прекращении договоров о передаче исключительного права (отчуждении патента) и лицензионных договоров на использование изобретения, полезной модели, промышленного образца;
- о праве преждепользования;
- о праве послепользования;
- о размере, сроке и порядке выплаты вознаграждения автору изобретения, полезной модели или промышленного образца;
- о выплате компенсации.

В отличие от российского закона, казахстанский законодатель специальных норм о гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав не предусмотрел, он отсылает правоприменителей к положениям Главы 20 ГК РК «Ответственность за нарушение».

ние обязательства» (п. 2 ст. 970 ГК РК). Под нарушением обязательства ст. 349 ГК РК понимает его неисполнение либо исполнение ненадлежащим образом. В соответствии со ст. 350 ГК РК, нарушитель обязан возместить кредитору вызванные нарушением убытки (п. 4 ст. 9). Лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законодательными актами или договором не предусмотрено иное. Возмещение убытков в обязательствах, обеспеченных неустойкой, определяется правилами, предусмотренными ст. 351 ГК РК. Уплата неустойки и возмещение убытков в случае ненадлежащего исполнения обязательства не освобождают должника от исполнения обязательства, если иное не предусмотрено законодательными актами или договором (п. 1 ст. 354).

В Казахстане защита исключительных прав осуществляется судом путем: 1) признания прав; 2) восстановления положения, существовавшего до нарушения права; 3) пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; 4) возмещения убытков, включая упущенную выгоду; 5) взыскания дохода, полученного нарушителем вследствие нарушения прав; 6) при нарушении прав авторов программы для ЭВМ или базы данных (ст. 49 Закона РК об авторских и смежных правах); 7) компенсации морального вреда; 8) самозащиты права; 9) присуждения к исполнению обязанности в натуре; 10) иными способами, предусмотренными законодательством.

В Республике Беларусь меры гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав, а также способы их защиты, определены в статьях 55–57 Закона об авторском праве и смежных правах, ст. 11 и ст. 989 ГК РБ, в иных нормативных актах. При нарушении договоров об использовании РИД и средств индивидуализации применяются общие правила об ответственности за нарушение обязательств. Так, ст. 11 ГК РБ предусматривает 13 способов защиты гражданских прав: 1) признания права; 2) восстановления положения, существовавшего до нарушения права; 3) пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; 4) признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, установления факта ничтожности сделки и применения последствий ее недействительности; 5) признания недействительным акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления; 6) самозащиты права; 7) присуждения к исполнению обязанности в натуре; 8) возмещения убытков; 9) взыскания неустойки; 10) компенсации морального вреда; 11) прекращения или изменения правоотношения; 12) неприменения судом противоречащего законодательству акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления; 13) иными способами, предусмотренными законодательством.

Кроме того, ст. 989 ГК РБ установила, что защита исключительных прав может осуществляться путем: изъятия материальных объектов, с помощью которых нарушены исключительные права, и материальных объектов, созданных в результате нарушения; обязательной публикации о допущенном нарушении с включением в нее сведений о том, кому принадлежит нарушенное право.

Часть 1 ст. 1110 ГК РА мерами гражданско-правовой защиты исключительных прав определяет: 1) изъятие материальных объектов, послуживших основой для нарушения исключительных прав, и материальных объектов, созданных в результате такого нарушения; 2) обязательной публикации о допущенном нарушении, с включением в нее сведений о том, кому принадлежит нарушенное право; 3) иные способы, предусмотренные законом. Наряду с этими мерами действуют следующие: признание прав; восстановление положения, существовавшего до правонарушения и приостановления действий, нарушающих права или содержащих угрозу нарушения; компенсация в двукратном размере гонорара или вознаграждения, которые правообладатель мог бы получить; возмещение морального вреда. Часть 2 ГК РА содержит отсылочную норму: при нарушении договоров об использовании результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации применяются общие правила об ответственности за нарушение обязательств (глава 26).

Согласно ст. 41 Закона РА об авторском праве и смежных правах, сторона, не исполнившая взятые по авторскому договору обязательства, должна возместить убытки, причиненные другой стороне (включая упущенную выгоду).

В Кыргызстане гражданско-правовые меры защиты исключительных прав предусмотрены ст. 11 ГК КР и статьями 48–50 Закона об авторском праве и смежных правах. Состав мер защиты практически совпадает с составом, предусмотренным законодательством Беларуси. Правообладатель вправе обратиться в суд либо в правоохранительные органы (ст. 10 ГК КР, ст. 49 Закона об авторском праве).

Несмотря на определенные сходства в правовом регулировании гражданско-правовой ответственности в странах ЕАЭС, компаративный анализ основных способов защиты исключительных прав и мер ответственности показывает, что между ними есть отличия (Таблица 1).

В отличие от других стран Союза, в российском и казахстанском законодательстве за правонарушение предусмотрена ликвидация юридического лица или прекращение деятельности индивидуального предпринимателя. При этом, во всех странах применяются

Таблица 1.

Сравнение гражданско-правовых способов защиты и ответственности за нарушения исключительных прав в законодательстве стран ЕАЭС

Виды гражданско-правовых способов защиты и ответственности	РА	РБ	РК	КР	РФ
непосредственно присутствует в законе (+); не определено (-)					
признание исключительного права	+	+	+	+	+
пресечение действий, нарушающих исключительное право или создающих угрозу его нарушения	+	+	+	+	+
возмещение убытков	+	+	+	+	+
удаление с товара или его упаковки незаконно используемых товарного знака или обозначения, сходного с ним до степени смешения, и (или) уничтожения изготовленных изображений товарного знака или обозначения, сходного с ним до степени смешения	+	+	+	+	+
запрет на продажу контрафактного товара	+	+	+	+	+
арест, уничтожение товаров, в отношении которых был незаконно применен товарный знак	+	+	+	+	+
выплата компенсации	+	+	+	+	+
изъятие и уничтожение (конфискация) контрафактных материальных носителей	+	+	+	+	+
публикация решения суда о допущенном нарушении	+	+	-	+	+
ликвидация юридического лица или прекращение деятельности индивидуального предпринимателя	-	-	+	-	-
признание оспоримой сделки недействительной	+	+	+	+	+
установление факта ничтожности сделки и применения последствий ее недействительности	+	+	+	+	+
неприменения судом противоречащего законодательству акта государственного органа или органа местного управления и самоуправления	-	+	-	-	-
компенсация морального вреда для физических лиц	+	+	+	+	+
признание патента недействительным	+	+	+	+	+
самозащита	+	+	+	+	+
иные способы защиты, предусмотренные законодательством	+	+	+	+	+

конфискационные санкции, заключающиеся в безвозмездном изъятии определенного имущества правонарушителя в доход государства, выплата компенсации, в том числе компенсация морального вреда (для физических лиц), признание оспоримой сделки недействительной, а также иные способы защиты нарушенного права.

Ко всем странам ЕАЭС сфере исключительных прав применимо деление мер защиты права на:

- 1) международные средства;
- 2) конституционные средства;
- 3) иные отраслевые средства;
- 4) средства самозащиты [6].

К этому перечню добавим категорию «технические средства».

Защита исключительных прав, как правило, осуществляется с применением технических средств, затрудня-

ющих любые действия по незаконному использованию объектов ИС, а также информационными способами, под которыми понимается информация, которая идентифицирует произведения, автора или иного правообладателя, либо информация об условиях использования произведения, содержащаяся на оригинале (экземпляре), произведения, приложенная к нему. Содержание произведения, по существу, ни что иное как, информация. Это выражается в том, что литературный или музыкальный текст, образ или знак являются данными или сведениями, а их восприятие образует процесс коммуникации.

Федеральным законом от 18.07.2019 № 177-ФЗ [7] в ст. 11 ГК РФ внесены поправки, согласно которым защиту нарушенных или оспоренных гражданских прав осуществляет суд, арбитражный суд или третейский суд в соответствии с их компетенцией. При этом, право выбора остается за истцом. Аналогичные нормы содержаться в законодательстве других стран ЕАЭС.

По российскому закону при несоблюдении претензионного (досудебного) порядка исковое заявление подлежит возвращению судом (п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ, п. 1 ч. 1 ст. 129 Кодекса административного судопроизводства (КАС) РФ) [8].

Поправки, внесенные в ГК РФ в июле 2019 года, затронули ст. 1252 ГК РФ и подтвердили ранее существовавшее правило: если правообладатель и нарушитель исключительного права являются юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями и спор подлежит рассмотрению в арбитражном суде, до предъявления иска о возмещении убытков или выплате компенсации обязательно предъявление правообладателем претензии.

Претензионный порядок урегулирования спора является обязательным и в случаях, предусмотренных законом или договором (ч. 5 ст. 4 АПК РФ, абз. 7 ст. 132 ГПК РФ, ч. 3 ст. 4 КАС РФ).

Специфика гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав обусловлена необходимостью восстановления (компенсации) имущественной сферы субъекта рынка интеллектуальной собственности и наказания правонарушителя. В силу статей 1301 и 1515 ГК РФ, правообладатель вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации в размере, определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости. Одновременное взыскание убытков и компенсации не допускается (п. 59 Постановления Пленума ВС РФ № 10 от 23.04.2019 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Российский закон установил, что в случаях, предусмотренных законом, суд может взыскать в доход государства все полученное по сделке сторонами, действовавшими умышленно, или применить иные последствия, установленные законом (ст. 169 ГК РФ); имущество может быть безвозмездно изъято у собственника по решению суда в виде санкции за совершение преступления или иного правонарушения (конфискация) (п. 1 ст. 243 ГК РФ); орудия, оборудование или иные средства, используемые или предназначенные для совершения нарушения исключительных прав, по решению суда подлежат изъятию из оборота и уничтожению за счет нарушителя (п. 5 ст. 1252 ГК РФ).

Применение конфискации возможно как по требованию правообладателя, так и по инициативе суда. Судебной практике известны дела с применением конфискации за нарушение исключительных прав. Пример — Решение Арбитражного суда Волгоградской об-

ласти от 26 декабря 2018 г. по делу № А12-34726/2018 [9] по иску общероссийской общественной организации «Российское авторское общество» к индивидуальному предпринимателю К. о взыскании денежных средств в размере 28 491 руб. 50 коп. за ненадлежащее исполнение лицензионного договора. Суд вынес решение в пользу истца, сославшись, в том числе на ст. 243 ГК РФ. Годом позже по иску к тому же ответчику, в составе того же суда, было вынесено Решение [10] о взыскании с ответчика денежных средств в размере 50 000 руб. за ненадлежащее исполнение лицензионного договора с отсылкой на ту же ст. 243 ГК РФ.

В случаях, предусмотренных законом, конфискация может быть произведена и в административном порядке (п. 2 ст. 243 ГК РФ). Но эту меру защиты необходимо отличать от конфискации материалов, оборудования и иных орудий совершения правонарушения, предусмотренной в ч. 1 ст. 7.12 «Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав» КоАП РФ.

По сравнению с гражданским и административным, по уголовному праву конфискация — один из дополнительных видов наказания, который применяется (или не применяется) по усмотрению суда в зависимости от обстоятельства дела. Нормы о конфискации имущества помещены в Главу 15.1 УК РФ, введенную в Кодекс в 2006 году. Согласно ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора.

Если анализировать особенности административной ответственности, то это один из видов юридической ответственности, мера государственного принуждения (О.С. Иоффе, М.Д. Шаргородский), которая выражается в применении полномочным государственным органом (должностным лицом) предусмотренных нормами административного права конкретных административно-правовых санкций к физическим и юридическим лицам, виновным в совершении особого рода правонарушения — административного правонарушения (А.П. Алевин, Ю.М. Козлов).

К этому определению следует добавить, что административная ответственность — это публично-правовая ответственность, которую отличает множественность субъектов (физических, юридически и должностных лиц).

Дела об административных правонарушениях могут быть рассмотрены как в судебном, так и внесудебном порядке широким кругом уполномоченных органов и должностных лиц, включая таможенные органы.

Трактовку административной ответственности, содержащуюся в Постановлении № 47-13 Межпарламент-

ской Ассамблеи государств — участников СНГ [11] нельзя признать удачной, так как она не признает субъектом административного правонарушения должностное лицо. Как следует из документа, административная ответственность — это вид ответственности, заключающийся в применении административного взыскания

к физическому лицу, совершившему административное правонарушение, а также к юридическому лицу, признанному виновным и подлежащему административной ответственности в соответствии с национальным законодательством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 07.07.2004 № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19 июля 2016 г. № С01-382/2016 по делу № А40-233942/2015.
5. О Правилах подачи возражений и заявлений и их рассмотрения в Палате по патентным спорам: Приказ Роспатента от 22 апреля 2003 г. N 56 [ред. от 29 ноября 2013 г.].
6. Казаков В.Л. Средства защиты прав человека / В.Л. Казаков // Журнал. Вестник Московского университета МВД России / В.Л. Казаков. — 2007. — № 5. — С. 41–43.
7. Федеральный закон от 18.07.2019 № 177-ФЗ «О внесении изменений в статью 11 части первой и статью 1252 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 29 (часть I). Ст. 3844.
8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
9. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 26 декабря 2018 г. по делу № А12-34726/2018.
10. Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 13 февраля 2019 г. по делу № А12-39827/2018.
11. Постановление № 47-13 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ «О Глоссарии терминов и понятий, используемых государствами — участниками СНГ в пограничной сфере» (Принято в г. Санкт-Петербурге 13.04.2018) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ [Электронный ресурс]. URL: // <http://cis.minsk.by/> (дата обращения: 04.02.2025).

© Канатов Танат Канатович (natan82008@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОМЕРНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКИМИ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ, СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ И ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Капустин Валерий Валентинович

Заместитель начальника кафедры тактико-специальной, огневой и физической подготовки, Ленинградский областной филиал федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», город Мурино, Россия
valerij.kapustin.73@mail.ru

FACTORS CONTRIBUTING TO ENSURING THE LEGALITY AND LEGALITY OF THE USE OF PHYSICAL, SPECIAL FORCE AND FIREARMS BY POLICE

V. Kapustin

Summary. This article notes that a special place in the implementation of legality and legitimacy in the activities of police officers is occupied by the administrative and legal norms themselves, which give police officers the right to use physical force, special means and firearms, which provide for the grounds, procedure and conditions for the application of these measures. The author concludes that the provisions in these rules of administrative law should be clearly stated, and the terms used in them should be understandable to the policeman so that he can easily apply them in an emergency situation. In order to increase the effectiveness of ensuring legality and legitimacy in the use of special specified administrative coercion measures by police officers, it is proposed to consider including in the Criminal Code of the Russian Federation an independent circumstance excluding the criminality of the act «Lawful use of physical force, special means and firearms by authorized persons», as well as to develop instructions on the use of these coercive measures, as well as methodological recommendations on conducting official inspections on the facts of the application of such measures, in which to clarify the content of the blank and evaluative terms used in Chapter 5 of the Federal Law «On Police».

Keywords: use of physical force, special means, firearms, federal law «On Police», resistance, threat to life and health, counteraction, assault.

Аннотация. В настоящей статье отмечается, что особое место в реализации законности и правомерности в деятельности полицейских занимают административно-правовые нормы, наделяющие полицейского правом применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие, в которых предусмотрены основания, порядок, условия применения этих мер. Автор приходит к выводу, что положения в данных нормах административного права должны быть четко зафиксированы, а термины, употребляемые в них должны быть понятны полицейскому, чтобы он смог без труда применить их в экстренной ситуации. С целью повышения эффективности обеспечения законности и правомерности применения сотрудниками полиции указанных мер административного принуждения предлагается рассмотреть вопрос о включении в уголовное законодательство самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния «Правомерное применение уполномоченными лицами физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия», а также разработать инструкцию по применению указанных мер принуждения, методические рекомендации по проведению служебных проверок по фактам применения подобных мер, в которых разъяснить содержание бланкетных и оценочных терминов, используемых в Главе 5 ФЗ «О полиции».

Ключевые слова: применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, федеральный закон «О полиции», сопротивление, угроза жизни и здоровью, противодействие, нападение.

Согласно данным Министерства внутренних дел Российской Федерации (Далее МВД России), в ведомстве сегодня не хватает 173800 человек [1]. По этим же данным неуккомплектованность личного состава в процентах составила 18,8 % сотрудников от всей штатной численности МВД России. Несмотря на нехватку сотрудников, полицейские в таких сложных кадровых реалиях не только продолжают выполнять свои обязанности, но и продолжают реализовывать свои полномочия качественно и эффективно. Этот вывод подтверждается тем, что по официальным данным, опубликованным

в средствах массовой информации, во-первых, отмечается снижение массива зарегистрированных преступлений посягательств, во-вторых, установлено повышение раскрываемости отдельных видов насильственных и корыстных преступлений [1].

Согласно публикациям из средств массовой информации, а также опубликованной судебной практики, видно, что некоторые полицейские, выполняя служебные обязанности и предоставленные им полномочия, порой допускают нарушения законности и правомерности. Это

в некоторых случаях влечет их привлечение к юридической ответственности, в том числе уголовной по статье 286 Уголовного кодекса Российской Федерации (Далее УК РФ) за превышение должностных полномочий, к примеру, за незаконное или неправомерное применение специальных мер административного пресечения.

Указанные специальные меры административного пресечения, к которым относятся, в том числе, меры по применению физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, занимают особое место в механизме государственного принуждения, поскольку носят вынужденный, пресекающий характер, направлены на оперативное и принудительное прекращение противоправных деяний граждан и организаций [2, С. 228].

Цель применения данных мер, выражающаяся в прекращении противоправного поведения, диктует необходимость быстрой ответной реакции полицейского, сопряженной с причинением нарушителю различного по характеру вреда (физического, материального, морального). В связи с этим, учитывая риски причинения вреда, вопрос о законности и правомерности принудительного полицейского воздействия путем применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия является актуальным и требующим дальнейшего рассмотрения.

Под обеспечением законности и правомерности применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия следует понимать гарантируемый совокупностью административно-правовых средств механизм, направленный на достижение соответствия фактических действий сотрудников полиции при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия положениям законодательства, устанавливающим основания, порядок, цели и условия применения данных мер, а также создавшейся фактической обстановке в момент применения подобных мер.

Законность, как и правомерность применения сотрудниками органов внутренних дел физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, зависит от совокупности различных объективных и субъективных факторов. Во-первых, это качество самих административно-правовых норм, предусматривающих основания и правила реализации исследуемых способов принудительного воздействия, понятность и доступность этих законоположений для правоприменителя. Во-вторых, — это качество физической, психологической, тактической подготовки полицейских, существенный уровень знаний полицейскими соответствующих норм. Эти факторы, взятые в комплексе, оказывают влияние на достижение законности и правомерности в реализации полицейскими полномочий по применению

исследуемых мер административного принуждения. В настоящем исследовании речь пойдет о первом факторе, то есть о самих административно-правовых нормах, предоставляющих полицейским полномочие применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие, качестве данных норм, доступности для понимания полицейскими-правоприменителями.

Многие представители административно-правовой науки, к примеру, Э.Х. Мамедов и А.И. Каплунов [3, С. 81], а также С.А. Высоцкий [4, С. 69], убеждены в том, что первое место в реализации законности деятельности полицейских занимают сами административно-правовые нормы-дефиниции, нормы-правила, наделяющие полицейского правом применять физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие, в которых предусмотрены основания, порядок, условия применения этих мер. Учитывая значимость подобных норм, положения в них должны быть четко зафиксированы, а формулировки, употребляемые в таких нормах административного права должны быть понятны полицейскому, чтобы он смог без труда применить их в экстренной ситуации.

Однако исследование научных источников позволило выявить некоторые проблемы, связанные с законодательной регламентацией норм, предусматривающих основания, порядок и условия применения исследуемых мер административного принуждения. Первая проблема, по мнению ученых, связана с «дефектностью» самой закреплённой в ФЗ «О полиции» модели правомерного применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Так, А.И. Каплунов в своем диссертационном исследовании отмечает, что модель правового регулирования применения этих мер, как в законе РФ «О милиции», так и в ФЗ «О полиции», будучи сложной в технико-юридическом смысле, предусматривает строгие границы, выход за которые расценивается нередко как превышение служебных полномочий [2, С. 277].

Критику среди ученых в данной модели вызывает «норма-рекомендация» «стремиться минимизировать ущерб», предусмотренная в ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции». Так, А.М. Сильников отмечает, что данное словосочетание может рассматриваться в качестве критерия правомерности принудительной меры [5, С. 72-73]. Далее автор высказывает сомнения насчет того, как согласно ч. 3 ст. 19 ФЗ будет оцениваться такое стремление к минимизации вреда, а также предполагает, что возможна оценка действий полицейского путем объективного вменения, по фактически наступившему вреду для правонарушителя. Вопреки данному мнению, представляется, что исследуемое законоположение положение сформулировано достаточно «гибко», в исследуемой формулировке можно обнаружить и расширительный потенциал для применения мер административного пресечения, по-

скольку в ней говорится не о строгой обязанности полицейского причинить именно минимальный вред, а об обязанности «стремиться» к такой минимизации.

Тем не менее, проблема в регламентации модели правомерного применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия все-таки имеется. Суть данной проблемы заключается в том, что сотрудник полиции, применяя подобные меры для отражения общественно опасного посягательства, подпадающего под признаки уголовно наказуемого деяния, одновременно оказывается и в обстановке, связанной с одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния, например, необходимой обороной. В этой связи возникает вопрос, что будет являться критерием правомерности действий полицейского в данной ситуации: вышеупомянутые положения ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции» или ст. 37 УК РФ. Особенно актуален данный вопрос в связи с тем, что ч. 3 ст. 37 УК РФ распространяется на всех без исключения лиц, вне зависимости от их специальной подготовки и служебного положения.

Следует отметить, что в ходе реализации административного правоотношения в результате применения сотрудником полиции физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия правонарушителю может быть причинен физический вред, подпадающий под признаки преступления. Такое причинение вреда порождает развитие уголовно-правового отношения, в качестве субъекта которого выступает сам полицейский. В то же время признание деяния преступными или нет, является прерогативой исключительно уголовного законодательства. В связи с чем, А.И. Каплуновым абсолютно справедливо предлагается рассмотреть вопрос о включении в уголовное законодательство самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния «Правомерное применение уполномоченными лицами физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия» [2, С. 13]. До внесения данных изменений вопрос о конкуренции норм административного и уголовного законодательства необходимо решать следующим образом: в случае отражения сотрудником полиции административного правонарушения критерием правомерности необходимо считать ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции», в случае применения исследуемых специальных мер в связи с отражением общественно опасного посягательства, подпадающего под признаки уголовно наказуемого деяния — ст. 37 УК РФ.

Помимо этого, затрудняет реализацию требований законности и правомерности при применении исследуемых мер административного пресечения использование в положениях Главы 5 ФЗ «О полиции» множества понятий, содержание которых не раскрывается в нем и других ведомственных нормативных актах. В результате, для оценки содержания такого понятия требуется

толкование путем обращения не только к нормам административного права, но и уголовного права, практике его применения.

Итак, изначально обратимся к терминам, которые употребляются в ч. 2 ст. 19 ФЗ «О полиции». Так, сотруднику полиции разрешается не предупреждать о намерении применять исследуемые меры административного пресечения, в случае если промедление создает «непосредственную угрозу жизни и здоровью» гражданина или полицейского, наступление «иных тяжких последствий». Как справедливо отмечает А.И. Каплунов, уяснение начального момента отражаемого посягательства имеет особое значение для правомерного применения специальных мер административного пресечения [6, С. 235].

Авторы комментария к ФЗ «О полиции», трактуя указанный термин, под таковой понимают угрозу, которая вполне может реализоваться тот час, незамедлительно, без включения дополнительных, опосредующих условий [7, С. 235]. Представители МВД России, давая разъяснения понятию «угроза жизни и здоровью» [8] отмечают, что при его описании необходимо руководствоваться словосочетанием «опасное для жизни и здоровья состояние», под которым понимается наличие реальной угрозы жизни или причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью». Верховный Суд Российской Федерации применительно к положениям о необходимой обороне указывает на то, что реальная угроза начинается с того момента, когда посягательство еще не началось, а посягающее лицо уже готово перейти к совершению определенного деяния [9].

В качестве примеров авторы вышеупомянутого комментария приводят такие ситуации, как «занесение над головой человека металлического предмета, топора, ножа, выталкивание человека из движущегося автомобиля, насильственное удержание человека под водой» [7, С. 235]. Кроме того, приводятся такие примеры как «демонстрация человеку оружия или предметов, похожих на оружие, с мгновенным приближением к полицейскому или другим лицам, направление оружия в сторону потерпевшего, занос руки с топором/ножом над головой» [6, С. 235].

Очевидно, что авторы приводят примеры действий, создающих реальную моментальную опасность для человеческой жизни и здоровья, то есть фактически ведут речь об угрозе преднамеренного применения физической силы в отношении людей (насилия), опасной для жизни и здоровья, исходящей от преступника. А.И. Каплунов, комментируя ч. 2 ст. 19 ФЗ «О полиции», также связывает угрозу жизни и здоровью с действием конкретных лиц, а именно с «внезапным нападением, вооруженным нападением, нападением с использованием боевой техники, транспортных средств, летательных аппаратов, морских и речных судов и т.п.» [6, С. 170].

Принимая во внимание, что опасность для жизни и здоровья может исходить и от иного источника, не только от преднамеренного человеческого насильственного воздействия, а также, например, согласно п. 1 ч. 3 ст. 23 ФЗ «О полиции» от поведения животного, законодатель в ч. 2 ст. 19 ФЗ «О полиции» употребил термин «угроза жизни и здоровью», а не «угроза насилия, опасного для жизни или здоровью», поскольку первая категория шире по объему. В этой связи *под непосредственной угрозой жизни и здоровью* в ч. 2 ст. 19 ФЗ «О полиции» следует понимать реальную опасность немедленного причинения вреда жизни и здоровью (легкого, средней тяжести, тяжкого) полицейского или гражданина, возникающую как от насильственного воздействия правонарушителя, так и от иных источников опасности.

Под «*иными тяжкими последствиями*», создание которых может явиться поводом для непредупреждения полицейским о своем намерении применить физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие, следует понимать «взрыв, возгорание какого-либо объекта, железнодорожную катастрофу, утечку отравляющих веществ» [7, С. 235].

В ФЗ «О полиции», помимо термина «угроза жизни и здоровью» используется термин «насилие, опасное для жизни или здоровью», который также требует толкования. Этот термин используется, к примеру, в п. 1 ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции», в котором причисляются случаи, когда полицейский может прибегнуть к применению оружия.

Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации примирительно к положениям о необходимой обороне, такое *насилие, опасное для жизни*, реально создает опасность для жизни, с большой долей вероятности приведет к смертельному исходу, и выражается в: 1) причинении тяжкого вреда здоровью, создающего реальную опасность для жизни (например, ранения жизненно важных органов); 2) применении способа, свидетельствующего о реальности угрозы для жизни (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т.п.); 3) непосредственной угрозе применения насилия, опасного для жизни (высказывания о намерении немедленно причинить смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрация оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, при условии данных, подтверждающих реальность осуществления этой угрозы) [9]. Учитывая данные разъяснения, в контексте вышесказанного *насилие, не опасное для здоровья*, — это побои, причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью.

Следующий термин, который требует толкования, — «характер и степень опасности действий лиц», который

употребляется в ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции» при раскрытии критериев правомерности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Как отмечает А.И. Каплунов, характер общественной опасности посягательства уточняется в «случаях» применения физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия [5, с. 49]. Характер посягательства — это качественная характеристика, определяется с учетом объекта посягательства, то есть того общественного отношения, на которое было направлено деяние правонарушителя (общественные отношения в сфере охраны личности, собственности и т.д.).

Так, в одном из разъяснений по уголовному праву отмечается, что применительно к характеру общественной опасности криминального посягательства необходимо обращать внимание, прежде всего, на направленность деяния на защищаемые законом социальные блага и причиненный им вред [10]. Степень опасности действий лиц — это количественная характеристика, свидетельствующая об интенсивности воздействия, и проявляется в конкретных обстоятельствах посягательства, в том числе: виде, характере и размере причиненных последствий, способе осуществления преступного посягательства, количестве нарушителей и т.д.

Кроме того, в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, касающегося применения законодательства о необходимой обороне, указан еще ряд значимых обстоятельств, подлежащих учету при оценке степени опасности действий лиц [9].

Иными словами, *характер опасности действий лиц* — это составляющая, указывающая, на какие общественные отношения были направлены действия правонарушителя (зафиксирована в «случаях» применения конкретной ответной меры). *Степень опасности действий лиц* — конкретные обстоятельства посягательства, которые определяются совокупностью данных о характере и размере возможных и наступивших последствий, способе совершения преступления, количестве соучастников, наличии у них оружия или предметов, используемых в качестве оружия, уровня их физической подготовки, месте и времени посягательства, предшествовавших посягательству событий, в том числе неожиданность действий таких лиц.

Следующий термин, требующий разъяснения, — это понятие «нападение», которое употребляется, например, в п. 1 ч. 1 ст. 21 ФЗ «О полиции». Очевидно, что термин «*нападение*» неотделим от насилия или угрозы его применения [12, С. 121], [13, С. 9], и представляет собой процесс неспровоцированного внезапно возникшего насильственного агрессивного воздействия на гражданина или сотрудника полиции, либо на объекты, указанные в ФЗ «О полиции» и направленного на достижение преступной цели.

Далее следует проанализировать такие термины, которые используются в Главе 5 ФЗ «О полиции», «противодействие» и «сопротивление». Так, указывается о том, что противодействие может быть выражено в конкретном преступлении (317, 318, 319 УК РФ), административном правонарушении (например, ст. 12.25, 12.26, 12.27, 19.3, ч. 2 ст. 20.1, КоАП РФ), так и не выражаться в конкретном составе преступления или административного правонарушения (например, сдерживание толпы фанатов на концерте, поимка убегающего беспризорного подростка) [7, С. 241].

Анализ этих составов и научной литературы показал, что противодействие может быть как активным / пассивным, насильственным / ненасильственным, так и направленным на сотрудника полиции / в виде иного действия или бездействия, не воздействующего на полицейского. Отсюда следует сделать вывод, что *противодействие* представляет собой более широкую по объему категорию, а именно реакцию правонарушителя на законные словесные и физические действия полицейского, которая включает в себя несколько форм: сопротивление и неповиновение. В свою очередь, сопротивление — это активное противодействие в виде ответной реакции правонарушителя на законные принудительные физические действия сотрудника полиции, которая выражается в направленном на полицейского насилии (нанесение полицейскому ударов и захватов, побоев, телесных повреждений, нанесение толчков, подножек), как и без применения насилия (срыв захвата, освобождение от сковывания).

Таким образом, подводя итог исследованию, отметим, что обеспечение законности и правомерности применения полицейскими физической силы, специаль-

ных средств или огнестрельного оружия, зависит от совокупности различных объективных и субъективных факторов. Особое место в реализации этих требований в деятельности полицейских занимают сами административно-правовые нормы, наделяющие полицейского правом применять физическую силу, специальные средства или огнестрельное оружие, в которых предусмотрены основания, порядок, условия их применения. Учитывая значимость подобных норм, положения в них должны быть четко зафиксированы, а формулировки, употребляемые в таких нормах административного права должны быть понятны полицейскому, чтобы он смог без труда применить их в экстренной ситуации.

С целью повышения эффективности обеспечения законности и правомерности применения сотрудниками полиции указанных мер административного принуждения предлагается рассмотреть вопрос о включении в УК РФ самостоятельного обстоятельства, исключающего преступность деяния «Правомерное применение уполномоченными лицами физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия». Принимая во внимание, что некоторые используемые в Главе 5 ФЗ «О полиции» термины требуют дополнительного толкования с помощью иных источников и в результате могут по-разному толковаться, как полицейскими, применяющими физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие, так и представителями контрольно-надзорных ведомств, дающих оценку законности и правомерности таким действиям, предлагается разработать инструкцию по их применению, а также методические рекомендации по проведению служебных проверок по фактам применения подобных мер, в которых разъяснить содержание бланкетных и оценочных терминов, используемых в Главе 5 ФЗ «О полиции».

ЛИТЕРАТУРА

1. Некомплект кадров в МВД России достиг почти 174 000 человек . URL: https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/11/26/1077404-nekomplekt-kadrov-v-mvd-dostig?from=copy_text (Дата обращения: 17.12.2024).
2. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): дис. на соиск. ученой степ. докт. юрид. наук / А.И. Каплунов: 12.00.14. — Москва, 2005. — 498 с.
3. Мамедов Э.Х., Каплунов А.И. Обеспечение законности применения полицией мер административного принуждения: монография / Э.Х. Мамедов, А.И. Каплунов; Санкт-Петербургский университет МВД России. — Санкт-Петербург: СПбУ МВД России, 2023. — 232 с.
4. Высоцкий С.А. Административно-правовые средства обеспечения законности контрольно-надзорной деятельности ГИБДД: дис. на соиск. ученой степ. канд. юрид. наук / С.А. Высоцкий: 12.00.14. — Санкт-Петербург 2019. — 220 с.
5. Сильников А.М. Организационно-правовые основы применения сотрудниками полиции специальных средств принуждения: дис. на соиск. ученой степ. докт. юрид. наук / А.М. Сильников: 12.00.14. — Санкт-Петербург, 2011. — 205 с.
6. Каплунов А.И. Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия: законодательство, теория и практика: монография / А.И. Каплунов. — Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2018. — 260 с.
7. Комментарий федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Ю.Е. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей, В.В. Черников. — Москва: Проспект, 2012. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=17133#UYV5kbUltg2M7DGq> (Дата обращения 01.02.2025).
8. Разъяснения МВД России понятию «угроза жизни и здоровью» в рамках реализации пункта 6 вопроса III решения заседания подкомиссии по совершенствованию контрольных (надзорных) и разрешительных функций федеральных органов исполнительной власти при Правительственной комиссии по проведению административной реформы (протокол от 16 сентября 2015 г. № 3)». URL: <https://12.xn--b1aew.xn--p1ai/document/7348651> (Дата обращения: 20.01.2025).

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (Дата обращения: 17.12.2024).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 N 19 (ред. от 31.05.2022) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (Дата обращения: 17.12.2024).
11. Попов Л.Л., Иванов В.А. Применение оружия работниками милиции / Л.Л. Попов, В.А. Иванов / Под ред. М.И.Якубовича. — Москва: Учебно-методический кабинет МВД СССР, 1975. — С. 47 с.
12. Кондрашов Б.П. Применение сотрудником милиции оружия для защиты жизни и здоровья граждан / Б.П. Кондрашов // Штабная практика. — 1992. — № 4. — С. 121.
13. Нагаева Т.И. Уголовно-правовая оценка нападения: автореф. дис. на соиск. ученой степ. канд. юрид. наук / Т.И. Нагаева: 12.00.08. — Москва, 2019. — 176 с.

© Капустин Валерий Валентинович (valerij.kapustin.73@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВОСУДИЕ — МИФОЛОГЕМА ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ

ELECTRONIC JUSTICE — MYTHOLOGEME OF DIGITAL REALITY OF CRIMINAL PROCEDURE LAW OF RUSSIA

**N. Kovtun
A. Yunusov
D. Tumanov**

Summary. The subject of analysis in this paper is the basic discussion concepts related to the upcoming digitalization of criminal justice in Russia and, accordingly, the introduction of a «digital judge» notion into the national justice system. As a result, the main conflicts are offered for discussion, which can objectively arise during the implementation of the key vectors of the above-mentioned «reforms», as well as the real demand for and potential effectiveness of the discussed innovations.

Keywords: sources (forms of expression) of the law, the legal system, hierarchy of the law sources, unity of the legal space, legal certainty, supremacy of the law, judicial precedents as standards for enforcement of the law.

Ковтун Николай Николаевич

доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России
kovtunnnov@mail.ru

Юнусов Ахат Ахнафович

доктор юридических наук, доцент,
Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского (федерального) университета
axatuk@rambler.ru

Туманов Дмитрий Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент,
Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского (федерального) университета
dmitriy-tumanov@mail.ru

Аннотация. Предметом анализа в данной работе выступают основные концепты дискуссии, связанной с грядущей цифровизацией уголовного судопроизводства России и, соответственно, введением в национальное правосудие фигуры «цифрового судьи». В итоге, на обсуждение поставлены основные коллизии, которые объективно могут возникнуть при реализации основных векторов названных выше «реформ», а равно реальная востребованность и потенциальная эффективность обсуждаемых новаций.

Ключевые слова: источники (формы выражения) права, правовая система, иерархия источников права, единство правового пространства, правовая определенность, верховенство права, судебные прецеденты — как эталоны применения права.

Полагаем, нет актуальной потребности в обосновании исходного тезиса, суть которого заключается в том, что за последние годы цифровая реальность не только стремительно охватывает все стороны государственной и общественной жизни большинства государств, но и все более «подчиняет» их своей сути, содержанию, свойствам. Как следствие в целом объяснимо и то, что в рамках цифрового дискурса отраслевые доктрины в достаточной мере «поупражнялись», как в пояснении сути цифровой реальности, — глобального метаконтекста человеческого бытия, — так и в раскрытии содержания «эмерджентного интерфейса» или «эмерджентных технологий». Не осталась за рамками дискурса и актуальная в целом потребность в новой цифровой онтологии и медиаонтологии, а равно возможности цифровой эксклюзии или онтологические и праксеологические эффекты новой цифровой реальности [1, с. 42–50].

Все это весьма познавательно, однако не предмет внимания в данной работе, ибо наш интерес ограничен исключительно сутью цифрового дискурса в области

права; точнее — уголовно-процессуального права России. По идее, и здесь нет причин для тревоги, так как только за последние годы в наличии и масса достаточно интересных публикаций, в том числе монографического и диссертационного характера [2, с. 216; 3, с. 327], и нарастающий вал, перманентно актуализируемых научно-практических конференций различного уровня, определяющий предмет которых «цифровизация» [4, с. 500; 5]. Причем «цифровизация», как в целом стадий или отдельных производств уголовного судопроизводства России, так и надлежащей процессуальной формы (порядка) формирования и использования в процессуальном доказывании электронных доказательств.

Конвенционально разделяя востребованность и высокую значимость большинства из этих конференций, оставим без внимания эти моменты, ибо наш предмет — «электронное правосудие», к актуальности которого все более апеллирует доктрина российского уголовно-процессуального права. Апеллирует не только в контексте потребности в формировании «электронного

уголовного дела» или цифровизации большинства процедур при рассмотрении этого дела по существу (что актуально и реально востребовано), а именно по сути определяющей категории «правосудие». Именно в цифровой сути последнего, как максимально эффективной, подлинно беспристрастной, независимой деятельности «электронного судьи» по непосредственному исследованию доказательств и обстоятельств уголовного дела; процесса по разрешению по существу основного вопроса отправления правосудия (о виновности подсудимого и мере его ответственности), видят панацею и магистральный путь по качественному реформированию данного вида государственной деятельности.

По идее, все верно, востребовано, практически реализуемо; причем в обозримой временной перспективе. И у нас нет особых сомнений, как в реализуемости технической стороны проекта (относительно создания высокотехнологичного «корпуса цифровых судей»), так и в вопросе достаточных компетенций у лиц, призванных к подготовке и обслуживанию соответствующего программного обеспечения, способного к обработке и анализу всего массива нормативных правовых актов и наличествующей системы доказательств по делу. Нет сомнений и в способности указанных «IT-помощников» цифровых судей оперативно вносить в электронные программы актуальные новации нормативного плана или информацию о закономерностях нарабатываемого цифрового правосудия. Решается также проблема согласованности этих программ для непосредственных задач правосудия в суде первой, второй, кассационной инстанции. В итоге, казалось бы, дело за малым: в контексте очередной судебной реформы как можно скорее адаптировать сферу отправления национального правосудия к цифровой реальности, в рамках которой высокотехнологичный, беспристрастный, подлинно независимый, безошибочный «цифровой судья» будет *a priori* лишен таких рудиментов отправления правосудия как «телефонное право», ведомственный субъективизм, «корпоративные правила», коррупция (etc). И члены гражданского общества обретут, наконец, «...суд скорый, правый, милостивый и равный для всех».

Увы, при исходных условиях функционирования правовой системы российского государства, указанное не более чем мифологема, о которой должно (и будут) много говорить, дискутировать, но которая очень не скоро станет эффективной технологией правового обеспечения гражданского общества. Обозначим основные причины наших сомнений.

Во-первых, прежде чем апробировать программы актуального и высокотехнологичного электронного правосудия, надо, как минимум, (теоретически и практически) определиться в определенности системы российского права, согласованности системы его нормативных ис-

точников, их выверенной иерархии. Последнее, обязательно, ибо точность в иерархии форм выражения права вызвана исходной максимой: «*lex superior derogat legi inferiori*» — иерархически вышестоящая правовая норма отменяет действие нижестоящей. В итоге, обращаясь в ходе отправления правосудия к оценке нормативных правовых предписаний, «электронный судья» *a priori* не должен входить в обсуждение национальных, ведомственных, корпоративных и т. п. приоритетов относительно «нужного» доминирования того или иного правового источника. Во-вторых, фундаментальная идея правовой определенности требует единства национального правового пространства; единства правоприменения; правовой определенности итоговых (особенно, окончательных) актов суда, а не национально-самобытного правосудия, по сути, функционирующего по правилу «*ad hoc*».

Ни первой, ни второй составляющей в системе российского уголовно-процессуального права в принципе не наблюдается и естественно-закономерный либо искусно управляемый «хаос», по факту, определяет бытие этой отрасли права. Обратимся к «официальной» системе этой отрасли права, которая в законодательстве и российской доктрине традиционно представлена в виде диалектически взаимосвязанной и взаимосогласованной системы трех составных частей, трех источников права: (1) общепризнанные принципы и нормы международного права; (2) законы Российской Федерации; (3) подзаконные нормативные правовые акты. К каждой из этих подгрупп возникают вопросы.

К первой, прежде всего, закономерен вопрос: какие именно данные должны быть заложены в цифровое программное обеспечение и алгоритмы отправления электронного правосудия, при исходном условии, что ни законодатель, ни отраслевая доктрина в принципе не имеют четкого представления о перечне общепризнанных принципов и норм *jus cogens* [6]. Нет определенности и в вопросе способах включения этих явлений в механизм правового регулирования национального права.

Обратившись в свое время к трем десяткам учебников по курсу «Уголовно-процессуальное право» России [7, с. 104–109], только в двух мы смогли обнаружить более или менее осмысленную попытку раскрыть перечень названных принципов и общепризнанных норм [8, с. 511; 9, с. 1278]. В других, о данной форме выражения права нет даже намека. В позициях доктрины эта подгруппа источников также либо не признается как факт нормативной реальности, — ибо это не более чем «блеф XX века» [10, с. 148; 11, с. 57], — либо исследователи ясно отрицают приоритет этой формы выражения права над системой источников национальной подгруппы [12, с. 119; 13, с. 4].

В итоге, уже публично обсуждается тезис о том, что суть каждого подобного принципа, — как подлинно общепризнанного, — и их оптимальный перечень должны быть (властно) определены актами Конституционного Суда РФ [14, с. 39]. Указанный Суд, безусловно, «справится» с этой (не Бог весть какой) архисложной задачей. Вопрос в другом: насколько этот перечень станет императивом, как для Генеральной Ассамблеи ООН, так и в целом для объединенного мирового сообщества?

Между тем, у этих форм принципиально различны «место» в иерархической вертикали и механизм регулятивного воздействия на общественные отношения. Отсюда, закономерен вопрос: в ходе отправления правосудия «электронный судья», по букве ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, императивно воспримет и реализует доминантные предписания общепризнанных принципов и норм *jus cogens*, или примет «к сведению» (к внутренней убежденности) иерархические новации национальных актов федерального уровня и определено «скептические» подходы доктрины права.

Аналогичные вопросы ставит и вторая подгруппа. Причем указанное касается и Конституции Российской Федерации, ибо доминирование этой формы выражения права над иными источниками национальной системы, со временем, стало предметом острейших дискуссий. Именно этот механизм, по идее, должен быть принят во внимание, как при формировании соответствующих программ электронного правосудия, так и непосредственно цифровым интеллектом, олицетворяющим судебную власть.

Власть, как известно, кардинально иначе решила эти проблемы, в принципе отказавшись от исполнения актов ЕСПЧ в национальной системе права [15, 16]; выйдя из органов Парламентской Ассамблеи Совета Европы и непосредственно из состава Европейского Суда по правам человека.

Причем, и над внутренней системой источников российского права, и над иными актами-доминантами надсистемного уровня. Напомним и то, что в соответствии с новациями ФКЗ от 28 декабря 2016 г. № 11-ФКЗ итоговые акты конституционного правосудия актуализированы в качестве непререкаемого императива для судов общей юрисдикции, для национальных субъектов законодательной инициативы, для российского парламента. Цифровой суд, скорее всего, обязан принять это как данность, ибо ему вряд ли будет позволено «рассуждать», насколько указанное соответствует идее разделения ветвей государственной власти?

В наличии и проблемы определенности этой формы выражения права, ибо, система указанных актов явно объективирует отступление от идеи правовой опре-

деленности. Нередко, по одному и тому же предмету конституционной проверки в наличии акты с взаимоисключающими правовыми позициями [17] [17, с. 20–27]. При этом «действуют» и первые, и вторые; и те, и другие в равной юридической силе, ибо легального механизма их «согласованности» (для целей определенности) в наличии нет. Высокотехнологичному цифровому судье либо придется определяться с этим интересным явлением, либо применительно к каждому акту отправления правосудия должны быть соответствующие программы. Главное «не перепутать» файлы загрузки; хотя цифровая апелляция и кассация, скорее всего, все (как надо) «исправят». «IT-помощники» и «контролеры», надо полагать, останутся не цифровые, верно ориентированные.

Закрывают подгруппу акты кодифицированного характера и законы федерального уровня. С иерархией и определенностью здесь аналогичные сложности. Кроме того, цифровому судье надо инициативно оценивать: коллизийная ситуация связана с «порядком производства по делу» или с иными моментами уголовного судопроизводства России, так как приоритеты доминирования в этих моментах, как указано, принципиально различны.

Конвенционально оставим без обсуждения систему коллизий, связанных с оценкой «доминирования» при цифровом правосудии нормативных правовых актов третьей подгруппы (Указы Президента Российской Федерации, Постановления Правительства РФ), ибо мы в принципе не склонны «гадать» по каким векторам будет запрограммировано в этом вопросе правосознание цифрового судьи. В том числе, с позиций нарабатанного доминирования таких сакральных источников национального права, как ведомственные приказы и инструкции. Рациональнее обратиться к обсуждению практической стороны отправления российского правосудия, опосредованного фундаментальными идеями верховенства права, правовой определенности, непротиворечивости итоговых актов суда, в силу которых суть и механизм этого правосудия изначально понятны субъектам правовых отношений. Понятен настолько, что его адаптация к условиям и новациям цифровой реальности, по идее, не должны являться серьезной проблемой.

Рассмотрим, как следствие, проблемы указанной адаптации; к примеру, в контексте официальных актов российского правосудия. Верховный Суд РФ «поправляя» закон, доктрину и практику, независимо от буквы закона (пока — не цифровой) формирует единое правовое пространство, отстаивая идеи верховенства права и правовой определенности итоговых актов суда, одновременно объективируя судебные акты (прецеденты — эталоны применения права) с взаимоисключающим правовыми позициями:

1) «...невозможность взыскания упущенной выгоды противоречит п. 1 ст. 1064, ст. 1069, п. 1 ст. 1070 ГК РФ и п. 1 ст. 133 УПК РФ, согласно которым возмещение вреда должно производиться в указанном случае в полном объеме, т. е. с возмещением убытков в виде упущенной выгоды» [18];

«упущенная выгода, о взыскании которой просил Т., к средствам (ст. 135 УПК РФ) или иным расходам не относится и не может рассматриваться в порядке уголовного судопроизводства. Согласно ст. 2 ГК РФ эти требования подлежат рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства, а в силу ст. 28 ГПК РФ они подлежат рассмотрению районным судом в порядке искового производства» [19];

2) решением апелляционного суда приговор суда первой инстанции отменен в части удовлетворения гражданского иска прокурора о взыскании с осужденного в пользу государства средств, затраченных на лечение потерпевших, со ссылкой на ч. 5 ст. 31 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации». По мнению суда, нормы УПК РФ не содержат возможности подобного рода взысканий в порядке уголовного судопроизводства [20];

взыскание судом в порядке уголовного судопроизводства средств, затраченных на лечение потерпевших, полностью соответствует нормам УПК РФ и положениям ст. 31 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [21];

3) суммы, выплаченные за оказание юридической помощи, подлежат возмещению реабилитированному в полном объеме вне зависимости от сложности и объема уголовного дела, количества адвокатов и фактически затраченного ими времени на защиту, а также от имевшейся у обвиняемого возможности ходатайствовать о назначении ему защитника с оплатой за счет средств федерального бюджета [22];

на основе критериев разумности и справедливости снижена сумма документально подтвержденных расходов реабилитированного К. на оказание квалифицированной юридической помощи с 34 млн рублей до 2 млн 266 тысяч рублей [23];

4) в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2015) указано: «...в соответствии с ч. 5 ст. 177 УПК РФ осмотр места происшествия – жилища производится с согласия проживающих в нём лиц. ...Положения п. 4 ч. 2 ст. 29, ч. 5 ст. 165, ст. 176, 177 УПК РФ не предусматривают необходимость получения судебного решения на производство осмотра места происшествия в жилище при наличии согласия на осмотр жилища проживающих в нём лиц [24].

реагируя на жалобу адвоката [25], Верховный Суд РФ, напротив, искусственно разграничивает осмотр места происшествия и осмотр в жилище, когда утверждает, что в последнем случае действуют нормы, регулирующие осмотр места происшествия. В соответствии с этим субъекту предварительного расследования не нужно получать согласие проживающих лиц или судебное решение на производство осмотра места происшествия в жилище. В итоге, доказательства судом признаны допустимыми [26, 27].

Среди причин этих «прецедентов», — эталонов применения права, — не столько некомпетентность кадровой составляющей судейского корпуса России, сколько включенность (беспристрастного, независимого, объективного) суда в общее дело «борьбы с преступностью». Как следствие, критические апелляции к указанной практике (по сути, к «двойным стандартам» в отправлении правосудия) легко парируются тезисом о том, что суд просто не может вынести иного решения; не может, ибо по итогам отправления правосудия «...суд видит», что подсудимый виновен. Видит, одновременно как-то «не замечая» несостоявшуюся презумпцию невиновности обвиняемого. Видит: ибо суть отлаженный элемент единой (управляемой) вертикали власти, а не орган ограничения государства, как наивно мечталось. Отсюда и неудобные вопросы относительно сути, широко декларируемого объективного и высокотехнологичного «цифрового судьи»: программы грядущего цифрового правосудия будут написаны по тем же интересным лекалам, теми же (верно ориентированными) специалистами? Или свершится невиданное и гражданскому обществу будет явлен подлинно суд — независимый, беспристрастный, объективный в оценках и итоговых актах. Суд, отвергающий любое вмешательство в обеспечение «святыня святынь» — Правды и Справедливости. По факту, хотелось бы, явно последнего, но в подсознании отчего-то постоянным рефреном известное, из К.С. Станиславского...

ЛИТЕРАТУРА

1. Гримов О.А. Сложность. Разум. Постнеклассика. 2019. № 3. С. 42–50. 42 DOI: 10.12737/article_5dbaa8bf81fe27.51109106
2. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде: монография / под ред. С.В. Зуева, Д.В. Бахтеева. М.: Издательство Юрлитинформ, 2022. С. 216.
3. Электронное правосудие: монография / Е.В. Бурдина [и др.]; под ред. Е.В. Бурдиной; С.В. Зуева. М.: РГУП, 2021. С. 327.
4. Проблемы борьбы с преступностью в условиях цифровизации //XIX Международная научно-практическая конференция «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае», посвященная памяти Вениамина Константиновича Гавло. — Вып. XVII /отв. ред. С.И. Давыдов, В.В. Поляков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2021. 500 с. // URL: http://kalinovsky-k.narod.ru/b1/sbornik_Altay_2021.pdf.
5. Вторая всероссийская научно-практическая конференция «Технологии XXI века в юриспруденции» (21 мая 2021 г., Екатеринбург) // Сайт МАСП: URL: <http://www.iuaj.net/node/2958>
6. Общепризнанные принципы и нормы *jus cogens*: суть акты, принятые, сформированные или одобренные большинством стран мирового сообщества. Как следствие, органом, их формирующим, должна быть признана исключительно Генеральная Ассамблея ООН.
7. Ковтун Н.Н. Плеяда пяти немерцающих звезд-доминант или система российского уголовно-процессуального права в поисках доминанты и внутренней согласованности // Уголовное судопроизводство в 3 т. Том 1 /Н. А. Колоколов [и др.]; под редакцией Н. А. Колоколова. — 2-е изд., испр. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2019. С. 104–109.
8. Уголовный процесс: учебник для бакалавров под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. — М.: Издательство Юрайт, 2013. С. 511. — Серия: Бакалавр. Базовый курс.
9. Курс уголовного процесса /Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. М.: «Статут» 2016. С. 1278.
10. Томин В.Т. «Права и свободы человека» — большой блеф XX века. (Уголовный процесс России: аспекты взаимодействия с международным правом). Омск, 2004. С. 148.
11. Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. Под ред. К.Ф. Гуценко. Изд. 5-е, пер. и доп. М., 2004. С. 57.
12. Даниленко Г.М. Применение международного права во внутренней правовой системе России: практика Конституционного Суда //Государство и право. 1995. № 11. 119 с.
13. Божьев В.П. Источники уголовно-процессуального права. М., 1994. С. 4.
14. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации /Отв. ред. Ю.К. Якимович. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс». 2007. С. 39.
15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ. // ИПС «ГАРАНТ».
16. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ и др. // ИПС «ГАРАНТ».
17. Ковтун Н.Н. Суды *feta* // Уголовный процесс. 2013. № 11. С. 20–27.
18. Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 05.04.2004 № ГКПИ03–1383, которым были признаны частично недействующими пункты 7 и 10 Инструкции по применению Положения о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органа дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, утвержденного Минюстом СССР, прокуратурой СССР, Минфином СССР 02.03.1982: Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2004 №КАС04–203. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2025).
19. Определение Верховного Суда РФ от 18.08.2010 № 67–010–57 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.01.2025)
20. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25.02.2016 №5-АПУ15-114СП // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_457230/
21. Апелляционное определение Верховного Суда РФ 13.09.2016 №3-АПУ16-8 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475249/ (дата обращения: 11.02.2025).
22. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29.01.2013 № 89-013-2 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2024).
23. В «обоснование» суд привел (субъективно интерпретированные) общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, так и (на данный момент еще «действующие» — Н.К.) нормы ЕСПЧ. См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 07.08.2013 №10-7214/2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.12.2024).
24. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 26.01.2025).
25. В апелляционной жалобе адвокат требовал признать осмотр квартиры как места происшествия незаконным в связи с нарушением норм УПК РФ, поскольку осмотр проводился в присутствии подзащитного, но без его письменного согласия и без дальнейшего процесса судебной проверки в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ.
26. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25.10.2018 № 50-АПУ18-13// СПС «КонсультантПлюс».
27. Апелляционное определение от 6 декабря 2018 г. № 47-АПУ 18-11// СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.01.2025).

© Ковтун Николай Николаевич (kovtunnov@mail.ru); Юнусов Ахат Ахнафович (axatuk@rambler.ru);

Туманов Дмитрий Юрьевич (dmitriy-tumanov@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЫТКИ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Левандовская Мария Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина
marusenka0610@yandex.ru

TORTURE: CONCEPT, SIGNS, AND COUNTERACTIONS IN INTERNATIONAL LAW AND RUSSIAN LEGISLATION

M. Levandovskaya

Summary. This article provides a comprehensive analysis of the legal regulation of counteraction to torture in international law and Russian legislation. It examines the evolution of international legal mechanisms prohibiting torture, including fundamental international documents and their implementation in the Russian legal system. Special attention is given to the transformation of national legislation in the area of countering torture, particularly changes in criminal legislation introduced by Federal Law No. 307-FZ dated July 14, 2022. Various approaches to defining the concept of «torture» in scholarly doctrine, legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation, and legislation are analyzed. The system of state and public institutions countering torture is discussed, and the effectiveness of their activities is assessed. Based on statistical data and expert evaluations, the issues of preventing torture in the penitentiary system are explored. Specific measures are proposed to improve mechanisms for countering torture, including expanding the powers of supervisory bodies and enhancing the legal protection system for prisoners.

Keywords: torture, international law, criminal liability, human rights, penitentiary system, Human Rights Commissioner, public oversight, preventive mechanisms, legal protection, official crime, international standards, law enforcement agencies, places of detention, constitutional guarantees.

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ правового регулирования противодействия пыткам в международном праве и российском законодательстве. Исследуется эволюция международно-правовых механизмов запрета пыток, включая основополагающие международные документы и их имплементацию в российскую правовую систему. Особое внимание уделяется трансформации национального законодательства в сфере противодействия пыткам, в частности, изменениям в уголовном законодательстве, внесенным Федеральным законом № 307-ФЗ от 14.07.2022. Анализируются различные подходы к определению понятия «пытки» в научной доктрине, правовых позициях Верховного Суда РФ и законодательстве. Рассматривается система государственных и общественных институтов противодействия пыткам, оценивается эффективность их деятельности. На основе статистических данных и экспертных оценок исследуются проблемы предупреждения пыток в пенитенциарной системе. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию механизмов противодействия пыткам, включая расширение полномочий контролирурующих органов и улучшение системы правовой защиты заключенных.

Ключевые слова: пытки, международное право, уголовная ответственность, права человека, пенитенциарная система, Уполномоченный по правам человека, общественный контроль, превентивные механизмы, правовая защита, должностное преступление, международные стандарты, правоохранительные органы, места принудительного содержания, конституционные гарантии.

В контексте международно-правовой доктрины и фундаментальных основ международного права, феномен пыток классифицируется как преступление международного характера, что обуславливает его особую значимость в системе международного правопорядка. Данная категория противоправных деяний получила широкое отражение в многочисленных международно-правовых актах универсального и регионального характера, формирующих комплексную систему правовых норм, направленных на превенцию и запрещение пыток, а также иных форм жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания.

Нормативно-правовой фундамент международного запрета пыток составляет целый ряд основополагающих

международных документов, среди которых особое место занимают: Всеобщая декларация прав человека 1948 года [1], являющаяся краеугольным камнем современной системы защиты прав человека; Международный пакт о политических и гражданских правах 1966 года [5], устанавливающий юридически обязательные стандарты в области защиты фундаментальных прав человека; Конвенция ООН о защите прав человека и основных свобод 1950 года [3] с сопутствующими протоколами, формирующая региональный механизм защиты прав человека; а также Европейская Конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 года с соответствующими протоколами, создающая специализированный механизм превенции и контроля в данной сфере [2].

В контексте исторической трансформации после распада СССР, Российская Федерация инициировала масштабный процесс демократизации государственно-правовой системы, что нашло отражение в принятии международных обязательств по защите прав человека и гуманизации пенитенциарной системы. Существенным этапом данного процесса стала ратификация ключевых международных документов: Европейской Конвенции о предупреждении пыток 1987 года (Федеральный закон № 44-ФЗ от 28 марта 1998 г.) [10] и Конвенции о защите прав человека 1950 года (Федеральный закон № 54-ФЗ от 30 марта 1998 г.) [11], которые, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ [4], были интегрированы в национальную правовую систему.

Современный этап развития российской правовой системы характеризуется существенными трансформациями в сфере международно-правовых обязательств. В частности, выход Российской Федерации из Совета Европы 28 февраля 2023 года, закрепленный соответствующим Федеральным законом о прекращении действия международных договоров Совета Европы, привел к утрате юридической силы Европейской Конвенции о предупреждении пыток. Однако необходимо отметить, что сформированные под влиянием данной Конвенции превентивные механизмы противодействия пыткам сохраняют свою практическую значимость в современной правоприменительной практике.

Рассмотрев влияние норм международного права и международные институты по предупреждению пыток, автор переходит к национальной правовой системе, чтобы изучить правовое закрепление запрета пыток и соответствующие превентивные институты. В ч. 1 ст. 21 Конституции РФ регламентируется, что государство охраняет достоинство личности человека и ничто не может его умалять, обобщая это означает следующее: государство и есть главный институт по предупреждению пыток. Также в ч. 2 ст. 21 Основного закона оговаривается, что никто не может быть подвергнут пыткам и равносильным к ним действиям. Примечателен тот факт, что Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г. стала первой, где появилась норма, устанавливающая подобный запрет, ни в одной из четырех Конституциях СССР — подобной нормы не было.

В контексте международно-правового и национального регулирования особую теоретическую и практическую значимость приобретает дефиниция понятия «пытка». Анализируя научную доктрину и правоприменительную практику, следует отметить значительный вклад к.ю.н. Антонович Е.К., которая, основываясь на практике ЕСПЧ, определяет пытку как умышленное бесчеловечное обращение, характеризующееся причинением серьезных физических или психологических страданий, направленных на принуждение лица к опре-

деленным действиям или бездействию, преимущественно кратковременного характера [12]. Примечательно, что исследователь указывает на возможность реализации пытки в форме бесчеловечного обращения или наказания, унижающего достоинство личности, несмотря на их концептуальное различие как правовых категорий.

Верховный Суд РФ в своей практике от 01 ноября 2020 года, интерпретируя ст. 1 Европейской Конвенции, определяет пытку как умышленное действие, осуществляемое государственным должностным лицом, направленное на причинение физических и нравственных страданий с целью получения информации, признаний или неправомерного наказания, в том числе по дискриминационным основаниям. Российское уголовное законодательство, не выделяя пытки в отдельный состав преступления, закрепляет их определение в примечании 1 к ст. 286 УК РФ, характеризуя их как умышленное причинение сильной боли или страданий с целью получения информации, наказания или дискриминации.

Существенные изменения в правовом регулировании ответственности за пытки были внесены Федеральным законом № 307-ФЗ от 14 июля 2022 года [8], инициированным группой парламентариев. В результате законодательных новелл произошло перемещение состава преступления с применением пыток из п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ [7] в ч. 4 ст. 286 УК РФ, при этом статья была дополнена двумя примечаниями, определяющими понятие пытки и обстоятельства, исключающие квалификацию действий как пытки при правомерном задержании лица, оказывающего сопротивление. Данные изменения демонстрируют стремление законодателя к систематизации и конкретизации уголовно-правовых норм, направленных на противодействие пыткам.

В результате последних законодательных изменений произошло значительное усовершенствование уголовно-правового регулирования ответственности за применение пыток, что выразилось в закреплении специального субъекта преступления — должностного лица, наделенного властными полномочиями, что соответствует международным правовым стандартам. Существенной модернизации подверглась также ст. 302 УК РФ, регламентирующая ответственность за принуждение к даче показаний: расширен круг потенциальных потерпевших за счет включения осужденных, а также круг субъектов преступления путем добавления категории «иной сотрудник правоохранительного органа», к которым относятся, в частности, сотрудники ФСИН. Примечательна реструктуризация состава данного преступления с перемещением квалифицирующих признаков применения насилия и издевательства в часть третью статьи.

Оба рассматриваемых состава преступления (ст. 286 и ст. 302 УК РФ) классифицируются как особо тяжкие

и предусматривают идентичные санкции в виде лишения свободы на срок от 4 до 12 лет с лишением права занимать определенные должности на срок до 10 лет. Данные законодательные новеллы отражают общественный запрос на усиление уголовно-правовой защиты граждан от пыток и связанных с ними противоправных деяний.

В системе национальных институтов противодействия пыткам можно выделить две основные категории: государственные и общественные. К государственным институтам относятся: прокуратура, осуществляющая надзор за соблюдением законности в пенитенциарной системе; Следственный комитет, в чью компетенцию входит расследование преступлений по ст. 286 УК РФ; суды общей юрисдикции, формирующие единообразную судебную практику; Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека; институт Уполномоченного по правам человека. Общественный контроль представлен прежде всего Общественными Наблюдательными Комиссиями (ОНК), действующими на основании Федерального закона № 76-ФЗ от 10 июня 2008 года [9] и ст. 23 УИК РФ [6]. ОНК, формируемые Общественной Палатой субъекта Федерации, функционируют на постоянной основе во всех регионах России и призваны содействовать реализации государственной политики в сфере обеспечения прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания.

Анализ детерминант применения пыток, представленный Евой Меркачевой, выявляет три основных мотива: получение признательных показаний, материальная выгода и психологическое подавление осужденных. Особую научную значимость представляет позиция криминолога Я.И. Гилинского, акцентирующего внимание на высокой латентности данной категории преступлений и проблеме их статистического учета.

Дискуссионным является тезис о «пыточном» характере содержания в российских пенитенциарных учреждениях, в частности, существование «пресс-хат» в следственных изоляторах и «пыточных колоний». Хотя нельзя отрицать наличие недостатков в уголовно-исполнительной системе, утверждение о тотальном «пыточном» характере содержания представляется преувеличенным, учитывая, что основная цель наказания — восстановление социальной справедливости и исправление осужденных.

Существенной проблемой, отмеченной как Я.И. Гилинским, так и федеральным омбудсменом Т.Н. Москальковой, является недостаточная открытость пенитенциарной системы и низкая эффективность ведомственного контроля. Статистика обращений в аппарат федерального омбудсмана демонстрирует тенденцию к снижению количества жалоб: с 364 в 2019 году до 47 в 2022 году. Однако интерпретация этих данных неоднозначна: это

может свидетельствовать как о реальном снижении случаев применения пыток, так и о снижении доверия к институту Уполномоченного по правам человека [14].

Важно отметить конструктивную позицию Москальковой Т.Н., способствовавшей принятию поправок в уголовное законодательство, усиливающих ответственность за пытки и устанавливающих специальный субъект преступления. При этом как Москалькова, так и Меркачева считают необходимым дальнейшее совершенствование законодательства путем криминализации пыток как самостоятельного состава преступления.

Данная дискуссия отражает сложность и многоаспектность проблемы противодействия пыткам в российской правовой системе, требующей комплексного подхода к её решению, включающего как совершенствование законодательства, так и реформирование пенитенциарной системы.

Предложения федерального омбудсмана Москальковой Т.Н. по предупреждению пыток представляют собой комплексный подход к решению данной проблемы. Рассмотрим подробнее каждое из предложенных направлений:

1. Расширение полномочий федерального омбудсмана:
 - Предоставление права выдачи мандатов сторонним лицам для осуществления общественного контроля.
 - Это позволило бы создать более широкую сеть общественного наблюдения.
 - Способствовало бы развитию институтов гражданского общества.
 - Повысило бы прозрачность пенитенциарной системы.
 - Усилило бы механизмы общественного контроля.
2. Усиление ведомственного контроля ФСИН:
 - Более тщательный контроль за условиями содержания заключенных.
 - Повышение внимания к жалобам на нарушения со стороны сотрудников.
 - Создание эффективной системы внутреннего мониторинга.
 - Оперативное реагирование на выявленные нарушения.
 - Профилактика нарушений прав заключенных.
3. Совершенствование системы юридической помощи заключенным:
 - Повышение правовой грамотности заключенных.
 - Обеспечение доступа к квалифицированной юридической помощи.
 - Информирование о механизмах защиты прав.
 - Создание системы правового просвещения.
 - Организация юридических консультаций в местах лишения свободы.

Реализация данных предложений могла бы существенно улучшить ситуацию с предупреждением пыток в пенитенциарной системе за счет:

- Усиления внешнего контроля.
- Повышения эффективности внутреннего надзора.
- Расширения возможностей заключенных по защите своих прав.
- Создания многоуровневой системы предупреждения нарушений.
- Развития механизмов общественного участия в контроле за местами принудительного содержания [13].

Данные меры направлены на создание комплексной системы профилактики пыток и других форм жестокого обращения в местах лишения свободы, что соответствует международным стандартам защиты прав человека и способствует гуманизации пенитенциарной системы.

В результате проведенного исследования можно сформулировать комплексное определение пыток, основанное на анализе международно-правовых документов, научной доктрины и национального законодательства.

Пытки представляют собой умышленное бесчеловечное обращение, осуществляемое преимущественно должностным лицом или иным представителем государственной власти, характеризующееся причинением серьезных физических или психологических страданий, направленных на принуждение лица к определенным действиям или бездействию. При этом важно отметить, что пытки могут реализовываться как в форме активных действий по причинению боли и страданий, так и в форме бесчеловечного обращения или наказания, унижающего достоинство личности.

Данное определение основывается на синтезе нескольких подходов: научной позиции к.ю.н. Антонович Е.К., опирающейся на практику ЕСПЧ, правовой позиции Верховного Суда РФ, выраженной в практике от 01 ноября 2020 года [12], и законодательного определения, закрепленного в примечании 1 к ст. 286 УК РФ. Ключевыми признаками пыток являются: умышленный характер действий, специальный субъект (должностное лицо), наличие цели (получение информации, наказание или дискриминация) и результат в виде причинения сильной боли или страданий.

Проведенное исследование позволило выявить существенные изменения в российской правовой системе в сфере противодействия пыткам. Ключевые законодательные новеллы выразились в закреплении специального субъекта преступления (должностного лица) в ст. 286 УК РФ, расширении круга потерпевших и субъектов преступления в ст. 302 УК РФ, а также общем усилении уголовной ответственности за данные преступления. Эти изменения отражают стремление законодателя к систематизации и конкретизации уголовно-правовых норм в данной сфере.

В ходе исследования установлено формирование комплексной системы институтов противодействия пыткам, включающей как государственные органы (прокуратура, Следственный комитет, суды, институт Уполномоченного по правам человека), так и общественные институты (Общественные Наблюдательные Комиссии). При этом анализ детерминант применения пыток выявил три основных мотива: получение признательных показаний, материальная выгода и психологическое давление осужденных.

Исследование позволило определить ключевые проблемы в сфере противодействия пыткам, среди которых особо выделяются высокая латентность преступлений, недостаточная открытость пенитенциарной системы и низкая эффективность ведомственного контроля. В качестве перспективных направлений совершенствования системы противодействия пыткам предложены: расширение полномочий федерального омбудсмена, усиление ведомственного контроля ФСИН и совершенствование системы юридической помощи заключенным.

Несмотря на прекращение участия России в некоторых международных механизмах защиты прав человека, национальная система противодействия пыткам продолжает развиваться в направлении гуманизации и повышения эффективности превентивных мер. Дальнейшее совершенствование законодательства и правоприменительной практики в данной сфере требует комплексного подхода, включающего как нормативно-правовые, так и организационно-практические меры, направленные на создание эффективной системы предупреждения и пресечения пыток в местах принудительного содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2024).
2. Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (ETS N 126) (Заключена в г. Страсбурге 26.11.1987) (с изм. от 04.11.1993) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2024).
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2024).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2024).
5. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2024).
6. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2024).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.11.2024) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2024).
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.07.2022 № 307-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2024).
9. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: Федеральный закон от 10.06.2008 № 76-ФЗ (ред. от 05.12.2022) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2024).
10. О ратификации Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания и Протоколов к ней: Федеральный закон от 28.03.1998 № 44-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2024).
11. О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней: Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2024).
12. Антонович, Е.К. пытка и другие формы жестокого обращения в решениях по уголовным делам Европейского суда по правам человека / Е.К. Антонович // Правоведение. — 2019. — №1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pytka-i-drugie-formy-zhestokogo-obrascheniyav-resheniyah-po-ugolovnym-delam-evropeyskogo-sudapo-pravam-cheloveka> (дата обращения: 08.12.2024).
13. Свинин, Е.В. Техничко-юридические средства укрепления правопорядка в сфере общественного контроля за деятельностью уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / Е.В. Свинин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2021. — №4. — С. 14–17. — DOI 10.18572/2072-4438-2021-4-14-17.
14. Суспицына, Т.П. Новое в уголовно-правовой оценке пытки / Т.П. Суспицына // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. — 2023. — №4. — С. 95–105.

© Левандовская Мария Геннадьевна (marusenka0610@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ В СФЕРЕ ТАМОЖЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ

Линь Пэйюань

Аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, г. Москва
1535155215@qq.com

INTERNATIONAL LEGAL ACTS IN THE FIELD OF CUSTOMS REGULATION OF CROSS-BORDER E-COMMERCE

Lin Peiyuan

Summary. The article defines the role of international legal acts in the customs regulation of cross-border e-commerce, establishing principles and recommendations for minimizing problematic aspects in this legal field.

The research goal is to determine the role of international legal acts in the customs regulation of cross-border e-commerce, establishing guidelines and recommendations for minimizing problematic aspects in its legal field.

The research objectives are: to identify legal gaps and problematic aspects; to consider the global legal practices of cross-border e-commerce; to summarize the vectors of adaptation of the existing legislative framework of customs regulation to the modern requirements of information, communication and digital development of cross-border trade relations.

The methodological basis of the research consists of general scientific methods: synthesis, comparison, extrapolation, comparative analysis, formal logical method, historiographical analysis of the scientific discourse of the topic under study.

Based on the results, the following conclusions were made: the harmonization of e-commerce processes in the acts of national legislation in accordance with international legal standards of customs regulation will contribute to the further development of e-commerce.

Keywords: cross-border trade, e-commerce, international law, national law, legal practice.

Аннотация. В статье определена роль международных правовых актов в таможенном регулировании трансграничной электронной торговли, устанавливающих принципы и рекомендации для минимизации проблемных аспектов в данном правовом поле.

Цель исследования — определить роль международных правовых актов в таможенном регулировании трансграничной электронной торговли, устанавливающих руководящие принципы и рекомендации для минимизации проблемных аспектов в ее правовом поле.

Задачи исследования: выявить правовые пробелы и проблемные аспекты; рассмотреть мировые праворегулирующие практики трансграничной электронной торговли; обобщить векторы адаптации существующего законодательного базиса таможенного регулирования к современным требованиям информационно-коммуникационного и цифрового развития трансграничных торговых отношений.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы: синтез, сравнение, экстраполяция, компаративный анализ, формально-логический метод, историографический анализ научного дискурса изучаемой темы.

По итогу проведенного исследования были сделаны следующие выводы: гармонизация процессов электронной торговли в актах национального законодательства в соответствии с международными правовыми стандартами таможенного регулирования будет способствовать дальнейшему развитию электронной торговли.

Ключевые слова: трансграничная торговля, электронная торговля, нормы международного права, национальное право, правовая практика.

Введение

Актуальность исследования состоит в необходимости гармонизации международных правовых регулятивных механизмов и минимизации противоречий между национальными законодательствами разных стран, в частности, в сфере правового регулирования трансграничной электронной торговли.

В современных реалиях, характеризующихся прогрессирующим ростом цифровых технологий и информатизацией всех сфер общественного развития, наблюдается трансформация межгосударственных экономических коммуникаций, основанных на между-

народной кооперации в мировом экономическом пространстве [8, с. 294]. Рост телекоммуникационных технологий обусловил появление новых форм взаимодействия международных экономических акторов — участников мировой торговли. При этом фундаментальной основой мировой торговли на сегодняшний день выступает трансграничная торговля, объединяющая комплекс процессов продаж и покупок товаров и услуг компаний — представителей широкого ареала государств [1, с. 14].

С ростом внедрения интернет-технологий во все бизнес-процессы и решения начинает популяризоваться трансграничная электронная торговля, при кото-

рой основными ценностными доминантами выступают когнитивные, технологические и информационные составляющие. Специфика трансграничной электронной торговли проявляется в трансформации технологий покупок и продаж товаров и услуг, предоставляя широкий выбор вариантов и возможностей их доставки и оплаты. Трансграничная электронная торговля также открывает глобальные экономические возможности бизнесу, предоставляя широкий доступ к зарубежным рынкам за счет снижения межстрановых коммуникационных барьеров, что способствует инклюзивной и устойчивой глобальной торговле [4, с. 22].

Вместе с тем, трансграничная электронная торговля, в частности, транзакции между бизнесом и потребителем (B2C), а также между конечными потребителями (C2C), создает ряд проблем правового характера как для государственных органов, так и для самого бизнеса на мировых торговых площадках.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили нормативные документы международного права в области таможенного регулирования электронной торговли, а также теоретические постулаты правоведов и экспертов в области международного права.

В нашем исследовании также рассмотрены теоретические тезисы таких авторов, как В.П. Бугорский [1], Е.В. Курников [2], Ж.Н. Маслова [3], Н.А. Ронжина [4], В.М. Шайдудлина [5] и др.

При работе над исследованием были также применены теоретико-методические положения, выдвинутые в работах таких зарубежных авторов, как Фанъянь Чжэн, Юньлун Чжу [7], В. Хомонай [8], И. Иден, О. Патрик, Ч. Мо-неми, Т. Акра [9], Джин Янг [10], Ю Кенг [12] и др.

Таблица 1.

Методы исследования по группам

Общенаучные методы	Специальные методы
Анализ, синтез, формально-логический метод, обобщение, сопоставление, систематизация.	Историографический анализ научного дискурса темы; метод историко-регрессивного анализа, метод историко-правового анализа.

Результаты и обсуждения

В ходе проведенного исследования было выявлено, что к основополагающим нормативным правовым регуляторам трансграничной электронной торговли следует отнести международные стандарты таможенного администрирования, разработанные Всемирной таможенной организацией (далее — ВТАМО). Рамочные стандарты ВТАМО (15 глобальных стандартов), принятые в июне

2018 года, включают эффективные, справедливые и инновационные решения в области регулирования электронной торговли. Пакет стандартов структурирован с учетом соблюдения баланса интересов различных сторон, участвующих в международной электронной торговле (потребителей, бизнес-структур, таможенных органов), при этом они содержат сопроводительные документы для обеспечения их эффективной реализации [11].

Основой нормативного правового регулирования трансграничной электронной торговли выступают принципы, закрепленных в указанных стандартах (Раздел II): принципы надлежащего управления, справедливости, прозрачности при одновременном удовлетворении новых и возникающих требований, а также соблюдения баланса интересов всех заинтересованных сторон, участвующих в трансграничной электронной торговле [11].

Целеполагающий императив Рамочных стандартов ВТАМО направлен на упрощение процедур, охрану и безопасность, контроль над физическими (материальными) товарами посредством предоставления предварительных данных относительно различных бизнес-моделей, а также на определение правового статуса, соответствующих ролей и обязанностей экономически заинтересованных сторон — акторов трансграничной электронной торговли. В частности, к нормам национального законодательства стран предъявляются требования в области соблюдения антимонопольных правил, правил о конфиденциальности информации, защите персональных данных, правил в области безопасности торговли. Ключевым моментом Рамочных стандартов ВТАМО по трансграничной электронной торговле является прямое указание на необходимость при создании или адаптации национальной законодательной базы стран для трансграничной электронной торговли в обязательном порядке использовать существующие международные конвенции, соглашения и инструменты Всемирной торговой организации (далее — ВТО). Роль и значение вышеназванных требований ВТАМО к национальному таможенному законодательству стран в области трансграничной электронной торговли, на наш взгляд, заключается в необходимости создания систематического и согласованного законодательства в рассматриваемой сфере [2, с. 45].

В странах Европейского Союза (далее — ЕС) еще только разрабатываются технологические и правовые решения для минимизации проблем, связанных с контролем торговых потоков. Отчеты из ЕС показывают, что таможенные администрации в некоторых странах ЕС внедряют автоматизированную систему таможенного оформления международных почтовых и курьерских отправок. Эти механизмы будут способны проводить полностью автоматизированную регистрацию товаров и осуществлять над ними контроль, позволяя автоматизи-

зировать получение отчетов, оценку рисков и применение аналитических инструментов [11].

Представляет интерес в рассматриваемой сфере китайский опыт. Китай находится в процессе создания так называемого «Единого окна» — информационно-технологической платформы для единого размещения предпрогрузочной информации о товарах для облегчения торгового декларирования и таможенного оформления. Предполагается, что концепция «Единого окна» позволит одному унифицированному таможенному органу собрать всю необходимую информацию о товаре, а затем распространить ее среди других государственных органов, что обеспечит большую прозрачность, более эффективную оценку рисков и наименьшие временные затраты на оформление документов.

В Австралии, например, уже действует программа обмена данными между таможенными органами и операторами электронной торговли, построенная на принципах, закрепленных в международных правовых актах таможенного права. Обмен данными осуществляется через Интегрированную грузовую систему в форме отчетности о грузах. Этот процесс обеспечивает эффективное таможенное оформление и упрощение процедур трансграничной электронной торговли [11].

Значительные трансформации происходят в Таможенном законодательстве стран-участниц ЕАЭС: пересмотрена специфика и порядок процедуры перемещения электронных заказов через таможенную, установлены рекомендации для операторов электронной торговли. Начало июля 2021 года для стран-членов ЕАЭС ознаменовалось запуском пилотных проектов в сфере трансграничной торговой деятельности: определен функционал оператора электронной торговли, введен в оборот уведомительный порядок следования требованиям технической регламентации, принятой в ЕАЭС, относительно использования иностранных интернет-площадок. Товары, приобретаемые физическими лицами на указанных площадках, не должны миновать таможенные склады, находящиеся в юрисдикции (территориально) ЕАЭС. Россия и Республика Беларусь уже определились с операторами электронной торговли (относительно процессов декларирования и информационного обмена с представителями таможенных органов), остальные страны-участники Союза проходят завершающий этап [6].

Анализ международных правовых актов таможенного права в трансграничной электронной торговле позволил выявить и обосновать роль и значение этих актов в рассматриваемой сфере, а также определить основные направления современного таможенного регулирования трансграничной электронной торговли.

Международно-правовые акты в сфере таможенного регулирования трансграничной электронной торговли играют важную роль в обеспечении гармоничного взаимодействия государств, упрощении процедур и содействии снижению барьеров для ведения бизнеса. Создание единых стандартов и норм, основанных на принципах предсказуемости и прозрачности, не только облегчит предпринимательскую деятельность, но и защитит права потребителей, а также будет способствовать развитию устойчивой экономики.

Важно также помнить, что эффективное регулирование трансграничной торговли требует постоянного мониторинга и адаптации к быстро меняющимся технологическим условиям и требованиям рынка. Странам следует активно сотрудничать в рамках международных организаций для своевременного реагирования на вызовы и поиска совместных решений, что укрепит доверие между участниками торговых отношений.

В целом, международная правовая база должна будет учитывать интересы не только крупных компаний, но и малых и средних предприятий, которые все активнее вовлекаются в электронную коммерцию. Комплексный подход к регулированию трансграничной торговли позволит создать более сбалансированную и справедливую экономическую среду, способствующую инновациям и росту. Поэтому международные правовые акты являются важным инструментом, позволяющим всем участникам мировой экономики более эффективно использовать возможности трансграничной электронной торговли.

Выводы

По итогу проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Международные правовые акты в сфере таможенного регулирования трансграничной торговли содействуют ее росту за счет обеспечения эффективности правовой среды для успешного функционирования в ней субъектов электронной торговли. Единая нормативная база позволит устранить барьеры для трансграничной электронной торговли: несоответствия в национальных законах о таможене, налогообложении и защите прав потребителей создают неопределенность и увеличивают издержки ведения бизнеса для международных интернет-магазинов и их клиентов. Единые правила также обеспечивают предсказуемость и прозрачность электронной торговли.
2. Соблюдение международных правовых стандартов позволяет странам-участницам пользоваться преимуществами соглашений о свободной торговле и другими преференциальными режимами экономической деятельности. Многие

международные торговые соглашения включают положения, касающиеся электронной торговли, и предусматривают механизмы для оптимизации таможенных процедур. Приняв внутреннее законодательство в соответствии с этими положениями, страны смогут получить доступ к новым рынкам и привлечь иностранные инвестиции в сектор электронной коммерции.

3. Международные стандарты, такие как Рамочная конвенция ВТО об упрощении процедур торгов-

ли, содержат рекомендации по использованию электронного документооборота, автоматизации таможенных процедур и ускоренного выпуска товаров. Внедрение данных стандартов в национальное законодательство позволяет сократить время и затраты, связанные с процедурами таможенного оформления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугорский, В.П. Правовое регулирование электронного обмена данными при осуществлении внешнеэкономической деятельности // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2017. — № 2. — С. 13–27.
2. Курников, Е.В. Таможенное администрирование трансграничных товаропотоков глобальной экономики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. — 2019. — № 4. — С. 44–59.
3. Маслова Ж.Н. Международные стандарты электронной торговли и перспективы их внедрения в таможенной службе Российской Федерации // Вестник Российской таможенной академии. — 2020. — № 4. — С. 48–54.
4. Ронжина, Н.А. Экологическое значение деятельности таможенных органов в условиях либерализации международной торговли // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2024. — № 1 (89). — С. 21–34.
5. Шайдуллина, В.М. Международно-правовые аспекты ведения электронной торговли // Экономика. Налоги. Право. — 2020. — № 4. — С. 157–166.
6. Cross-border amendments to the EAEU Customs Code are planned to be agreed by the end of 2022. URL: https://logirus.ru/news/e-commerce/transgranichnye_popravki_v_tk_eaes_planiruyut_soglasovat_do_kontsa_2022_goda.html (дата обращения: 12.02.2025).
7. Fangyan Zheng, Yunlong Zhu. Intellectual Property Risks and Countermeasures in Cross-Border E-Commerce // International Law. — 2024. — № 1. — pp. 66–79.
8. Homonai, V. The impact of digitalization on the development of e-commerce and its legal regulation // Herald Series Law. — 2023. — № 2. — pp. 293–298.
9. Idam, I., Patrick, O., Moneme, Ch., Akpa, T. The Impact of Global Logistics Disruptions on Cross-border E-Commerce Performance: Evidence from Nigeria // Journal of Economics and Trade. — 2021. — № 9(1). — pp. 15–31.
10. Jing Yan. Data privacy regulation and cross-border e-commerce // Empirica. — 2024. — № 5. — pp. 913–927.
11. Official website of the World Trade Organization. (2022). URL: <http://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/instrument-and-tools/frameworks-of-standards/ecommerce.aspx> (дата обращения: 12.02.2025).
12. Yu Keng. Influencing Factors of Cross-Border e-Commerce Consumer Behavior-Taking in Malaysia // International Law. — 2023. — № 10. — pp. 106–117.

© Линь Пэйюань (1535155215@qq.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТАМОЖЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ: РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Линь Пэйюань

Аспирант, Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы
1535155215@qq.com

CUSTOMS REGULATION OF CROSS-BORDER TRADE ELECTRONIC COMMERCE: THE ROLE OF INTERNATIONAL LAW

Lin Peiyuan

Summary. The article defines the role of international legal acts in the customs regulation of cross-border e-commerce, establishing principles and recommendations for minimizing problematic aspects in this legal field.

The research goal is to determine the role of international legal acts in the customs regulation of cross-border e-commerce, establishing guidelines and recommendations for minimizing problematic aspects in its legal field.

The research objectives are: to identify legal gaps and problematic aspects; to consider the global legal practices of cross-border e-commerce; to summarize the vectors of adaptation of the existing legislative framework of customs regulation to the modern requirements of information, communication and digital development of cross-border trade relations.

The methodological basis of the research consists of general scientific methods: synthesis, comparison, extrapolation, comparative analysis, formal logical method, historiographical analysis of the scientific discourse of the topic under study.

Based on the results, the following conclusions were made: the harmonization of e-commerce processes in the acts of national legislation in accordance with international legal standards of customs regulation will contribute to the further development of e-commerce.

Keywords: cross-border trade, e-commerce, international law, national law, legal practice.

Аннотация. В статье рассматривается международный нормативный базис таможенного регулирования трансграничной электронной торговли с точки зрения необходимости гармонизации данных процессов в актах национального права. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить роль международного права в таможенном регулировании трансграничной электронной торговли. Для достижения цели были решены следующие задачи: на основе компаративного анализа выявить правовые пробелы и проблемные аспекты в сфере международного регулирования электронной трансграничной торговли; рассмотреть мировую регулятивную практику трансграничной электронной торговли; систематизировать существующий законодательный базис таможенного регулирования к современным требованиям информационно-коммуникационного и цифрового развития трансграничных торговых отношений.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы: синтез, сравнение, экстраполяция, компаративный анализ. В исследовании также применялись историографический анализ научной литературы по теме исследования, обобщение, систематизация и историко-правовой анализ правовых основ таможенного регулирования в сфере электронной торговли.

По итогу исследования были сделаны следующие выводы: международные правовые акты в сфере таможенного регулирования трансграничной торговли содействуют ее росту за счет обеспечения эффективности правовой среды для успешного функционирования в ней субъектов электронной торговли.

Ключевые слова: трансграничная торговля, электронная торговля, нормы международного права, национальное право, правовая практика.

Введение

Актуальность темы исследования состоит в том, что во многих исследованиях, посвященных вопросам развития и регулирования электронной торговли, отмечается, что законодательные нормы «не успевают модернизироваться настолько быстро, насколько быстро развивается электронная торговля, выходящая далеко за рамки национальных границ, и такие реалии провоцируют появление нормативных пробелов, ставящих стороны сделок в сфере электронной торговли в неравные положения» [7, с. 14]. При этом отметим, что возможность приведения в соответствие национальных правил правового регулирования отдельных аспектов электронной торговли без учета международных нормативных правовых актов, регулирующих таможенное

законодательство, в соответствии с реалиями трансграничной электронной торговли, позволяет странам на национальном уровне оперативно вносить корректировки в национальное законодательство, устраняя проблемы правовой неопределенности [13, с. 500].

Отметим, что относительно вопросов таможенного регулирования трансграничной электронной торговли ВТАМО сотрудничает с ВТО, ОЭСР, Всемирной почтовой организацией и др. Подобную регламентацию трансграничной электронной торговли содержат такие нормативные правовые акты, как: Луксорская резолюция о принципах трансграничной электронной коммерции (2017 г.), Пекинская декларация о регулировании трансграничной электронной коммерции (2018 г.).

Необходимо обратить внимание на правила, установленные в Рамочных стандартах ВТАМО по трансграничной электронной торговле в сфере налоговых поступлений от продажи товаров, направленных на справедливый и эффективный сбор налогов. Вышеуказанные правила ориентированы, в первую очередь, на эффективное решение проблем, связанных со сбором налогов при трансграничной электронной торговле. Так, в отношении недорогих и небольших трансграничных товаров электронной торговли таможенным органам рекомендуется разработать соответствующий механизм контроля и фискальных сборов во взаимодействии с налоговыми органами. В сотрудничестве с налоговыми органами ВТАМО рекомендует разрабатывать и адаптировать для электронной торговли альтернативные модели фискальных сборов: переход от транзакционного сбора на границе, к автоматизированному сбору пошлин и налогов до отправки или прибытия товара к конечному покупателю.

Материалы и методы

Материалами исследования послужили нормативные документы международного права в области таможенного регулирования электронной торговли, а также теоретические постулаты правоведов и экспертов в области международного права.

Таблица 1.

Цель и задачи исследования

Цель	Задачи
Определить роль международных правовых актов в таможенном регулировании трансграничной электронной торговли, устанавливающих руководящие принципы и рекомендации для минимизации проблемных аспектов в ее правовом поле.	1) выявить правовые пробелы и проблемные аспекты таможенного регулирования в области электронной коммерции; 2) рассмотреть мировые правовые регулирующие практики трансграничной электронной торговли; 3) обобщить векторы адаптации существующего законодательного базиса таможенного регулирования к современным требованиям информационно-коммуникационного и цифрового развития трансграничных торговых отношений

В исследовании были проанализированы также тезисы таких авторов, как О.Г. Боброва, С.А. Крутова, А.Ю. Кожанков [1], Жэнь Яньян, Цай Сылю [2], А.С. Лебедев [3], Лю Сюцзюань [4], Ж.Н. Маслова [5], И.Ю. Татаева [6] и др.

При работе над изучаемой темой были также применены теоретико-методические положения, выдвинутые в работах таких зарубежных авторов, как В. Берч [7], В. Хомонай [9], Цзин Янь [10], А. Поритска [12], Б. Сираджин [13] и др.

Результаты и обсуждения

В Рамочных стандартах ВТАМО по трансграничной электронной торговле акцентируется внимание и на роли таможенных и налоговых органов в трансграничном таможенном сотрудничестве в части осуществления проверок и контроля после прохождения таможенных процедур.

Одним из важнейших документов, обеспечивающих внедрение и применение Рамочных стандартов ВТАМО по трансграничной электронной торговле, является Резолюция политической комиссии ВТАМО «О руководящих принципах трансграничной электронной торговли», принятая в 2017 году (далее — Резолюция). Резолюция содержит руководящие принципы трансграничной электронной торговли: совершенствование электронных данных и управление рисками; упрощение процедур; охрана и безопасность транзакций и пересылок; сбор доходов; измерение и анализ трансграничной электронной торговли; партнерские отношения; информирование общественности, информационно-пропагандистская деятельность и наращивание потенциала; нормативное обеспечение электронной торговли [11].

Ключевые аспекты Рамочных стандартов ВТАМО, регламентирующих трансграничную электронную торговлю, касаются также использования электронных данных и управления рисками при осуществлении таможенного контроля и надзора за трансграничной электронной торговлей. Для эффективного управления рисками рекомендуется своевременно обмениваться электронными данными между соответствующими заинтересованными сторонами электронной торговли и таможенными органами через национальные электронные интерфейсы на основе общих стандартов обмена сообщениями и согласованного стандартизированного набора данных [12, с. 110]. Предполагается, что предварительный обмен электронными данными позволит повысить эффективность цепочки поставок, обеспечивая при этом соблюдение нормативных требований, в том числе в части фискальных поступлений. При этом в Рамочных стандартах ВТАМО определяется подход, согласно которому должен происходить обмен данными. При этом должны учитываться национальные правила, специально разработанные для целей обмена электронными данными, составляющие правовую основу для предварительной их обработки [10, с. 914].

Следует отметить и тот факт, что Рамочные стандарты ВТАМО содержат указание на необходимость стран ориентироваться на современные решения, наиболее эффективные и адаптированные в отношении безопасного и быстрого перемещения товаров, приобретаемых посредством трансграничной электронной торговли через границы. Стандарты ВТАМО допускают возможность

несоответствия существующим инструментам ВТАМО, таким, как пересмотренная Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур, которая первично была заключена в Киото 18 мая 1973 года и пересмотрена в 2006 году (далее — Пересмотренная Киотская Конвенция) [14].

При действующем законодательстве страны при разработке правовых норм в сфере трансграничной электронной торговли могут игнорировать приоритет норм международного права в случае, если такие нормы не соответствуют сложившейся практике в области электронной торговли.

Пересмотренная Киотская Конвенция занимает особое место в системе международных правовых актов таможенного права в трансграничной торговле, поскольку является основой для современных и эффективных таможенных процедур в XXI веке. Нормативными предписаниями Пересмотренной Киотской Конвенции определен ряд ключевых руководящих принципов, на которых основывается трансграничная торговля: предсказуемость, прозрачность, надлежащая процедура, максимальное использование информационных технологий и современных таможенных методов (например, управление рисками, аудит после таможенного оформления). Правовые положения Пересмотренной Киотской Конвенции направлены на упрощение процедур торговли и эффективный контроль посредством применения простых, но эффективных процедур таможенного регулирования и контроля.

Следует акцентировать внимание на том факте, что Рамочные стандарты ВТАМО по трансграничной электронной торговле были приняты в июне 2018 года, тогда как документы, обеспечивающие внедрение и применение Рамочных стандартов ВТАМО по трансграничной электронной торговле, были одобрены ВТАМО только в июне 2019 года и декабре 2020 года [11].

Данные документы регламентируют использование концепции Уполномоченного экономического оператора, оборудования для неинтрузивных технологий контроля, анализа данных и других передовых технологий для поддержки безопасной, надежной и устойчивой трансграничной электронной торговли. Кроме того, целый перечень документов содержит технические спецификации для электронной торговли, определения, бизнес-модели электронной торговли, блок-схемы, справочные наборы данных для трансграничной электронной торговли, описания подходов к сбору доходов, а также обязанности заинтересованных сторон в области электронной торговли. Иными словами, пакет документов в сфере электронной торговли предназначен для предоставления необходимых рекомендаций соответствующим заинтересованным сторонам при внедре-

нии различных аспектов Рамочных стандартов ВТАМО по трансграничной электронной торговле.

Содержание рассмотренных в нашем исследовании международных правовых актов, составляющих основу таможенного регулирования трансграничной торговли, позволяет сделать вывод о характере проблем, с которыми сталкиваются таможенные и иные государственные органы мировых стран при ее осуществлении.

К проблемам, охватывающим различные сферы общественных отношений (защиту прав потребителей, налоговые платежи, антимонопольное регулирование, национальную и информационную безопасность) при осуществлении трансграничных торговых операций, относятся:

- отсутствие стандартизированных процедур, то есть таких процедур электронной торговли, которые были бы универсальными вне зависимости от таможенной политики государства;
- незнание специфики национальных правил и положений стран-экспортеров и стран-импортеров (ввиду отсутствия/недостаточности либо недоступности информации в электронной среде);
- возможность ввоза запрещенных и (или) ограниченных к распространению товаров, в том числе за счет некорректного/преднамеренно некорректного электронного обмена данными в процессах транспортировки и пограничного оформления международных грузов;
- отсутствие универсальных процедур контроля.

Правоустанавливающий контроль является основополагающим аспектом деятельности таможенных органов вне зависимости от страны функционирования, а защита общества от запрещенных товаров, товаров ограниченного распространения и контрафактной продукции обеспечивает конкурентоспособную экономику. В рамках трансграничной электронной торговли наибольшую трудность представляет процесс контроля пересылаемых через границу небольших товаров, подлежащих упрощенному декларированию и подпадающих под режим «de minimis» (предельная стоимость товаров, в том числе документов и торговых образцов, ниже которой таможенные пошлины и налоги не взимаются). На практике доказано, что чем больше через границу проходит товаров, подпадающих под правила «de minimis», тем больше человеческих ресурсов необходимо для контроля таких товаров на предмет реального содержания посылок, а также на предмет нарушений при оформлении таможенной декларации.

Выводы

По итогу проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Таможенное регулирование трансграничной электронной торговли представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий интеграции различных правовых норм и стандартов. В условиях глобализации и быстрых технологических изменений развитым странам важно найти общую позицию по вопросам регулирования, при параллельном обеспечении защиты прав потребителей и поддержке предпринимательства. Необходимость создания гармонизированных правил в сфере международной торговли становится все более актуальной, поскольку это единственный способ обеспечить справедливое и эффективное функционирование электронной торговли. В данном контексте роль международного права очень важна, поскольку оно служит основой для разработки и внедрения законодательства, применимого на трансграничном уровне, обеспечивая последовательность и предсказуемость в регулировании электронной коммерции.

2. Важным аспектом остается проблема адаптации существующих международных нормативных актов к быстро меняющейся технологической среде на уровне национального права. Каждый год появляются новые цифровые инструменты и онлайн-платформы для ведения бизнеса, и правовая система должна быть достаточно гибкой, чтобы приспосабливаться к такого рода экономическим трансформациям. Для обеспечения устойчивого развития трансграничной электронной коммерции необходима динамичная правовая база, чтобы можно было учитывать и интегрировать новые реалии.

Таким образом, укрепление правовой базы и создание эффективных механизмов сотрудничества между странами могут способствовать экономическому росту, а также улучшению отношений между странами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боброва, О.Г., Крутова, С.А., Кожанков, А.Ю. Международно-правовой аспект таможенного регулирования безбумажной трансграничной торговли // Вестник Российской таможенной академии. — 2018. — № 3. — С. 88–122.
2. Жэнь Яньян, Цай Сылю. Опыт создания региональной трансграничной платформы электронной коммерции ШЮС (на примере Демонстрационной зоны местного торгово-экономического сотрудничества ШЮС) // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2023. — № 2. — С. 129–144.
3. Лебедев, А.С. Проблемы правового регулирования трансграничной электронной торговли в евразийском экономическом союзе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. №2 (32). — С. 3–14.
4. Лю Сюэюань. Влияние юридических проблем на развитие трансграничного интернет-бизнеса Китая и России // Инновации и инвестиции. — 2019. — № 1. — С. 77–93.
5. Маслова, Ж.Н. Международное сотрудничество в трансграничной торговле: ответ на вызовы времени // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. — 2019. — № 4 (72). — С. 44–68.
6. Татаева, И.Ю. Международные инструменты регулирования трансграничной электронной торговли // Вестник Российской таможенной академии. — 2023. — № 1. — С. 99–126.
7. Berch, V. Legal regulation of e-commerce: international and national standards // Herald Series Law. — 2024. — № 2. — pp. 11–16.
8. Cross-border amendments to the EAEU Customs Code are planned to be agreed by the end of 2022. URL: https://logirus.ru/news/e-commerce/transgranichnye_popravki_v_tk_eaes_planiruyut_soglasovat_do_kontsa_2022_goda.html (дата обращения: 12.02.2025).
9. Homonai, V. The impact of digitalization on the development of e-commerce and its legal regulation // Herald Series Law. — 2023. — № 2. — pp. 293–298.
10. Jing Yan. Data privacy regulation and cross-border e-commerce // Empirica. — 2024. — № 5. — pp. 913–927.
11. Official website of the World Trade Organization. (2022). URL: <http://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/instrument-and-tools/frameworks-of-standards/ecommerce.aspx> (дата обращения: 12.02.2025).
12. Poritska, A. International and domestic initiatives for e-commerce regulation // Herald of Economics. — 2024. — № 8. — pp. 49–64.
13. Sirajudeen, B. A study on cross-border e-commerce logistics service challenges // Scientific Papers of Silesian University of Technology Organization and Management Series. — 2024. — № 2. — pp. 499–514.
14. Text of the Revised Kyoto Convention. (2020). URL: http://www.wcoomd.org/Topics/Facilitation/Instrument%20and%20Tools/Conventions/pf_revised_kyoto_conv/Kyoto_New (дата обращения: 12.02.2025).

© Линь Пэйюань (1535155215@qq.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОМПЬЮТЕРНАЯ ИНФОРМАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И КВАЛИФИКАЦИИ

COMPUTER INFORMATION IN CRIMINAL LEGISLATION: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND QUALIFICATION

V. Pekareva

Summary. The direct object of criminal legal protection provided for by Article 272 of the Criminal Code of the Russian Federation are public relations related to the lawful access, creation, storage, modification, use of computer information by its creator, as well as its consumption by other persons. This crime in the sphere of computer information is characterised by a high degree of prevalence. This article presents a critical analysis of the criminal law norm in question in the light of modern trends. Particular attention is paid to the problem of compliance of the used legal categories with current technical realities. In order to clarify the content of the concept of «computer information» and justify the need for its actualisation in criminal legislation, the author's interpretation of the term is proposed, based on scientific research in the field of law, practical experience and analysis of technical features.

Keywords: unlawful access to computer information, criminal law, computer information offences, cybercrime, computer information, data, interpretation, unauthorised access.

Пекарева Виктория Владимировна

Академия права и управления ФСИН России, г. Рязань
viktoria.pekareva@yandex.ru

Аннотация. Непосредственным объектом уголовно-правовой охраны, предусмотренной статьёй 272 Уголовного кодекса Российской Федерации, выступают общественные отношения, связанные с правомерным доступом, созданием, хранением, изменением, использованием компьютерной информации её создателем, а также её потреблением иными лицами. Данное преступление в сфере компьютерной информации характеризуется высокой степенью распространённости. В настоящей статье представлен критический анализ рассматриваемой уголовно-правовой нормы в свете современных тенденций. Особое внимание уделяется проблеме соответствия используемых правовых категорий актуальным техническим реалиям. С целью уточнения содержания понятия «компьютерная информация» и обоснования необходимости его актуализации в уголовном законодательстве предлагается авторская интерпретация данного термина, базирующаяся на научных исследованиях в области права, практическом опыте и анализе технических особенностей.

Ключевые слова: неправомерный доступ к компьютерной информации, уголовное законодательство, преступления в сфере компьютерной информации, киберпреступления, компьютерная информация, данные, толкование, несанкционированное ознакомление.

Исследование правоприменительной практики подразумевает единообразное и последовательное толкование, конкретизацию и реализацию норм уголовного права правоохранительными органами. В.Н. Карташов поддерживает данную позицию, характеризуя правоприменительную практику как юридически персонифицированное и подзаконное преобразование социальной действительности, осуществляемое посредством государственной власти, и представляющее собой совокупность правоприменительной деятельности и вытекающего из нее опыта. Анализ применения норм, в частности таких, которые предусматривают ответственность за преступления в сфере компьютерной информации, позволяет выявить проблемные области, требующие дальнейшего уточнения или изменения правовых предписаний. Регулярное и своевременное обновление уголовного законодательства, особенно в сфере противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации, является необходимым

условием для их эффективного функционирования. Рассмотрим с пониманием и вниманием к деталям проблемы этой сферы и предложим пути к их эффективному решению.

Сущность состава преступления, предусматривающего наступление уголовной ответственности по ст. 272 УК РФ, заключается в несанкционированном доступе к защищенным данным, что может вести к нежелательным последствиям в виде уничтожения, блокирования, модификации или копирования информации, находящейся под государственной охраной или же распространяемой в сети Интернет и защищаемой ее владельцем.

Информация обладает разноплановым содержанием. По мнению Овчинского А.С., её можно представить в природной и общественной жизни, в технической сфере, где она возникает в реакциях на воздействие, фиксируется, накапливается и передается на естественных

и искусственных носителях (ресурсная), отражает окружающую реальность (фоновая)[7].

Не обращаясь к узкому варианту при толковании, можно отметить, что данная категория отвечает за данные, сопровождающиеся смысловой нагрузкой, помещенной в некоторый контекст; за сведения, как-либо оцениваемые приёмником. Как правило, получение информации связывают с уменьшением неопределенности существующего выбора; ответ на какой-либо заданный либо подразумеваемый вопрос [5]. Однако для цифровой среды и противоправных в ней деяний нас интересует этимологическое представление информации через кодирование, то есть через числовое выражение посредством присвоения символьным данным уникального двоичного кода, состоящего из комбинации. Емкое понятие информации определяется Федеральным законом от 27 июля 2006 г. №149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» — сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Более конкретизированную, но с широким охватом дефиницию можно встретить в интересующем нас уголовном составе, а именно в примечании к ст. 272 УК РФ. Законодатель обозначил одну из форм всего семантического и практического выражения. Под этим термином подразумеваются данные или сообщения, которые представлены в виде электронных сигналов и независят от способов их хранения, обработки или передачи.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. №37 обозначено, как и где находятся данные. Они могут быть размещены внутри памяти компьютеров и других цифровых устройств или сохранены на различных типах внешних электронных носителей (жесткие диски, USB-накопители и подобные устройства, в формате, который может быть обработан этими устройствами). Кроме того, данные могут передаваться через каналы электросвязи (например, локальные сети (LAN), широкополосные сети (WAN), Интернет или через беспроводные технологии, а именно Wi-Fi и Bluetooth). В постановлении конкретизировано, что подобной информацией может считаться государственная, коммерческая, служебная, личная, семейная или иная тайна, включая персональные данные. Также под защитой находятся сведения, которые владелец обеспечил охраной специальными средствами, чтобы никто не мог их испортить или получить доступ без разрешения. Это также имеет последствия для неоднозначности этимологии дефиниции.

При исследовании практики применения уголовного закона можно заметить две стороны определения в уголовных делах сущности компьютерной информации. Одна из них — критерий содержания, другая — установление владельцем особого порядка работы с целью обеспечения сохранности и ограничения доступа.

В практической области применяются оба критерия в зависимости от конкретного дела и статьи. Например, информацию по смыслу ч. 1 ст. 272 УК РФ требуется считать охраняемой законом как по критерию ее содержания (данные, для которых законом установлен специальный режим правовой защиты, ограничен доступ, существуют условия отнесения к сведениям, составляющим государственную, коммерческую, служебную, личную, семейную или иную тайну (в том числе персональные данные), установлена обязательность соблюдения конфиденциальности такой информации и ответственность за ее разглашение), так и по критерию обеспечения охраны этой информации ее обладателем с целью сохранности и (или) ограничения доступа к ней.

Стоит обозначить, что определение «компьютерная информация» в уголовном законодательстве, введенное изменениями УК РФ от 7 декабря 2011 г., не в полной мере отражает сущность информации в цифровом виде, ограничиваясь лишь ее связью с процессами, происходящими в электронно-вычислительных машинах (ЭВМ) и компьютерных сетях. Существующая формулировка ведет к ошибочному толкованию, что в большинстве случаев влечет к неоднородному характеру правоприменительной деятельности. Чтобы учесть широкий спектр потенциальных преступлений, нужно сделать акцент на инновационных составляющих. В. Быков и В. Черкасов отмечают, что развитие науки и техники предполагает появление новых средств хранения, обработки и передачи информации, следовательно, корректировка закона на постоянной основе неизбежна [1, с. 38]. Таким образом, оправданы нюансы, связанные с волоконно-оптическими каналами и различными устройствами смешанного назначения, включая облачные типы. Вопросы вызывает и форма, в которой представлена информация — электрический сигнал. Законодатель не учёл, что она может передаваться не только посредством электрических сигналов [2], как справедливо, обращает внимание А.В. Верещагина. Аналогичную позицию можно встретить в научных трудах Дворецкого М.Ю. [3]. Передача данных по оптоволоконному кабелю, основанная на световых сигналах, не является электронной по своей природе. Информация преобразуется в электронную форму только при обработке компьютером. Аналогично, передача данных по Wi-Fi использует радиоволны, которые преобразуются оконечными устройствами в электрические сигналы. Волны распространяются в пространстве и принимаются приемником, который преобразует их обратно в электрические сигналы, понятные электронным устройствам. Важно отметить, что сам процесс передачи информации по воздуху или по оптоволокну происходит без участия электронов как носителей информации в среде передачи. На практике возможен незаконный перехват радио- и световых сигналов, не являющихся электронными сигналами в процессе их передачи. Компьютерная информация

на магнитных носителях (например, банковские расчетные карты), CD, DVD-дисках также не является информацией, представленной в форме электрических сигналов. При описании не были затронуты сферы нанотехнологий, искусственного интеллекта, биометрии, где определение формы обработки или представления информации как компьютерной не сходится с существующей дефиницией в уголовном законодательстве в принципе.

Не исключено, что законодатель ориентировался исключительно на понятие дискретных сигналов. Однако из сказанного выше становится очевидным, что уголовно-правовая охрана «компьютерной информации», хранение и передача которой основаны на неэлектрических принципах, не предусмотрена.

Имеет смысл отметить, что понятие было введено, прежде всего, для целей уголовного права, в частности для составов преступлений главы 28 УК РФ. Формулировка нуждается в изменении, что можно реализовать двумя способами. Во-первых, из примечания ст. 272 УК РФ исключить термин «компьютерная информация», поскольку его содержание игнорирует технические аспекты. Возможный отрицательный опыт также может подвергнуться дискуссии, как и существующее определение, однако примером обратной ситуации при отсутствии законодательно закрепленных дефиниций технического характера — свидетельство положительных тенденций в правоприменительной деятельности в Китае, ведь в стране акцент в большей степени делается на регламентации мер и средств защиты, чем на толковании и уяснении. Во-вторых, можно рассмотреть возможность совершенствования сущности определения. В настоящее время предпочтение отдается второму варианту, так как в судебной практике при вынесении приговоров нередко ссылаются на содержание термина «компьютерная информация». В этом контексте важно учитывать, что правильное понимание и верная интерпретация термина «компьютерная информация» могут в совокупности существенно повлиять на правоприменительную практику и, соответственно, на защиту прав граждан. Необходимость адаптации законодательства к быстро изменяющимся техническим условиям становится все более актуальной проблемой.

Предлагаем следующую формулировку «компьютерная информация» в ст. 272 УК РФ, сущность которой включает слова «представленные в форме электрических сигналов» [10] и оправдывает главную цель — ее разграничение от всех иных форм представления: «под компьютерной информацией понимаются пригодные цифровые данные вне зависимости от их формы представления, хранения, обработки и передачи». Это означает, что она может быть представлена в виде кода, текста, алгоритма, графиков, звука, видео и других цифровых форм. Также имеет возможность храниться на различных носителях,

таких как жесткие диски, твердотельные накопители (SSD), оптические диски, флэш-память или в облачных хранилищах.

Это не делает формулировку тождественной той, которая закреплена в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» №149-ФЗ, поскольку признак цифровой принадлежности и технической привязки к «данным», связывают с информационными сетями и компьютерной системой. Соответствовать современной действительности является обязательным условием для уголовно-правовой охраны несанкционированного доступа такого типа информации. В защиту позиции обратиться стоит к взглядам российских ученых А.Ф. Мицкевича и А.В. Сулопарова — сторонников функциональной концепции информации касаясь компьютерных преступлений. Они полагают, что вместо термина «информация» в тексте уголовного закона желательно употреблять «данные».

Если сделать ссылку на апелляционное постановление Липецкого областного суда от 23 мая 2024 г. по делу №22-527/2024, где приводятся рассуждения о примечании к ст. 272 УК РФ, то можно обнаружить, что компьютерная информация и средство ее хранения это два независимых друг от друга различных предмета, и преступным является посягательство именно на компьютерную информацию, помещенную в средство хранения, но не являющуюся составной неотъемлемой частью этого средства хранения, о чем прямо сказано в примечании. Обработка такой информации возможна с помощью различных программных приложений, алгоритмов вычислительных процессов, которые могут включать в себя операции ввода, вывода, кодирования, шифрования, компрессии, анализа и синтеза данных [8].

Передача компьютерной информации может происходить через различные сетевые технологии, включая локальные сети (LAN), глобальные (например, Интернет), беспроводные сети (Wi-Fi, Bluetooth), а также через другие средства коммуникации, включая спутниковые и мобильные сети.

Измененная формулировка дефиниции, защищаемая в данной работе, также оправдывается новеллой законодательства в качестве специальной нормы по отношению к ст. 272 УК РФ. Согласно Федеральному закону от 30 ноября 2024 г. №421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» была дополнена глава 28 УК РФ и установлена уголовная ответственность за незаконное использование и (или) передачу, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно за создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных

хранения и (или) распространения. На первый взгляд, впечатление о подмене и смешивании понятий «персональные данные» и «компьютерная информация» с технической и правовой сторон, что на данный момент является очевидным, но в целях реализации целей уголовного закона отдача предпочтения данной формулировке не будет ошибкой, поскольку этимология использованной дефиниции законодателем охватывает две категории в принципе. Разбор характеристики «компьютерной информации, содержащей персональные данные», сводится прямо или косвенно к сведениям, относящимся к конкретному физическому лицу. Они, в свою очередь, представлены в форме электрических сигналов независимо от средств их хранения, обработки и передачи в запоминающем устройстве электронно-вычислительных машин и в других компьютерных устройствах либо на любых внешних электронных носителях (дисках, в том числе жестких накопителях, флеш-картах и т.п.), в форме, доступной восприятию компьютерным устройствам, и (или) передаваться по каналам электрической связи. В текущий момент это складывается из учета в совокупности таких правовых понятий как компьютерная информация, которая содержится в примечании к статье 272 УК РФ, так и персональные данные из Федерального закона от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ «О персональных данных». Нужно понимать, чтобы избежать спорных моментов и излишних привязок к «электронным сигналам», необходимо прибегнуть к актуализации понятия «компьютерная информация» в примечании к ст. 272 УК РФ.

Также уголовно-правовая норма не должна ограничиваться одной вариацией и подразумевать наступление

ответственности за вторжение в компьютерную информационную систему, ознакомление, получение данных из нее, предоставление доступа, а не только за обязательное наступление последствий в качестве блокирования, уничтожения, копирования или модификации. Усовершенствовать и одновременно ужесточить содержание ст. 272 УК РФ можно дополнением диспозиции «ознакомлением информации без имеющегося на это права независимо от вредоносных последствий». Подобное существует в Китае. Крайне важно уточнить юридические рамки и закрепить «несанкционированное ознакомление» как отдельное правонарушение. Несомненно, в продолжении защиты приведенной позиции, стоит отметить позицию М.А. Ефремовой, что уголовной ответственности лицо должно подлежать как в случае неправомерного доступа-состояния, так и в случае неправомерного доступа-процесса [4].

Таким образом, при анализе ст. 272 УК РФ приводятся рекомендации о совершенствовании примечания в плане изменения содержания дефиниции «компьютерная информация», что будет способствовать устранению существующих противоречий. Новизна заключается не только в актуальности выбранной темы, но и в практических задачах, с которыми сталкиваются правоприменители. В работе были представлены, как одним из факторов противодействия преступлениям в области компьютерной информации, несколько обоснованных предложений, которые ранее в полной мере не формулировались в подобных исследованиях, направленных на улучшение уголовно-правовых норм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быков В., Черкасов В. Понятие компьютерной информации как объекта преступлений // Законность. — 2013. — №12 (950). — С. 37–40.
2. Верещагина А.В. К вопросу о предмете неправомерного доступа к компьютерной информации / А.В. Верещагина // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. — 2020. — Т. 12, № 2. — С. 103–117. — DOI 10.24866/VVSU/2073-3984/2020-2/103-117. — EDN IGROKB.
3. Дворецкий М.Ю. Проблемы толкования терминов при квалификации преступлений по ст. 272 Уголовного кодекса РФ. Вестник ТГУ. 2013. № 12. С.527–532.
4. Ефремова М.А. Ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации по действующему уголовному законодательству // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. №8.
5. Мицкевич А.Ф., Сулопаров А.В. Понятие компьютерной информации по российскому и зарубежному уголовному праву // Пробелы в российском законодательстве. 2010 г. №2.
6. Лысов, А.А. Гистерезис понятия «компьютерная информация» в уголовном законодательстве Российской Федерации / А.А. Лысов, А.В. Яковлев, А. Л. Ключкова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2022. — № 1(140). — С. 132–135. — EDN DCQCEQ.
7. Овчинский А.С. Информация в мире цифровых данных // Криминологический журнал. 2023. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsiya-v-mire-tsifrovyyh-dannyh> (дата обращения: 23.01.2025).
8. Чернякова А.В. Понятие и уголовно-правовое значение компьютерной информации / А.В. Чернякова // Право и государство: теория и практика. — 2019. — № 11(179). — С. 224–226. — EDN GDZEKR.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

ABOUT SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF FEDERAL RELATIONS IN RUSSIA

A. Piventyev

Summary. The article is devoted to the analysis of the state structure and federal relations in the Russian Federation, considering the historical evolution and modern challenges facing the system. The key aspects are the articles of the Constitution regulating the composition and status of the subjects of the federation, as well as their rights to self-determination. Despite the availability of detailed legislation, there are uncertainties and legal conflicts that give rise to conflicts and destructive practices on the part of regional authorities. The author talks about improving the organizational foundations of regional policy, including the development of a unified tariff policy and an adequate housing program, which will contribute to improving the standard of living of the population.

Keywords: federation, federal relations, regional policy, Russia, subjects of the federation, law, Constitution.

Пивентьев Александр Сергеевич

Адъюнкт Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя
Piventyev@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу государственного устройства и федеративных отношений в Российской Федерации. Рассматривается историческая эволюция и современные вызовы, стоящие перед системой. Ключевыми аспектами являются статьи Конституции, регулирующие состав и статусы субъектов федерации, а также их права на самоопределение. Несмотря на наличие подробного законодательства, выявляются неопределенности и правовые коллизии, которые порождают конфликты и деструктивные практики со стороны региональных властей. Автор говорит о совершенствовании организационных основ региональной политики, включая разработку единой тарифной политики и адекватной жилищной программы, что будет способствовать улучшению уровня жизни населения.

Ключевые слова: федерация, федеративные отношения, региональная политика, Россия, субъекты федерации, право, Конституция.

Государственное устройство Российской Федерации представляет собой сложную правовую структуру, закрепленную нормами Конституции, которая определяет не только организацию государственного управления, но и взаимоотношения между различными уровнями власти. Исторически Россия всегда была многообразной по своему территориальному устройству страной. От конфедеративного характера Древней Руси, состоящей из относительно независимых княжеств, до централизованной монархии Российской империи и далее — к федеративному устройству СССР и современному российскому федерализму.

Принципы, которыми руководствуется Российская Федерация, закреплены в Конституции РФ. Они отражают необходимость учёта как разнообразия субъектов федерации, так и правовых норм, определяющих их статус. Важнейшими аспектами данного устройства являются статьи Конституции, которые касаются состава и статусов субъектов, их взаимоотношений и прав на самоопределение [1].

Важно отметить, что, несмотря на достаточно детализированное законодательство, регулирующее федеративные отношения, в Конституции всё же присутствуют некоторые неопределенности по данной теме.

Эти неточности приводят к правовым коллизиям и конфликтам, что, в свою очередь, создает предпосылки для деструктивных действий со стороны региональных властей [3, с.159].

Конституция Российской Федерации 1993 года была принята в условиях глубокого политического кризиса, что наложило отпечаток на её формирование и содержание [1]. В процессе подготовки проекта не было учтено будущее развитие государственной структуры, что повлияло на восприятие власти и суверенитета в стране. Данная ситуация способствовала формированию конституционно-правовой модели, в которой субъекты федерации находились в условиях неопределенности в отношении своих статусов и полномочий.

Заключение Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами и республиками в 1992 году привело к тому, что эти республики были обозначены как «суверенные государства». Однако позднее, в Конституции 1993 года, этот термин был исключен в контексте характеристик республик, что лишило их этого статуса. Тем не менее, в окончательных положениях Конституции он снова был упомянут в контексте Договора, что создало противоречия и неясности относительно правового статуса республик в составе страны.

Только в последние годы на фоне строгой позиции президента России и инициатив по реформированию структуры власти, включая создание института полномочного представителя в федеральном округе, удалось достичь некоторой стабильности в федеративных отношениях [2].

Сложности, с которыми сталкивается российский федерализм, напрямую связаны с социальными, политическими и экономическими вызовами. Например, в политической сфере важнейшими являются вопросы формирования органов государственной власти, совершенствование избирательного законодательства и кадровой политики. Экономические проблемы касаются оптимизации бюджетного процесса, улучшения рыночных отношений и баланса между властью и бизнесом. Социальные аспекты затрагивают обеспечение равного доступа граждан к социальным благам, а также борьбу с региональными диспропорциями в качестве жизни [4, с. 79].

Роль субсидиарности в развитии российского федерализма остается ключевой проблемой, так как она прямо влияет на распределение полномочий и ответственности между федеральными и региональными властями. В контексте теории и практики российской федерации этот принцип подчеркивает важность оптимального разграничения обязанностей, ресурсов и рабочего уровня власти. Субсидиарность предполагает, что властные функции должны исполняться на наиболее подходящем уровне, приближенном к местным нуждам и реалиям, что создает необходимые условия для более эффективного осуществления целей публичной власти.

При этом данный принцип не только способствует децентрализации управления, но и позволяет федеральному центру сосредоточиться на более значимых, стратегически важных вопросах, оставляя выполнение рутинных задач за субъектами федерации. Эффективное распределение публичной власти создает предпосылки для повышения структурно-функциональной устойчивости российской модели федерализма. Федерация, выступая в роли гарантии успешной работы субъектов, обеспечивает их активное участие в реализации полномочий, что в свою очередь вносит вклад в укрепление всей системы [5, с. 120].

Однако заметно, что идеи субсидиарности не были реализованы в полной мере, особенно в последние два десятилетия. Период реформирования государственно-го управления ознаменовался определенной деформацией в распределении полномочий, когда произошло ослабление позиций субъектов федерации. Отмена прямых выборов глав регионов и рост влияния федерального центра не только уменьшили степень автономии субъектов, но и усложнили их деятельность, что затруднило устойчивое развитие регионов.

Состояние государственной региональной политики в Российской Федерации требует особого внимания, поскольку она обладает определяющим значением для функционирования федерализма и его реальных возможностей. Современные условия ставят перед регионами серьезные вызовы, которые требуют не только признания существующих проблем, но и разработки конкретных решений.

Региональная политика нуждается в систематическом и оперативном обновлении своих основ, что позволит субъектам федерации более эффективно участвовать в общественно-государственном процессе. Одним из ключевых аспектов этой политики является бюджетная сфера, где необходимо предоставление субъектам РФ большего финансового контроля и прав. На сегодняшний день экономическое положение большинства регионов вызывает серьезные опасения, поскольку задолженность в некоторых из них превышает доходы. Это создает устойчивую зависимость от дотаций федерального бюджета и ограничивает возможности для планирования развития.

Критическая ситуация в финансовой сфере напрямую отражается на уровне жизни граждан. Неравенство в качестве жизни между регионами становится заметным, создавая социальную напряженность. Многие люди не имеют базового доступа к социальным благам, что приводит к росту недовольства и социальной нестабильности [5, с. 47].

Помимо экономических аспектов, важным направлением является необходимость стимулирования федеральных межрегиональных отношений. В условиях, когда перераспределение ресурсов от богатых регионов в пользу бедных становится актуальным, важно внедрить мотивационные механизмы, которые подстегивают субъекты федерации к эффективной работе.

Уровень экономического и социального развития субъектов, их инвестиционная привлекательность, а также наличие конкурентоспособной среды должны стать основными критериями для группировки субъектов федерации. На основе этой классификации возможно выстраивание более эффективных взаимоотношений, включая оказание дотационной помощи тем регионам, которые на это действительно нуждаются.

Важным аспектом в этой системе является фактор ответственности местных руководителей. В ситуациях, когда экономические проблемы могут быть усугублены неэффективным управлением, появляются риски, о которых важно помнить при создании более жестких условий для местных администраций [6, с. 85].

В частности, тарифная политика продолжает оставаться одной из самых чувствительных тем. Высокие

тарифы на коммунальные услуги, как, например, в ряде регионов Дальнего Востока и Сибири, значительно превышающие средние по стране показатели, напрямую снижают конкурентоспособность и отталкивают потенциальных инвесторов. Создание единой системы экономически обоснованных тарифов, учитывающей необходимость восстановительных и развивающих мероприятий в топливно-энергетическом секторе, станет критически важным шагом для повышения инвестиционной привлекательности регионов. В результате анализа государственного устройства и федеративных отношений в Российской Федерации можно сделать вывод о том, что текущее состояние и динамика развития федерализма требуют серьезной переоценки и активной работы как на законодательном, так и на практическом уровнях. Неопределенности и правовые коллизии, существующие в конституционных нормах, создают ситуацию нестабильности, которую могут использоваться для легитимации деструктивных практик со стороны региональных властей. Принцип субсидиарности, хотя и зафиксирован, на практике не нашел должного приме-

нения, что усугубляет социально-экономические различия между регионами и приводит к ухудшению качества жизни населения [7, с.48].

Таким образом, комплексное совершенствование организационных основ региональной политики становится необходимым условием для реализации его потенциала, что в конечном итоге повлияет на уровень жизни граждан и общую социально-экономическую устойчивость субъектов Российской Федерации.

Нарастающие социальные, экономические и политические вызовы требуют от российской федерации более комплексного подхода к региональной политике, ориентированного на индивидуальные потребности субъектов и устойчивое развитие. Система должна быть пересмотрена с акцентом на ответственность местных властей и эффективность решений, принимаемых на местах, поскольку это станет основой для улучшения управления и повышения инвестиционной привлекательности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет— портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.01.2025).
2. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» от 21.12.2021 N 414-ФЗ (последняя редакция). — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/ (дата обращения: 10.01.2025).
3. Гуляков А.Д. Российский федерализм: генезис и основные этапы развития (сравнительное историко-государствоведческое исследование) // Государство и право. 2020. № 2. С. 159–171.
4. Заслонски О.В. Исторический опыт развития Российского федерализма: политико-правовой анализ // Научный портал МВД России. 2021. №5. С. 78–83.
5. Киреев В.В. Конституционно-правовые риски России в сфере федеративного устройства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. №.6. С. 120–129.
6. Нарутто С.В. Конституция, федерализм и единство государственно-правовой системы России // Lex Russica. 2018. N 11. С. 83–89.
7. Чиркин В.Е. Являются ли республики в составе Российской Федерации государствами, имеют ли субъекты федерации собственную государственную власть (полемиические заметки по поводу диссертационных исследований) // Государство и право. 2017. №9. С.45–48.

© Пивентьев Александр Сергеевич (Piventev@inbox.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МАЛОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО ЗА РУБЕЖОМ: ОПЫТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ

SMALL BUSINESS ABROAD: EXPERIENCE OF LEGAL REGULATION AND STATE SUPPORT

**A. Plakhov
V. Holodov
V. Vasilev**

Summary. The article discusses the legal regulation and measures of state support for small businesses in foreign countries. In addition, small businesses abroad have been identified, trends in the development of small businesses in individual countries abroad have been identified, and the functional orientation of small businesses in foreign countries has been outlined. The analysis of various aspects of legal regulation and state support of small businesses in foreign countries, carried out in the article, is associated with the important role of small businesses in the economies of all countries of the world. Particular attention in the article is given to the consideration of basic approaches to establishing the legal basis for small business in foreign countries. The article also draws attention to measures of state support for small businesses. As a result of considering issues of legal regulation and state support for small businesses, it is concluded that it is advisable to borrow certain mechanisms of state legal regulation of small businesses and support for businesses abroad to develop entrepreneurship in Russia.

Keywords: legal regulation, state support, entrepreneurial activity, foreign experience, small business.

Плахов Артем Владимирович

кандидат экономических наук, Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Орел)
plahov_a@mail.ru

Холодов Владимир Александрович

кандидат исторических наук, Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Орел)
vohol1@rambler.ru

Васильев Владислав Алексеевич

Аспирант, Среднерусский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Орел)
dron-farm2018@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены правовое регулирование и меры государственной поддержки малого бизнеса в зарубежных странах. Кроме того, определены субъекты малого предпринимательства за рубежом, выявлены тенденции в развитии малого бизнеса в отдельных государствах за рубежом, обозначена функциональная направленность субъектов малого бизнеса в зарубежных странах. Анализ различных аспектов правового регулирования и государственной поддержки малого бизнеса в зарубежных странах, проведенный в статье, связывается с важной ролью субъектов малого предпринимательства в экономике всех стран мира. Особое внимание в статье отведено рассмотрению базовых подходов к установлению правовых основ ведения малого бизнеса в зарубежных странах. Также в статье обращается внимание на меры государственной поддержки малого бизнеса. По итогу рассмотрения вопросов правового регулирования и государственной поддержки малого бизнеса делается вывод о целесообразности заимствования отдельных механизмов государственно-правового регулирования малого предпринимательства и поддержки бизнеса за рубежом для развития предпринимательства в России.

Ключевые слова: правовое регулирование, государственная поддержка, предпринимательская деятельность, зарубежный опыт, малый бизнес.

Малое предпринимательство играет важную роль в экономике любых стран — и развитых и развивающихся. В России становление и развитие малого бизнеса было связано с объективными трудностями. Практически полное уничтожение слоя российских предпринимателей в результате семидесятилетней политики советского государства лишило российский бизнес фундамента, людей особого культурного и психологического склада, инициативных, предприимчивых,

способных выработать стратегию, не боящихся рисковать. Государство было вынуждено заново выстраивать правовые основы регулирования предпринимательской деятельности, сталкиваясь на этом пути с рядом трудностей, выражающихся в противоречивости и неэффективности законодательства, пробелов в праве, с одной стороны, и зарегулированности и бюрократизированности процесса регистрации и ведения своего дела, с другой. В полной мере преодолеть все эти проблемы

не удалось до сих пор. В связи с этим исследование опыта правового регулирования малого бизнеса в зарубежных государствах представляется востребованным как с научной, так и с практической точки зрения.

Определим, какие же субъекты предпринимательской деятельности относятся к малому бизнесу в зарубежных странах. По данным Международного банка реконструкции и развития, входящего в Группу Всемирного банка, выделяется не менее пятидесяти критериев, в соответствии с которыми предприятия могут быть отнесены к субъектам малого бизнеса. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что абсолютного единства относительно определения субъектов малого бизнеса в мире не существует. В этой связи можно лишь обозначить лишь наиболее часто применяемые критерии, к которым относятся средняя численность работников, занятых на предприятии, ежегодный оборот и размер уставного капитала либо величина активов. В развитых странах основным критерием, позволяющим отнести предприятие к малым, является численность работников¹.

При этом в некоторых странах численность работников выступает единственным критерием для отнесения предприятия к малому. Например, данный единственный критерий используется в таких странах, как Канада, Австралия, Новая Зеландия и некоторых других². В частности, Канада вообще не использует финансовые критерии для типологизации субъектов малого предпринимательства, а только количество работников, которое не должно превышать 499. В Японии для отнесения предприятия к малому бизнесу наряду с количеством работников учитывается также отраслевая принадлежность. Согласно японскому законодательству (Основной закон о МСП), микропредприятие не должно превышать пяти сотрудников в сфере торговли и услуг, а в производственной сфере число сотрудников не должно превышать 20 человек. Количественные характеристики в китайском законодательстве значительно превышают европейские критерии³.

Европейские критерии отнесения предприятий к субъектам малого и среднего бизнеса были утверждены в 2003 году. В Европейском Союзе принято классифицировать предприятия на микробизнес, с числом работающих до 9 человек; малый бизнес, где численность работников колеблется от 10 до 49 человек; средний бизнес, в котором занято от 50 до 249 человек. Для всех категорий предприятий годовой оборот не должен

превышать 40 млн евро, а величина активов составляет менее 27 млн евро. Международная организация экономического сотрудничества и развития (далее ОЭСР) основывается на несколько иных подходах к классификации предприятий малого и среднего бизнеса. Согласно данным ОЭСР, предприятия, на которых трудятся до 19 человек, названы «весьма малыми», до 99 человек работников позволяют отнести предприятие к малым, от 100 до 499 трудящихся представляют средний бизнес, а свыше 500 — крупный⁴.

В США критерии отнесения предприятий к субъектам малого бизнеса взаимосвязаны не только с конкретной численностью работников, но и с другими показателями, к которым относятся количество владельцев фирмы, степень их самостоятельности, величина активов фирмы, ее годовая прибыль, а также определенная позиция на рынке. В частности, для отнесения фирмы в США к малому бизнесу численность ее сотрудников не должна превышать пятьсот человек, величина активов не должна превышать пяти млн. долларов, годовая прибыль не может быть более двух млн. долларов и фирма не должна занимать лидирующую позицию на рынке⁵.

Необходимо отметить такую тенденцию в развитии малого бизнеса в современных условиях как широкое распространение семейного и надомного бизнеса, что заметно и в России (так называемые самозанятые граждане). Научно-технический прогресс существенно расширил возможности ведения бизнеса в домашних условиях. В настоящее время более 200 видов предпринимательской деятельности может осуществляться в форме семейного или надомного бизнеса. Так, в США наибольшая доля надомного бизнеса включает образовательные, юридические, медицинские и строительные услуги. Их доля — 53,8 %. Иные виды услуг, включая компьютерные, бухгалтерские, консультационные составляют 30 %. Розничной торговлей заняты 11,8 % малых семейных предприятий, а традиционным надомным ремеслом лишь 4,4 %.⁶

На критерии отнесения предприятия к малому бизнесу во многих оказывает влияние и отраслевая направленность деятельности. Так, в обрабатывающей и добывающей промышленности определяющую роль играет численность трудящихся, а таких отраслях как строительство, услуги и торговля наибольшее значение имеет величина активов и годовой оборот.

⁴ Organisation for Economic Co-operation and Development. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oecd.org/index.html>

⁵ Мурыгина Л.С. Транснациональный бизнес в условиях глобализации мирового хозяйства // Управление инвестициями. — 2009. — №2. — С.10–17.

⁶ Тихомирова О.Г. Глобализация и малый бизнес: новые возможности для малых и средних предприятий // Менеджмент в России и за рубежом. — 2011. — №3. — С. 81.

¹ Лагушта М.Г. Предпринимательство: учебник. — М.: ИНФРА-М, 2013. — С. 167.

² Глухов К.В., Смолина Д.А. Вопросы типологизации субъектов малого и среднего предпринимательства в России и за рубежом // Вестник университета. — 2022. — № 8. — С. 98.

³ Глухов К.В. Указ соч. — С. 98.

Малые предприятия играют важную роль в экономике всех стран мира. Значение малого бизнеса для экономики зарубежных стран определяется тем, что данные предприятия обеспечивают 2/3 прироста новых рабочих мест, что позволяет бороться с безработицей⁷. Кроме того, для малых предприятий характерна высокая гибкость и приспособляемость к изменениям требований рынка, а также выраженная инновационная активность. Сферой функционирования малого бизнеса является, как правило, узкоспециализированное, мелкосерийное производство, а производимая продукция удовлетворяет ограниченный спрос небольшой группы потребителей. Сектор малого бизнеса представляет самую разветвленную сеть предприятий и индивидуальных предпринимателей, действующих в основном на местных рынках и непосредственно связанных с массовым потребителем товаров и услуг.

Таким образом, малые предприятия являются необходимой составляющей эффективной экономики, поддерживая и дополняя друг друга, создающей основу для развития крупного бизнеса, влияя при этом стабилизацию социально-экономической и политической ситуации в государстве. Также государственная поддержка малого бизнеса во многих странах позиционируется в качестве эффективной меры, способствующей борьбе с обнищанием населения и даже террористической угрозой. Некоторые развивающиеся страны, например, Албания, Индия, Бразилия, рассматривают государственную поддержку малого бизнеса, как метод борьбы с безработицей и бедностью населения⁸.

Возможность эффективного функционирования малого бизнеса зависит от сложившихся в различных государствах принципов правового регулирования данного сегмента предприятий. Рассмотрим основные подходы к установлению правовых основ ведения малого бизнеса в зарубежных странах.

В Германии предпринимательскую деятельность регламентируют два основных документа: Торговый кодекс (Handelsgesetzbuch, сокращенно HGB), и Гражданское уложение Германии (ГГУ) от 18.08.1896 Bürgergesetzbuch, сокращенно BGB). Несмотря на то, что указанные законы были приняты еще в конце XIX в., они, с поправками и пояснениями, действуют и в настоящее время без изменения своего основного содержания.

Более подробно создание и деятельность общества с ограниченной ответственностью регламенти-

⁷ Государственная политика в сфере развития национальной и региональной систем поддержки малого предпринимательства в России и за рубежом: монография. Под общ. ред. Овчинниковой О.П. — Орел, 2014. — С. 12.

⁸ Зангеева С.Б. Польза и преимущества зарубежного опыта поддержки и развития малого и среднего бизнеса применительно к России // Финансы и кредит. — 2004. — №14. — С. 18.

рует Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (сокращенно — GmbH Gesetz), принятый 20 апреля 1892 г. Что касается регулирования государственного контроля за созданием и деятельностью малого бизнеса, то в марте 2009 года был принят федеральный закон «Об устранении бюрократических препятствий и уменьшении налогового бремени для малых и средних предприятий»⁹. Аналогичные правовые условия существуют еще в одном высокоразвитом европейском государстве — во Франции. Правовую основу ведения малого бизнеса закладывает законодательный акт XIX века — Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804. В качестве основной формы поддержки государство избрало стимулирование инвестиций в малый бизнес¹⁰.

Еще одним немаловажным фактором в развитии малого бизнеса в зарубежных странах является государственная поддержка таких предприятий. Целью поддержки малого бизнеса является поиск оптимального соотношения интересов бизнеса, общества и государства. Особое значение поддержка малого бизнеса со стороны государства приобретает в индустриально развитых странах. В исследованиях, относящихся к вопросам государственной поддержки малого бизнеса, традиционно выделяют пять основных направлений, по которым осуществляется политика государства по поддержке малого бизнеса — это государственное субсидирование, налоговое стимулирование, государственные закупки, таможенно-тарифное регулирование и стандартизация¹¹. Универсальность указанных направлений государственной поддержки позволяет применять их в различных отраслях экономики, преследуя при этом как собственно экономические, так и социальные цели.

Другая исследовательская позиция, которая представляется нам более обобщенной, фокусируется на двух основных направлениях государственной поддержки малого бизнеса — сокращении административных барьеров и развитии инфраструктуры¹². Действи-

⁹ Гималетдинова К. А., Свинцицкая Е. В. Правовое регулирование и государственная поддержка малого предпринимательства в Германии // Проблемы науки. — 2019. — №1 (37). — С. 77.

¹⁰ Усенков И. А. Правовое регулирование и государственная поддержка малого бизнеса во Франции // Концепт. — 2018. — №7. — С. 156. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-i-gosudarstvennaya-podderzhka-malogo-biznesa-vo-frantsii>.

¹¹ Королев А.А., Колосова В.А. Особенности правового положения субъектов малого и среднего предпринимательства за рубежом и правовые проблемы реализации зарубежного опыта в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. — 2020. — Т. 16. — № 4. — С. 133.

¹² Геворгян Л.С., Гоненко Д.В. Международный опыт государственной поддержки малого и среднего предпринимательства // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2023. — № 5. — Т. 5. — С. 33.

тельно, снятие административных барьеров для бизнеса и создание необходимой инфраструктуры, зачастую выступают решающими факторами для организации малого бизнеса.

Значимым аспектом и отдельным направлением государственной поддержки малого бизнеса за рубежом является также налоговая политика государства в контексте снижения налогового бремени. Многие европейские страны, включая Германию, Бельгию, Португалию, Испанию, Нидерланды и другие, с конца 2000-х годов постепенно проводили реформы, направленные на снижение налогового бремени с целью повышения предпринимательской активности в сфере малого бизнеса. Наряду с этим европейские страны пошли по пути оптимизации системы регистрации прав собственности, снизив процедурные аспекты регистрации собственности в странах ЕС практически в три раза по сравнению со среднемировыми показателями¹³.

Помимо налоговых льгот и преференций за рубежом малому бизнесу оказывается прямая и косвенная финансовая поддержка. Непосредственную финансовую помощь малому бизнесу в зарубежных странах традиционно оказывают специализированные структуры и фонды. Например, в США действует Администрация малого бизнеса, в Японии функционирует Корпорация страхования малого и среднего предпринимательства. Второе направление, связанное с косвенной государственной поддержкой малого бизнеса, предусматривает государственные гарантии кредита для различных бизнес-проектов. Широкое применение кредитных программ со стороны государства используется в Англии, Германии, США, Японии¹⁴.

Как показывает выше приведенный анализ зарубежного законодательства, в государствах с развитой системой малых предприятий реализованы такие виды государственной поддержки как создание государственных структур, занимающихся решением проблем малого бизнеса и помогающих наладить производство и управлять делами предприятия. Также весьма важны различные виды финансовой помощи малому бизнесу, инвестирование в начинающие предприятия, различные банковские продукты, ориентированные на мелкого предпринимателя. Стимулирую малый бизнес за рубежом и путем снижения налогового бремени в виде различных льгот. Помощь государства может осуществляться в виде со-

¹³ Макарова Ю.Л., Матвеев В.В., Данилова Н.Е. Формы и методы государственного регулирования и поддержки малого и среднего предпринимательства в России и за рубежом // Естественно-гуманитарные исследования. — 2022. — № 41. — С. 210.

¹⁴ Прокопьев А.В., Чернышова Т.Н. Эффективные механизмы государственной поддержки малого предпринимательства за рубежом // Инновационное развитие экономики. — 2018. — № 6. — С. 206.

действия в получении заказов мелкими фирмами; создания условия для доступа к инновационным разработкам и информационным ресурсам, технологической помощи. Консультирование начинающих предпринимателей также способствует сохранению малых предприятий, ведь статистика показывает, малый бизнес один из самых рискованных, и более половины мелких предприятий прекращают свое существование в течение шести лет. Зачастую предпринимателям не хватает знаний и опыта в коммерческой сфере. С течением времени шансы на успех малой фирмы повышаются, поэтому воспользоваться помощью опытного консультанта и преодолеть кризисные начальные годы так важно для начинающих малых предпринимателей.

Например, в США развита система инфраструктурной поддержки бизнеса. Институциональным базисом инфраструктурной поддержки бизнеса в США являются два государственных органа — Торговая палата США и Агентство Малого Бизнеса, имеющие разветвленную филиальную сеть по всей стране. Правительство США оказывает действенную финансовую поддержку указанным государственным организациям. Также в систему инфраструктурной поддержки малого бизнеса в США входят бизнес-инкубаторы, которые активно поддерживаются местными органами власти¹⁵.

В Японии, при традиционно высокой концентрации малых предприятий, определен специальный перечень фирм, на которые распространяются меры государственной поддержки в рамках действия рыночных механизмов¹⁶. В частности, в Японии создано специальное Агентство малого и среднего предпринимательства «SMEA», которое ориентировано на инфраструктурную поддержку малого бизнеса, представляя при этом непосредственно Правительство Японии¹⁷. При этом Агентство активно сотрудничает с другими государственными и исследовательскими организациями. Кроме того, в Японии функционирует Ассоциация малых и средних предприятий, а также координирующую роль играет независимая Организация поддержки малого и среднего предпринимательства и инновационного развития регионов Японии. Все эти организации в совокупности создают единую систему государственной инфраструктурной поддержки бизнеса¹⁸.

¹⁵ Ивойлова И.В. Некоторые меры поддержки малого и среднего предпринимательства за рубежом и в России // Журнал экономики и бизнеса. — 2021. — № 9-1. — С. 94–95.

¹⁶ Зангеева С.Б., Романова Е.М. Польза и преимущества зарубежного опыта поддержки и развития малого и среднего бизнеса применительно к России // Финансы и кредит.—2004.— №14 (152). — С.64.

¹⁷ Шарафиева Л.И., Волкова Т.Г. Анализ государственной поддержки малого предпринимательства в современных условиях // Вестник Удмуртского университета. — 2022. — Т. 32. — № 5. — С. 863.

¹⁸ Ивойлова И.В. Указ. соч. — С. 96.

Обобщив зарубежный опыт правового регулирования и государственной поддержки малого предпринимательства, можно выделить следующие основные формы:

- нормативно-правовая регламентация;
- функционирование специализированных государственных структур, ориентированных на адресную помощь субъектам малого бизнеса;
- прямая и опосредованная помощь малому предпринимательству со стороны государства;
- расширенные программы информационно-консультационной поддержки бизнеса;
- отдельные государственные программы и институты для поддержки малых предприятий в инновационных отраслях экономики.

Таким образом, рассмотрение отдельных особенностей правового регулирования и государственной поддержки малого бизнеса в зарубежных странах, можно сделать вывод, что малый бизнес в зарубежных странах сталкивается с рядом проблем, часть из которых хорошо известна российским предпринимателям. Благодаря тому, что развитие предпринимательства в рассмотренных странах имеет длительную непрерывную историю, им удалось накопить опыт правового регулирования и поддержки малого бизнеса, который может быть применен в российских реалиях с учетом национальных тонкостей и особенностей. Использование данного опыта может способствовать созданию и успешному развитию малого бизнеса в условиях отечественной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геворгян Л.С., Гоненко Д.В. Международный опыт государственной поддержки малого и среднего предпринимательства // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2023. — № 5. — Т. 5. — С. 32–44.
2. Гималетдинова К.А., Свиницкая Е.В. Правовое регулирование и государственная поддержка малого предпринимательства в Германии // Проблемы науки. — 2019. — №1 (37). — С. 76–78.
3. Глухов К.В., Смолина Д.А. Вопросы типологизации субъектов малого и среднего предпринимательства в России и за рубежом // Вестник университета. — 2022. — № 8. — С. 94–103.
4. Государственная политика в сфере развития национальной и региональной систем поддержки малого предпринимательства в России и за рубежом: монография. Под общ. ред. Овчинниковой О.П. — Орел, 2014. — 292 с.
5. Зангеева С.Б., Романова Е.М. Польза и преимущества зарубежного опыта поддержки и развития малого и среднего бизнеса применительно к России // Финансы и кредит. — 2004. — №14 (152). — С. 63–71
6. Ивойлова И.В. Некоторые меры поддержки малого и среднего предпринимательства за рубежом и в России // Журнал экономики и бизнеса. — 2021. — № 9-1. — С. 94–100.
7. Кроролев А.А., Колосова В.А. Особенности правового положения субъектов малого и среднего предпринимательства за рубежом и правовые проблемы реализации зарубежного опыта в Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. — 2020. — Т. 16. — № 4. — С. 132–136.
8. Лапуста М.Г. Предпринимательство: учебник. — М.: ИНФРА-М, 2013. — 383 с.
9. Макарова Ю.Л., Матвеев В.В., Данилова Н.Е. Формы и методы государственного регулирования и поддержки малого и среднего предпринимательства в России и за рубежом // Естественно-гуманитарные исследования. — 2022. — № 41. — С. 205–212.
10. Мурыгина Л.С. Транснациональный бизнес в условиях глобализации мирового хозяйства // Управление инвестициями. — 2009. — №2. — С.10–17.
11. Прокопьев А.В., Чернышова Т.Н. Эффективные механизмы государственной поддержки малого предпринимательства за рубежом // Инновационное развитие экономики. — 2018. — № 6. — С. 204–210.
12. Тихомирова О.Г. Глобализация и малый бизнес: новые возможности для малых и средних предприятий // Менеджмент в России и за рубежом. — 2011. — №3. — С. 81.
13. Усенков И.А. Правовое регулирование и государственная поддержка малого бизнеса во Франции // Концепт. — 2018. — №7. — С. 155–159. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-i-gosudarstvennaya-podderzhka-malogo-biznesa-vo-frantsii>.
14. Шарафиева Л.И., Волкова Т.Г. Анализ государственной поддержки малого предпринимательства в современных условиях // Вестник Удмуртского университета. — 2022. — Т. 32. — № 5. — С. 862–867.
15. Organisation for Economic Co-operation and Development. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oecd.ru/org/index.html>

© Плахов Артем Владимирович (plahov_a@mail.ru); Холодов Владимир Александрович (vohol1@rambler.ru);

Васильев Владислав Алексеевич (dron-farm2018@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ РЕЦЕПЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ РИМСКОГО НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ

Романова Наталья Владимировна
старший преподаватель, СЗИУ РАНХиГС,
г. Санкт-Петербург
romanova-nav@ranepa.ru

ANALYSIS OF THE RECEPTION OF CERTAIN PRINCIPLES OF ROMAN INHERITANCE LAW IN THE EUROPEAN LEGAL TRADITION

N. Romanova

Summary. Roman law is still an important source of knowledge of current law, it is the basis of all modern continental codifications of civil law, as well as the indisputable core of private law. The same applies to inheritance law. This article is devoted to the analysis of certain principles of Roman inheritance law and their reflection in the legal systems of Central Europe.

Among the principles devoted to, and to which they are directly related, are the principle of compulsory share and the principle of *nemo pro parte testatus, pro parte intestatus decedere potest*. Since Roman law is considered to be the unrivaled model in many modern codifications of civil law, it is pertinent to consider the extent to which contemporary European law is genuinely inspired by Roman law, despite a declared return to its Roots.

The purpose of the article is to formulate each of these principles of Roman law and to describe its development over time, as well as to analyze the relevant provisions of the codes, in particular the Austrian General Civil Code of 1811, with an emphasis on whether the relevant principles were adopted «donor» or perhaps the legislator of the XIX turned away from them. This study is necessary for understanding the current legislation and opens up space for other questions, including the suitability of the modern concept of inheritance law.

Keywords: Reception of law, reception, legal transplantation, law and society, success of the reception of law, inheritance law, reception of the provisions of Roman law on inheritance, European legal tradition.

Аннотация. Римское право до сих пор является важным источником знания действующего права, оно является основой всех современных континентальных кодификаций гражданского права, а также неоспоримым стержнем частного права. То же самое относится и к наследственному праву. Данная статья посвящена анализу отдельных принципов римского наследственного права и их отражение в правовых системах Центральной Европы. К числу принципов, посвященных наследованию, и с которыми они непосредственно связаны, относятся принцип обязательной доли и принцип *nemo pro parte testatus, pro parte intestatus decedere potest*. Поскольку римское право считается непревзойденной моделью во многих современных кодификациях гражданского права, уместно рассмотреть, в какой степени современное европейское законодательство действительно вдохновлено римским правом, несмотря на декларируемое возвращение к его корням. Цель статьи состоит в том, чтобы сформулировать каждый из этих принципов римского права и описать его развитие с течением времени, а также проанализировать соответствующие положения кодексов, в частности Австрийского Общего гражданского кодекса 1811 года, с акцентом на то, были ли приняты соответствующие принципы «донорскими», или, возможно, законодатель XIX отвернулся от них. Данное исследование необходимо для понимания действующего законодательства и открывает пространство для других вопросов, в том числе о пригодности современной концепции наследственного права.

Ключевые слова: Рецепция права, рецепция, правовая трансплантация, право и общество, успешность рецепции права, наследственное право, рецепция положений римского права о наследовании, европейская правовая традиция.

Введение

Под наследованием в римском праве понимается переход прав и обязанностей от умершего к наследникам, как утверждал Юлиан, что «наследство есть не что иное, как вступление ко всем правам, которыми обладал умерший». Важно подчеркнуть юлиановское выражение *universum*, которое доказывает, что римское наследование связано с принципом всеобщей преемственности, т.е. наследования всего сословия (*hereditas*), а не единичного наследования. Это подтверждают и установления Гая [6, с. 563].

Наследственное право континентального типа проистекает из древнего конфликта двух противоречащих друг другу принципов — принципа приобретательской свободы и принципа «семейственности» в наследственном праве.

С одной стороны, есть автономия воли наследодателя, с другой — семья наследодателя, ее отношения к умершему и ее безопасность, в том числе экономическая.

Катержина Роновска и Властимил Пихера говорят о праве законных наследников, ссылаясь на Эмануэля

Тильша и Кнута Вернера Ланге, как о некоем компромиссе между «старым принципом семейной собственности как собственности семейной общины («das Gut rinnt wie das Blut»), с одной стороны, и более молодым принципом неограниченной свободы приобретения наследодателем, с другой» [9, с. 520–525]. Таким образом, руководящий принцип волевой автономии ограничен регулированием прав законных наследников, которые связаны либо с сохранением определенной части имущества законными наследниками посредством так называемого «резерва» (например, французский *réserve* в Гражданском кодексе и основанных на нем правовых кодексах) либо посредством обязательной доли (*pflichtteil* в немецкоязычном регионе, *zachowek* в польском праве и т.д.) [1, с. 99].

Общий гражданский кодекс (*Allgemeines bürgerliches Gesetzbuch*, далее именуемый ABGB), обнародованный Императорским указом Франциска I под No 946/1811 Coll., рассматривает наследственное право во втором томе, главы с восьмой по пятнадцатую почти в трехстах разделах. Принцип обязательной доли, т.е. доли, на которую имеет право претендовать так называемый законный наследник несмотря на то, что она не была ему сохранена, как проявление ознакомления с правом наследования, также известен в ABGB, в четырнадцатой главе под названием «*Von dem Pflichttheile und der Anrechnung in den Pflicht — oder Erbtheil*», включая §§ 762–796 [15, с. 324].

О том, в какой степени отдельные части этого принципа воспринимаются или вдохновляются римским правом, будет подробно рассказано ниже, а вот утверждение о том, что австрийское наследственное право, закрепленное в ABGB, а также, например, прусский *ланддрехт*, в случае принципа обязательной доли связывает общее решение этого принципа с римским правом, отличающимся лишь деталями, можно найти в юридической литературе XIX века. Эти правовые системы связаны решением принципа обязательных долей, который, хотя и позволяет наследодателю свободно распоряжаться своим имуществом, ограничивает его по отношению к семье, что в юридической литературе рассматривается не только как исполнение воли законодателя, но и как служение закону нравственности [13]. Осведомленность о римском правовом принципе обязательной доли была неоспоримой, и в комментарии, опубликованном через девять лет после вступления в силу ABGB, признаются римско-правовые корни принципа обязательной доли, тем самым подтверждая его принятие современным австрийским гражданским правом [7, с. 89]. Венский учебник гражданского права 1834 года также подтверждает принятие принципа обязательной доли [14, с. 295]

Согласно ABGB, дети (или потомки) умершего, или его родители (или родственники по восходящей линии),

считаются законными наследниками, а, если прямых потомков нет, то лица отвечающие требованию правопреемства «как только у этих лиц возникает право и порядок правопреемства наследства».

Австрийское право, как и римское, предусматривало обязательную долю для тех лиц, которые имели неотъемлемое право на обеспечение умершим.

Что касается потомков, то они имеют право на половину законной доли в качестве обязательной доли в соответствии с разделом 765 и треть законной доли наследодателя. Тем не менее, даже существующее австрийское общее право было знакомо с институтом «обязательной доли» до принятия ABGB, но оно применялось только к детям покойного. И не только на территории Австрии, но и в районе Галиции. Статья 562 Гражданского кодекса Галиции предусматривает, что супруг умершего является абсолютным наследником [5, с. 8–11].

ABGB отказался от этой концепции и, как уже было сказано, предусмотрел в статье 762, что только дети и родители являются законными наследниками, в то время как супруг имеет право только на достойное содержание в соответствии со статьей 796 ABGB.

Тем не менее, обязательная доля в концепции ABGB не является формальным или материальным правом абсолютного наследника, как это было известно в древнеримском праве, а представляет собой простое требование такого наследника к наследникам по завещанию, тем самым склоняясь к концепции Юстиниана [8, с. 123].

Что касается распространения термина «дети» на внуков и правнуков, а также понятия «родители» на всех бабушек и дедушек, а также равенства мужчин и женщин и незаконнорожденных, как это предусмотрено в статье 763, то ABGB никоим образом не отступил от предыдущего австрийского законодательства [7, с. 89].

Необходимо обратить внимание на статью 767 ABGB, которая предусматривает, что право на обязательную долю не имеет лицо, которое отказалось от права наследства, исключено из него или надлежащим образом лишено наследства. Здесь можно говорить о принятии по отношению к должным образом лишенному наследства лицу, которое тем самым также теряло право на обязательную долю и в римской правовой традиции.

Если речь шла о прижизненном дарении наследодателя с целью сокращения срока наследования наследника, то данная правовая конструкция не была новой для австрийского права и были реципирована из римского права, а именно: из отрывка из Послания Павла мы знаем, что в таком случае римский закон предписывает вернуть половину имущества, пожертвованного таким

образом, чтобы покрыть обязательные доли законных наследников [16].

Статья 785 ABGB позволяет законному наследнику — потомку требовать добавления всех пожертвований к имуществу, чтобы его обязательная доля могла быть рассчитана из этой суммы. Если обязательная доля, рассчитанная таким образом, настолько высока, что наследственной массы недостаточно для ее покрытия, законный наследник может, в соответствии с параграфом 951 ABGB, потребовать передачи прижизненного дара для покрытия недостачи в обязательной доле, в то время как одаряемый имеет права на отказ, выплатив соответствующую компенсацию.

Четырнадцатая глава ABGB, касающаяся обязательной доли, также касается лишения наследства, которое представляет собой законно выраженное волеизъявление, направленное на изъятие обязательной доли или ее части, которое может быть сделано письменно или устно. В нем, в частности, указываются причины лишения наследства как ребенка (потомка) в § 768, так и родителей (родственников) в § 769 [8, с. 134].

ABGB предусматривает положения о том, что недостойное лицо вообще не имеет права на обязательную долю в наследстве. В § 540, который, объявляет недостойным наследником лицо, которое «злонамеренно причинило вред завещателю, его детям, родителю или его супруге злой умыслом чести, телу или имуществу...», если оно не было прощено, и здесь мы видим рецепцию римского права Юстиниана.

Положение § 542 ABGB, которое объявляет недостойным, т.е. лишенным наследства по § 770 лицо, которое «заставило или обманным путем соблазнило завещателя выразить свою последнюю волю, препятствовало объявлению или изменению последней воли или скрыло уже установленную от него последнюю волю», может быть прочитано как отражение вышеупомянутой нормы римского права.

Основание для лишения наследства, состоящее в отступничестве от христианства, которое было установлено § 768, мы видим рецепцию положений римского права. Закон Юстиниана включал отступничество от христианства, которое он считал ересью, в число исчерпывающих оснований для лишения наследства, на которое претендовали наследники [12].

Однако, в то время как австрийский кодекс не оговаривал, что должно произойти в случае, если такой лишенный наследства потомок вернется в лоно Церкви, римское право предусмотрительно учитывало и это.

В случае лишения наследства родителей как законных наследников свои детей в соответствии с ABGB к ним

применяются те же основания в соответствии со статьей 769, что и к лишению наследства детей, только они применяются в случае пренебрежения воспитанием.

Согласно лингвистическому толкованию положений, такое пренебрежение образованием является более широким понятием, чем пренебрежение, как оно известно в Конституции Юстиниана, которая рассматривает в качестве основания для лишения родителей наследства только ситуацию, когда родители пренебрегли заботой о ребенке, страдающем психическим заболеванием.

В параграфе 771 ABGB требуется, чтобы причина лишения наследства всегда была доказана и обоснована наследником, независимо от того, была ли она выражена покойным или нет. Что касается модели римского права в отношении этого требования к наследникам по завещанию, то римская юридическая литература придерживается мнения, что закон Юстиниана возлагал бремя доказывания на такого наследника только в том случае, если причина лишения наследства оспаривалась [3, с. 467].

Таким образом, принцип обязательной доли является некой формой социальной защиты наследников, не упомянутых в завещании, которое отдает приоритет незащищенным наследникам над абсолютной свободой наследодателя распоряжаться своим имуществом совершенно произвольно в случае его смерти. Его цель — обеспечить ближайших членов семьи умершего — так называемых законных наследников. Таким образом, обязательная доля всегда является частью имущества, оставленного или подлежащего истребованию, размер которого зависит от размера предусмотренной законом доли наследника (подлежащего обращению). В этом отношении рассмотренные правовые системы не отличаются, если отвлечься от самого начала развития римского права, которое характеризовалось абсолютной свободой наследодателя, которая, однако, вскоре исчезла в связи с развитием так называемых формальных или материальных прав наследования.

Разница в понимании обязательной доли и положения самого законного наследника в сравниваемых правовых системах заключается в самом факте того, является ли этот наследник истинным наследником. Из приведенного толкования следует, что в то время, как в праве Юстиниана такой «абсолютный» наследник действительно являлся наследником, или было оговорено, что такой абсолютный наследник имеет право быть назначенным наследником, классическое римское право и европейский ABGB, который был вдохновлен римскими положения о наследовании, сделали «законного» наследника просто должником по отношению к «обязательным» наследникам умершего, тем самым поставив под сомнение саму концепцию законного завещательного наследства.

Что же касается связи между двумя основаниями лишения, то римское наследственное право явно знало, то оно развивалось вместе с римским обществом, которое оно отражало и которому служило. Наследование по завещанию быстро завоевало свое место и стало привилегированным. Первоначальная концепция абсолютной свободы завещания со временем была отброшена, и наследодатель был связан многими правилами, среди которых важное место занимают законные наследники и их формальные и материальные права, а также возможности их правовой защиты. Одновременное использование обоих наследственных институтов было исключено одним из основополагающих принципов наследственного права *nemo pro parte testatus, pro parte intestatus decedere potest* в связи с их фундаментальным противоречием и несовместимостью.

Принцип не позволял, чтобы помимо наследников по завещанию, если все имущество не было исчерпано по завещанию, существовали иные наследники, и даже в таком случае назначенные наследники становились наследниками всего имущества. Однако из этого четкого принципа был ряд исключений, при этом обращалось внимание на институт так называемого «военного» завещания и, в связи с принципом обязательной доли, также на приобретение имущества по завещанию. Эти два исключения призваны продемонстрировать тот факт, что даже римское право знало случаи, когда основной принцип был отменен и были разработаны институты, которые позволяли обоим основаниям для наследования существовать бок о бок.

Например, с помощью «военного» завещания государь предоставлял солдатам возможность пользоваться этой привилегированной формой завещания, установление которой не соответствовало такому количеству формальных условий, как установление классического завещания по гражданскому праву. По этому завещанию солдат мог оставить свое имущество более широкому кругу наследников, чем это было принято. Вторым ис-

ключением, на которое обращают внимание, в связи с этим принципом, является наследование по завещанию, которое было получено наследниками, неуказанными в завещании если они просили претора предоставить его. В конечном итоге, наследство де-факто приобрели те, кто не был указан в завещании, т.е. наследование происходило против воли наследодателя.

Таким образом, связь между этими двумя последовательностями в римском праве была очень сложной. С одной стороны, существует его чистая форма, в которой две причины для создания не могли существовать бок о бок, и в то же время существовало более одного исключения. Было интересно проследить дальнейшее развитие этой взаимосвязи двух последовательностей вплоть до настоящего времени или сравнить римские правовые основания с современным законодательством и проследить, к какому выбору склонялся законодатель в отдельных континентальных правовых порядках, будь то первоначальная формулировка *maxima nemo pro parte testatus, pro parte intestatus decedere potest* или в принцип одного из исключений. В отличие от принятой в Римском праве концепции совмещения двух наследственных правопреемств, современная правовая система отступила от этого принципа в отношении свободы наследодателя, которая также заключается в свободе не составлять завещание на все имущество, а оставить часть, которая будет унаследована по закону.

Вывод

Можно сделать вывод, что положения о наследовании, содержащиеся в современных гражданских кодексах континентальной Европы, где ранее распространяла свою юрисдикцию Австрийская империя в подавляющем большинстве случаев были реципированы положениями ABGB, которые, во многих случаях заимствовали римское наследственное право, будь то классическое римское право или юстиниановское.

ЛИТЕРАТУРА

1. ELIÁŠ, Karel. Základní pojetí návrhu úpravy dědického práva pro nový občanský zákoník. In: Ad notam. Notářský časopis. Ročník 9, 27. 10. 2003, č. 5/2003, s. 97–104.
2. HONSELL, Heinrich: Römisches Recht. 8. vydání. Berlin/Heidelberg: Springer-Verlag, 2015. ISBN 978-36-6245-869-3.
3. HONSELL, Heinrich, Theo MAYER-MALY a Walter SELB. Römisches Recht. 4. vydání. Berlin/Heidelberg/New York/London/Paris/Tokyo: Springer-Verlag, 1987. ISBN 978-35-4016-866-9.
4. HORÁK, Ondřej. Tzv. nepominutelný dědic v novém občanském zákoníku. In: Právní rozhledy. 2014, č. 11, s. 381–386. In: beck-online [právní informační systém]. Nakladatelství C. H. Beck [cit. 2020-03-17].
5. HORÁK, Ondřej. K. A. Martini a první moderní úprava dědického práva. Ke 220. výročí (západo)haličského občanského zákoníku. In: Ad notam. Časopis českého notářství. Ročník 23, 20. 12. 2017, č. 6/2017, s. 8–11.
6. KASER, Max. Das römische Privatrecht. Erster Abschnitt. Das altrömische, das vorklassische und klassische Recht. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1955.
7. LINDEN, Joseph. Das früher in Oesterreich übliche gemeine und einheimische Recht nach der Paragraphenfolge des neuen bürgerlichen Gesetzbuches. 2. díl. Wien/Triest: Verlag der Geisteringer'sche Buchhandlung, 1820.
8. MAYR-HARTING, Robert. Soustava občanského práva. Kniha pátá. Právo dědické. Brno: Barvič & Novotný, 1927.

9. RONOVSÁ, Kateřina a Vlastimil PIHERA. (Ne)pominutelný dědic. Kontroverze, rizika a možnosti změn. In: Právní rozhledy. 2019, č. 15–16, s. 520–525. In: beck-online [právní informační systém]. Nakladatelství C. H. Beck [cit. 2020-05-28].
10. ROUČEK, František a Jaromír SEDLÁČEK. Komentář k Československému obecnému zákoníku občanskému a občanské právo platné na Slovensku a v Podkarpatské Rusi. Komentář k § 531–§ 551 Obecného občanského zákoníku. In: CODEXIS [právní informační systém]. ATLAS consulting [cit. 2020-03-10].
11. ROUČEK, František a Jaromír SEDLÁČEK. Komentář k Československému obecnému zákoníku občanskému a občanské právo platné na Slovensku a v Podkarpatské Rusi. Komentář k § 727–§ 761 Obecného občanského zákoníku. In: CODEXIS [právní informační systém]. ATLAS consulting [cit. 2020-03-10].
12. ROUČEK, František a Jaromír SEDLÁČEK. Komentář k Československému obecnému zákoníku občanskému a občanské právo platné na Slovensku a v Podkarpatské Rusi. Komentář k § 762–§ 796 Obecného občanského zákoníku. In: CODEXIS [právní informační systém]. ATLAS consulting [cit. 2020-03-10].
13. SCHULTZENSTEIN, Max. Beiträge zur Lehre vom Pflichttheilsrecht. Berlin: Verlag von J. Guttentag, 1878.
14. VON WINIWARDER, Joseph. Das österreichische bürgerliche Recht: Des dinglichen Sachenrechtes nach dem österreichischen allgemeinen bürgerlichen Gesetzbuche. 2. část. Wien: J.G. Ritter von Mösele sel. Witwe, 1834.
15. Obecný zákoník občanský císařství Rakouského ku potřebě každého občana vysvětlen a potřebnými formuláři opatřen od praktického právníka. Praha: Mikuláš a Knapp, 1874.
16. Dig. 31.87.3 Paulus lib. 14 resp.
17. císařský patent č. 946/1811 Sb. z. s., všeobecný zákoník občanský
18. dvorský dekret č. 781/1844 Sb. z. s.

© Романова Наталья Владимировна (romanova-nav@ranepa.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАНЫХ С ПОМОЩЬЮ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

FEATURES AND PERSPECTIVES OF LEGAL REGULATION IN RUSSIA OF THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY CREATED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

V. Stepanenko

Summary. The article provides a characteristic of the results of intellectual activity (RIA) created using artificial intelligence as objects of innovation and innovative activity, the features and prospects of further settlement of such RIA in the context of innovation in Russian law are analyzed, and a comparative legal characteristic of the legal status of RIA created using AI in some foreign legal systems.

Keywords: the results of intellectual activity, patent law, copyright law, invention, innovation, artificial intelligence, neural networks.

Степаненко Владислав Вячеславович

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации (Москва)
vladislav-stepanenko01@yandex.ru

Аннотация. В статье дается характеристика созданным с помощью искусственного интеллекта результатам интеллектуальной деятельности как объектов инноваций и инновационной деятельности, анализируются особенности и перспективы урегулирования правового статуса таких РИД в контексте инноваций в российском праве и дается сравнительно-правовая характеристика правового статуса РИД, созданных с помощью ИИ, в некоторых зарубежных правовых системах.

Ключевые слова: результаты интеллектуальной деятельности, патентное право, авторское право, изобретения, инновации, искусственный интеллект, нейросети.

Технологии искусственного интеллекта (здесь и далее по тексту — ИИ) являются одним из видов подрывных инноваций, которые приводят не просто к значительным изменениям в экономике и в промышленности, но и создают новый рынок. Это подчеркивается в указе Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»: так, п. 17¹ Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года особо отмечает роль ИИ как катализатора роста экономики и ускорения инноваций [2]. Технологии генеративного искусственного интеллекта породили целый ряд сервисов, предлагающих создание по запросу пользователя (промпту) разнообразного контента, включающего текст, музыку, анимацию, изображения и т.д. К ним относятся, например, Gamma. AI для создания презентаций, Suno AI для генерации музыкальных произведений и даже текста к ним и другие. Такие нейросети, как Midjourney, DALL-E, ChatGPT, а также российские YandexGPT, Kandinsky, GigaChat и другие в настоящее время все больше применяются при решении рабочих задач, хотя нельзя с полной уверенностью говорить о возможности их использования в качестве универсального и ультимативного рабочего инструмента из-за допускаемых искусственным интеллектом оши-

бок, приводящих к необходимости повторной проверки и последующей редакции полученного результата.

Также уже существующие программы ЭВМ, используемые при создании медиаконтента (Photoshop, FL Studio, Cyberlink PowerDirector и т.д.), с последними обновлениями дополняются разнообразными инструментами, использующими технологии ИИ, что позволяет авторам произведений, в том числе сложных объектов, в которые входит несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности (здесь и далее по тексту — РИД), значительно облегчить и разнообразить творческий процесс.

Кроме того, технологии ИИ активно используются и в научно-техническом творчестве. Так, в 2023 году исследователи Торонтского университета совместно со специалистами из Insilico Medicine при разработке лекарства против гепатоцеллюлярной карциномы использовали платформу Pharma.AI, содержащую множество инструментов на базе технологий искусственного интеллекта для фармацевтических исследований, и программу AlphaFold, предсказывающую пространственную структуру белка [6].

Вместе с тем, одной из проблем как зарубежной, так и российской юриспруденции остается вопрос правового регулирования технологий искусственного интеллекта, в том числе существующих сервисов (систем) ИИ и результатов их работы. В настоящей работе будет рассмотрен вопрос правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности, созданных с помощью искусственного интеллекта, в контексте инновационной деятельности: правовой статус таких РИД, его особенности, а также будут проанализированы перспективы возможного дальнейшего урегулирования систем ИИ в контексте российского права с учетом имеющегося зарубежного опыта и практики.

В настоящее время в законодательстве Российской Федерации нет четко сформулированной правовой нормы, которая закрепляла бы статус созданного с помощью ИИ объекта авторских, смежных или патентных прав. Однако для прояснения данного вопроса и анализа возможных подходов к его решению можно обратиться как к судебной практике, так и к пользовательским соглашениям по использованию тех или иных систем искусственного интеллекта, в которых создаются те или иные РИД.

В пользовательских соглашениях (далее — ПС) российских систем ИИ, например, GigaChat, содержатся нормы, касающиеся судьбы созданных с их помощью РИД, а также уточняющие правовой статус самих систем. Так, в п. 1.10. ПС GigaChat сообщается, что данная нейросеть является «программой для ЭВМ, функционирующей с применением технологий искусственного интеллекта, правообладателем которой является Банк, способная создавать Сгенерированный контент в текстовом, графическом, аудиовизуальном (видео) форматах» [4]. Вопрос авторства в отношении сгенерированных произведений в ПС уже урегулирован: согласно п. 1.9. ПС, такие произведения являются РИД, средствами индивидуализации или не относятся ни к одной, ни к другой категории, при этом все права на данные произведения, включая исключительные, принадлежат конечному пользователю [4].

В иных российских системах ИИ действуют иные правила: так, в п. 5.4. ПС нейросети Kandinsky одним из условий распространения сгенерированных системой РИД является обязательное указание имени и фамилии пользователя, а также наименования использованной системы ИИ. При этом делается отдельная оговорка о том, что пользователь Kandinsky несет все риски за нарушение исключительных прав третьих лиц при использовании системы [5]. Стоит отметить, что в ПС Kandinsky, как и в ПС GigaChat и многих других систем, разрешается некоммерческое использование систем, а для коммерческого использования устанавливаются либо отдельные тарифы, либо необходимо обращаться к правообладателю с соответствующим предложением.

Из зарубежных систем ИИ особый интерес представляет собой ранее упомянутая медицинская нейросеть Pharma.AI от компании Insilico Medicine, основателем которой является американский ученый русского происхождения А.А. Жаворонков [11]. Так, права на интеллектуальную собственность, созданную при использовании данного инструмента, принадлежат конечному пользователю-подписчику, согласно п. 8.2. ПС, при этом компания Insilico, являющейся правообладателем непосредственно самой Pharma.AI, предоставляются неисключительные права без права сублицензии [9]. При этом пользовательское соглашение запрещает использование системы ИИ для попытки получения несанкционированного доступа к подписке на систему, какого-либо изменения ее работы, использования материалов и контента системы для создания или помощи в создании конкурирующей системы ИИ, а также выделяет в разделе «Допустимое использование» ПС пункт касательно недопустимости разработки с помощью Pharma.AI биологического оружия [9]. При этом в качестве применимого права при решении возникших споров в ПС указано право Канады.

Любопытно, что нейросети от компании Insilico Medicine ранее уже показывали весьма многообещающие результаты: так, в 2019 году были представлены шесть разработанных системами ИИ молекул, направленных на уничтожение белка, провоцирующего фиброз легких, из которых в конечном счете была выбрана наиболее стабильная молекула, впоследствии успешно прошедшая испытание на лабораторных мышах. Время разработки такой молекулы заняло всего 21 день: как отмечают исследователи, в обычных условиях на разработку структуры только одной молекулы могло бы уйти до 8 лет [12, 13].

Это ярко свидетельствует о том, что системы ИИ способны послужить мощнейшим катализатором инновационной деятельности, значительно сокращая время на разработку передовых лекарств и методов лечения. В этой связи определение правового статуса результатов интеллектуальной деятельности, созданных с помощью систем ИИ, обретает особое значение, поскольку таким РИД все так же необходимо предоставить соответствующую правовую охрану, а их авторам — надлежаче обеспечить защиту их интересов.

С учетом вышеизложенного представляется, что правовой статус упоминавшегося ранее препарата против гепатоцеллюлярной карциномы будет определяться согласно пользовательским соглашениям задействованных при его разработке систем искусственного интеллекта. Принимая во внимание, что условия пользования обеих нейросетей — Pharma.AI и AlphaFold [9, 10] — указывают на то, что права интеллектуальной собственности на РИД, созданный с помощью ИИ, будут принадлежать

конечному пользователю, т.е. коллективу ученых Университета Торонто, при этом AlphaFold делает оговорку об исключительно некоммерческом использовании полученного РИД (в данном случае — в научных целях).

Это представляется справедливым, поскольку искусственный интеллект в настоящее время — инструмент, а не целостная личность, эквивалентная человеческой. И самостоятельная, самопроизвольная деятельность искусственного интеллекта, в том числе художественное и научно-техническое творчество, в ходе которых создаются РИД, на данный момент времени невозможна без участия человека, который вводит исходные данные и впоследствии обрабатывает их в соответствии со своим замыслом.

Для российского права такой подход выглядит наиболее подходящим с точки зрения стимулирования инновационной и научно-технической деятельности. Более того, в существующей судебной практике такой подход уже применяется, и в текущем российском законодательстве имеются основания для его использования. Так, в п. 109 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2024 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» содержится отсылка к п. 1 ст. 1300 ГК РФ, закрепляющей, что информация об авторском праве может содержаться в условиях использования произведения [1, 3].

С учетом того, что программы для ЭВМ, к которым относятся и системы ИИ, являются объектами авторского права согласно п. 1 ст. 1259 ГК РФ и охраняются как литературные произведения [1], можно прийти к выводу, что правовой статус сгенерированных с помощью систем ИИ РИД следует определять исходя из положений пользовательских соглашений (условий использования) конкретной системы, использовавшейся при создании такого РИД.

При этом вопрос введения специального правового регулирования таких РИД в настоящий момент требует более детального изучения, так как различные подходы в правовом регулировании — будь то диспозитивный, согласно которому правовой статус упомянутых РИД регулируется соглашением с конечным пользователем, или императивный, безальтернативно устанавливающий право собственности на созданные с помощью ИИ РИД за тем или иным субъектом правоотношений или и вовсе переводящий такие РИД в общественное достояние, требуют более тщательного обоснования, так как могут повлечь за собой различные последствия для инновационного и экономического развития страны.

При этом следует отметить, что во многих правовых системах данный вопрос пока не урегулирован специ-

альными правовыми нормами. Такие нормы в настоящее время наиболее активно вырабатываются в правовой системе США и Китая, где уже наметился определенный подход к определению правового статуса РИД, созданных при помощи ИИ. Так, в США в судебной практике особое внимание обращается на то, что РИД, в процессе создания которых использовались системы ИИ, должны быть созданы исключительно с помощью ИИ, а не целиком и полностью самой системой ИИ, для обеспечения последующей возможности их охраны.

Такой подход отражен в решении по делу *Thaler v. Vidal*, U.S. Court of Appeals for the Federal Circuit, No. 21-2347 от 5 августа 2022 г., где истец пытался от имени нейросети запатентовать два сгенерированных с ее помощью изобретения, однако получил отказ от Ведомства по патентам и товарным знакам США. Суд обратил внимание, что субъектами патентного права, согласно Закону США о патентах, могут выступать лишь физические лица, а ИИ таковым не может являться в силу своей природы [8]. Впоследствии Верховный суд США поддержал данное решение в 2023 году [14].

С 2023 года в Китае действуют так называемые «Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта» (здесь и далее по тексту — Меры). Хотя права на РИД принадлежат автору-конечному пользователю системы ИИ, присутствует оговорка о том, что такие РИД должны соответствовать социальным ценностям КНР и не подрывать национальную безопасность, согласно п. 1 ст. 4 Мер. При этом в ст. 5–6 Мер отдельно подчеркивается, что инновационное применение технологий ИИ, в том числе в образовательных, культурных, профессиональных и научно-исследовательских учреждениях, а также независимое развитие инноваций в области генеративного ИИ, должно поощряться и поддерживаться со стороны принявших данные Меры государственных органов Китая, т.е. Министерства науки и технологий, Государственного бюро Интернет-информации, Министерства образования и других органов власти [7]. То есть, в Китае действует подход, направленный на стимулирование развития генеративного ИИ и его внедрения во многие сферы социальной и экономической деятельности человека, при этом определяющий основные принципы и ограничения по применению такого ИИ, хотя представляется, что данные Меры впоследствии будут дополняться и пересматриваться в силу своего временного характера.

Таким образом, было определено, что в настоящее время вопрос правового регулирования РИД, созданных с помощью систем ИИ, по-прежнему остается не до конца решенным как в российском праве, так и в праве зарубежных стран. При этом на сегодняшний день пользовательские соглашения позволяют при использовании каждой конкретной системы определить судьбу

РИД, созданных в таких системах, в правоотношениях между конечным пользователем и правообладателем системы ИИ, а судебная практика, формирующаяся в на-

стоящее время, позволяет обозначить контуры правового регулирования, которое наиболее вероятно будет введено в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006 г. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
2. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019 г. № 41. Ст. 5700.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2024 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 7, 2019.
4. Пользовательское соглашение об использовании Сервиса GigaChat // Решения для бизнеса: технологии и сервисы для компании от экосистемы Сбербанка [электронный ресурс] URL: <https://developers.sber.ru/docs/ru/policies/gigachat-agreement/beta> (дата обращения: 9 января 2025 г.)
5. Пользовательское соглашение об использовании Сервиса Kandinsky // Официальный сайт Сбера [электронный ресурс] URL: <https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/files/promo/kandinsky-terms/kandinsky-terms-of-use.pdf> (дата обращения: 10 января 2025 г.)
6. ИИ за 30 дней разработал потенциально эффективное лекарство от рака печени / Алена Миклашевская // Онлайн-портал газеты «Коммерсантъ», 20 марта 2023 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5887307> (дата обращения: 10 января 2025 г.)
7. Interim Measures for the Administration of Generative Artificial Intelligence Services // Official site of the Cyberspace Administration of China [Electronic resource] URL: https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (Accessed on 10 January, 2025)
8. Thaler v. Vidal, U.S. Court of Appeals for the Federal Circuit, No. 21-2347 // Official site of the U.S. Court of Appeals for the Federal Circuit [Electronic resource] URL: https://cafc.uscourts.gov/opinions-orders/21-2347.OPINION.8-5-2022_1988142.pdf (Accessed on January 10, 2025)
9. End user terms and conditions for Chemistry42 subscription // Pharma.AI official site [Electronic resource] URL: https://pharma.ai/chemistry42/end_user_terms (Accessed on January 9, 2025)
10. AlphaFold Server Additional Terms of Service // AlphaFold Server [Electronic resource] URL: <https://alphafoldserver.com/terms> (Accessed on 10 January, 2025)
11. Leaders of Insilico Medicine Team // Insilico Medicine official site [Electronic resource] URL: <https://insilico.com/team#!/tab/358960715-1> (Accessed on January 9, 2025)
12. A Molecule Designed by AI Exhibits 'Druglike' Qualities / Gregory Barber // Official online-portal of the magazine WIRED, September 2, 2019 [Electronic Resource] URL: <https://www.wired.com/story/molecule-designed-ai-exhibits-druglike-qualities/> (Accessed on January 9, 2025)
13. Startup uses A.I. to identify molecules that could fight coronavirus / Jeremy Kahn / Official online-portal of the magazine Fortune, February 6, 2020 [Electronic resource] URL: <https://fortune.com/2020/02/06/ai-identifies-possible-coronavirus-treatment/> (Accessed on January 9, 2025)
14. US Supreme Court rejects computer scientist's lawsuit over AI-generated inventions // Blake Brittain / Official online-portal of Reuters, April 24, 2023 [Electronic resource] URL: <https://www.reuters.com/legal/us-supreme-court-rejects-computer-scientists-lawsuit-over-ai-generated-2023-04-24/> (Accessed on January 9, 2025)

© Степаненко Владислав Вячеславович (vladislav-stepanenko01@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ность порчи закупленного товара, его некомплектность, просрочка поставки, досрочное расторжение договора и потеря времени на поиски нового контрагента. Чаще всего такие риски кардинально не влияют на ожидаемую прибыль, хотя и влекут ее получение в меньшем объеме. У предпринимателя имеется возможность потребовать от неисправного контрагента возмещения убытков, в том числе неполученных доходов. Наличие таких рисков в бизнесе практически невозможно избежать. Однако если подобные невыгодные последствия систематически повторяются, то появляется опасность появления признаков банкротства. Ожидаемые риски могут перейти в критические, но они могут возникнуть и самостоятельно помимо воли инвестора, например, вложение денег в развитие нового бизнеса оказалось невыгодным из-за экономических санкций в отношении России; оказание финансовой помощи для восстановления деятельности хозяйственного общества не привело к положительному результату и по объективным причинам, и в связи непрофессионализмом управляющих субъектов; инвестирование в развитие бизнеса при отсутствии краткосрочного результата, который ожидал инвестор. Критические риски чаще всего порождают признаки банкротства, особенно при затягивающихся судебных процессах и при невозможности получить долг по решению суда в связи с отсутствием какого-либо имущества у должника. Катастрофические риски почти всегда приводят к потере платежеспособности предпринимателя.

Конституционные гарантии конкретно не устанавливают способы защиты государством от предпринимательских рисков и наступивших негативных последствий, в связи с чем можно предположить, что государство относится безразлично к проблемам предпринимателей. Так ли это? Обратимся вновь к конституционным нормам. Статьей 45 высшего Закона провозглашается гарантия государственной защиты прав и свобод человека и гражданина. Гарантия претворяется в жизнь путем принятия федеральных законов, иных нормативных правовых актов. Следовательно, предприниматель, стоящий на грани банкротства или уже банкрот, может надеяться на определенное содействие государства, но при условии отсутствия признаков незаконного банкротства.

Правовой механизм защиты предпринимательства можно разделить на две категории: превентивный, содержащий нормы, позволяющие минимизировать убытки во избежание банкротства; а также обеспечивающий восстановление платежеспособности при наличии признаков банкротства с тем, чтобы аннулировать эти признаки.

Предупредить банкротство означает выполнить целый ряд юридически значимых действий. Поскольку

в правовом регулировании предпринимательских отношений наиболее важное место отводится гражданскому законодательству, то применению подлежат, в первую очередь, положения Гражданского кодекса РФ, позволяющие обеспечить реализацию статьи 45 Конституции РФ. Так, статья 53.1 Гражданского кодекса предоставляет возможность учредителям юридического лица привлечь к ответственности тех, кого они уполномочили действовать от имени организации и причинивших ей ущерб своими недобросовестными действиями или бездействием, повлекшими убытки. Разумеется, обнаружить это учредители могут только при их собственном добросовестном отношении к своим правам, как учредителей и собственников бизнеса. Своевременность заявления ими требований о возмещении ущерба, как правило, является предупреждением более существенных потерь, в том числе доведения организации до банкротства. В силу статьи 56 Гражданского кодекса РФ юридическое лицо отвечает по своим обязательствам всем своим имуществом. Это требование налагает на учредителей и избранные ими исполнительные органы совершать разумные сделки, избегая серьезных рисков невозможности исполнения договорных обязательств, особенно при отсутствии достаточного размера имущества, в том числе денежных средств, за счет которых обязательство может быть исполнено. В соответствии с пунктом 2 статьи 174 Гражданского кодекса юридическое лицо имеет возможность заявить требование о признании недействительными сделок, заключенных лицом, имеющим полномочия действовать от его имени по доверенности либо без доверенности (как правило, это единоличный исполнительный орган), если сделки совершены в ущерб юридическому лицу. Однако на практике предприниматели не придают значения предоставленным возможностям, не утруждают себя предварительным анализом выгоды/невыгоды готовящегося к подписанию договора и принимают на себя долговые обязательства, не обеспеченные собственным имуществом, легкомысленно надеясь на положительный результат. Конечно, добросовестные субъекты предпринимательской деятельности прогнозируют риски наступления негативных последствий неисполнения договорных обязательств, но такой подход встречается, как правило, в крупном бизнесе. А вот малый и средний бизнес на этапе обсуждения проектов хозяйственных договоров не вдается в такие подробности, что приводит их впоследствии к приобретению статуса должника согласно судебному решению и исполнительному производству. Представляется, что подобные, часто возникающие предпринимательские проблемы, требуют правового переосмысления. В частности, необходимо ввести в гражданское законодательство обязательные условия совершения крупных сделок при наличии у обязанного по сделке участника минимально установленного размера активов, что позволит уполномоченному лицу получить причитающееся ему по сделке, в том числе, в принудительном порядке по ис-

полнительному производству на основании решения суда, вступившего в законную силу.

Специальное внимание, по нашему мнению, следует уделить размеру уставного капитала хозяйственных обществ. Ныне действующее законодательство предусматривает минимальный размер уставного капитала для обществ с ограниченной ответственностью 10 тысяч рублей (статья 14 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью») [1] Минимальный уставный капитал публичного акционерного общества составляет сто тысяч рублей, непубличного — десять тысяч рублей (статья 26 Федерального закона «Об акционерных обществах»). Какие функции выполняет уставный капитал? По своей сути это условная сумма, выраженная в рублях, показывающая, сколько чистых активов должно быть у общества; служит также критерием для распределения прибыли соразмерно долям участников в уставном капитале; составляет минимальный размер имущества для удовлетворения требований кредиторов при банкротстве общества. Есть ли у кредиторов возможность удовлетворить свои требования при банкротстве общества-должника за счет его уставного капитала при полном отсутствии имущества на балансе? Исходя из закона, есть, но в пределах размера уставного капитала, однако при названных в законах его размерах это звучит как пародия! К тому же нет никаких требований о том, чтобы деньги уставного капитала были неприкасаемы. Невольно напрашивается вывод о необходимости введения законного требования к обязательному размеру уставного капитала: нормативно определить его таким, чтобы была реальная возможность фактически, а не абстрактно использовать деньги уставного капитала при отсутствии достаточного имущества на балансе должника для выполнения долговых обязательств, что обеспечит защиту интересов кредиторов и, в том числе, предотвратит банкротство должника.

Названные нормы гражданского законодательства составляют основу правового механизма, предполагающего воплощение конституционных гарантий свободы предпринимательства и государственной защиты прав субъектов. Он носит предупреждающий характер, направленный на то, чтобы не допустить разрушения бизнеса и избежать банкротства. Свобода предпринимательства означает возможность использовать либо не использовать предоставленные законом способы осуществления коммерческой деятельности, максимально избегая рисков, если не допустимых, то критических и катастрофических. Вместе с тем, означенный правовой механизм требует совершенствования.

Защита субъектов предпринимательской деятельности, имеющих серьезные финансовые проблемы и риски банкротства, обеспечена правовым механизмом, предусмотренным Федеральным законом «О несосто-

ятельности (банкротстве)» [3]. Закон направлен на реализацию государственных гарантий, предусмотренных статьями 34, 37, 45 Конституции РФ и предоставляет возможность **осуществить определенные** права, не допустив банкротства. Статьей 30 Закона предусмотрены меры по предупреждению банкротства, а именно:

- в случае возникновения признаков банкротства руководитель должника обязан включить сведения о наличии таких обстоятельств в Единый федеральный реестр сведений о фактах деятельности юридических лиц в течение десяти рабочих дней с даты, когда руководителю стало или должно было стать известно об их возникновении, а также в разумный срок предпринять все зависящие от него разумные необходимые меры, направленные на предупреждение банкротства должника;
- руководитель должника и иные его органы, а также учредители (участники) должника, собственник имущества должника — унитарного предприятия и иные контролирующие должника лица со дня, когда они узнали или должны были узнать о наличии указанных обстоятельств, обязаны действовать с учетом интересов кредиторов, в частности, не допускать действия (бездействие), которые могут заведомо ухудшить финансовое положение должника, они также обязаны принимать своевременные меры по предупреждению банкротства и/или направленные на восстановление платежеспособности должника;
- заключение соглашения между должником и его кредиторами, иными лицами, целью которого будет восстановление платежеспособности должника.

По смыслу указанной нормы необходимо, чтобы и учредители (участники), и руководители проявляли добросовестность и разумность при ведении бизнеса. Прежде всего, в их интересах систематически контролировать долги организации и изыскивать источники для выполнения обязательств, не допуская, прежде всего, обращения кредиторов в суд, договариваясь с ними о предоставлении, например, отсрочки или рассрочки платежей. Ведь кредиторы, как правило, обращаются в суд в крайнем случае, когда никакой надежды на внесудебное разрешение проблемы нет. Зачастую, кредиторы имеют трудности с формированием доказательственной базы для исковых требований, не готовы нести затраты на судебные издержки, в том числе на оплату услуг представителя. Все это способствует тому, чтобы стороны договорились без обращения в суд. Учредители и руководители должны также вести планомерную работу с дебиторской задолженностью, заявлять требования дебиторам об уплате долгов, контролировать течение срока исковой давности для того, чтобы при необходимости не пропустить его для обращения в суд. Восстанавливать в суде пропущенный срок исковой давности

весьма сложно, поскольку истец должен представить суду доказательство наличия уважительных причин, из-за которых срок пропущен, а суд дает собственную субъективную оценку тому, насколько эти причины уважительные. На стадии возникновения рисков банкротства весьма актуальным является проведение анализа активов для выяснения того, какие из них можно реализовать без серьезного риска для уставной деятельности, а за счет вырученных денежных средств исполнить хотя бы частично долговые обязательства.

Снижению рисков банкротства способствует инвестиционная деятельность, для осуществления которой предварительно необходимо проанализировать инвестиционную активность в данном секторе экономики и подготовить более или менее конкретный инвестиционный проект для предложения в качестве оферты. В настоящее время действуют законы, предусматривающие различные способы и формы инвестирования на выгодных для инвесторов условиях, такие как: Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вло-

жений» [4]; Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) [5]; Федеральный закон «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации» [6].

Таким образом, конституционные гарантии свободы предпринимательства, государственной поддержки и защиты не являются лишь декларацией. Государства и законодатель исходят из того, что успешно вести предпринимательскую деятельность должны субъекты, способные оперативно избирать оптимальные бизнес-модели, превентивно определять риски делового оборота, уметь снижать их, используя действующий правовой механизм. В этом суть свободы предпринимательства. Вместе с тем, для воплощения конституционных принципов требуется усовершенствовать правовое регулирование предпринимательской деятельности для усиления ответственности участников экономической деятельности за не проявление добросовестности и разумности в бизнесе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в редакции по состоянию на январь 2025г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17819/?ysclid=Iz421y6t8f277231654
2. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в редакции по состоянию на январь 2025г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/?ysclid=Iz41x9nrj445127543
3. Федеральный закон от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/
4. Федеральный закон «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» от 25.02.1999 № 39-ФЗ. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102058332>;
5. Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/,
6. Федеральный закон от 01.04.2020 № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации». URL: <https://www.sakha.gov.ru/osnovnye-npa/perechen-osnovnyh-normativnyh-pravovyh-aktov-rossijskoj-federatsii-v-investitsionnoj-sfere>

© Твердова Татьяна Викторовна (tverdovt@mail.ru); Задорожная Евгения Владимировна (evgenia.zadorojnaia@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Упоров Иван Владимирович

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Краснодарский университет МВД России, г. Краснодар

uporov@list.ru

SOCIAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF ECONOMIC RELATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE AND THE SOVIET STATE

I. Uporov

Summary. The Russian statehood has historically developed along a complex and contradictory path. In a relatively short time, the Moscow state acquired new lands and became the largest state in terms of territory, home to many peoples (ethnic groups). This geopolitical position largely determined the regime of government in the form of absolutism. Accordingly, all the main spheres of society were under the direct control and influence of the central government, including the economy, which was expressed in the relevant laws emanating from the government. The article identifies the main trends in the development of economic relations in the Russian Empire and the Soviet state from a socio-legal point of view. Accordingly, the norms of law, and above all constitutional ones, which regulated the Russian economy in the specified periods, as well as scientific works that touch on this issue are analyzed. It is noted that, despite the completely different political and ideological foundations of the functioning of the state, in these periods there was a common feature — the subjects of economic activity, which determined the economic sovereignty of the state, did not have the economic freedom characteristic of developed bourgeois-capitalist countries; In the empire they depended on the emperor, and in the USSR — on the monopolistic ruling VKP(b)-CPSU, which implemented a state-planned model of economy. During the years of Gorbachev's «perestroika» liberal measures were taken in this sphere, which eventually led to the collapse of the Soviet state and the transition of the economy of post-Soviet Russia to market relations.

Keywords: Russia, economic relations, state regulation, law, constitution, power.

Аннотация. Российская государственность исторически развивалась по сложному и противоречивому пути. В сравнительно короткие сроки Московское государство приросло новыми землями и стало крупнейшим по территории государством, где проживает множество народов (этносов). Такое геополитическое положение во многом обусловило режим правления в виде абсолютизма. Соответственно и все основные сферы жизни общества находились под непосредственным управлением и влиянием центральной власти, в том числе и экономики, что выражалось в исходящих от власти соответствующих законов. В статье выявляются основные тенденции развития экономических отношений в Российской империи и советском государстве с социально-правовой точки зрения. Соответственно анализируются нормы права, и прежде всего конституционного характера, которые регулировали российскую экономику в указанные периоды, а также научные труды, где затрагивается данная проблематика. Отмечается, что, несмотря на совершенно различные политико-идеологические основы функционирования государственности, в эти периоды имелся общий признак — субъекты экономической деятельности, определявшие экономический суверенитет государства, не имели экономической свободы, характерной для развитых буржуазно-капиталистических стран; в империи они зависели от императора, а в СССР — от монополично правящей ВКП(б)-КПСС, осуществлявшей государственно-плановую модель экономики. В годы горбачевской «перестройки» в этой сфере были предприняты либеральные меры, приведшие в итоге к распаду советского государства и переходу экономики уже постсоветской России на рыночные отношения.

Ключевые слова: Россия, экономические отношения, государственное регулирование, закон, конституция, власть.

По известному выражению классика-политэкономиста, процесс исторического развития общества представляет собой последовательную смену прежде всего экономических формаций [1, с. 7]. Этот признанный тезис показывает значимость экономики как вида человеческой деятельности в каждом государстве. Можно также напомнить мысль Маркса о том, что экономика является базисом политики, а последняя есть надстройка над экономикой, или известное выражение

Ленина о том, что политика является концентрированным выражением экономики. Как отмечается в литературе в этой связи, построение социально-справедливого общества предполагает прежде всего «выравнивание доходов населения, доступность общественных и социальных благ для разных слоев населения» [2, с. 96], что опять же невозможно без достижения соответствующего уровня экономического развития как условие свободного развития личности [3, с. 152].

В России в этом контексте ситуация складывается очень противоречиво. Будучи длительное время (несколько веков, начиная с Московского царства) абсолютистским государством, Россия проповедовала регулирование всех сфер социально-экономических отношений из единого центра, где главенствующая роль принадлежала единолично царю (а затем императору). При этом предпринимательство в определенных пределах допускалось, что видно по содержанию Судебников 1497 и 1550 гг., Соборного уложения 1649 г., но каждый торговец, купец или ремесленник находились в полной зависимости от монарха, воевод, губных старост или чиновников. К тому же окрепшая при Иване Грозном Московия стала присоединять новые территории, довольно быстро выйдя к XVII в. на берега Тихого океана. Такая политика была невозможна без мобилизационной экономики, жестко управляемой из Москвы (а затем из Санкт-Петербурга), соответственно уровень развития производительных сил был очень низким, ни городские ремесленники, ни крестьянские хозяйства не могли удовлетворить потребностям развивающийся внутренний спрос, к тому же «вся внешняя торговля находилась в руках иностранцев, а во второй половине XVII в. страна переживала острейший социально-экономический кризис» [4, с. 29].

Не было тогда правовых актов, определявших экономическую стратегию России. Но фактически государство жестко определяло правила в экономической сфере, и этот процесс активно стал развиваться с эпохи Петра I. Тогда в России, уже ставшей империей, хотя и стимулировалась предпринимательская деятельность (на основе опыта зарубежных стран [5]), однако в силу абсолютистски-централизованного управления это делалось в нужных государству (читай: императору) направлениях, и речь при этом шла прежде всего об военных интересах. А нередко император и сам определял «предпринимателей» (например, тех же Демидовых); такой подход не предполагал экономической конкуренции и соответствующей эффективности многих экономических проектов. В результате наблюдался общий экономический рост, Россия в полной мере заявила о себе как о великой мировой державе-империи, но при этом население страны было уменьшено почти на четверть, и такая экономическая политика «насильственного прогресса» [6, с. 162] прочно закрепила тип государственно-мобилизационной экономики, который, по сути, в целом оставался характерным всю последующую российскую историю (вплоть до начала 1990-х гг.) при всех изменениях политико-идеологического характера.

Для примера можно назвать несколько указов, изданных Петром I и другими органами власти только в 1722. Так, 1 июня появился акт «О построении новой дороги от Волхова до Москвы и сборе для сего денег с купечества и крестьянских дворов, против каналъ-

ного расположения» [7]. Здесь государство практически полностью организует и контролирует этот проект, в частности, указывалось, что «определить» к этой работе следовало «тех людей, которые живут от дороги даже до 50 вёрст в стороны, а работать в сухое время, чтобы только корни выкопали, а мосты и рвы копать в осень, когда от полевой работы отделаются» [7]. Для финансирования работ писывалось «деньги собрать ... с купечества и с крестьянских дворов, против каналъного расположения», то есть, расположенных возле канала и получавших в этой связи определенные экономические преимущества. Помимо данных законов в экономической-финансовой сфере были приняты следующие акты: Сенатский указ «О спуске судов с корабельными лесами на Боровицких воротах и о даче на оные лоцманов и работников» (12 июня); Указ из Камер-Коллегии «О доканчивании постройки бечевника по Волхову и Мсте и о наряде работных людей, согласно с прежним расположением» (15 июня); Именной указ «О даче срока русским торговым людям в платеже долгов Денежным Дворам, против иностранцев» (1 июня) и др.

В последующие десятилетия централизация государственного управления сфере экономических отношений была снижена. Как отмечается в литературе, в конце XVIII — первой половине XIX вв., экономические отношения тогда характеризовались следующими признаками: государство как ведущий субъект социально-экономического развития; частичное заимствование элементов капиталистической системы западноевропейских стран; реакционная хозяйственная и социально-политическая роль дворянства; сочетание раннего развития капитализма и усиления крепостничества; наращивание противоречий в формате системы отношений власть-собственность [8].

А далее, уже после отмены крепостного права, то есть, во второй половине XIX в., в Российской империи сложились условия капиталистической экономики, имевшие признаки капиталистических рыночных отношений [9]. Однако, к примеру, уставы акционерных обществ утверждались властными инстанциями, то есть, действовал не уведомительный, а разрешительный принцип. А проекты Гражданского уложения, составляемые на европейский лад в течение всего XIX в. (без участия общественности), так и не стали в итоге действующими законами. И Российская империя так и осталась без единого, исходного закона, регулировавшего экономические отношения. В целом достаточно высокий потенциал российских предпринимателей не мог быть реализован в достаточной степени во многом именно из-за бюрократических барьеров [10]. Тем не менее на рубеже XIX–XX вв. российская экономика была на определенном подъеме, предпосылками которого были развитие железнодорожного, известная денежная реформа С.Ю. Витте по введению золотого рубля, что позволило

улучшить в стране инвестиционный климат и, соответственно, приток иностранного капитала [11; 12 и др.]. Но, опять же, одновременно была ускорил монополизация ряда отраслей, сложилась система синдикатов, трестов и концернов [12, с. 1285] (а это, заметим, возможно при условии активного участия государства). В этот же ряд, очевидно, можно оставить и знаменитую столыпинскую реформу в начале XX в., когда государство непосредственно управляло перемещением человеческого капитала (крестьян) в Сибирь, причем в литературе немало критических замечаний по поводу этой реформы [13; 14; 15 и др.].

Между тем к тому времени, на волне буржуазных революций, уже разворачивалась эпоха конституций. В абсолютистской России принятие конституции было невозможно, и робкая попытка Александра I подтвердила это. К тому же разработанный в период его правления проект Государственной уставной грамоты Российской империи под руководством Н.Н. Новосильцева (1820 г.) не содержал норм о принципах экономической деятельности. Это касается и т.н. «Конституции Лорис-Меликова» (1881 г.). И лишь в Основных государственных законах (в редакции 1906 г.), считающихся первой российской конституцией, содержался ряд соответствующих норм. Так, согласно ст. 20 «Государь император издает непосредственно указы и повеления как в отношении имуществ, личную ею собственность составляющих, так равно в отношении имуществ, именуемых государевыми, кои, всегда принадлежат царствующему императору, не могут быть завещаемы, поступать в раздел и подлежать иным видам отчуждения. Как те, так и другие имущества не подчиняются платежу налогов и сборов» [16]. В главе о правах и обязанностях российских подданных указывалось (ст. 35, 36), что «каждый российский подданный имеет право ... приобретать и отчуждать имущество ... Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда сие необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, как за справедливое и приличное вознаграждение» [16]. Но целенаправленного регулирования экономических отношений в стратегическом плане нет, указные положения Основных государственных законов трудно назвать даже минимумом конституционного регулирования экономики.

Совершенно иной подход с точки зрения конституционного регулирования экономических отношений был у советской власти, которая определяла экономический строй в конституционных актах, где отвергалась буржуазная (капиталистическая) экономика.

Так, в Конституции РСФСР 1918 г. (ст. 3) указывалось, что «в осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается

трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования ... Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, образцовые поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием» [17]. В «сталинской» Конституции СССР 1936 г. сфере экономики уделено немало внимания. Так, в ст. 4 указывается, что «экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком» [18].

Наиболее подробно это было сделано в последней союзной Конституции СССР 1977 г. («брежневская» Конституция). Этому аспекту уделена специальная конституционная глава — «Экономическая система» (ст. 10–18). Здесь есть повторы прежней конституции, но в иной редакции. Так, заслуживают следующие конституционные нормы: «основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности ... Никто не вправе использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и в других корыстных целях»; «в исключительной собственности государства находятся: земля, ее недра, воды, леса. Государству принадлежат основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для осуществления задач государства»; «источником роста общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека является свободный от эксплуатации труд советских людей»; «высшая цель общественного производства при социализме — наиболее полное удовлетворение растущих материальных и духовных потребностей людей» [19].

Отдельно определялся также статус личной собственности: «основу личной собственности граждан СССР составляют трудовые доходы. В личной собственности могут находиться предметы обихода, личного потребления, удобства и подсобного домашнего хозяйства, жилой дом и трудовые сбережения ... В пользовании граждан могут находиться участки земли, предоставляемые в установленном законом порядке для ведения подсобного хозяйства (включая содержание скота и птицы), садоводства и огородничества, а также для индивидуального жилищного строительства ... Имущество, находящееся в личной собственности или в пользовании граждан, не должно служить для извлечения нетрудовых доходов» [19].

дов, использоваться в ущерб интересам общества». Как видно, практически вся сфера экономики определяется государством как мега-субъектом экономической деятельности, осуществляемой на строго плановой основе, причем планы утверждались высшими органами власти с санкции монопольно правящей КПСС, которая, согласно ст. 6 этой Конституции, является «руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций» [19]. При таких условиях, конечно, вряд ли можно говорить о свободном предпринимательстве.

В годы советского государства, вместе с тем, были два периода, когда допускалась либерализация экономических отношений, причем это делалось вынужденно, что следует особ подчеркнуть. Сначала это было сделано в начале 1920-х гг. по инициативе самого Ленина путем введения новой экономической политики — ввиду крайне тяжелого положения в экономике после революции 1917 г. и Гражданской войны, и данные обстоятельства следует признать существенными, они еще не показывали реального потенциала социалистической экономики. В годы НЭП были приняты ряд законов, которыми временно разрешалось предпринимательство на микро— и макро-уровне [20; 21 и др.], и в целом об НЭП есть немало публикаций [22; 23; 24; 25 и др.].

Во втором случае либерализации экономика имела место в годы известной горбачевской «перестройки» (1985–1991 гг.). Здесь уже не было чрезвычайных обстоятельств, как в годы НЭП, и советская экономика подошла к этой перестройке в условиях мирного времени (с 1945 г.). Причины перестройки обуславливались серьезным экономическим кризисом, который стал проявляться с очевидностью на рубеже 1980 г., и который не смогли предотвратить ни компартия, ни Советы как органы госвласти [26]. А ведь именно к этому рубежу очень смело, громкогласно на весь мир, но, как оказалось, опрометчиво в 1961 г. тогдашним руководителем СССР Н.С. Хрущева на Съезде КПСС был провозглашен план построения МТБ коммунизма, предполагавший, что уровень жизни в СССР будет значительно более высоким, чем в капиталистических странах. Но вместо избытия товаров стал ощущаться их дефицита. Казалось бы, налицо несовершенство советской экономики социалистического типа. Тем не менее в годы перестройки на первом ее этапе не было даже речи об отходе от социалистической общественно-экономической системы, и экономические трудности объяснялись не иначе как тем, что, по выражению генсека ЦК КПСС М.С. Горбачева, «потенциальные возможности социализма использовались недостаточно». В частности, речь шла о необходимости более действенных стимулов к высокопроизводительному труду, и в этой связи 19 ноября 1986 г. был принят Закон СССР «Об индивидуальной трудовой дея-

тельности». Однако этот акт затрагивал, выражаясь современной терминологией, микробизнес. До макроуровня очередь дошла в 1987 г., когда были принят Закон СССР «О государственном предприятии (объединении)», где главный вектор заключался в предоставлении госпредприятиям большей экономико-финансовой самостоятельности.

Однако ситуация не улучшалась, попытки совместить социалистический тип государства с его плановой экономикой и элементы рыночной экономики не давали ожидаемого результата. Тогда пришлось идти на изменения стратегического характера. Так, в июле 1991 г. был принят Закон СССР «Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий», где, в преамбуле, в частности, указывалось, на необходимость «преодоления монополии государственной собственности, обеспечения гражданам реальной возможности становиться собственниками средств и продуктов общественного производства на основе многообразия форм собственности, создания условий для свободной предпринимательской деятельности, формирования эффективной, социально ориентированной рыночной экономики» [27].

При таком подходе, с учетом уже проведенных радикальных экономических преобразований в РСФСР под руководством первого российского президента Б.Н. Ельцина, должно было произойти стратегическое изменение дальнейшей судьбы страны, и это изменение произошло, но не по воле правящей союзной политической элитой во главе с М.С. Горбачевым (элита так и не смогла пойти на отказ от коммунистической политико-идеологической платформы), а совокупностью обстоятельств, и прежде всего возникшими центробежными тенденциями, когда бывшие союзные республики стали провозглашать суверенитет, и в конце 1991 г. СССР распался, а во всех бывших союзных республиках уже республиканские политические элиты отказались от социалистического типа экономики и осуществили переход на капиталистический тип экономики, влившись в тот тип экономики, который, собственно, абсолютно преобладает в современном мире. И как показывает приведенный выше анализ, централизованная государственная экономика, управляемая из единого центра (при империи — император, в советском государстве — правящая КПСС) не позволяет в итоге достигать желаемых результатов. И хотя имелись кардинальные различия в типе государственности — в первом случае имело место словное неравенство, но допускалась частнопредпринимательская деятельность, а во втором случае было социальное равенство, но частнопредпринимательская деятельность запрещалась, экономическая составляющая в обоих случаях оказалась решающим фактором в историческом развитии российского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. второе. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1959. 770 с.
2. Палкина Ю.А. Социальная справедливость и экономический рост // Экономика и бизнес: теория и практика. 2016. № 12. С. 95–97.
3. Ошхунова И.Х. Роль общества в социальной деятельности человека // Вестник Ставропольского госуниверситета. Серия: «Наука. Инновации. Технологии». 2008. № 1. С. 151–155.
4. Максимов С.Н. Перестройка и проблемы хозяйственных реформ. СПб.: Госуниверситет, 1992. 184 с.
5. Рассказов Л.П., Упоров И.В., Карнаушенко Л.В. История государства и права зарубежных стран: курс лекций. Краснодар, 2004.
6. Мартыненко Б.К. Общая картина государственного насилия в эпоху Петра I: итоги // Вестник КрУ МВД России. 2017. № 2 (36). С. 162–165.
7. Указ Сенатский от 01.06. 1722 «О построении новой дороги от Волхова до Москвы и сборе для сего денег с купечества и крестьянских дворов, против канального расположения» // ПСЗ-1. № 4025.
8. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград, 2009. 294 с.
9. Попов Г.Г. Трудный путь русского «капитализма» в крепостнической России // Journal of Institutional Studies. 2023. № 1. С. 60–77.
10. Лутошкин Л.А. Место и роль финансово-промышленных групп в дореволюционной экономике России конца XIX — начала XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2016. № 1. С. 39–48.
11. Железкин В.Г., Зубков К.И. Индустриализация в царской России (конец XIX — начало XX века) / Опыт российских модернизаций XVIII-XX века. М.: Наука, 2000.
12. Муравьева Л.А. Экономическое развитие России во второй половине XIX — начале XX века // Международный бухгалтерский учет. 2017. № 21. С. 1271–1286.
13. Купцов А.Г. Земля — ЁК, или столыпинская катастрофа России. М., 2002.
14. Рязанов В.Т. Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998.
15. Корелин А.П. Столыпинская аграрная реформа в аспекте земельной собственности // Собственность на землю в России: История и современность. М., 2002. С. 240–296
16. Основные государственные законы (в ред. 1906 г.) // Свод законов Российской империи. Т.1 . СПб., 1910.
17. Конституция РСФСР (Принята Постановлением V Всероссийского съезда Советов от 10.07. 1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582.
18. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. Постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283.
19. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // ВС СССР. 1977. N 41. Ст. 617.
20. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 7 июля 1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1921. N 53. Ст. 323.
21. Декрет ВЦИК от 22.05.1922 «Об основных частных имущественных правах, признаваемых РСФСР, охраняемых ее законами и защищаемых судами РСФСР» // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 43.
22. Упоров И.В. Мировой экономический кризис и статистика преступности в России // Общество и право. 2009. № 5. С. 41–44.
23. Смирнов П.П. Новая экономическая политика: политологический анализ // KANT: Social science & Humanities. 2023. №3. С. 56–62.
24. Яхутль Ю.А. От военного коммунизма к «расширению» новой экономической политики: эволюция внутренней политики большевиков в отношении сельского населения Кубани и Черноморья (1920–1926 гг.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 331–338.
25. Минчук О.В., Заозерский Д.С., Никифоров А.С. Юридическое оформление иностранных лесных концессий в Советской России в 1920-е годы // RUDN Journal of Law. 2024. Т. 28. № 2. С. 329–344.
26. Звягольский А.Ю., Турицын И.В., Упоров И.В., Епифанцев А.А. Местные Советы депутатов трудящихся в послевоенное время (1945–1953 гг.): организационно-правовые основы формирования и деятельности: монография. Москва, 2016.
27. Закон СССР от 01.07.1991 N 2278-1 «Об основных началах разгосударствления и приватизации предприятий» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1991. N 32. Ст. 904.

© Упоров Иван Владимирович (uporov@list.ru)

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРАВО КАК ИХ РЕГУЛЯТОР: ПРОТИВОРЕЧИЯ В ДИНАМИКЕ РАЗВИТИЯ

SOCIAL RELATIONS AND LAW AS THEIR REGULATOR: CONTRADICTIONS IN THE DYNAMICS OF DEVELOPMENT

I. Uporov

Summary. The article examines the problem associated with a certain contradiction that arises and intensifies between, on the one hand, the continuous complication of social relations, and, on the other hand, the structure of the current law as a fundamental regulator of such relations that does not correspond to this development. First of all, we are talking about the fact that the dynamics of social relations dictates the publication of an increasing number of normative legal acts in various spheres of socio-political and socio-economic life, many of which currently in the Russian legal system do not fit into the structural structure of law accepted by the legal community, determined by the triad «norm–institution–branch». Here the key classification criterion is the branch of law. As the number of normative legal acts increases, a more detailed differentiation of branches of law occurs and, accordingly, their number also increases. But such an increase cannot be infinite, since in this case the effectiveness of law enforcement decreases, and a more perfect structure of law is required. The author's proposals are substantiated, in particular, it is proposed to transform the specified triad of law formation «norm–institution–branch» into a tetrad «norm–institution–branch–integral», where the integral of law will cover a group of remaining independent branches within the framework of the subject of regulation by the integral of law.

Keywords: structure of law, normative legal act, norm, institution, branch, social relations, regulator.

Упоров Иван Владимирович

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Российская академия естествознания, г. Краснодар

uporov@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема, связанная с определенным противоречием, возникающим и обостряющимся между, с одной стороны, непрерывным усложнением социальных отношений, и, с другой стороны, не соответствующей этому развитию структуры действующего права как фундаментального регулятора таких отношений. Речь идет прежде всего о том, что динамика социальных отношений диктует издание всё большего и большего количества нормативно-правовых актов в разных сферах общественно-политической и социально-экономической жизни, многие из которых в настоящее время в российской правовой системе не вписываются в принятое правовым сообществом структурное строение права, определяемое триадой «норма–институт–отрасль». Здесь ключевым классификационным критерием является отрасль права. Поскольку нормативно-правовых актов становится больше, то происходит более детальная дифференциация отраслей права и соответственно, их количество также увеличивается. Но бесконечным такое увеличение не может быть, поскольку в этом случае снижается эффективность правоприменения, и требуется более совершенная структура права. Обосновываются авторские предложения, в частности, предлагается указанную триаду правообразования «норма–институт–отрасль» трансформировать в тетраду «норма–институт–отрасль–интеграл», где интеграл права будет охватывать группу остающихся самостоятельными отраслей в рамках предмета регулирования интегралом права.

Ключевые слова: структура права, нормативно-правовой акт, норма, институт, отрасль, социальные отношения, регулятор.

Право как социальный регулятор длительное время развивалось исключительно в рамках правотворческой и правоприменительной практики, то есть, принятию нормативно-правовых актов (далее (НПА) не предшествовали научные исследования, не было и учебных заведений по подготовке юристов. С Нового времени стали вестись научные исследования этого феномена. В России данный рубеж относится к рубежу XVIII–XIX вв., и к настоящему времени в российской правовой системе сложилось вертикальное строение права как социального регулятора, где ключевой составляющей является «отрасль права» — эта категория теоретически обоснована российскими правоведами и активно используется в учебно-научной, правотворческой и правоприменительной деятельности. И сейчас такой подход, когда нормы множества НПА в зависимо-

сти от предмета регулирования группируются в тематических отраслях права (гражданское право, уголовное право, земельное право и т.д.) является привычным.

Однако на начальном этапе развития российского права, то есть, тысячу лет назад, законодатель концентрировал правовые нормы в одном универсальном акте — Русская Правда. В литературе его называют «письменным сводом законов» [1], положившим начало созданию кодифицированного законодательства [2, с. 14]. В дальнейшем стали издаваться другие НПА, и их количество все более увеличивалось, так как соответственно усложнялись социальные отношения, и Русской Правды было уже недостаточно для их регулирования. И вновь возникла потребность в некоем обобщении, систематизации этих НПА, то есть, приведению к какому-то

общему знаменателю, поскольку «ко времени восшествия на престол династии Романовых в законодательстве творилась неразбериха и путаница» [3, с. 24].

И в этом контексте аккумулировать массу всё новых и новых НПА на фундаментальном уровне удалось лишь в Соборном уложении 1649 г. Здесь уже имелись некие элементы предварительного изучения имевшегося юридического массива (в частности, работала комиссия во главе с князем Н.И. Одоевским, а проект Уложения обсуждался представителями разных сословий). Этот акт из 967 статей, включенные в 25 глав, во много раз превышал по объему Русскую Правду и имел вполне определенную системную структуру, которая, по сути, во многом сохраняется до сих пор.

Уложение по современной классификации отраслей права ни к какой из них отнести нельзя, поскольку этот акт имел универсальный характер: тут есть и «государь царь, всяя России самодержец» (элемент конституционного права), и «вотчины, «поместные земли» (земельное, гражданское, наследственное право), и «разбойники и татины дела» (уголовное право), и «корчмы», «продажное питье» (административное право, налоговое право) и т.д.

И эта модель конструирования правовой системы (единый генеральный акт универсального характера с аккумулированием накопленного правового массива) довольно долго сохранялась. Но под давлением огромного количества новых НПА, неизбежно появлявшихся по мере усложнения социальных отношений, российский законодатель пытался ее совершенствовать. Такую попытку создать «сводное Уложение» предпринимал и Петр I — 18 февраля 1700 г. он издал указ под соответствующим названием: «О заседании в Государственных палатах Боярам для учинения свода Уложения, и всех указов после того состоявшихся». Здесь предписывалось объединить изданные «сверх» Уложения 1649 г. новое уложение, также предусматривалось создание специальной «Палаты к слушанию к Боярам», привлечь «добрых» дьяков и подьячих и т.д.

В дальнейшем уложенные комиссии создавались при Сенате 1714–1717 и 1720–1727 гг., в том числе использовался опыт скандинавского законодательства. Однако создать новое уложение так и не удалось. Собственно, это было совершенно очевидным, если учесть, к примеру, сколько и каких объемов НПА издавались в петровскую эпоху. Например, только один лишь Воинский устав 1716 г. по своему общему объему (68 глав и приложения) превышал объем Соборного уложения 1649 г. Обобщить в одном универсальном НПА сотни подобных актов было невозможно. Тем не менее законодатель, невзирая на очевидное непреодолимое препятствие, продолжал такие попытки. Последней была громко и пу-

блично анонсированная, но также проваленная попытка создать новое Уложение при Екатерине II с учреждением ею известной Уложенной комиссии и написанным императрицей для этого случая «Наказом». Причина та же — форма универсального Уложения уже не соответствовала резко возросшему объему нормативно-правового массива.

И лишь в начале XIX в. российский законодатель, наконец, осознав необходимость изменения модели развития российской системы права, в которой намечался хаос из-за несистемного развития правовых отношений, пришел к выводу о целесообразности иного решения проблемы несоответствия возрастающего количества НПА и удобства их использования в правоприменительной практике, а именно был создан известный Свод законов Российской империи 1832 г. (15 томов с последующим добавлением еще одного тома в 1892 г.) под руководством М.М. Сперанского. Деятельность в этой области можно, очевидно, расценивать как деятельность с научной составляющей, хотя формально специальные исследования по этому поводу не проводились, но, заметим, сначала было издано Полное собрание законов Российской империи (в ПСЗ-1 было 45 томов), из которого позже выделялись действующие акты и формировался Свод законов, а это уже продуманный план научного характера. Как подчеркивал Сперанский, «Свод есть соединение законов, существующих по какой-либо части, расположенное в известном порядке» [4, с. 433]. С позиций юридической техники Свод законов исследован многими учеными, детальный анализ сделал и наш современник С.В. Кодан во многих своих публикациях.

Здесь следует подчеркнуть два важных обстоятельства: во-первых, Свод законов тематически классифицировал множество отобранных НПА (по предмету регулирования); во-вторых, Свод законов применялся в правоприменительной практике непосредственно, то есть, на него делались ссылки при решении юридически значимых дел, в судах и т.д. В результате на место очень запутанной, во многом противоречивой, разбросанной по множеству источников совокупности НПА появилась «стройная, продуманная и четкая система изложения законов» [5, с. 124]. Но, заметим, категория «отрасль права» еще не входила в оборот, применялись термины «книги» (по нумерации, всего 8 книги), «главные разряды законов» (по предмету регулирования).

Приведем несколько примеров:

книга первая — Основные государственные законы (ч. 1, т. I);

книга вторая — учреждения: центральные (ч. 2 т. 1) и местные (т. II), уставы о службе государственной (т. III);

книга третья — законы правительственных сил: уставы о повинностях (т. IV), о податях и пошлинах (т. V), устав таможенный (т. VI), уставы монетный, горный, о соли (т. VII), уставы лесной, оброчных статей, арендных старостинских имений (т. VIII);

книга четвертая — законы о состояниях (т. IX);

книга пятая — законы гражданские и межевые (т. X);

книга шестая — законы государственного благоустройства: уставы кредитный, торговый, промышленности (т. XI), путей сообщения, строительный, пожарный, о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных селениях, о колониях иностранцев в империи (т. XII);

книга седьмая — законы благочиния (полицейские): уставы о народном продовольствии, об общественном призрении и врачебный (т. XIII), о паспортах и беглых, о предупреждении и пресечении преступлений, о содержащихся под стражей, о ссыльных (т. XIV);

книга восьмая — законы уголовные и уголовно-процессуальные (кн. 1-2, т. XV) [6].

Данный Свод законов РИ действовал почти 100 лет, но и в этот период принятие новых НПА (в основном в виде изменений и дополнений действующих законов) не прекращалось, поэтому его приходилось переиздавать (было три полных издания — 1832, 1842, 1857 гг., далее полностью переиздавались лишь отдельные тома), а позже отдельно издавать Продолжения в Своду законов РИ. О темпах разрастания объема правовых норм как следствие усложнения социальных отношений говорят такие цифры: в первом издании Свода законов (1832 г.) было 42 тысячи статей, а в третьем (1857 г.) — почти 90 тысяч, то есть, увеличение объема правовых норм в 2 раза за 25 лет! Не удивительно, что при такой динамике пришлось отказаться от сквозной нумерации статей каждого тома и ввести привычную сегодня нумерацию статей отдельных законов. Свои особенности имелись также в регулировании отдельных территорий Российской империи. Как видно, этот Свод законов и в целом правовая система непрерывно менялись. Важно при этом подчеркнуть, что Свод законов являлся официальным классификатором всего юридического массива в стране.

Советское государство, отвергнувшее царское законодательство и решившее создавать свое новое советское социалистическое законодательство, столкнулось с той же проблемой упорядочения нарастающего вала НПА, ибо социальные отношения усложняются вне зависимости от политических режимов — это объективное явление. Но в СССР правовая наука сделала существен-

ное продвижение в деле определенной систематизации права. Так, во второй половине 1930-х гг. появилось доктринальное толкование системы (структуры) права в виде отраслей права, понятия отрасли права, критериев выделения отрасли права, в частности, М.А. Аржанов разграничивал отрасли права на общие (государственное, уголовное, гражданское право) и особенные (колхозное право, церковное право и др.) [7]. Стали появляться научные труды в этой сфере (в числе авторов С.С. Алексеев, А.Б. Венгеров, А.Я. Вышинский, А.Г. Гойхбарг, Г.В. Мальцев, В.С. Нерсесянц и др.).

В результате было обосновано отмеченное выше понимание вертикальной структуры права в виде трех основных элементов: «нормаправа-институт права-отрасль права». На этой теоретической основе советский законодатель рассматриваемую проблему попытался решить изданием 11-томного Свода законов СССР (1976–1986 гг.; аналогичные своды законов составлялись в союзных республиках, при этом само понимание в необходимости такого свода имелось с самого начала советского государства, но по разным причинам работа откладывалась [8; 9 и др.]). Свод издавался также по предметному классификационному принципу включавшего 1367 НПА:

Т. 1. [Разд. 1: Законодательство об общественном и государственном строе].

Т. 2. [Разд. 2: Законодательство о социальном развитии и культуре. Социально-экономические права граждан].

Т. 3. [Разд. 2: Законодательство о социальном развитии и культуре. Социально-экономические права граждан].

Т. 4. [Разд. 3: Законодательство об охране природы и рациональном использовании природных ресурсов].

Т. 5. [Разд. 4: Законодательство о народном хозяйстве].

Т. 6. [Разд. 4: Законодательство о народном хозяйстве].

Т. 7. [Разд. 4: Законодательство о народном хозяйстве].

Т. 8. [Разд. 4: Законодательство о народном хозяйстве].

Т. 9. [Разд. 5: Законодательство о международных отношениях; Разд. 6: Законодательство об обороне страны и охране государственных границ].

Т. 10. [Разд. 7: Законодательство о правосудии, прокурорском надзоре, арбитраже и охране правопорядка].

Т. 11. [Справочные материалы к Своду законов СССР] [10].

Методология создания Свода законов СССР сходна при создании Свода законов РИ, что видно по тематике разделов и их последовательности. Однако Свод законов СССР непосредственно в повседневной юридической практике не применялся, поскольку в него включались лишь основные акты из числа законов и постановлений СМ СССР, в том числе совместных с ЦК КПСС, и опять же по причине огромного их количества; была также ограниченная доступность ввиду особого изготовления в бумажном варианте журнального формата с металлическими открываемыми скрепами для вставления новых листов с изменениями, опять же многочисленными. Поэтому Свод законов СССР имел значение больше как накопительный справочник. Также отметим, что посредством Свода законов СССР, являвшегося официальным изданием ПВС СССР и СМ СССР, правовая система страны имела официальную классификацию на основе научно обоснованной отраслевой структуры. Однако при всей фундаментальности подготовки и издания Свода законов СССР он так и не решил рассматриваемой проблемы.

После распада СССР в постсоветской России ту же проблему правящая элита намеревалась решать тем же способом — 6 февраля 1995 г. был издан президентский указ «О подготовке к изданию Свода законов Российской Федерации». Однако реальная работа по созданию Свода, спустя некоторое время застопорилась, а затем (через десять лет) указ Президента РФ вообще был отменен указом Президента РФ отменён Указом Президента РФ от 28 июня 2005 г. «Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента РСФСР и Президента Российской Федерации» (имеются публикации, освещающие сложности, связанные с созданием проекта Свода законов РФ [11; 12; 13 и др.]). Это говорит, на наш взгляд, о том, что теперь уже и свод законов (как когда-то единый генеральный акт), как форма интеграции непрерывно возрастающего массива НПА, исчерпал себя, и в новых современных условиях социальной действительности уже потерял свое практическое значение. И с тех пор, подчеркнем, уже двадцать лет, российское государство не имеет официальной классификации действующего законодательства.

Стало формироваться понимание того, что ввиду непрерывного принятия огромного числа все новых и новых НПА (а это, напомним, объективный неостановимый процесс) необходима иная форма интеграции правовых образований. По данным Минюста РФ сейчас (по состоянию на 9 февраля 2025 г.) в стране насчитывается 156881 акт федерального законодательства (в расширительном

понимании «законодательства», 2343773 НПА субъектов Федерации, 13395443 муниципальных НПА [14]. За этим, как справедливо замечает В.А. Муравский, должны следовать некие интеграционные решения [15, с. 13].

Пока эти решения осуществляются путем непрерывного увеличения отраслей права. Но эта тенденция уже вызывает беспокойство. Так, Р.Л. Хачатуров отмечает, что в 2004 г. в научно-правовом сообществе обсуждался вопрос о 26 новых отраслей права, в 2012 г. — о 60, в 2017 г. — около 90 (!) новых отраслей права [16, с. 91], в частности, названы банковское право, внешнеэкономическое право, кредитное право, конкурсное право, ювенальное право и др. Этот автор полагает, что подобные предложения имеют искусственный характер, а сама такая тенденция «ставит под сомнение целостность и научность системы российского права» [16, с. 92], а такого рода поспешные могут привести к снижению эффективности правового регулирования общественных отношений, и может быть возникнут «трамвайно-троллейбусное право», «банно-прачечное право» и т. п.» [16, с. 92].

К этому следует добавить, что все чаще ставится под сомнение сама отрасль права как основной элемент структуры права и, соответственно, критикуется правовая триада «норма–институт–отрасль» (обзор критических замечаний имеется, в частности, в работе Д.Е. Петрова [17]).

Как видно, необходимо определять способы решения рассматриваемого противоречия между, с одной стороны, непрерывным усложнением социальных отношений, и, с другой стороны, не соответствующей этому развитию структуры действующего права как фундаментального регулятора таких отношений. Поскольку НПА становится всё больше и больше, то неизбежно происходит более детальная дифференциация отраслей права и соответственно, их количество также увеличивается, как бы ни иронизировать по поводу тех же «трамвайно-троллейбусного права» или «банно-прачечного права». Но бесконечным такое увеличение не может быть, поскольку в этом случае снижается эффективность правоприменения, и требуется более совершенная структура права.

В этой связи представляется, что один вариантов решения проблемы может быть следующим. Исходная позиция заключается в том, что общество, правоприменители, граждане, служащие должны иметь достаточно четкое представление о том, какая правовая система в России, какие законы (в широком толковании) действуют, каким образом найти доступ к нужному из них. Для этого не нужно ломать сложившееся положение — целесообразно усовершенствовать с учетом отмеченного выше противоречия. Отрасли права как классификационный критерий следует оставить, новый свод законов по типу империи или СССР не составлять. Но при этом необходимо оставить роспись всех отраслей права, а также

указать перечень всех НПА, входящих в каждую отрасль права. Указанная роспись отраслей права должна иметь официальный характер, очевидно, этим «с руки» заняться Минюсту РФ, и иметь, очевидно, рекомендательно-информационный характер. Что касается перечня НПА, то, как представляется, современный уровень цифровых технологий вполне позволяет решать эту задачу.

Что касается триады «норма-институт-отрасль», то, на наш взгляд, здесь целесообразно добавить еще один структурный элемент под условным названием «интеграл права» как новое правовое образование с большей степенью обобщения, чем отрасль права — аргументация автора по этому поводу изложена в ряде статей. Если кратко, интеграл права будет иметь свой предмет регулирования и тогда триада «норма-институт-отрасль» трансформируется в тетраду «норма-институт-отрасль-интеграл».

Интеграл может включать в себя и осуществлять своеобразное координирование смежных отраслей права, которые каждая в отдельности пока не позволяют регулировать должным образом выявлять актуальный аспект общественных отношений.

Например, «региональный интеграл публично-территориального права» может включать в себя отрасли права, содержащие акты, так или иначе регулирующие статус и деятельность регионов как публично-террито-

риальных образований (конституционное право, административное право и др.), что позволит в этих рамках решать такие требующие регулирования вопросы, как критерии отнесения тех или иных субъектов Федерации в состав федеральных округов, что сложно сделать в отдельных отраслях права.

Другой пример: «интеграл правоохранительного права» может включать в себя такие отрасли права, как уголовное право, административно-деликтное право, служебное право и др., что позволит в рамках этого интеграла более точно определять общие для этих отраслей права категории вины, умысла, наказания и т.д.

В «интеграл финансового права» могут включаться налоговое право, бюджетное право, банковское право и др., что позволит в рамках этого интеграла выявлять и регулировать давно уже нерешаемый актуальный вопрос более справедливого распределения налоговых платежей по разным уровням бюджетов (федеральным, региональным, муниципальным) с учетом складывающейся социальной практикой, когда, например, на базе мегаполисов формируются агломерации из разных муниципальных образований, и получается, что многие жители-налогоплательщики оставляют часть своих налоговых платежей «чужому» муниципалитету, а не своему.

Разумеется, это процесс потребует немало времени и усилий правового сообщества России.

ЛИТЕРАТУРА

- Шахова Е.М., Тангелов П.И. История возникновения и развития нормативно-правового документа (на примере «Русской правды») // Научный вестник Крыма. 2018. № 7 (18) / <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/401> (дата обращения: 10.03.2025).
- Иншакова И.О. Русская Правда как первоисточник унифицированного гражданско-правового развития русского государства // Legal Concept. 2015. № 4. С. 10–15.
- Козинец К.К. Исторический очерк российских систематизаций законодательства в форме свода законов // Право современного государства. 2014. № 1. С. 20–25.
- Сперанский М.М. Предположения к окончательному составлению законов // РНБ. Ф. 731. Д. 996. Русская старина. СПб., 1876. Т. XV. № 2.
- Кевбрина О.Б., Котляров С.Б. Историко-юридическая характеристика свода законов Российской империи 1832 года // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 4. С. 120–124.
- Налимов С.А. Свод законов Российской империи как акт систематизации законодательства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 13. С. 122–127.
- Азми Д.М. Учение М.А. Аржанова о системе права // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 5. С. 35–38.
- Кодан С.В. Свод законов СССР и своды законов союзных республик в обеспечении законодательного единства СССР (середина 1970-х — 1980-е гг.) // Genesis: исторические исследования. 2022. № 12. С. 278–294.
- Яшук Т.Ф. Систематизация российского законодательства в советский период. Омск: Изд. Омск. ГУ, 2021.
- Инф. о своде законов СССР // Сайт ГПИБ. СССР. Законы и постановления. Свод законов СССР / <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/100150?view=list> (дата обращения: 03.03.2025).
- Муромцев Г.И. Нужен ли России Свод законов? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. № 1. С. 3–23.
- Поленина С.В. Каким хотелось бы видеть Свод законов Российской Федерации как социального государства // Систематизация законодательства в России: история и современность (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы). Н. Новгород, 2008. С. 308–317.
- Червяковский А.В. Свод законов Российской Федерации в нормативных правовых актах и научной литературе // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2029. № 1. С. 44–50.
- Нормативно-правовые акты Российской Федерации / Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации // <http://pravo-search.minjust.ru:8080/bigs/portal.html> (дата обращения: 09.02.2025).
- Муравский В.А. Актуально-правовой аспект правового понимания // Государство и право. 2005. № 2. С. 13–18.
- Хачатуров Р.Л. Становление отраслей права Российской Федерации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 1 (41). С. 91–97.
- Петров Д.Е. Структурное многообразие системы российского права // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2 (40). С. 23–30.

© Упоров Иван Владимирович (uporov@list.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОРТРЕТ ЯТРОГЕННОГО ПРЕСТУПНИКА ПРИ НЕОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

PORTRAIT OF AN IATROGENIC CRIMINAL IN CASE OF FAILURE TO PROVIDE MEDICAL CARE

A. Ufimtsev

Summary. This article analyzes the socio-demographic characteristics of the criminal's personality (age, gender, education, place of residence, occupation, etc.), convicted of failure to provide medical care from 2020 to 2024. The purpose of the article is to create a portrait of an iatrogenic criminal convicted under Article 124 of the Criminal Code of the Russian Federation. The research is aimed at identifying trends and patterns that have developed in Russia over the past 5 years, which can be used to develop targeted preventive programs and improve the effectiveness of the quality control system for medical care. Statistical analysis and modeling methods were used in the study.

In addition to the formed portrait of the criminal, the result of the study are hypotheses about the relationship of socio-demographic characteristics with the criminogenic behavior of iatrogenic criminals.

Keywords: portrait of a criminal, identity of a criminal, iatrogenic criminal, failure to provide assistance, medical officer, demographic characteristics, statistics, criminology.

Уфимцев Антон Николаевич

Старший преподаватель, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный технический университет»
anton-ufimtsev@mail.ru

Аннотация. В данной статье проведен анализ социально-демографических характеристик личности преступника (возраст, пол, образование, место жительства, род занятий и др.), осужденного за неоказание медицинской помощи с 2020 года по 2024 год. Цель статьи — формирование портрета ятрогенного преступника, осужденного по статье 124 Уголовного кодекса Российской Федерации. Исследование направлено на выявление тенденций и закономерностей, сложившихся в России за последние 5 лет, которые могут быть использованы для разработки целевых профилактических программ и повышения эффективности системы контроля за качеством оказания медицинской помощи. При проведении исследования использовались методы статистического анализа и моделирования.

Помимо сформированного портрета преступника, результатом исследования являются выдвинутые гипотезы о взаимосвязи социально-демографических характеристик с криминогенным поведением ятрогенных преступников.

Ключевые слова: портрет преступника, личность преступника, ятрогенный преступник, неоказание помощи, медицинский сотрудник, демографические признаки, статистика, криминология.

Введение

В сфере здравоохранения, где жизнь и здоровье пациента являются высшей ценностью, особую обеспокоенность вызывает феномен ятрогенных преступлений, связанных с неоказанием медицинской помощи.

Понимание особенностей этих преступлений невозможно без детального анализа личности преступника. Как отмечает А.А. Хизриев, «личность преступника — это своего рода источник всех отличительных характеристик, которые выделяют ятрогенных преступлений от иных категорий противоправных деяний» [1, С. 156].

«Широко применяемым в криминологии инструментом познания личности преступника является обращение к данным правовой статистики» [2, С. 154]. Анализ статистических данных позволяет отследить динамику ключевых показателей, выявить взаимосвязи между ними и социальными процессами, а также приблизиться к пониманию закономерностей, формирующих личность преступника.

Цель и задачи исследования

Цель настоящего исследования заключается в формировании портрета личности ятрогенного преступника, осужденного по ст. 124 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Задачи исследования: определить и систематизировать основные социально-демографические характеристики (возраст, пол, образование, место работы и др.) субъектов, привлеченных к уголовной ответственности за неоказание медицинской помощи за последние 5 лет; на основе полученных данных сформулировать выводы о личности ятрогенного преступника.

Методология исследования

При проведении исследования использовались методы статистического анализа и моделирования.

Основные результаты

По мнению А.Н. Варыгина, возраст играет определяющую роль в формировании личности преступника.

Автор объясняет это тем, что именно он влияет на развитие физических и умственных способностей, уровень образования, профессиональную деятельность, систему потребностей и ценностей, жизненные планы и установки, и, как следствие, на характер поведения человека. Таким образом, возраст является ключевым фактором, формирующим личность и предопределяющим особенности ее поведения, в том числе и преступного [3, С. 33].

Анализ статистических данных позволяет сделать определенные выводы о возрастных характеристиках лиц, осужденных за неоказание помощи больному (см. рисунок 1).

Из диаграммы видно, что наблюдается тенденция к доминированию в числе осужденных лиц старших возрастных групп. Значительная доля (47 %) приходится на лиц старше 50 лет, еще 41 % — лица от 30 до 49 лет.

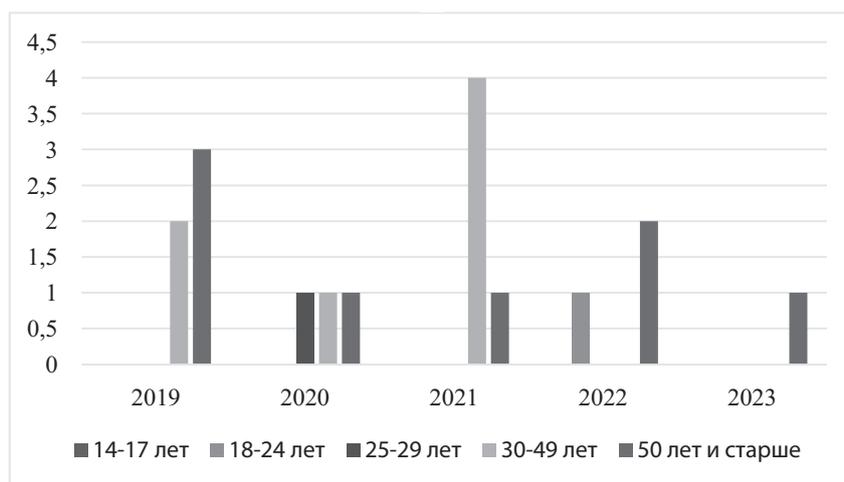
Обновленная с 2024 года форма статистической отчетности позволяет получить более детализированные данные о возрастном составе осужденных за неоказание медицинской помощи (см. рисунок 2).

Согласно приведенным сведениям, возрастная структура выглядит следующим образом: половина (50 %) осужденных — лица в возрасте 60 лет и старше, по 25 % приходятся на возрастные группы 30–39 лет и 40–49 лет.

Более того, конкретизированные данные официальной статистики говорят о том, что часто это лица пенсионного возраста. Так, в 2019 году в числе 5 осужденных был мужчина, достигший к моменту вынесения судом приговора шестидесятилетнего возраста, и женщина пенсионного возраста (55 лет и старше); в 2020 году из 3 осужденных 1 лицо — мужчина, достигшее шестидесятилетнего возраста; в 2021 году среди 5 осужденных одно лицо являлось женщиной пенсионного возраста, а в 2022 году аналогично, только уже среди 3 осужденных.

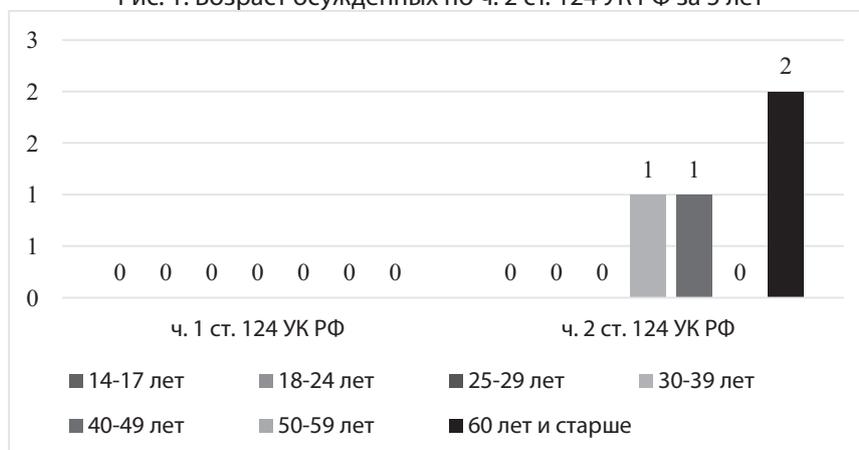
Анализ статистики позволяет выдвинуть несколько гипотез о личности ятрогенного преступника:

- 1) специалисты старшего возраста (от 50 лет), имеющие многолетний опыт работы, в силу накопленных знаний и привычек, склонны к консер-

Источник: Составлено автором на основании [4]

Рис. 1. Возраст осужденных по ч. 2 ст. 124 УК РФ за 5 лет

Источник: Составлено автором на основании [4]

Рис. 2. Возраст осужденных по ст. 124 УК РФ в первом полугодии 2024 года

вативным методам лечения и недооценке новых технологий, что повышает риск совершения ошибок, обусловленных устаревшими подходами или недостаточной адаптацией к современным стандартам оказания медицинской помощи.

- 2) специалисты среднего возраста (30–49 лет) зачастую находятся в периоде активной профессиональной деятельности, стремятся к карьерному росту и финансовому благополучию, что приводит к перегрузке, работе на износ и, как следствие, совершению ошибок из-за невнимательности и усталости.
- 3) у лиц пенсионного возраста может наблюдаться снижение когнитивных функций, ухудшение памяти и внимания, что может являться следствием ошибок в профессиональной деятельности.

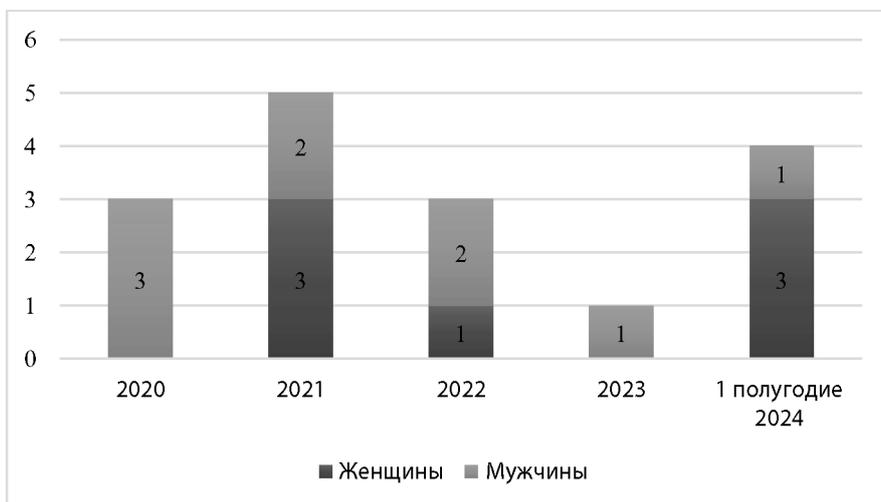
Отметим, что в связи с отсутствием случаев привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 124

УК РФ в исследуемый период, статистический анализ, представленный ниже, основан на данных привлечения к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 124 УК РФ.

Что касается половой принадлежности, статистика указывает на то, что ятрогенные преступления совершаются как мужчинами, так и женщинами, что, на первый взгляд, говорит об отсутствии прямой связи между гендером и склонностью к совершению данных преступлений (см. рисунок 3).

Тем не менее за последние пять лет наблюдается незначительное преобладание осужденных мужчин: 56,25 % лиц мужского пола против 43,75 % женского. Примечательным является тот факт, что в отдельные годы (2020 г., 2023 г.) по статье 124 УК РФ осуждались только мужчины.

Дополнительно отметим, что такой перевес не согласуется с общей гендерной структурой в сфере здравооо-

Источник: Составлено автором на основании [4]

Рис. 3. Половая принадлежность осужденных лиц по ст. 124 УК РФ

Источник: Составлено автором на основании [4]

Рис. 4. Образование осужденных по ст. 124 УК РФ

ранения, где женщины составляют значительное большинство врачей и подавляющее большинство среднего медицинского персонала. Так, по словам министра здравоохранения РФ в России работает более 71 % врачей-женщин и более 95 % среднего медицинского персонала женского пола [5]. Таким образом, большее количество женщин, работающих в медицине, потенциально увеличивает вероятность того, что среди лиц, совершающих ятрогенные преступления и подвергающихся уголовному преследованию, будет больше женщин. Однако на практике все совсем наоборот.

Все лица, осужденные по ст. 124 УК РФ, имеют как минимум среднее профессиональное образование, преобладающее большинство (81,25 %) имеет высшее профессиональное (см. рисунок 4).

Отсутствие в статистических данных сведений об общем образовании логично согласуется с требованиями законодательства, предъявляемыми к квалификации лиц, занимающих должности, связанные с оказанием медицинской помощи. Как определяет Р.А. Давыдов: «субъектом неосторожных преступлений против жизни и здоровья, совершенных медицинскими работниками, будет лицо, получившее высшее или среднее медицинское и фармацевтическое образование в Российской Федерации, имеющее диплом и специальное звание, а также сертификат специалиста или лицензию на осуществление медицинской или фармацевтической деятельности» [6, С. 246].

Согласимся В.Д. Гавриловой, что в случае совершения преступления специальным субъектом, социально-демографические признаки становятся более конкретными [7, С. 68].

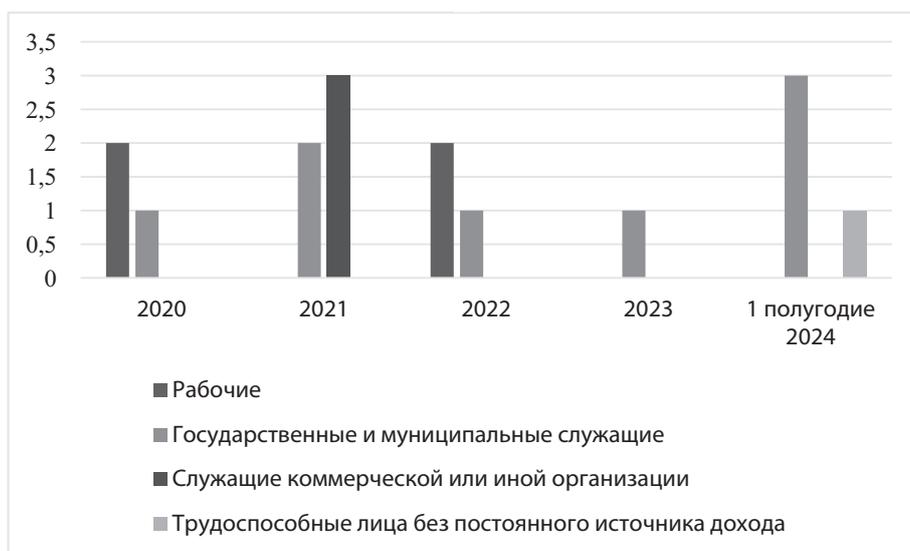
Что касается данных о месте работы, они также закономерно ограничены спектром учреждений здра-

воохранения и мест частных практик, что обусловлено спецификой профессиональной деятельности лиц, обладающих статусом специального субъекта в контексте ятрогенных преступлений (см. рисунок 5).

Анализ данных о роде занятий осужденных за ятрогенные преступления показывает, что наиболее часто такие преступления совершаются лицами, работающими в государственных или муниципальных учреждениях (50 %). Значительная доля осужденных также приходится на специалистов, занятых в коммерческих или иных организациях (37,5 %). Кроме того, четверть осужденных (25 %) составляют лица, занимавшие рабочие должности. Также отмечен единичный случай осуждения лица, не имеющего постоянного источника дохода.

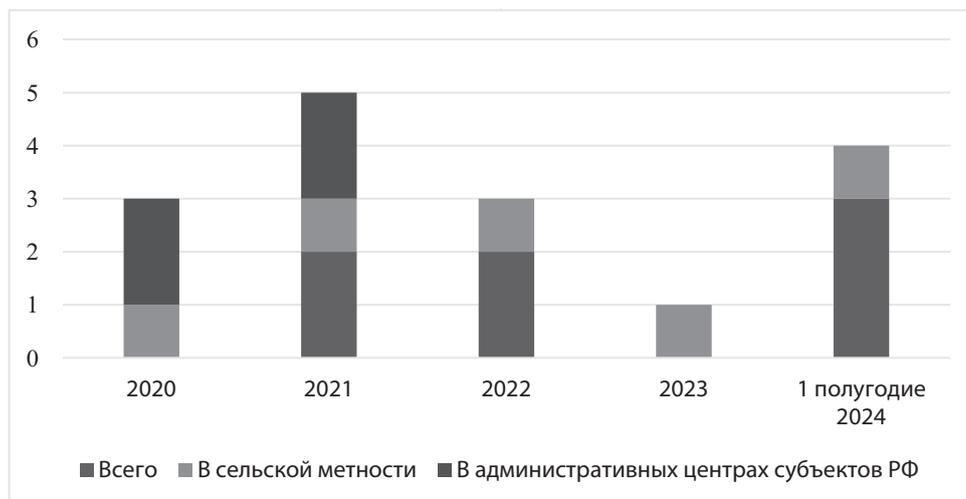
Следует обратить внимание на категорию рабочих (25 %) в статистике занятости осужденных. В контексте ятрогенных преступлений, где субъектами выступают лица, наделенные специальными профессиональными обязанностями в сфере здравоохранения, отнесение к категории «рабочие» вызывает сомнения. Вероятно, это является результатом ошибки сотрудников статистического учета и такие лица, скорее всего, должны быть отнесены к группам «государственные или муниципальные учреждения» или «коммерческие или иные организации». Изложенное подтверждается тем фактом, что данные лица осуждены за не оказание помощи больному, а значит имели статус специального субъекта по данной статье.

Что касается данных о месте жительства, все преступления в исследуемый период были совершены постоянными жителями данной местности [4]. При этом отметим, что ежегодно по одному преступлению совершается в сельской местности (см. рисунок 6).

Источник: Составлено автором на основании [4]

Рис. 5. Род занятий осужденных лиц по ст. 124 УК РФ

Источник: Составлено автором на основании [4]

Рис. 6. Место совершения преступления по ст. 124 УК РФ

Примечательно, что все зафиксированные преступления совершены лицами впервые [4]. Факт отсутствия рецидива подчеркивает, что ятрогенные преступления, как правило, не являются результатом систематической преступной деятельности, а скорее обусловлены единичными ошибками, небрежностью или стечением обстоятельств.

На примере уголовного дела №1-14/2023 Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан можно дополнительно выявить типичные данные о личности ятрогенного преступника. Такое лицо, как правило, ранее не судимо, впервые привлекается к уголовной ответственности, на учете у врача-нарколога и врача-психиатра не состоит, положительно характеризуется, трудоустроено, обладает желанием встать на путь ис-

правления и намерением вести законопослушный образ жизни [8].

Заключение

Таким образом, личность ятрогенного преступника, осужденного за неоказание медицинской помощи, обладает следующими социально-демографическими характеристиками: специалист мужского пола (незначительно реже — женского) в возрасте от 50 лет и старше (хотя значительная доля приходится и на лиц в возрасте от 30 до 49 лет), имеющий высшее медицинское образование, занимающий должность в государственном учреждении в сфере здравоохранения (незначительно реже — в коммерческой организации), ранее не привлекаемый к уголовной ответственности и характеризующийся положительно.

ЛИТЕРАТУРА

- Хизриев А.А. Характеристика личности ятрогенного преступника / А.А. Хизриев // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 4 (208). — С. 156–158.
- Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения): сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 23–24 марта 2023 г.) / науч. ред. В.В. Меркурьев, Ю.А. Тимошенко; [сост. М.В. Ульянов, Р.В. Закомолдин]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, Рос. криминолог. ассоц. — М., 2023. — 676 с.
- Варыгин А.Н. Преступность представителей различного возраста // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2016. — № 4 (26). — С. 33–35.
- Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <https://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 12.02.2025).
- Скворцова: число женщин-врачей в РФ существенно превышает число врачей-мужчин // ТАСС [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/5587049> (дата обращения: 09.02.2025).
- Давыдов, Р.А. Преступления против жизни и здоровья личности, совершенные медицинскими работниками по неосторожности: типичная информация о личности преступника / Р.А. Давыдов // Бизнес. Образование. Право. — 2012. — № 1(18). — С. 245–249.
- Гаврилова, В.Д. К вопросу о личности преступника в неосторожных преступлениях / В.Д. Гаврилова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 5–1(92). — С. 68–70.
- Приговор Набережночелнинский городской суд Республики Татарстан от 28 июля 2023 года по делу № 1-14/2023 [Электронный ресурс] URL: https://naberezhno-chelninsky-tat.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&name_op=case&case_id=379259070&case_uid=f5c4bdd2-98e6-47e1-9771-f6a1169f66a3&delo_id=1540006 (дата обращения: 20.02.2025).

© Уфимцев Антон Николаевич (anton-ufimtsev@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЕЙ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ

LEGAL EDUCATION OF VOTERS AS A FIELD OF ACTIVITY OF ELECTION COMMISSIONS

S. Shafigulina

Summary. The problems of legal education of the younger generation represent a wide problematic field for scientific research, especially within the framework of an interdisciplinary approach. One of the problems attracting the attention of the scientific and professional community, government agencies, and public organizations is the legal culture of youth, in particular in the field of electoral law. The legal worldview, legal culture and the legal behavior formed on their basis characterize a citizen as a subject of socio-political life. In this regard, the formation of the legal worldview and the legal culture of voters is one of the priorities of the national scale. Law enforcement activities, as one of the activities of election commissions, are becoming increasingly important. Based on the Concepts of improving the legal culture of voters implemented in 2022–2024 and adopted for 2025–2027, the author analyzes the organizational and methodological foundations of legal education for the younger generation. In the course of the presented research, a summative methodological approach was applied, based on a combination of general scientific and private scientific methods and principles of cognition of state-legal phenomena. The article notes that the effectiveness of the law enforcement activities carried out by the election commissions is confirmed in the data of opinion polls.

Keywords: legal worldview, electoral culture, public authority, electoral commission, generation Z and A.

Шафигулина Светлана Равильевна

кандидат юридических наук, Астраханский
государственный университет им. В.Н. Татищева
sv-shafigulina@yandex.ru

Аннотация. Проблемы правового просвещения молодого поколения представляют широкое проблемное поле для научных исследований, особенно в рамках междисциплинарного подхода. Одной из проблем, привлекающих внимание научно-профессионального сообщества, государственных органов, общественных организаций является правовая культура молодежи, в частности в сфере избирательных правоотношений. Правовое мировоззрение, правовая культура и формирующееся на их основе правовое поведение характеризует гражданина как субъекта общественно-политической жизни. В связи с этим, формирование правового мировоззрения и правовой культуры избирателей составляет одну из приоритетных задач государственного масштаба. Правопросветительская деятельность, как одно из направлений деятельности избирательных комиссий, приобретает все большую значимость. На основании реализованной в 2022–2024 годах и принятой на 2025–2027 годы Концепции повышения правовой культуры избирателей, автором дается анализ организационных и методических основ правового просвещения молодого поколения. В ходе проведения представленного исследования применялся суммативный методологический подход, построенный на сочетании общенаучных и частнонаучных методов и принципов познания государственно-правовых явлений. В статье отмечается, что эффективность проводимой избирательными комиссиями правопросветительской деятельности, находит подтверждение в данных социологических опросов.

Ключевые слова: правовое мировоззрение, электоральная культура, публичная власть, избирательная комиссия, поколение Z и A.

Развитие современного государства находится под влиянием совокупности факторов, одни из которых лежат в государственно-правовой плоскости национального пространства, другие — обусловлены внешним влиянием, заимствованием. К числу первой группы факторов можно отнести мировоззренческие основы как систему ценностей, взглядов, оценок и формирующихся на их основе поведенческих моделей. В государственно-правовом пространстве мировоззренческие основы индивида и общества проявляются в форме правового сознания, правового менталитета, правовой культуры. Особенно чувствительна к ним сфера избирательных отношений, поскольку электорально-поведенческая модель формируется на основе правового мировоззрения. Формирование правового мировоззрения и правовой культуры происходит под влиянием личного политико-правового опыта, мнения окружающих о государственно-правовых явлениях, информации, полу-

ченной из социальных сетей, других информационных источников и т.д. Все это сказывается на электоральной модели поведения: положительной, индифферентной или негативной. Государство, закрепляя за гражданами право на участие в управлении, выборах, заинтересовано в реализации большинством населения положительной электоральной модели поведения. Процесс формирования правового мировоззрения и правовой культуры избирателей составляет одну из приоритетных задач государственного масштаба.

В современных условиях возрастает значение одного из видов просвещения, а именно — правового, что обусловлено ролью и значением права как регулятора общественных отношений, сложностью нормативной основы современных отношений, динамикой развития законодательства. Сложно представить какую-либо сферу общественных отношений (за известным исклю-

чением), не находящуюся под регулирующим воздействием правовых предписаний, особенно, если это сфера публичных отношений. В публично-политическое пространство входят отношения, связанные с воспроизводством публичной власти на основе реализации гражданами конституционных прав.

В 2023 году исполнилось 30 лет действия российской Конституции, определившей новые ориентиры развития государственно-политической сферы. Закрепляя роль народа как источника власти, политическое многообразие, выборность органов публичной власти, государство предоставляет возможность реализации гражданами своего политического потенциала. В российском государственно-правовом пространстве эта возможность гарантирована конституционными положениями (ст.ст. 3, 31, 32 Конституции РФ и рядом других). Для реализации гражданами своих политических прав необходима определенная подготовленность, базирующаяся на знании и понимании законодательства, личностной и социально-психологической готовности и желании действовать, оценивать результаты своих действий и т.д. К числу условий, обеспечивающих вышеназванное, следует отнести ведение разъяснительной деятельности, т.е. правовое просвещение участников политической жизни страны.

Правопросветительская деятельность, в качестве базовой задачи, поставлена в «Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» [17], что придает особый вес этому виду деятельности. Ее значимость признана не только со стороны научно-профессионального сообщества, но и субъектов государственной политики, особенно в сфере воспроизводства публичной власти и формирования легитимных выборных органов власти.

К числу субъектов государственной политики, реализующих правовое просвещение в публично-политической сфере, относится ЦИК РФ. В частности, к полномочиям ЦИК РФ отнесено правовое обучение избирателей (пп. «в» п. 9 ст. 21 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [20]), аналогичными полномочиями наделены избирательные комиссии субъектов РФ, ТИК. В принятой в 2021 году Концепции повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации на 2022–2024 годы [18] (далее в тексте — Концепция/2022) избирательные комиссии субъектов РФ должны «ежегодно разрабатывать и реализовывать мероприятия по повышению правовой культуры избирателей» (п.4 Концепции/2022).

Для правового мировоззрения и электорально-правовой культуры как особых социокультурных феноменов свойственны ряд функций:

- познавательная, состоящая в приобретении знаний об избирательном процессе;
- регулирующая, выражающаяся в сопоставлении своего поведения с правовыми требованиями;
- моделирующая, состоящая в формировании собственной модели электорального поведения.

В 2024 году ЦИК РФ утверждена Концепция повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации на 2025–2027 гг. (далее в тексте — Концепция/2025) [19]. Основной правопросветительский вектор указанной Концепции направлен на формирование «у граждан Российской Федерации всеобъемлющих знаний о праве, отношения к праву и навыков правового поведения, обеспечивающих осознанное участие в избирательном процессе» [19, с.1].

Принятие новой Концепции дает возможность подвести некоторые итоги реализации предыдущей. Правопросветительская деятельность осуществлялась двух уровнях: в масштабе всего государства и в каждом субъекте РФ.

Во-первых, более 30 лет осуществляет свою деятельность Российский центр обучения избирательным технологиям при ЦИК РФ (первоначально назывался «Российский центр политического маркетинга»), организующий конкурсы, олимпиады всероссийского масштаба, охватывающие разные группы молодых и будущих избирателей. В числе наиболее значимых мероприятий, ориентированных на разные возрастные группы, Всероссийский конкурс на лучшую работу по вопросам избирательного права и избирательного процесса «Атмосфера (с 1999 г.); с Всероссийская олимпиада «Софиум» для школьников (с 2019 г.). Первый ориентирован на студенческую молодежь, молодых преподавателей, а второй на подрастающее поколение избирателей.

Во-вторых, в субъектах РФ избирательные комиссии проводили мероприятия различных форматов, ориентированные на разные возрастные группы: в форме творческих конкурсов среди воспитанники детских садов и учащиеся начальных классов («Выборы глазами ребенка» [13], «Выборы глазами детей» [9], «Родину, тундру, семью нарисуем — и обязательно проголосуем!» [11]); в интеллектуально-игровой форме («Выборы — это важно!» [10], «Твой выбор — будущее России» [12], «Время выбирать» [13], «Я — будущий избиратель!» [6]); в форме тематических лекториев, конференций, круглых столов («Выборы в России — инструмент народовластия: прошлое, настоящее и будущее» [14], «Актуальные проблемы избирательного права» [7], «Сегодня — школьник, завтра — избиратель» [8]) и ряд других. Избирательными комиссиями субъектов РФ проводится комплекс мероприятий различного формата.

Главной целью правового просвещения избирателей является формирование положительной мотивации и осознанного участия в избирательном процессе. По данным ВЦИОМ за 2024 год, молодежь чаще всего указывала в качестве личного мотива участия в выборах — «мой гражданский долг». На это указали 49 % респондентов в возрасте от 18 до 24 лет, 46 % — в возрасте 25–34 лет [2]. Главное, чтобы мотивы электорального поведения, связанные с побуждениями, которыми руководствуется избиратель, приобрели статус цели.

Эмпирические данные показывают, что поставленные цели и задачи в Концепции/2022 можно считать достигнутыми. Результатом деятельности субъектов государственной политики стало повышение доверия общества к институту выборов и демонстрация участниками избирательного процесса правокультурного электорального поведения. По данным социологических опросов, проводимых ВЦИОМ, в 2004 г. и 2008 г. 53 % респондентов положительно высказались о признании результатов выборов соответствующими волеизъявлению граждан и их достоверности, в 2012 г. этот показатель составил 44 %, в 2018 г. — 60 %, в 2024 г. — 72 % россиян высказались о своем доверии к результатам президентских выборов 2024 г. [3]

Известно, что общественное мнение может изменяться под воздействием различных факторов и данные соцопросов это фиксируют, как например, данные за 2012 г. Поэтому вопросы правового просвещения избирателей остаются приоритетными в повестке дня ЦИК РФ и избирательных комиссий субъектов Федерации. Отметим, что по данным опроса, проведенного ВЦИОМ в 2018 году, более 60% респондентов высказались о ЦИК как органе, «стремящийся сделать выборы справедливыми и демократическими» [4]. Такая оценка свидетельствует о повышении доверия общества к органу, организующему выборный процесс, так и результатам выборов.

Среди ориентиров Концепция/2025 указывает на необходимость применения современных технологий по повышению правовой культуры избирателей. И это не случайно, ведь мы живем в цифровую эпоху и технологии прочно вошли в нашу повседневную жизнь. Особенно активно в нее вовлечено молодое поколение, подавляющую часть своего времени проводящее в интернет-пространстве. Действительно «технологии меняют ряд важных параметров социального взаимодействия» [15, с.11] и это необходимо учитывать. Виртуальное коммуникационное пространство может сформировать либо положительный электоральный ответ, либо индифферентный.

В контексте теории поколений (У. Штраусс и Н. Хоуф) интернет-пространство в условиях стремительного роста объема информации стало комфортной

площадкой коммуникационного обмена поколения Z (2000–2011 г.р.) и А (с 2011 г.р.). Интернет-пространство представляет собой мощный фактор, оказывающий воздействие на молодое поколение, не всегда положительное. Здесь происходит формирование личного и общественного мнения, ценностных ориентаций поколения Z и А, появляются «лидеры мнений и общественно значимые и известные фигуры» [5, с.14], чья оценка событий, происходящих в стране, оказывается более значимой.

В утвержденной на 2025–2027 годы Концепции, предусматриваются мероприятия разные по своему формату и социо-возрастной аудитории, подчеркивается, что они «могут быть проведены с использованием различных форм информационно-разъяснительной работы с избирателями, в том числе дистанционных — при помощи информационно-разъяснительных телеграм-каналов ЦИК России и РЦОИТ при ЦИК России (телеграм-канал «Электорий»), сообществ в социальных сетях и каналов на видеохостингах (каналы «Просто о выборах» на видеохостингах)» [19, с.7].

Электоральное правовое просвещение участников избирательного процесса есть идейно-мировоззренческая, организационно-методическая деятельность органов публичной власти, образовательных организаций, институтов гражданского общества, направленная на формирование общественно-политических компетенций. Субъектами ее являются как избирательные комиссии, так и образовательные организации, учреждения культуры (библиотеки) и ряд др.

Фокус внимания избирательных комиссий обращен на правовое просвещение молодежи, представляющей собой социально-демографическую группу, незащищенную от негативных социально-политических воздействий. В своей деятельности избирательные комиссии предусматривают мероприятия, которые направлены на поддержание активного и осознанного участия молодого поколения в избирательном процессе, формирование моделей правомерного электорального поведения участников избирательного процесса.

Правовое просвещение избирателей, как и любая правопросветительская деятельность, направлена на распространение знаний, формирование ценностных установок, общественно-политических компетенций. Она нацелена на активизацию познавательной деятельности, формирование устойчивой внутренней мотивации, обеспечивающий положительно-осознанное участие молодежи в избирательном процессе. Как показала общественно-политическая практика, выбранный курс, воплощенный в Концепции повышения правовой культуры избирателей оказался обоснованным и достаточно результативным и работа в этом направлении будет продолжена в 2025–2027 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой академический словарь русского языка/гл.ред.А.С.Герд. М.–СПб.: Наука, 2012. Т.21.
2. ВЦИОМ. Новости: Выборы Президента России — 2024: мотивация избирателей. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-prezidenta-rossii-2024-motivacija-izbiratelei> (дата обращения 19.12.2024)
3. ВЦИОМ. Новости: Выборы Президента РФ-2024: оценка результатов. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vybory-prezidenta-rf-2024-ocenka-rezultatov> (дата обращения 19.12.2024)
4. ВЦИОМ. Новости: Центральная избирательная комиссия: оценки работы, доверие. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/czentrlnaya-izbiratelnaia-komissiya-ocenki-raboty-doverie> (дата обращения 21.12.2024)
5. Гришаева, С.А. Перспективы развития цифровых форм политического участия поколения Z в современной России / С.А. Гришаева, А.А. Лебедева // Цифровая социология. — 2020. — Т. 3, № 4. — С. 12–18. — DOI 10.26425/2658-347X-2020-3-4-12-18. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: elibrary_44609853_11573464.pdf (дата обращения 14.12.2024)
6. Избирательная комиссия Астраханской области. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.astrakhan избирком.ru/news/12080/> (дата обращения: 15.01.2025).
7. Избирательная комиссия Астраханской области. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.astrakhan избирком.ru/news/12106/> (дата обращения: 15.01.2025).
8. Избирательная комиссия Запорожской области. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zaporozhye избирком.ru/news/24374/>(дата обращения 15.12.2024)
9. Избирательная комиссия Камчатского края. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kamchatka-krai избирком.ru/news/?ELEMENT_ID=12270(дата обращения 15.12.2024)
10. Избирательная комиссия Курской области. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.kursk избирком.ru/news/?PAGEN_1=2 (дата обращения: 15.01.2025).
11. Избирательная комиссия Ненецкого автономного округа. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.nenetsk избирком.ru/news/?PAGEN_1=4 (дата обращения 19.12.2024)
12. Избирательная комиссия Республики Алтай. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.altai-rep избирком.ru/news/?ELEMENT_ID=2288 (дата обращения: 15.01.2025).
13. Избирательная комиссия Сахалинской области. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sakhalin избирком.ru/news/4461/> (дата обращения: 15.01.2025).
14. Избирательная комиссия Тюменской области. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.tyumen избирком.ru/news/26-maya-2023-goda-v-g-chita-zabaykalskiy-kray-sostoitsya-ivmezhhregionalnaya-nauchno-prakticheskaya-k/> (дата обращения: 18.01.2025)
15. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография/Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило и др.; под общ.ред. Н.Н. Черногора, Д.А. Пашенцева. -Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2021. — 224 с.
16. Модельный закон «О просветительской деятельности» (Принят в г. Санкт-Петербурге 07.12.2002 Постановлением 20-15 на 20-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ)// Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2003. N 30 (часть 2).
17. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 28.04.2011 N Пр-1168) // Российская газета, N 151, 14.07.2011.
18. Постановление ЦИК России от 15.12.2021 N 74/629-8 (ред. от 17.05.2023) «О Концепции повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации на 2022–2024 годы» //Вестник ЦИК России, N 24, 2021.
19. Постановление ЦИК России от 25.12.2024 N 191/1493-8 «О Концепции повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации на 2025–2027 годы»// Документы ЦИК России (дата обращения 10.01.2025)
20. Федеральный закон от 12.06.2002 N 67-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 13.12.2024) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 17.06.2002, N 24, ст. 2253.

© Шафигулина Светлана Равильевна (sv-shafigulina@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

ON THE RELEVANCE OF THE PROBLEM OF COMBATING JUVENILE DELINQUENCY IN THE INTERNET

A. Shevchenko

Summary. The article is devoted to the study of a new threat to public safety — juvenile delinquency in the Internet. Based on the analysis of the provisions of the criminal legislation of the Russian Federation and the opinions of domestic scientists, the relevance of the study of this negative social phenomenon is substantiated. The study also examines the relationship between concepts such as criminality, crime, and criminal behavior.

Keywords: minors, crime, criminality, criminal behavior, the Internet.

Шевченко Анастасия Алексеевна

*адъюнкт, Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И.Ф. Шилова
xpro36@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию новой угрозы общественной безопасности — преступности несовершеннолетних в сети «Интернет». На основе анализа положений уголовного законодательства РФ и мнений отечественных ученых обосновывается актуальность исследования указанного негативного социального явления. В ходе исследования также рассматривается соотношение таких понятий, как преступность, преступление и преступное поведение.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступление, преступность, преступное поведение, сеть «Интернет».

Проблемы преступности всегда вызывали внимание ученых и практических сотрудников. В течение уже длительного времени ученые пытаются понять, что толкает человека на совершение преступления, а также какие способы являются наиболее действенными в сфере борьбы с преступностью.

Общепризнанным является классификация преступности исходя из характеристики субъекта, в соответствии с которой выделяется такой вид преступности как преступность несовершеннолетних. Данный вид преступности подвергается пристальному вниманию, что можно обосновать тем, что несовершеннолетние являются теми субъектами, которые встав на преступный путь, могут впоследствии пополнить ряды рецидивистов. Кроме того, рост преступности среди несовершеннолетних порождает тревогу в обществе.

Преобладающая высокая преступная активность несовершеннолетних в РФ — это явление «нашего времени». К большому сожалению, приходится устанавливать, что несовершеннолетние являются наиболее криминальной и, в то же время, наименее социально защищенной категорией населения.

В условиях развития информационно-телекоммуникационных технологий стали стремительно изменяться все сферы жизни общества, кроме того, весьма обострились проблемы обеспечения законности и правопорядка. Сегодня информационно-коммуникационные технологии выступают также и инструментом, позволяющим

осуществлять преступные действия в более латентном порядке, что обуславливает привлекательность данной криминальной сферы для преступников. Молодежь, как одну из уязвимых социальных групп населения, не обошли стороной негативные тенденции развития общества. С развитием информационного цифрового пространства возросло его деструктивное влияние на несовершеннолетних, что привело к увеличению числа преступлений, совершенных несовершеннолетними в сети «Интернет».

Используя сеть «Интернет» происходит формирование определенной позиции у несовершеннолетних, что приводит к тому, что несовершеннолетние вовлекаются в такие преступления как терроризм, незаконный оборот наркотиков и порнографии. Также в сети «Интернет» наблюдается рост таких противоправных деяний, как кибербуллинг, доведение до самоубийства, мошенничество и распространение контента ограниченного характера, которые совершаются несовершеннолетними в том числе в отношении своих сверстников.

Прежде чем исследовать преступность несовершеннолетних, необходимо охарактеризовать преступность в целом как негативное социальное явление. При анализе преступности следует обращать внимание на такие категории как преступное поведение, преступность и преступление.

По мнению Ю.М. Антоняна понятия «преступление» и «преступное поведение» не являются тождественными

ми. Автор видит отличие в том, что преступление является уголовно-правовым понятием, тогда как преступное поведение является понятием, которое используется в криминологии. Также, автор указывает и на объем исследуемых понятий, при котором преступное поведение является более широким понятием, нежели понятие преступление [1, с. 64]. Что касается преступности, то Ю.М. Антонян отмечает, что преступность представляет собой совокупность преступлений и что это массовое, исторически изменчивое, социальное явление [2, с. 94].

Достаточно подробно рассматривает отличия между преступным поведением и преступностью О.В. Старков. Под преступностью автор понимает общесоциальное, регрессивное, безличностное, нисходяще-восходящее, суммативно-целостное явление, существующее в массе неоднородных преступлений, в типах и в воспроизводстве социальных противоречий, имеющее в качестве показателей состояние, уровень, структуру, динамику, латентность, раскрываемость, индексы. Преступное поведение, по мнению автора, представляет собой общественно-опасную, отклоняющуюся деятельность, то есть систему деяний, стремящихся к преступлению и завершающихся им или нет в зависимости от успеха профилактики, имеет свои типы [3, с. 122].

Таким образом, преступность носит не только социальный, но и правовой характер. И несмотря на то, что право в свою очередь является социально значимой категорией, указание на правовую тенденцию преступности носит не просто дополнительный, но принципиально важный аспект.

Как уже было отмечено, в первую очередь, преступность относится к социальным явлениям. Подобную концепцию можно охарактеризовать тем, что преступность является следствием не биологической природы индивида, правда последняя способствует определенному криминогенному влиянию на генезис правомерного поведения человека, а именно содержанием и природой общественных взаимоотношений и разногласий.

Криминологическую сущность преступности нельзя понять, не уяснив того, как соотносятся содержание терминов «преступность» и «преступление». Здесь нужно подчеркнуть, что если определение преступности носит криминологический характер, то формулировка понятия преступления заложена в уголовном законодательстве.

Рассмотрение понятия «преступление» обычно связано с двумя основными аспектами: в качестве акта поведения индивида и как уголовно наказуемое деяние. При оценке преступления в целом, следует обращаться к его социально-правовой характеристике, к тому, как взаимосвязаны социальные и юридические аспекты. По-

средством анализа указанных аспектов представляется возможным определить частный криминологический подход к понятию преступление.

Обращаясь к изучению понятия преступности несовершеннолетних, следует отметить, что рассматриваемый вид преступности, являясь составной частью преступности в целом, в различные исторические эпохи выделялся как отдельное социальное явление, имеющее свои специфические особенности, прежде всего обусловленные возрастом несовершеннолетних и применением к данной категории лиц мер, направленных на гуманизацию ответственности подростков за совершенные преступления.

Классификация преступности по возрасту лиц, совершивших преступление, позволяет не только выявить типичные признаки преступников, но и определить детерминанты данной преступности. Исследуя такие критерии, как личность преступника, а также способ совершения преступления, целесообразно выделять в отдельную группу преступность несовершеннолетних в сети «Интернет».

Рассмотрим сущность данного вида преступности. Как было указано, основанием для выделения такой группы выступает возраст преступника. При этом уже на этой стадии возникают проблемы, связанные с характеристикой личности преступника.

По общему правилу несовершеннолетним признается лицо, которое достигло четырнадцатилетнего возраста, но при этом не достигло восемнадцати лет. При этом авторами исследований преступности несовершеннолетних фактически не уделяется внимание вопросам анализа преступности лиц, совершивших преступления до достижения четырнадцатилетнего возраста. Такой недостаток является существенным, ведь в большинстве случаев раннее предупреждение и профилактика позволяют не допустить последующее совершение преступлений со стороны несовершеннолетних. Так, если несовершеннолетний не достиг возраста уголовной ответственности, он не является субъектом преступления, но при этом такого несовершеннолетнего нужно рассматривать как личность.

Обращаясь к проблеме преступности несовершеннолетних в сети «Интернет», следует исходить из того, что она представляет собой часть преступности в обществе и развивается под воздействием тех же факторов, что и преступность в целом. При этом в ходе исследования должны быть выявлены специфические факторы, влияющие на преступность несовершеннолетних в сети «Интернет», с целью выработки необходимых мер превентивного характера [4, с. 79].

Исходя из указанного выше, необходимо сформулировать причины, в силу которых преступность несовершеннолетних в сети «Интернет» целесообразно и необходимо анализировать как отдельный вид преступности и как особый объект для криминологических исследований.

Первая причина выражена в задаче государства и мирового сообщества обеспечивать защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, пресекать равнодушие, жестокость и безразличие со стороны взрослых, которые негативно сказываются на психическом развитии несовершеннолетних и приводят к морально-нравственной деградации детей.

С первой причиной тесно связано и вторая причина, которая состоит в преступной мотивации несовершеннолетних. Также важное значение имеют и детерминанты преступности несовершеннолетних в сети «Интернет». У большинства несовершеннолетних взаимосвязь с такими социальными институтами общества и государства, как семья, школа, трудовой коллектив несколько оказалась ослабленной. Таким образом, обуславливается высокий рост преступности среди несовершеннолетних, что порождает тревогу в обществе. В начале XXI века наблюдаются не только рост преступности несовершеннолетних, но и изменения в составе этой преступности, в мотивации преступного поведения, в формах и способах преступных посягательств. Так, с развитием информационно-телекоммуникационных технологий связан рост преступности несовершеннолетних с использованием сети «Интернет». Такая тенденция вызвана не только криминальной направленностью

личностью несовершеннолетних и тенденциями развития общества, но и действиями специальных субъектов, достигших совершеннолетия, к которым могут относиться как посторонние несовершеннолетним лица, так и близкие родственники.

К третьей причине относятся характеристики несовершеннолетнего преступника, анализ которых позволяет выделить существенные отличия от взрослых преступников.

Следует обратить внимание и на проблемы, которые связаны с активным использованием возможностей сети «Интернет», а также игр и иных развлечений. Не отрицая положительных моментов, связанных с обменом данными, следует обратить внимание и на то, что достаточно распространенными в последние годы является совершение преступлений в сети «Интернет» несовершеннолетними.

Таким образом, с развитием информационно-телекоммуникационных технологий и Интернет-пространства возникли новые способы совершения преступлений. Преступность несовершеннолетних в сети «Интернет» представляет собой серьезную угрозу современному обществу, имеющую множество аспектов, которые делают данную проблему актуальной для исследования. Развитие технологий создает новые вызовы, изучение данных аспектов будет способствовать не только профилактике рассматриваемого вида преступности, но и обеспечению безопасной среды для растущего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М. Преступность: понятие и типология // Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. — 2022. — № 6. — С. 62–70.
2. Антонян Ю.М. Основные черты преступности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2022. — № 2. — С. 89–99.
3. Старков О.В. Криминология: общая, особенная и специальная части: учебник. — СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2012. 1046 с.
4. Косорукова Е.В. Преступность несовершеннолетних как один из видов преступности // Вестник СПб Университета МВД России. 2013. Т. 57. № 1. С.78–80.

© Шевченко Анастасия Алексеевна (xpro36@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА И ДОСТУПА К ИНФОРМАЦИИ

LEGAL ASPECTS OF REGULATION OF DIGITAL INEQUALITY AND ACCESS TO INFORMATION

**I. Yamalneev
I. Okhotnikov
V. Bakulin**

Summary. The article is devoted to the legal aspects of regulation of digital inequality and access to information. Human society has entered the digital era. The dynamics of its development, wide range of radiation and profound impact are unprecedented, causing comprehensive and profound changes in the mode of production, lifestyle and management of human society. Access to information began to be determined mainly by the resources of the Internet space. Meanwhile, the problems of digital inequality associated with both external and internal factors are clearly emerging. Legal regulation of this area of society seems relevant. This area of digital law is not only not developed theoretically, but also does not have a clear mechanism for legal regulation. The purpose of the article is to identify actual problems and ways to solve them in the field of regulation of digital inequality and access to information.

Keywords: digital inequality, information, digital law, competition, access to information.

Цифровые технологии изменили нашу жизнь, наше мышление, наши концепции и подходы к правовым аспектам. Национальная стратегия построения цифрового государства и жесткая международная конкуренция настоятельно требуют усиления строительства системы цифрового права и цифровых правовых исследований. Цифровая экономика, цифровое правительство и цифровое общество, характеризующиеся сетевым взаимодействием и интеллектом, неуклонно продвигаются вперед. В цифровую эпоху личность, поведение и даже социальные отношения юридических лиц стали цифровыми, что создало множество проблем для традиционного права и неизбежно изменили правила поведения людей и систему социального регулирования.

Цифровое право — это наука, предметом исследования которой являются правовые явления, вызванные

Ямалнеев Ильнур Мирзагович
кандидат политических наук, Казанский
государственный медицинский университет (КГМУ),
ilnur.yamalneev@kazangtmu.ru
Охотников Илья Викторович
кандидат экономических наук, доцент,
Российский университет транспорта (МИИТ)
roat.miit@mail.ru
Бакулин Василий Михайлович
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградская академия Министерства внутренних
дел Российской Федерации»
bvm@volgodom.ru

Аннотация. Статья посвящена правовым аспектам регулирования цифрового неравенства и доступа к информации. Человеческое общество вступило в цифровую эпоху. Динамика ее развития, широкий диапазон излучения и глубокое воздействие беспрецедентны, вызывают всесторонние и глубокие изменения в способе производства, образе жизни и управлении человеческого общества. Доступ к информации стал определяться в основном за счет ресурсов интернет-пространства. Между тем, четко вырисовываются проблемы цифрового неравенства, связанные как с внешними, так и с внутренними факторами. Правовое регулирование данной сферы жизни общества представляется актуальным. Это направление цифрового права не только не разработано теоретически, но и не имеет четкого механизма нормативно-правового регулирования. Цель статьи — выявить актуальные проблемы и пути их решения в сфере регулирования цифрового неравенства и доступа к информации.

Ключевые слова: цифровое неравенство, информация, цифровое право, конкуренция, доступ к информации.

применением цифровых технологий. Цифровое право в основном имеет две области исследований: одна из них — правовое управление цифровым пространством, которое заключается в управлении цифровой сферой и защите цифровых прав с помощью мышления и методов права, а также в содействии развитию цифровой экономики и построению цифрового общества; другая — цифровая модель в области права, то есть цифровизация права, которая заключается в повышении эффективности и усилении эффективности права с помощью цифрового мышления и цифровых технологий [2].

Цифровая трансформация — это не только технологические инновации, но и содействие институциональным изменениям, улучшение способов достижения правового регулирования, содействие двойной реализации процессуального и материального правосудия, а также

создание более высокого уровня справедливости. Цифровое право — это юридическая интерпретация цифрового правосудия. Оно должно адаптироваться к новым изменениям в социальных отношениях, правах и обязанностях, способах общения и формах порядка в цифровую эпоху [9]. Именно эта сфера призвана регулировать проблемы цифрового неравенства.

Правовые аспекты регулирования цифрового неравенства и доступа к информации построены на системе ценностей правосудия в цифровую эпоху, состоящую из таких факторов, как демократия, права человека, свобода, равенство, эффективность и безопасность. Формируются методы управления, операционные механизмы и формы для достижения цифрового правосудия. Юристам необходим процесс понимания законов развития и управления цифровизацией. Относительно независимые области исследований и исследовательские парадигмы рассматриваемого вопроса еще не окончательно определены.

В настоящее время темпы развития цифрового законодательства в странах Европы и Америки ускорились, а их система цифровых правовых норм уже сформирована. В России также имеется определенное количество нормативно-правовых актов цифрового направления, были последовательно приняты законы в цифровой сфере, о кибербезопасности, об электронной коммерции, о безопасности данных, о защите личной информации, а также ряд ведомственных нормативных актов [1]. В целях содействия развитию цифровой экономики в стране в ближайшем будущем будет активно вводиться ряд законов и нормативных актов по цифровому управлению.

Столкнувшись с повсеместными проблемами цифрового управления, крайне важно всесторонне применять ценностные концепции, основные принципы и методы исследования таких дисциплин, как юриспруденция, конституционное право, гражданское право, уголовное право, административное право и процессуальное право, чтобы предоставить новые концепции, предложения, выводы и системы для цифрового права, а также усовершенствовать категории, принципы и методы правового регулирования цифрового неравенства и доступа к информации.

В цифровую эпоху, на основе глубокой интеграции правовых данных и нормативных теорий, правовые технологии цифровой экономики, цифровое равенство и цифровое право в теоретических исследованиях стали взаимозависимыми и взаимодополняющими смежными областями. Цифровое равенство должно придерживаться принципа интеграции теории с практикой, устанавливать кооперативную модель с участием теоретиков, практических экспертов, научно-исследовательских институтов и цифровых предприятий, создавать совмест-

ный инновационный механизм, который интегрирует производство, образование, исследования и применение, и быть проблемно-ориентированным.

Регулирование цифрового неравенства и доступа к информации оказывает далеко идущее влияние на экономическое и социальное развитие различных стран и систему глобального управления. Цифровые технологии стали ключевыми факторами, влияющими на международную конкурентоспособность различных стран.

Рассмотрим наиболее зримый аспект проявления цифрового неравенства и доступа к информации. Конкуренция преобладает в условиях современности именно в цифровой сфере. Международный ландшафт цифрового управления вступил в новую стадию развития, и конкуренция в системе правил и дискурса в цифровой сфере становится все более жесткой. Цифровое право может легко формировать теоретические термины, правила и исследовательские парадигмы, которые в целом признаются международным сообществом [10]. Цифровое неравенство относится к различиям в возможностях и способностях в использовании цифровых продуктов (таких как компьютеры или Интернет) среди людей разного пола, расы, экономического положения, среды обитания и классового происхождения в обществе.

Интернет-экономика — это экономика, основанная на конкуренции за внимание пользователей, сборе и использовании информации о пользователях. Привлечение пользователей Интернета для получения трафика и сбора данных стало основной целью конкуренции среди интернет-компаний. Более того, популярная в сфере Интернета, казалось бы, бесплатная бизнес-модель на самом деле заключается в привлечении пользователей и завоевании рынка с помощью бесплатной модели на ранней стадии, а затем предоставлении пользователям услуг с добавленной стоимостью или получении прибыли за счет предоставления бесплатных услуг с одной стороны и взимания платы с другой стороны на двухстороннем рынке [3]. По сути, это оплата внимания потребителей и предоставление ими личной информации в качестве вознаграждения за пользование продукцией и получение услуг. Поэтому интернет-потребители имеют свою специфику и значимость. В то же время, именно потому, что конкуренция в Интернете направлена на борьбу за внимание потребителей и сбор личной информации, а также потому, что интернет-компании предоставляют товары и услуги во времени, пространстве и регионах, любая интернет-компания может иметь большую и неспецифическую группу потребителей.

Цифровое неравенство можно рассматривать с двух сторон: возможность доступа к компьютерам и Интернету и способность использовать компьютеры и Интернет (также известная как информационная грамотность).

С одной стороны, информационные технологии улучшили качество жизни населения и упростили выполнение утомительных повседневных задач. Однако те, у кого нет доступа к тем же информационным технологиям, вынуждены продолжать работать по-старому и не имеют возможности получать информацию или повышать ее ценность с помощью информационных технологий. Различия могут привести к более сильной поляризации в обществе, что сделает социальное богатство более неравномерным [7].

Борьба с недобросовестной конкуренцией играет основополагающую роль в поддержании честной конкуренции и связана с базовым уровнем и качеством рыночной экономики. С быстрым развитием цифровой экономики России, а также инновациями и итерациями информационных технологий традиционные виды недобросовестной конкуренции, такие как подделка, путаница, ложная пропаганда и коммерческая клевета, были обновлены с использованием интернет-технологий, а новые виды недобросовестной конкуренции в онлайн-конкуренции, такие как обратная очистка и незаконное получение данных, стали более скрытыми, что препятствует повышению эффективности экономической деятельности, ограничивает свободный поток товаров и факторов, честную конкуренцию и ограничивает формирование единого национального рынка [6]. В этой связи крайне важно усилить справедливое управление конкуренцией и постоянно совершенствовать нормализованный механизм регулирования, который является эффективным, полным, прозрачным и предсказуемым.

Основными целями являются поддержание справедливого и конкурентного рыночного порядка, поощрение инноваций, защита законных прав и интересов операторов и потребителей, а также содействие стандартизированному, здоровому и устойчивому развитию цифровой экономики.

Операторы не должны заниматься ложной или вводящей в заблуждение коммерческой пропагандой о субъектах производства и эксплуатации товаров, а также о производительности товара, его функциях, качестве, происхождении, наградах, квалификациях и т.д., с целью обмана или введения в заблуждение потребителей или соответствующую общественность, в том числе: путем показа, демонстрации, объяснения, пояснения, продвижения или текстовой маркировки через веб-сайты, клиентов, мини-программы, публичные аккаунты и т.д.; осуществления коммерческой маркетинговой деятельности посредством прямых трансляций, рекомендаций платформ, онлайн-копирайтинга и т.д. [8].

Будущая цифровая эпоха принесет ряд правовых проблем, включая вопросы конфиденциальности, защиты данных и интеллектуальной собственности, которые

являются аспектами регулирования цифрового неравенства и доступа к информации:

1. Вопросы конфиденциальности.
 - Защита персональных данных: с непрерывным развитием цифровых технологий сбор и обработка персональных данных стали более обширными. Закон должен обеспечивать конфиденциальность и безопасность персональных данных для предотвращения неправомерного использования и нарушений.
 - Конфиденциальность и наблюдение: граждане все чаще требуют защиты своих прав на неприкосновенность частной жизни, включая технологии наблюдения, сбор данных в социальных сетях и правительственное наблюдение. Закон должен обеспечить баланс между национальной безопасностью, общественными интересами и личной неприкосновенностью.
2. Проблемы защиты данных.
 - Трансграничный поток данных: в эпоху глобализации трансграничный поток данных стал обычным явлением. Законы должны регулировать порядок передачи и хранения данных через границы и обеспечивать законность и безопасность передачи данных между странами.
 - Утечка данных и безопасность: утечка данных и кибератаки стали распространенными проблемами. В законе необходимо подчеркнуть стандарты безопасности данных и регламентировать требования к уведомлению и ответственность за утечки данных.
3. Вопросы интеллектуальной собственности.
 - Цифровое авторское право: цифровая эпоха подразумевает копирование и распространение цифрового контента, такого как электронные книги, музыка и видео. Закон должен регулировать защиту цифровых авторских прав и цифровых прав для защиты прав и интересов создателей и владельцев интеллектуальной собственности.
 - Патенты и инновации: Быстрое развитие цифровых технологий вызвало споры относительно патентов, инноваций и прав интеллектуальной собственности. Закон должен сбалансировать отношения между технологическими инновациями и правами интеллектуальной собственности, чтобы поощрять инновации и защищать права интеллектуальной собственности.
4. Искусственный интеллект и автоматизация.
 - Юридическая ответственность: с применением технологий автоматизации и искусственного интеллекта закон должен решать вопросы ответственности.
 - Права роботов: В некоторых кругах ведутся дискуссии о том, следует ли предоставлять роботам юридические права. Это привело к глубоким раз-

мышлениям о моральной и юридической ответственности.

5. Цифровое мошенничество и преступность.

— Киберпреступность: Киберпреступность, такая как онлайн-мошенничество, кража личных данных и кража данных, стала серьезной проблемой. Законодательство необходимо постоянно обновлять для противодействия этим новым формам преступности.

6. Социальные сети и свобода слова.

— Свобода слова: популярность социальных сетей вызвала дискуссии о свободе слова и разжигании ненависти в Интернете. Закон должен обеспечить баланс между свободой слова и регулированием вредоносного контента.

7. Цифровая идентификация и виртуальная реальность.

— Цифровая идентификация: по мере роста активности людей в цифровом пространстве безопасность и управление цифровой идентификацией становятся ключевыми вопросами. Законы должны регулировать защиту и управление цифровыми идентификационными данными.

— Виртуальная реальность: Развитие технологии виртуальной реальности породило ряд юридических проблем, включая права виртуальной собственности, этические и юридические вопросы, связанные с виртуальной реальностью [4].

Эти правовые проблемы будут продолжать развиваться и становиться более сложными в цифровую эпоху, требуя от законодателей, правовых систем и юридической практики постоянной адаптации и решения в целях защиты прав граждан, содействия инновациям и регулирования цифрового неравенства. Поскольку технологии продолжают развиваться, законы и нормативные акты должны оставаться гибкими, чтобы адаптироваться к меняющейся цифровой среде.

Таким образом, в условиях недобросовестной конкуренции в Интернете вопрос защиты законных прав и интересов интернет-потребителей в аспекте цифрового неравенства и доступа к информации является актуальным в настоящее время. Усиление юридической ответственности за недобросовестную конкуренцию является способом регулирования цифрового неравенства и доступа к информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афлетунова Г.Э. Информационное неравенство // Научное сообщество студентов XXI столетия. 2015. № 30. С. 5–6.
2. Волков В.Э. Цифровое право. Общая часть: учебное пособие. Самара: Издательство Самарского университета, 2022. 111 с.
3. Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13–82.
4. Доронина В.Д., Банных Г.А. Электронные государственные услуги и цифровое неравенство: основные проблемы информационного и социального развития. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/61376/1/978-5-7741-0327-0_042.pdf (дата обращения: 01.03.2025).
5. Имашева И.Ю. Механизм стимулирования распространения широкополосного Интернета в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 7-1. С. 79–87.
6. Пибаетова Е.А. Цифровое неравенство и его преодоление как гарантия равного доступа к образованию в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права, 2024, №10. С.32–44.
7. Ревина С.Ю., Лазанюк И.В. Цифровое неравенство в России: последствия для образования // Бизнес. Образование. Экономика: сборник статей Международной научно-практической конференции, Минск, 7–8 апреля 2022 г. Минск: Институт бизнеса Белорусского государственного университета, 2022. С. 208–214.
8. Соловяненко Н.И. Юридические проблемы цифрового неравенства и его преодоления при реализации задач цифровизации экономической деятельности // Юридические науки. 2024. №11. С.266–270.
9. Чеботарева А.А. Информационное право: учеб. пособие. М.: Юридический институт МИИТа, 2014. 160 с.
10. Шевченко О.М. Цифровое неравенство в современном российском обществе: уровни и социальные последствия // Гуманитарий Юга России. 2023. Том 12. №1 (59). С. 54–65.

© Ямалнеев Ильнур Мирзагович (ilnur.yamalneevev@kazangmu.ru); Охотников Илья Викторович (roat.mii@mail.ru);

Бакулин Василий Михайлович (bvm@volgodom.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

AGE-RELATED FEATURES OF PROFESSIONAL MOBILITY

**A. Koninsky
P. Ananchenkova**

Summary. The article examines the influence of age on the professional mobility of the population in a dynamic labor market. Age groups are analyzed, including youth, middle-aged and elderly employees, taking into account their adaptation characteristics, motivation and limitations. The key factors influencing professional mobility are identified: cognitive abilities, motivation, social obligations and stereotypes. Barriers and opportunities for each age category are highlighted, and strategies for increasing mobility are proposed, including retraining programs, professional mentoring, and anti-discrimination measures. It is concluded that an integrated approach to professional mobility support is necessary to ensure the sustainability of the labor market and improve the quality of life of employees.

Keywords: professional mobility, age characteristics, youth, middle age, elderly employees, mobility barriers, adaptation strategies.

Конинский Александр Вячеславович

Аспирант,
Академия труда и социальных отношений, г. Москва
a.koninsky@mail.ru

Ананченкова Полина Игоревна

Кандидат социологических наук, доцент
ГБУ «Научно-исследовательский институт организации
здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы»
ananchenkova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается влияние возраста на профессиональную мобильность населения в условиях динамичного рынка труда. Анализируются возрастные группы, включая молодежь, работников среднего возраста и пожилых сотрудников, с учетом их особенностей адаптации, мотивации и ограничений. Выявлены ключевые факторы, влияющие на профессиональную мобильность: когнитивные способности, мотивация, социальные обязательства и стереотипы. Отмечены барьеры и возможности для каждой возрастной категории, а также предложены стратегии повышения мобильности, включая программы переквалификации, профессиональное наставничество и антидискриминационные меры. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к поддержке профессиональной мобильности для обеспечения устойчивости рынка труда и улучшения качества жизни работников.

Ключевые слова: профессиональная мобильность, возрастные особенности, молодежь, средний возраст, пожилые сотрудники, барьеры мобильности, стратегии адаптации.

Современный рынок труда характеризуется высокой динамичностью, изменениями технологической базы и глобализацией, что требует от работников способности адаптироваться к новым условиям. Одним из ключевых инструментов такой адаптации является профессиональная мобильность — способность работников менять место работы, профессиональную сферу или уровень квалификации для сохранения или улучшения своего положения на рынке труда. Возраст представляет собой важный социально-демографический фактор, который влияет на профессиональную мобильность через физические, психологические и социальные аспекты.

Цель статьи — выявить возрастные особенности адаптации к изменениям в профессиональной сфере и определить стратегии повышения профессиональной мобильности для различных возрастных групп.

Возраст является одним из ключевых факторов, влияющих на профессиональную мобильность населения.

В условиях динамичного рынка труда профессиональная мобильность становится важным инструментом адаптации к изменениям экономической среды, а возрастные особенности оказывают существенное влияние на способность индивидов осваивать новые навыки, менять сферу деятельности и строить карьеру. В статье рассматриваются возрастные группы с точки зрения их профессиональной мобильности, анализируются ограничения и возможности для каждой возрастной категории, а также факторы, способствующие или препятствующие мобильности. Особое внимание уделено анализу профессиональной мобильности в контексте стареющего населения и необходимости активного включения пожилых работников в рынок труда.

Профессиональная мобильность — это «качество личности, «проявляющееся в его готовности к горизонтальным и вертикальным профессиональным перемещениям, к смене социально-экономических и профессионально-средовых (включая статусные) позиций

и включающее в себя мотивационный, когнитивно-компетентный, рефлексивнооценочный и личностный компоненты Профессиональная мобильность рассматривается как личностное образование» [1]. Профессиональная мобильность изучается в рамках социологии труда, экономики и психологии. В социологии мобильность рассматривается как перемещение индивидов в социальной или профессиональной иерархии [2]. В экономической теории она связана с трудовой миграцией и изменением профессиональных характеристик под воздействием рыночных факторов.

Профессиональная мобильность рассматривается преимущественно в трех основных формах (рисунок 1).

Возраст оказывает влияние на все формы мобильности через физические, когнитивные и мотивационные аспекты. Например, молодые работники более склонны к горизонтальной мобильности, тогда как для пожилых характерна низкая готовность к профессиональным изменениям.

Возрастные группы населения обладают различным потенциалом и ограничениями в контексте профессиональной мобильности. Эти различия определяются как биологическими и когнитивными факторами, так и социальными, экономическими и культурными аспектами. Рассмотрим особенности профессиональной мобильности трех основных возрастных категорий: молодежь, работники среднего возраста и пожилые сотрудники.

1. Молодежь (до 35 лет).

Молодежь традиционно демонстрирует высокую профессиональную мобильность [3]. Основные факторы, влияющие на их мобильность, включают:

- Гибкость и адаптивность. Молодые специалисты быстрее адаптируются к изменениям в профессиональной среде. Это связано с высокой пластичностью когнитивных функций, позволяющих легко усваивать новые навыки, технологии и методы

работы. Молодежь также более восприимчива к инновациям и открыта к изменениям.

- Слабая привязанность к рабочему месту. Молодые люди чаще рассматривают работу как временный этап на пути к карьерным целям. Это способствует их готовности менять место работы или сферу деятельности, особенно в поиске более привлекательных условий труда, карьерных перспектив или новых вызовов.
- Инвестиции в образование. В молодом возрасте формируются основы профессиональных компетенций через получение образования и начальный профессиональный опыт. Молодежь чаще участвует в программах обучения и стажировках, что способствует расширению возможностей на рынке труда [4].
- Готовность к географической мобильности. Молодые работники меньше привязаны к определенному месту жительства и готовы переезжать в другие регионы или страны для получения более привлекательной работы.

Основные барьеры, снижающие возможности профессиональной мобильности молодежи, включают в себя недостаток профессионального опыта, который делает молодежь менее конкурентоспособной в глазах работодателей, высокий уровень конкуренции за рабочие места на начальном этапе карьеры, а также частую нестабильность трудовых условий, что ограничивает возможность долгосрочного планирования.

2. Работники среднего возраста (35–50 лет).

Средний возраст представляет собой период максимальной профессиональной продуктивности, когда у работников уже сформированы устойчивые профессиональные навыки, опыт и социальные связи. Однако мобильность этой возрастной группы варьируется в зависимости от уровня их профессиональной зрелости, карьерных достижений и внешних факторов.

Рис. 1. Формы профессиональной мобильности

Работники среднего возраста обладают значительным опытом, который делает их ценными для работодателей. Этот опыт позволяет им претендовать на более высокие должности и активно участвовать в карьерных изменениях.

На данном этапе многие работники достигают высокой степени специализации в своей профессии. Это одновременно увеличивает их конкурентоспособность в рамках узкой специализации, но снижает способность к переходу в смежные области без значительных усилий на переквалификацию. Вместе с тем, «для развития профессиональной мобильности необходима интеграция различных знаний. Условием такой интеграции является общекультурная подготовка» [5].

Обремененность ипотечными обязательствами, воспитанием детей и необходимостью обеспечения стабильного дохода ограничивает мобильность этой группы. Например, смена работы или места жительства может стать сложным решением из-за необходимости учитывать интересы семьи.

В среднем возрасте мотивация часто направлена на достижение карьерных целей, таких как повышение статуса, уровня дохода или профессионального признания. Это может ограничивать готовность к горизонтальной мобильности и снижать восприимчивость к предложениям, связанным с неопределенностью.

Узкая специализация, ограничивающая возможности перехода в смежные области, сложности с географической мобильностью из-за семейных обязательств и опасения потери социального статуса и профессиональных достижений являются наиболее значимыми факторами снижения профессиональной мобильности данной возрастной группы населения. При этом возможности для стимулирования мобильности включают программы корпоративного обучения и переквалификации, гибкие формы занятости, такие как удаленная работа или сокращенный рабочий день, профессиональное наставничество, позволяющее работникам среднего возраста делиться своим опытом и приобретать новые навыки и пр..

3. Пожилые работники (старше 50 лет).

Пожилые работники часто характеризуются низким уровнем профессиональной мобильности. Это связано с физическими, когнитивными и социальными ограничениями, а также особенностями восприятия этой возрастной группы работодателями.

С возрастом снижается скорость обработки информации, способность к обучению и восприятие новых технологий. Это может затруднять переквалификацию и освоение новых навыков. Однако многие пожилые

работники сохраняют высокую экспертность в своей профессиональной сфере, что делает их ценными для выполнения сложных задач. Сохранение профессиональной мобильности в пожилом возрасте затруднено в связи с тем, что «постоянным изменениям и модернизации подвергается рынок труда — многие профессии уходят, на их месте появляются новые; более того, меняются и требования работодателей — возрастает запрос на конкурентоспособных и мобильных специалистов. В подобных условиях для успешного трудоустройства уже недостаточно просто получить образование, так как быть мобильным и конкурентоспособным — значит постоянно повышать собственный уровень подготовки и квалификации» [6].

Работодатели часто предпочитают молодых специалистов, считая их более гибкими, продуктивными и дешевыми в содержании. Это приводит к ограничению возможностей для пожилых работников в получении новых рабочих мест или продвижении по карьерной лестнице.

Пожилые сотрудники склонны избегать значительных изменений в профессиональной жизни, предпочитая стабильность. Это обусловлено как психологической привязанностью к рабочему месту, так и страхом перед неопределенностью.

С приближением пенсионного возраста мотивация к активной профессиональной деятельности снижается. Многие работники сосредоточены на завершении карьеры и минимизации рисков, связанных с потерей работы.

Основные барьеры, к которым следует отнести ограниченные возможности для переквалификации, негативное отношение со стороны работодателей, физические и психологические ограничения, связанные с возрастом, могут быть скомпенсированы разработкой программ адаптации и обучения, ориентированных на пожилых работников, введением гибких графиков работы, включая частичную занятость, использованием опыта пожилых сотрудников в качестве наставников или консультантов, а также антидискриминационных мер, направленных на повышение конкурентоспособности пожилых работников.

Возрастные особенности профессиональной мобильности проявляются в различной степени готовности к изменениям, мотивации и ограничениях для каждой возрастной группы. Понимание этих различий позволяет разрабатывать эффективные стратегии поддержки, направленные на повышение мобильности и адаптивности работников на всех этапах их профессиональной карьеры.

Возраст оказывает значительное влияние на профессиональную мобильность населения, определяя как воз-

возможности, так и ограничения для различных возрастных групп. В современных условиях требуется комплексный подход к поддержке профессиональной мобильности, включающий образование, законодательные меры

и внедрение инновационных методов работы. Это позволит обеспечить устойчивость рынка труда и улучшить качество жизни работников независимо от их возраста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кукуев Е.А. Профессиональная мобильность как открытость // Мир науки: интернет-журнал. — 2015. — Вып. 3. — С. 5.
2. Попова Е.С. Горизонтальная профессиональная мобильность, профессиональное образование и рынок труда в динамике лет. // Социологическая наука и социальная практика. — 2018. — Т. 6. — № 1 (21). — С. 53–70.
3. Chernykh P.A. Professional mobility of modern youth: features and problems. // International Journal of Advanced Studies in Education and Sociology. — 2023. — № 1. — С. 130–138.
4. Шапошникова О.А., Андриенко Е.В. Развитие профессиональной мобильности посредством дополнительного профессионального образования: проблемы и преимущества. // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. — 2022. — № 34. — С. 134–139.
5. Фугелова Т.А. От профессиональной культуры к профессиональной мобильности специалиста. // Инженерное образование. — 2019. — № 25. — С. 65–73.
6. Шапошникова О.А., Андриенко Е.В. Развитие профессиональной мобильности посредством дополнительного профессионального образования: проблемы и преимущества. // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. — 2022. — № 34. — С. 134–139.

© Конинский Александр Вячеславович (a.koninskiy@mail.ru); Ананченкова Полина Игоревна (ananchenkova@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОДХОДЫ К УПРАВЛЕНИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ В РОССИИ

APPROACHES TO EDUCATIONAL MANAGEMENT PROCESS IN THE CONTEXT OF SOCIAL ADAPTATION PROBLEMS OF CHINESE STUDENTS IN RUSSIA

*O. Kuznetsova
E. Veryuzhskaya
M. Popova*

Summary. The article discusses some relevant approaches to the effective building of the educational process, taking into account the characteristics of a certain student body — students from the People's Republic of China. The approaches are proposed, the application of which can contribute to the fastest and most successful social adaptation of Chinese students in Russian universities, in addition, it is concluded that it is necessary to pay attention to educational and behavioral strategies to which students are accustomed at home.

Keywords: educational process, social adaptation, foreign students, China, educational migration.

Кузнецова Ольга Владимировна

кандидат филологических наук,
Иркутский государственный университет;
ассоциированный научный сотрудник,
Российско-китайский центр междисциплинарных
исследований, Социологический институт РАН —
филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург
kuznetsova1@mail.ru

Верюжская Евгения Романовна

ассистент, Иркутский государственный университет
eugenia.v@mail.ru

Попова Маргарита Евгеньевна

Иркутский государственный университет
inyaz@isu.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые актуальные подходы к эффективному выстраиванию образовательного процесса с учетом особенностей определенного студенческого контингента — обучающихся из КНР. Предлагаются те подходы, применение которых может способствовать наиболее быстрой и успешной социальной адаптации китайских студентов в российских вузах, кроме того, делается вывод, что необходимо уделять внимание учебным и поведенческим стратегиям, к которым студенты привыкли на родине.

Ключевые слова: образовательный процесс, социальная адаптация, иностранные студенты, Китай, образовательная миграция.

На современном этапе развития мирового сообщества перед человечеством появляется проблема сохранения цивилизации. Новые угрозы и вызовы возникают все чаще, становится очевидной необходимость своевременного реагирования на проблемы, нередко имеющие глобальный характер. Для того чтобы общество обладало необходимыми характеристиками и способностями для нахождения своевременных решений к таким проблемам, людям нужна эффективная система образования. Помимо предоставления необходимой информации, моделей и образцов поведения, выстраивания взаимоотношений внутри общества, система образования должна быть способна трансформировать общество, придавать ему необходимый уровень гибкости, подстраивать его под реалии меняющегося современного мира [1, 4]. Для того чтобы система отвечала всем возложенным на нее требованиям, крайне важно уделять внимание выбору эффективного подхода к ее управлению, так как именно подход к управлению определяет цели и задачи, методы, даже программы образования.

В настоящее время повышение конкурентоспособности России на рынке экспорта образовательных услуг является одним из приоритетных направлений среди разработанных государственных программ [2]. Согласно данным ЮНЕСКО, в текущий период Китай занимает 3-е место по количеству иностранных студентов, обучающихся в российских вузах после Казахстана и Узбекистана [3]. Соответственно, особый интерес приобретает изучение подходов к управлению образовательным процессом в России с целью выбора наиболее благоприятных для выстраивания эффективной системы социальной адаптации китайских студентов в российских вузах.

Представляется, что одним из успешных вариантов может стать **адаптивный метод управления**. Адаптивное управление основано на извлечении уроков из действий руководства с целью улучшения следующего этапа управления [4, 24]. Использование адаптивного управления в образовании предоставляет средства, с помощью которых администрация и преподаватели могут постоянно совершенствовать методы реализации

образовательных программ и оставаться отзывчивыми к изменениям в образовательной среде, опираясь на предыдущий опыт своих управленческих действий. Аллан и Кёртисом были описаны три типа адаптивного управления: эволюционно-адаптивное управление — подход к управлению методом проб и ошибок; пассивно-адаптивное управление использует уроки прошлого для разработки единой наилучшей политики для применения на практике; активно-адаптивное управление, являясь специально разработанной, целенаправленной и рефлексивной системой, расширяет, оценивает и укрепляет способность заинтересованных сторон управлять изменениями [5, 76]. Именно третий тип рекомендуется авторами для использования при осуществлении социальной адаптации обучающихся из КНР.

Джанет Бьюкен взяла его в основу разработки своей Концептуальной основы адаптивного управления (далее КОАУ), которая предназначена для использования на всех уровнях образования как преподавателями, общественными так и институциональными менеджерами. Этот инструмент, по ее словам, может быть использован для руководства интеграцией и внедрением программ и учебных планов в учебные учреждения [6, 47]. КОАУ описывает четырехэтапный процесс:

- 1) сравнительный анализ для оценки текущего состояния учебной среды;
- 2) применение стратегии управления для обоснования решений;
- 3) действия по внесению изменений в среду обучения;
- 4) мониторинг для оценки эффективности действия в достижении желаемых результатов и для информирования о будущих действиях.

Особенность КОАУ в том, что она встроена в долгосрочное понимание более широкой образовательной среды, что требует от преподавателей принятия важных решений, основанных на ценностях, а не для решения какой-то конкретной проблемы в настоящее время.

В современной системе, благодаря демократизации и гуманизации социальных процессов, независимо от подхода к управлению, должны всегда соблюдаться несколько условий. Прежде всего, к таким условиям относится удовлетворение потребностей учащегося. Как правило, сегодня в фокусе внимания образовательных организаций находятся не физиологические потребности человека, которые среднестатистический учащийся способен удовлетворить самостоятельно, а потребности высшего порядка пирамиды А. Маслоу: в первую очередь это психологическая безопасность окружающей учебной среды, потребности в понимании, общении, признании и уважении. Это необходимо для возможности учащегося удовлетворять потребность самоактуализации и самореализации, которые подразумеваются

образовательным процессом [7, 10]. Особенно важным соблюдение данных принципов представляется, когда речь идет об адаптации в новой окружающей среде представителей иноязычной культуры, погруженных в новую социальную реальность.

В зарубежной литературе, особенно в рамках экологического образования очень часто можно встретить такой подход, при котором исследователи фокусируются на одной конкретной подсистеме системы образования — образовательной среде. Это **подход окружающей среды** (environmental approach), суть которого заключается в том, что для проведения эффективного и продуктивного образовательного процесса необходима благоприятная окружающая среда, в случае образования — учебная (learning environment) [6, 45]. Учебная, или образовательная, среда — это сложная система взаимоотношений и для того, чтобы любая система была устойчивой необходимо понимать каждый ее компонент и то, как они взаимодействуют и влияют друг на друга, и какие внешние факторы важно учитывать и регулировать. Внутри учебной среды, независимо от уровня образования, существуют три основных компонента: учащиеся, преподавательский состав и администрация. Каждый из акторов взаимодействует с другими двумя и способен контролировать и влиять на них. При этом люди, ответственные за регулирование образовательного процесса, должны быть хорошо осведомлены о влиянии внешних факторов: экономических, социальных, физических и политических. Они, как правило, не поддаются прямому контролю, но ими необходимо управлять, и только тогда, когда человек полностью понимает среду, в которой должно проходить обучение, он может принимать управленческие решения для поддержания этой учебной среды, что позитивно влияет на весь образовательный процесс.

Более того, для управления образовательными процессами крайне важным считается процесс индивидуализации, и его следствие — принцип личностной ориентации обучения. Принцип заключается в восприятии учащегося центром образовательного процесса, развитие его индивидуальных возможностей, раскрытие потенциала в сфере учебы и творчества — основные задачи, которые должны решаться в рамках любого подхода к управлению образовательными процессами [8, 36].

Итак, для любого управленческого подхода в образовании будут характерны условия комфортной учебной среды и личностной ориентации обучения. Кроме того, для определения конкретного подхода также важно понимать главные потребности и запросы общества: в зависимости от фокусировки внимания на той или иной потребности будет формироваться подход. В современном мире главным запросом является, безусловно, умение работать с большими объемами информации, которые

окружают человека как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности. Следовательно, подход к управлению образованием кроме классического всегда актуального запроса на социализацию учеников с целью беспрепятственных социальных взаимодействий в дальнейшей жизни сообщества, обеспечения базовыми знаниями об окружающем мире и формировании понимания дальнейших перспектив своего личностного развития, должен сегодня обеспечивать учеников умением работать с массивами информации. Современная самодостаточная способная к выполнению учебных или рабочих задач личность не может функционировать без такого умения. Из этого общественного запроса, а также из реалий информатизации общества на современном этапе развития вытекает **информационный подход** к управлению образовательными процессами. Согласно такому подходу, в процессе обучения акцент переносится на информационную деятельность учащихся, которая включает в себя разные виды и способы обработки информации — поиск, накопление, хранение, структурирование, передача, преобразование. Процесс познания формируется в ходе информационной деятельности учащихся и представляет собой двухступенчатую структуру: биологическую ступень, на которой деятельность главной направленностью имеет развитие межличностных отношений учащихся внутри социума и кибернетическую, нацеленную на развитие навыков и умений работы с информационными технологиями [9, 55].

В области образования работа преподавателя и деятельность учащегося неразделимы, однако учебный процесс только тогда может быть плодотворным, когда он не ограничивается односторонней передачей знаний. В связи с появлением огромного множества различных информационных технологий, позволяющих в любой момент получить любую необходимую учащемуся информацию, считается, что простое накопление знаний сегодня больше не является главной целью образования. **Деятельностный** подход ориентирован на обучение посредством решения проблемных ситуаций. Учебный процесс строится на проблемном изложении лекционного материала, семинарских занятиях, в ходе которых учащиеся в индивидуальном и групповом порядке изучают, структурируют и анализируют информацию и системе рефлексии, позволяющей отслеживать уровень восприятия нового материала. Проблематизация знания и рефлексия при необходимости повторяется некоторое количество раз с целью лучшего усвоения материала и формирования более системного знания. Данная технология базируется на предположении Л.С. Выготского о том, что знание осваивается не в исполнении автоматического акта без какой-либо цели, но в процессе активной деятельности учащегося, в процессе решения затруднительных для ума задач [10, 120]. Результатом такого подхода к управлению образовательными процессами является формирование у учени-

ка исследовательских навыков, развитие критического мышления и способности к критическому анализу, умения эффективно взаимодействовать внутри группы.

Тем не менее несмотря на то, что в настоящее время многие специалисты отдают предпочтение деятельностному подходу, противопоставляя его **знание-ориентированному**, который строится исключительно на накоплении знаний, не стоит игнорировать некоторые особенности китайской системы образования, в которой и в настоящее время ведущая роль отводится повторению как инструменту запоминания и понимания [11]. Соответственно, многие преподаватели зарубежных вузов, обучающие китайских студентов, отмечают их трудолюбие и скрупулезность в процессе обучения, которые, тем не менее, сопровождаются низкой эрудицией и отсутствием интереса к повышению общеобразовательного и культурного уровня. Главная задача учащегося в Китае — запоминание и воспроизведение материала большого объема, что обычно не подразумевает проведение анализа, интерпретации или выражения своего отношения. Например, у учащихся слабо сформированы навыки прогнозирования содержания текста по его названию, по ключевым словам, по началу предложения. Китайский этнотип ориентирован на получение знаний о языке как системе, а потом уже на практическое его использование. Вместе с тем китайские студенты способны к кропотливой работе и монотонному труду [12, 22].

Так, результаты исследования Ли Ханьвэй показывают, что овладение навыками независимого и критического мышления имеет важное значение для трансформации процесса обучения китайских студентов, и что это также один из самых сложных этапов адаптации для них. У многих учащихся отсутствие систематического обучения критическому мышлению и аргументации, а также неуверенность в своей аргументации или в своих языковых навыках могут привести к тому, что они будут молчать в классах [13, 239]. Следовательно, чрезмерное увлечение деятельностным подходом в случае с китайскими студентами может оказаться контрпродуктивным — погруженные целиком в другую образовательную модель и лишенные привычных для них. годами практикуемых на родине способов социального взаимодействия на занятиях и методов обучения, китайцы могут испытывать дополнительные стрессоры, что пагубно отразится на успешности и процесса социальной адаптации.

Таким образом, представляется возможным заключить, что для наиболее эффективной и быстрой адаптации китайских студентов в новом для них образовательном и социальном пространстве необходимо использовать передовой отечественный и зарубежный опыт и комплексную методику выстраивания образовательного процесса, отдавая приоритет адаптивным подходам, подходам, при которых удовлетворены потреб-

ности высшего порядка пирамиды А. Маслоу, такие как психологическая безопасность окружающей учебной среды, потребности в понимании, общении, признании

и уважении. Кроме того, весь образовательный процесс должен быть построен с учетом методов и социальных практик, преобладающих на родине обучающегося.

ЛИТЕРАТУРА

1. Филиппова И.А., Сучков С.Н. Роль и значение образования в современном мире // Вестник Ульяновского государственного технического университета. — 2018. — № 3 — С. 4–5.
2. Канунникова А.М., Мора И.С. Повышение международной конкурентоспособности высшего образования России // Вестник Евразийской науки. 2022. Т. 14. № 2. URL: <https://esj.today/PDF/20ECVN222.pdf>.
3. UNESCO Institute for statistics / Global flow of tertiary-level students. URL: <https://uis.unesco.org/en/uis-student-flow>.
4. Allan C., Curtis A. Regional scale adaptive management: Lessons from the North East Salinity Strategy (NESS) // Australasian Journal of Environmental Management. — 2003. — Vol. 10. — P. 76–84.
5. Allan C., Curtis A. Learning to implement adaptive management // Natural Resource Management. — 2003. — Vol. 6, №1. — P. 23–28.
6. Buchan J. Successful Environmental Education: Adapting to the Educational Habitat // Australian Journal of Environmental Education. — 2004. — Vol. 5. — P. 45–55.
7. Ахметов М.А., Мусенова Э.А. Техники управления учебной деятельностью учащихся // Инновационные проекты и программы в образовании. — 2010. — № 2. — С. 9–13.
8. Везетиу Е.В. Личностная ориентация образовательного процесса как условие управления учебной деятельностью младших школьников // Проблемы современного педагогического образования. — 2020. — № 69-2. — С. 36–39.
9. Кунгурякова Е.В. Особенности управления информационной деятельности учащихся как части современных технологий управления образовательного процесса // Тенденции развития науки и образования. — 2018. — № 43. — С. 54–55.
10. Петренко А.А. Управление образовательным процессом в ВУЗе в контексте деятельностного подхода // Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 75-4. — С. 118–121.
11. Dahlin B., Watkins D. The role of repetition in the processes of memorizing and understanding: A comparison of the views of Western and Chinese secondary school students in Hong Kong // British Journal of Educational Psychology. — 2000. — №70. — P. 65–84.
12. Балыхина Т.М., Чжао Юйцзян. Какие они, китайцы? Этнометодические аспекты обучения китайцев русскому языку // Высшее образование сегодня. — 2009. — №5. — С. 16–22.
13. Li Hanwei. Academic Integration of Chinese Students in Finland and Germany: A Comparative Perspective // Frontiers of Education in China. — 2019. — Vol. 14 (2). — P. 234–256.

© Кузнецова Ольга Владимировна (kuznetsova1@mail.ru); Верюжская Евгения Романовна (eugenia.v@mail.ru);

Попова Маргарита Евгеньевна (inyaz@isu.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИННОВАЦИИ В ФИНАНСОВОМ СЕКТОРЕ: КАК ТЕХНОЛОГИИ МЕНЯЮТ БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Мадоян Седа Альбертовна

Финансовый университет при правительстве
Российской Федерации, г. Москва
madoyan2004.28.05@mail.ru

INNOVATIONS IN THE FINANCIAL SECTOR: HOW TECHNOLOGY IS CHANGING BANKING

S. Madoyan

Summary. The article examines the aspects of introducing innovations into the functioning of the financial sector of the Russian economy. The features of the current state of banking in the context of the challenges of modern times are highlighted. The consequences and prospects of innovative development of the financial sector in the process of searching for new instruments of state anti-crisis policy are revealed.

The relevance of the research is due to the need to develop innovative concepts for the modernization of the banking industry, where the completeness of investment development is associated with the realization of resource potential and technical industrial modernization. The main tactic of the transition to an innovative type of improvement is to establish the effectiveness of the financial sector's work process in all types of activities.

The purpose of the study is to study the specifics of introducing innovations into the work of the financial sector in conditions of maintaining national economic security.

The materials and methods are based on the analysis of scientific and practical provisions, the synthesis of opinions, the selection of statistical data, and the graphical interpretation of the results.

As a result of the study, an overview of the state of the Russian banking industry in the context of the transition to an innovative type of development was made. The existing problems that hinder the implementation of innovations are highlighted. The vectors of growth of financial sector stability have been determined. The study showed that the process of introducing innovations into the work of current companies depends on many factors and it is necessary to constantly implement new programs. The review of scientific and practical information is made, the author's conclusions are given.

Keywords: bank, finance, innovation, classification, factor, disadvantage, digitalization.

Аннотация. В статье изучаются аспекты внедрения инноваций в функционирование финансового сектора экономики России. Выделены особенности современного состояния банковского дела в условиях вызовов нового времени. Выявлены последствия и перспективы инновационного развития финансового сектора в процессе поиска новых инструментов государственной антикризисной политики.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки инновационных концепций модернизации банковской отрасли, где полнота освоения инвестиций связана с реализацией ресурсного потенциала и технической производственной модернизацией. Основной тактикой перехода к инновационному типу совершенствования является налаживание эффективности процесса работы финансового сектора по всем видам деятельности.

Целью исследования является изучение особенностей внедрения инноваций в работу финансового сектора в условиях сохранения национальной экономической безопасности.

Материалы и методы основываются на анализе научно-практических положений, синтезе суждений, выборе статистической информации, графической интерпретации итогов.

В результате исследования произведен обзор состояния банковской отрасли России в условиях перехода на инновационный тип развития. Выделены имеющиеся проблемы, которые мешают внедрению инноваций. Определены вектора роста устойчивости финансового сектора. Исследование показало, что процесс внедрения инноваций в работу нынешних компаний зависит от множества факторов и необходимо постоянно реализовывать новые программы. Произведен обзор научно-практических сведений, даны авторские выводы.

Ключевые слова: банк, финансы, инновации, классификация, фактор, недостаток, цифровизация.

Введение

В условиях постепенной диджитализации банковской сферы, когда операции выполняются только через электронные программы и компьютерные системы, быстро развивается нынешняя деятельность. Использование нынешних информационных исследований и новых технологий создают оптимальное условия для установления практичных каналов коммуникации между поставщиками и получателями экономических

услуг, а также повышает позиции банков на внутреннем и международном рынке.

В связи с этим, применение технологий нововведения делается необходимой составляющей работы в банковской среде, так как они делаются основным инструментом для достижения конкурентных преимуществ. Но, обстановка осложняется повышением финтех-компаний и воздействием информационно-цифровых технологий, что делает поддержание позиции лидера на финансо-

вом рынке еще более актуальной задачей для кредитных организаций. В свете перечисленных факторов исследование банковских инноваций становится важным направлением работы в данной области.

Целью исследования считается изучение особенностей внедрения инноваций в работу финансового сектора с учетом сохранения национальной экономической безопасности.

Чтобы достичь определенной цели, были установлены задачи:

- 1) Анализ литературы по определению «банковских инноваций» и рекомендация авторской трактовки этого понятия.
- 2) Изучение видов банковских нововведений.
- 3) Обнаружение и выявление современных направлений формирования банковских нововведений и объяснение их применения с помощью технологий нововведения в банковской сфере России.
- 4) Сделать авторские выводы по улучшению управления инновационного деяния в банковском секторе России.

Объект исследования — банковская система России, а субъект исследования — органы гос. власти. Предмет исследования — нововведения, созданные и/или вводимые банками в границах их инновационной деятельности.

Актуальность

Актуальность данного исследования обусловлена следующими причинами:

- Настоящая конкуренция между банковскими институтами;
- Время от времени появляющиеся кризисы в банковской сфере, которые требуют увеличения финансовой стабильности банков;
- Интенсивное формирование банковского рынка за границей, дающего сведения о новых банковских инновациях.

Банковские инновации можно поделить на два типа по экономическому содержанию: технологические и продуктовые.

Факторы, воздействующие на формирование новых банковских продуктов, могут быть:

1. Внутренние (кадровые условия);
2. Внешние (макроэкономические и нормативно-правовые условия).

К ним относятся:

1. Финансовые;
2. Технологические факторы;
3. Риски неопределенности.

Финансовые способности кредитной организации предстают как внутренний фактор (финансирование нововведений) и внешний фактор (применении внешнего заимствования). Влияние основных факторов на развитие новых банковских товаров (рис. 1).

В последнее время российский банковский рынок претерпевает заметные изменения, связанные с активным внедрением новых банковских инноваций и продуктов. Такой тренд свидетельствует о стремлении банков расширять свои возможности и удовлетворять возрастающие потребности клиентов. Внедрение банковских инноваций также способствует улучшению конкурентоспособности финансовых организаций и открывает доступ к новым рынкам. Однако, несмотря на их важность для развития банков, массовое применение инноваций в России до сих пор вызывает определенные трудности. Это связано с несколькими факторами, которые препятствуют их широкому внедрению в нашей стране [7].

В области международного банковского дела возникает ряд различных форм банковских инноваций. Они играют весьма значимую роль в формировании отрасли. Функционируя банки в обстоятельствах быстро меняющегося рынка, стабильно должны приспосабливаться к новым требованиям, рекомендовать клиентам новые товары, услуги.

Один из видов финансовых инноваций — это предложение банковских товаров на новых сегментах рынка. Банки предоставляют клиентам возможность для инвестирования в недвижимость, страхование, финансовый

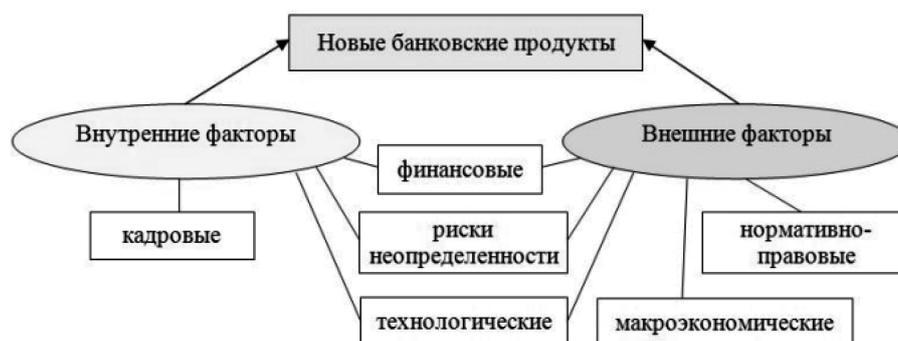

Рис. 1. Факторы, влияющие на развитие новых банковских продуктов [11, с. 1164]

лизинг. Это способствует диверсификации инвестиций и приобретения дополнительного дохода.

Банки быстро вводят финансовые инновации для повышения своей конкурентной способности.

Ключевое преимущество финансовых нововведений является повышения эффективности банковских операций и снижение расходов. Изучение финансовых нововведений в банковской сфере представляет собой сложную задачу, особенно с учетом быстрых перемен в этой сфере.

Банковские инновации также связаны с развитием новых рынков. К этим рынкам относятся, рынки коммерческих бумаг, финансовых фьючерсов, а также опционов. Банки быстро ищут новые методы привлечения клиентов и развития своего бизнеса на этих рынках. Они предлагают им новые товары и услуги.

Существенным направлением экономических нововведений является эффективное контролирование денежных средств. Банки применяют новые информационные способы и технологии, этим они увеличивают эффективность работы с финансами клиентов и снижают риски. Современный подход к регулированию кредитных рисков и операционных затрат помогают банкам эффективно контролировать денежные средства.

Банковские инновации связаны с развитием финансового посредничества.

Наконец, банковские нововведения связаны и с формированием финансового посредничества. Банки дают своим клиентам новые услуги, такие как депозитные сертификаты, счета НАУ и иное, чтобы результативно удовлетворять их финансовые нужды. Эти услуги дают клиентам больше способностей для регулирования своих финансов и достижения своих финансовых целей [3].

Анализ М.Я. Имрамзиевой согласно классификации банковских инноваций содержит систематизацию разных типологий, сформированных экономической наукой. В своей работе она также представила ряд новых классификаций, которых ранее не было в литературе.

Банковские инновации по М.Я. Имрамзиевой способны делиться, в зависимости от их авторства:

- 1) банковские;
- 2) внешние инновации.

Внешние инновации предполагают нововведения, сформированные с привлечением аутсорсинга. В этом случае, создание нововведений считается заказом, который организации, специализирующиеся на формировании полноценных бизнес-продуктов или генерации

идей для модернизации финансовых процессов, приобретают от банка.

Кредитные организации, обладая возможностью формирования и введения нововведений, сталкиваются с потребностью классифицировать финансовые нововведения по времени появления.

Такая классификация выделяет две ключевые группы:

1. инновации-лидеры;
2. инновации-последователи.

Инновации-лидеры представляют нововведение, сформированные самими банками.

Финансовые нововведения играют значимую роль в формировании банковского сектора.

Банки стремятся предлагать новые продукты и услуги, инновационно управлять денежными средствами и развивать новые рынки. Классификация инноваций по авторству и направлению движения позволяет более точно определить их характеристики и цели.

Существуют два основных типа инноваций в банковской сфере — инновации-лидеры и инновации-последователи. Инновации-лидеры представляют собой нововведения, которые заменяют уже существующие методы и при их успешной реализации предоставляют кредитным организациям значительное конкурентное преимущество. Однако такие инновации сопряжены с рисками. Инновации-последователи, напротив, появляются с некоторым временным замедлением после внедрения инноваций-лидеров. Они менее рискованные, так как реакция рынка на них уже обнаружена, и их внедрение основано на успешном опыте предыдущих инноваций. [8, с. 44-45].

Классификация финансовых инноваций включает 3 группы в зависимости от глубины изменений.

1. Радикальные инновации подразумевают формирование и введение целиком новых продуктов, услуг или технологий, которые устанавливают последующую деятельность компании.
2. Улучшающие инновации выполняются путем усовершенствования уже имеющихся товаров, услуг или технологий.
3. Модификационные инновации применяются для улучшения уже существующих товаров, услуг или технологий.

Такая классификация финансовых инноваций помогает выявить зависимости в процессе их возникновения в кредитных организациях. Она также позволяет определить соответствующие экономические и управленческие механизмы, основывающиеся на типе внедряемых инноваций и выбранной стратегии банка. В свою оче-

редь, классификация банковских нововведений помогает установить надлежащие экономические и управленческие механизмы, так как они базируются напрямую на типе введения нововведений и подобранной банковской стратегии.

В банковской сфере также существует подразделение финансовых инноваций по глубине изменений. Инновации нулевого порядка относятся к обновлению и сохранению уже существующих свойств системы. Они несут в себе возможность сохранения функциональности банка на начальном уровне.

Выделение финансовых нововведений по времени возникновения и по глубине перемен считается значимым аспектом для кредитных организаций. Это позволяет им результативно планировать и осуществлять инновационные проекты, добиваться конкурентных преимуществ на рынке и гарантировать эффективную работу банка [8, с. 45].

Базируясь на вышесказанной классификации, стоит заключить, что финансовые инновации — это ход фор-

мирования новых механизмов и инструментов, которые основываются на конкретных технологиях и усовершенствуют процесс денег и документооборота.

Современная цифровая среда благотворно влияет на работу банков.

Они становятся высокотехнологичными, внедряют маркетинговые инструменты и развивают модель дистанционного банкинга, где клиенты могут самостоятельно управлять своим обслуживанием. Новые банковские технологии позволяют корпорациям развиваться и становиться более устойчивыми, а также строить эффективное взаимодействие с клиентами. На рис. 2 показано, как новые технологии содействуют в работе банков и в осуществлении операций (рис. 2).

Возникновение новых инноваций может создавать новые риски сохранения финансовой устойчивости, в случае если они не будут должным образом контролироваться. Нужно создавать адекватные механизмы и стандарты контролирования, которые обеспечат баланс между стимулированием нововведений и гарантией финансовой защиты.

Рис. 2. Внедрение новых технологий в работу банков [2, с. 102]

В нынешнем информационном обществе колоссальный объем электронных сведений, накапливаемый банками, делается важной проблемой защиты. Персональная информация клиентов, фото и иные конфиденциальные сведения требуют дополнительных уровней безопасности. Банки должны обеспечивать сохранность сведений, но современная жизнь не всегда бывает хорошей, и зачастую они сталкиваются со случаями взломом и утечкой персональных сведений в руках мошенников.

Киберпреступникам также доступны инновационные инструменты и способности для взлома сведений, сетей, приложений, а также для приобретения паролей через заподозрившие подменные сайты. Банки интенсивно формируют и вводят разные технологии охраны сведений с применением аутентификации лиц, шифрования сведений биометрии и иных средств. Но, для более безопасной охраны, требуется стабильное улучшение систем и применение передовых методов борьбы с киберугрозами [1, с. 100].

Таким образом, финансовые инновации — это ход формирования новых механизмов и инструментов, которые улучшают процесс денежного и документооборота в банковской сфере. Их внедрение позволяет кредитным организациям достичь конкурентных преимуществ и обеспечить успешное функционирование банка.

Одной из ключевых инноваций в финансовом секторе являются необанки, представляющие собой новый тип банков, функционирующих исключительно в онлайн пространстве. В современном мире почти каждый человек обладает смартфоном, с помощью которого можно открыть счет в необанке, получить кредит, оформить депозит и выполнить все нужные финансовые операции. Особенно удобно пользоваться этими услугами небанков в ситуациях, связанных с ограничениями движения и общения в реальном мире, например, во время пандемии. Глобальный карантин, вызванный пандемией, показал, что небанки — это концепция, демонстрирующая свою удобность и перспективность. Однако успех таких банков напрямую зависит от доверия клиентов и выгодных условий, которые они предлагают. В России появление таких банков началось с 2015 года. Среди крупных игроков на рынке можно выделить банк Тинькофф, Модульбанк и Точка Банк (который работает на основе инфраструктуры банка «Открытие»). Их успех обусловлен предложением низких процентных ставок, значительно ниже уровня комиссий, а также высоким уровнем обслуживания. Кроме того, небанки имеют возможность получить банковскую лицензию и функционировать на базе уже существующих банков. В итоге, небанки представляют собой современный и инновационный формат банковских услуг, соответствующий требованиям времени. Это удобно, выгодно и предлагает клиентам высокий уровень сервиса. Такой способ предоставления

финансовых услуг обладает большим потенциалом для формирования и становится все более востребованным с каждым годом [9].

В современном мире искусственный интеллект делается все более распространенным, позволяя нам автоматизировать различные аспекты нашей жизни. Одной из таких инноваций являются робоконсультанты, которые предлагают широкий спектр консультаций по инвестированию и сбережениям. Робоконсультанты — это роботы, способные предсказывать риски и формировать инвестиционные портфели. Их популярность продолжает расти, и уже более 70 миллионов людей во всем мире пользуются их услугами для управления собственными финансами. Однако следует понимать, что робоконсультанты не учитывают индивидуальные цели и обстоятельства каждого инвестора. Они функционируют как программа и не несут ответственности за результаты вложений. Вопрос доверия к роботам остается открытым в России. Наша нация всегда относилась к финансовым вопросам осторожно, предпочитая личный контакт и консультации с живыми людьми. Однако с развитием технологий и ростом числа пользователей робоконсультантов это может измениться. [12].

На сегодняшний день все больше банков и других организаций используют чат-ботов для общения с клиентами. Это позволяет сотрудникам освободиться от рутинных задач и снизить их нагрузку. В основном такие боты используются для ввода данных, имитируя диалог с менеджером банка. Изначально банки начали внедрять ботов в социальные сети, ориентируясь на продвинутых пользователей. Однако ограниченные возможности и отсутствие достаточной надежности в плане безопасности превратили этих ботов скорее в информаторов, а их развитие вызывает определенные сомнения.

Клиенты готовы воспользоваться ботами, чтобы приобрести необходимые сведения или задать вопросы, но обычно это совершается путем нажатия кнопок, которые перенаправляют пользователя на иные боты. Это может быть не всегда практично и ограничивает способности разговора. Формирование чат-ботов неразделимо связано с защитой и увеличением их возможностей. Банки и иные компании обязаны гарантировать полную охрану клиентов и создать более сложные методы, позволяющие ботам более эластично и результативно взаимодействовать с пользователями. В целом, применения чат-ботов в банковской индустрии и иных областях способны сберечь время и ресурсы, но для достижения наибольшей результативности и удовлетворения нужд клиентов, такие боты обязаны продолжать совершенствоваться. Они обязаны быть комфортными, безопасными и умеющие предоставлять все нужные сведения и помощь, не ограничивая пользователей в возможностях диалога [6].

Нынешние коммерческие банки стремительно вводят нововведения, базирующиеся на современных разработках. Они предлагают удобные и инновационные решения для своих клиентов, которые позволяют значительно усовершенствовать ход выполнения банковских операций. Среди таких нововведений можно отметить применение многоцелевых электронных карт, мобильные приложения оплаты счетов и многие иные. При помощи мобильного приложения на смартфоне, легко производить оплату коммунальных платежей. Этот стремительный и комфортный метод оплаты позволяет исключить излишних поездок в отделения банка или почтовых отделений. Такие нововведения, базирующиеся на современных разработках, существенно упрощают и стимулируют ход осуществления финансовых операций. Клиентам больше не нужно расходовать время на непрерывные походы в банк или находиться в очереди, чтобы заплатить счета.

Инновационные решения позволяют им сэкономить время и ресурсы, выполняя все операции в любое удобное для них время и место. Банки интенсивно создают новые технологии и сервисы, чтобы удовлетворить нужду собственных клиентов и быть на передних рубежах индустрии.

Спрос на инновации в банковской сфере только повышается. Эти инновации могут существенно усовершенствовать кредитную работу компаний. Особый интерес уделяется введению инновационных подходов, так как они позволяют кредитным организациям достигнуть собственных ключевых целей. К таким целям относятся: поддержка и укрепление авторитета, формирование дополнительных источников прибыли и увеличение клиентской базы.

Введение инноваций в банковскую сферу предоставляет клиентам возможность своевременного и комфортного регулирования своих финансов, совершения платежей в любое время и в любом месте. Из-за выдающегося достижения технологий, коммерческие банки стремительно вводят новые решения, которые упрощают жизнь клиентов. Одним из таких инновационных решений считается информант телеприсутствия — особый механизм, который дает клиентам банка контактировать с оператором при помощи видеозвонков. Это приспособление позволяет приобрести консультацию работников банка, оформить кредит, внести денежные средства на собственный счёт и оплатить счета — всё это можно сделать, не выходя из дома. Разработчики сбербанка имеют планы установить информанты телеприсутствия bigrad в Москве, что станет вспомогательным шагом в цифровизации банковских услуг и повышении доступности сервиса клиентов. Это инновационное решение связывает технологии видеосвязи и банковских операций, разрешая приобрести компетентную под-

держку и осуществить операции в настоящем времени. Информанты телеприсутствия считаются новейшим типом банковского сервиса, продвигая клиентоориентацию и увеличение эффективности работы. Безопасность занимает существенную роль в создании информантов телеприсутствия. Благодаря технологиям определения отпечатков пальцев и встроенной в кабинку камере, индивидуальные сведения клиентов находятся под защитой на значительном уровне, что помогает избежать обмана.

Одним из инновационных товаров в банковской сфере считается виртуальная карта. В отличие от обыкновенной банковской карты, виртуальная карта существует лишь в электронном виде и не обладает физической формой. Её формирование базируется на идеи защиты номера карты при совершении сделок в интернет-магазинах. Виртуальная карта становится всё более известной в нынешнем обществе, разрешая пользователям осуществлять онлайн-платежи наиболее надёжно и практично.

Новые технологии и автоматизированные процессы усовершенствуют скорость и точность финансовых операций, повышают качество обслуживания клиентов. Финансовые нововведения создают также новые способности для создания и введения товаров, отвечающих изменяющимся потребностям клиентов. Среди таких нововведений: цифровые платформы для финансового управления, онлайн-банкинг, электронные платежные системы и криптовалюты. Но введение финансовых нововведений также сопровождается конкретными рисками. Новые технологии способны подвергаться кибератакам и угрозам безопасности данных. И поэтому защита сведений клиентов, становится особо важной.

Финансовая сфера стремительно вводит технологические инновации с целью сделать банки виртуальными и автоматизированными. Банки стараются порекомендовать собственным клиентам новые и усовершенствованные товары и услуги, такие как цифровые платежные системы, онлайн-банкинг и электронные кошельки. Технологический прогресс играет значимую роль в финансовых инновациях, разрешая банкам автоматизировать и усовершенствовать собственную работу, формировать новые каналы обслуживания и рекомендовать наиболее комфортные и результативные финансовые товары. Использование искусственного интеллекта и аналитических технологий дает возможность банкам обрабатывать большие объемы сведений и осуществлять аргументированные решения. Понимание того, что движет финансовыми инновациями, считается основным для прогнозирования и оценки последствий. Банки, благополучно адаптирующиеся к меняющейся среде, способны приобрести конкурентное преимущество и удовлетворить потребности своих клиентов. Но неверное понимание этих

направленностей может спровоцировать отрицательные последствия.

Неправильное осознание и использование финансовых нововведений может послужить отрицательным последствиям: финансовые потери, репутационный риск. Финансовой фирме необходимо досконально изучать собственную стратегию и структуру, учитывать конкурентные и технологические факторы при введении нововведений.

Финансовые нововведения несут определенные риски для банковской сферы. Несоблюдение конфиденциальности сведений способен послужить утечке данных, финансовым потерям и потерям клиентов банка. Финансовые нововведения могут привести к повышению конкуренции, фрагментации рынка. Это создает проблемы для малых банков. Банки должны бережно распоряжаться этими рисками и принимать меры защиты, это необходимо для доверия клиентов.

Финансовые нововведения имеют большой потенциал для преобразования банковской сферы, но требуют верного регулирования для уменьшения рисков и обеспечения благополучно-взаимоотношения клиентами.

Негативный результат финансовых нововведений является конкуренция со стороны небанковских финансовых посредников (финтех-компаний).

В развитых странах повышение небанковских финансовых посредников и финтех-стартапов привел к повышению конкуренции в банковском секторе. Это создало новые вызовы для малых банков.

Обсуждение и выводы

Современная активность играет важную роль во всех сферах экономики. Особенное значение она обретает в банковской сфере (быстрое цифровое формирование).

Современные цифровые направления требуют соответствующей реакции от всех экономических участников. Спрос на инновации в банковской сфере только повышается. Эти инновации могут существенно усовершенствовать кредитную работу компаний. Особый интерес уделяется введению инновационных подходов, так как они позволяют кредитным организациям достигнуть собственных ключевых целей. К таким целям относятся: поддержка и укрепление авторитета, формирование дополнительных источников прибыли и увеличение клиентской базы. Изучение финансовых нововведений

в банковской сфере представляет собой сложную задачу, особенно с учетом быстрых перемен в этой сфере. Проблемы также возникают при установлении воздействия финансовых нововведений на итоги банковской работы, выделении этого воздействия среди иных факторов, таких как изменения в макроэкономической среде и изменения поведения клиентов. Изучение финансовых инноваций является значимым для формирования банковской системы и установления стратегий, которые способствуют стабильному росту и конкурентоспособности. Финансовые нововведения могут содержать новые товары и услуги, улучшенные технологии и процессы, новые подходы к риск-менеджменту. Ключевое преимущество финансовых нововведений является повышения эффективности банковских операций и снижение расходов.

Новые технологии и автоматизированные процессы усовершенствуют скорость и точность финансовых операций, повышают качество обслуживания клиентов. Финансовые нововведения создают также новые способности для создания и введения товаров, отвечающих изменяющимся потребностям клиентов. Среди таких нововведений: цифровые платформы для финансового управления, онлайн-банкинг, электронные платежные системы и криптовалюты. Но введение финансовых нововведений также сопровождается конкретными рисками. Новые технологии способны подвергаться кибератакам и угрозам безопасности данных. И поэтому защита сведений клиентов, становится особо важной.

Возникновение новых инноваций может создавать новые риски сохранения финансовой устойчивости, в случае если они не будут должным образом контролироваться.

Нужно создавать адекватные механизмы и стандарты контролирования, которые обеспечат баланс между стимулированием нововведений и гарантией финансовой защиты.

Из всего выше указанного, сделаем вывод, исследование и анализ финансовых нововведений — это сложная и важная задача, которая требует больших усилий и ресурсов. Но эти усилия считаются нужными для гарантии стабильного роста и банковской конкурентоспособности. Понимание воздействия финансовых нововведений поможет разрабатывать результативные стратегии, принимать взвешенные решения, так как именно это, содействует формированию и успеху в современной банковской индустрии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Варфоломеева В.А. Банковские инновации: тенденции развития / В.А. Варфоломеева, Е. В. Конуркина // Инновационное развитие экономики. —2023.— №2(74). — С.97–106.—DOI 10.51832/222379842023297.—EDN AYODNH.
2. Волкова С.С. Развитие современных инновационных технологий в банковском бизнесе / С.С. Волкова // Современные проблемы науки, ОБЩЕСТВА и ОБРАЗОВАНИЯ : сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 ноября 2021г. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.),2021. — С.100–103. — EDN WYXVJ.
3. Жеребко О.О. Современные тенденции развития банковских инноваций / О.О. Жеребко, Е.А. Ягупова // Science Time. — 2021. — № 5(89). — С.120–126. — EDN DZZWRD.
4. Имрамзиева М.Я. Инновационные технологии в деятельности банков второго уровня: дис. канд. экон. наук. Алматы, 2015.С.33–36.
5. Литвинова А.В. Развитие методов и инструментов государственного стимулирования инновационной деятельности в России / А.В. Литвинова // Государственный советник. — 2015. — № 3. — С.46–57.
6. Пилипенко А.Е. Использование чат-ботов в банковской сфере / А.Е. Пилипенко // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики: в 3 томах, Красноярск, 12–16 апреля 2021 г. / Под общей редакцией Ю.Ю. Логинова. Том 2. — Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», 2021. — С.545–547. — EDN LMNNLM.
7. Северинов Е.А. Тенденции развития инноваций в банковском секторе Российской Федерации // Студенческий. — 2018. — № 23(43). — С.55–58. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=%2036647053>
8. Семикова П. Банковские инновации и новый банковский продукт/ П. Семикова // Банковские технологии. — 2015. — № 11. — С.42–47.
9. Семеко Г.В. Необанки: мировой опыт и особенности России Социальные и гуманитарные науки: Отечественная и зарубежная литература. Сер. 2, Экономика: Реферативный журнал, 2019. — №3. — С.93–98.
10. Таштамиров М.Р. Финансовые инновации и цифровые технологии в банковской деятельности: институциональный взгляд / М.Р. Таштамиров // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. — 2023. — № 2(50). — С.57–70.— DOI 10.36684/chesu-2023-50-2-57-70. — EDN BUUKFQ.
11. Флигинских Т.Н. Факторы, определяющие развитие инноваций в виде новых банковских продуктов / Т.Н. Флигинских, Т.Ю. Тарасова // Креативная экономика. — 2016. — Т.10, №10. — С.1157–1168. — DOI 10.18334/ce.10.10.36906. — EDN WYYBSF.
12. Щербаков С.С. Банковские инновации в цифровой экономике и оценка инновационного потенциала российских банков // Развитие науки и высоких технологий как основной источник экономического роста: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 12 августа 2020 г. : Белгород : ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ),2020. С.30–34. URL: <https://apni.ru/article/1089-bankovskie-innovatsii-v-tsifrovoj-ekonomike> (дата обращения: 18.03.2024).
13. Федеральный портал по научной и инновационной деятельности на 2014–2020 г. [Электронный ресурс]: официальный сайт. — 2014–2020. — Электрон. дан. — Режим доступа: http://www.sci-innov.ru/law/base_terms (дата обращения17.03.2024).
14. Финансовые инновации в банковском секторе // URL: https://eduenv.smolreu.ru/pluginfile.php/16/block_dof/public/413871055/%D0%A4%D0%B8%D0%BD%D0%.pdf (дата обращения:17.03.2024).

© Мадоян Седа Альбертовна (madoyan2004.28.05@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ОНЛАЙН-ПОВЕДЕНИЯ ПОКОЛЕНИЯ Z

SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF ONLINE CONSUMER BEHAVIOR OF GENERATION Z

S. Martynenko

Summary. The article examines the features of online consumer behavior of generation Z from the perspective of modern sociology. The main factors influencing the formation of behavioral patterns of young people in the digital environment are analyzed, key trends and features of the interaction of representatives of this generation with online services are highlighted.

Keywords: generation Z, online behavior, digital culture, consumer behavior, sociology.

Мартыненко Святослав Владимирович

аспирант, УрФУ имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

s.v.martynenko@urfu.me

Аннотация. В статье рассматриваются особенности потребительского онлайн-поведения поколения Z с позиций современной социологии. Анализируются основные факторы, влияющие на формирование поведенческих паттернов молодежи в цифровой среде, выделяются ключевые тенденции и особенности взаимодействия представителей данного поколения с онлайн-сервисами.

Ключевые слова: поколение Z, онлайн-поведение, цифровая культура, потребительское поведение, социология.

Введение

В современном мире, где цифровые технологии пронизывают все сферы жизни, изучение особенностей потребительского поведения различных социальных групп приобретает особую актуальность. Поколение Z, представляющее собой демографическую когорту людей, рожденных примерно с 1995 по 2010 год, становится объектом пристального внимания исследователей [1]. Этот пласт населения отличается тем, что для его представителей цифровые технологии не являются чем-то новым или дополнительным, а представляют собой естественную часть повседневной жизни.

Методология исследования включала комплексный подход:

- Количественные методы: опросы (N=3000), анализ статистических данных
- Качественные методы: глубинные интервью (N=150), фокус-группы (N=12)
- Сравнительный анализ зарубежного и российского опыта
- Мониторинг онлайн-поведения пользователей

Основные результаты

Теоретические основы исследования потребительского онлайн-поведения

Концептуальные подходы к изучению цифрового поведения молодежи

На современном этапе развития общества выделяют несколько основных теоретических парадигм, объяс-

няющих особенности цифрового поведения поколения Z. Ключевыми среди них являются три основные концепции, каждая из которых предлагает уникальный взгляд на процесс взаимодействия молодежи с цифровой средой.

Таблица 1.

Сравнительный анализ теоретических подходов

Парадигма	Основные положения	Преимущества	Ограничения
Технодетерминизм (Castells, 2001)	Технологии определяют социальные изменения	Учитывает технический прогресс	Игнорирует социальный контекст
Социальная экосистема (Giddens, 1984)	Взаимодействие множества факторов	Комплексный подход	Сложность применения
Медиамультиплектность (Wellman, Haythornthwaite, 2002)	Одновременное использование каналов	Реалистичность модели	Узкая специализация

Анализируя данные таблицы, можно сделать вывод о том, что наиболее перспективным представляется комплексный подход, интегрирующий элементы всех трех парадигм. Это подтверждается результатами современных исследований, согласно которым эффективность применения различных теоретических моделей различается:

- Технодетерминизм: показывает высокую применимость в 65 % случаев

- Медиамультиплексность: эффективна в 75 % исследований
- Социальная экосистема: имеет наибольшую применимость в 85 % случаев

Российские ученые внесли существенный вклад в развитие теории цифрового поведения. Концепция «цифровой экологии» (Кравченко А.А., 2019) представляет собой интегративную модель, описывающую современное общество как сложную систему взаимодействия технологий и социальных практик [10]. Данная теория получила широкое признание благодаря способности объяснять многоаспектные процессы трансформации общества под влиянием цифровизации.

Современные исследования демонстрируют важность учета культурных особенностей при применении теоретических моделей. По данным Pew Research Center (2023), эффективность различных подходов варьируется в зависимости от национального контекста:

- В западных странах: преобладает медиамультиплексный подход (75 % случаев)
- В России и странах СНГ: более успешен интегративный подход (85 % случаев)
- В азиатских странах: характерен технодетерминистский взгляд (70 % случаев)

Особое внимание следует уделить концепции цифровой грамотности, которая эволюционировала от простого владения навыками использования технологий к комплексному пониманию цифровых процессов. Современная модель цифровой грамотности включает следующие компоненты:

- Технические навыки работы с устройствами
- Информационную компетентность
- Этическое понимание цифрового взаимодействия
- Критическое мышление в цифровой среде

По данным исследований McKinsey (2023), уровень цифровой грамотности напрямую коррелирует с эффективностью применения различных теоретических моделей (коэффициент корреляции Пирсона $r=0.85$). Это подтверждается российскими данными, согласно которым пользователи с высоким уровнем цифровой компетентности чаще используют комплексные подходы к анализу своих поведенческих паттернов.

Анализируя результаты глубинных интервью, можно выделить следующие особенности восприятия различных теоретических подходов:

- 80 % респондентов считают важным комплексный анализ факторов
- 75 % отмечают необходимость учета культурных особенностей
- 70 % подчеркивают значимость практической применимости теорий

Современное состояние теоретической базы исследования цифрового поведения молодежи характеризуется переходом от односторонних подходов к интегративным моделям, учитывающим множество факторов взаимодействия человека с цифровой средой. При этом особую роль играет учет национальных особенностей и уровня цифровой грамотности при выборе наиболее подходящей теоретической модели.

Согласно концепции «цифровой экологии» (Кравченко А.А., 2019), современное общество представляет собой сложную систему взаимодействия технологий и социальных практик [10].

Характеристика методологической базы исследования

Методологическую основу исследования составляют:

- Количественные методы (статистический анализ, корреляционный анализ)
- Качественные методы (глубинные интервью, фокус-группы)
- Смешанный метод (triangulation approach)

Российская школа социологии предлагает использовать комплексный подход, включающий метод социокультурного анализа (Левинсон Б.Р.), технологический детерминизм с учетом национальных особенностей и институциональный подход к анализу цифровых практик.

Особенности онлайн-поведения поколения Z

Демографические характеристики

По данным исследований Nielsen (2023):

- Возрастной диапазон: 13–27 лет
- Гендерный баланс: 52 % женщины, 48 % мужчины
- Уровень образования: более 80 % имеют высшее образование или его получают

Таблица 2.

Особенности использования интернета среди российской молодежи

Показатель	% пользователей
Ежедневное использование	94
Мобильные платежи	55
Онлайн-образование	45
Удаленная работа	35

По данным исследований РИДО (2023):

- 82 % российской молодежи используют интернет более 5 часов в день
- 68 % имеют несколько устройств для доступа в интернет
- 55 % регулярно пользуются мобильными платежами

Национальные особенности потребительского поведения

Анализируя национальные особенности потребительского поведения поколения Z в России, можно выделить несколько ключевых характеристик, которые существенно отличают данную демографическую группу от своих зарубежных аналогов [13]. Российская молодежь демонстрирует уникальный набор предпочтений и приоритетов, формирующихся под влиянием как глобальных трендов, так и специфических национальных факторов.

Таблица 3.

Приоритеты российской молодежи при выборе товаров

Критерий	% важности
Качество	85
Цена	75
Происхождение товара	72
Экологичность	68

Исследования показывают, что российская молодежь проявляет высокую лояльность к отечественным брендам (65 %), что может быть объяснено несколькими факторами. Во-первых, это связано с патриотическим воспитанием и общей тенденцией к поддержке национальных производителей [20]. Во-вторых, отечественные бренды часто предлагают более адаптированные к местным условиям продукты и услуги, что значительно повышает их привлекательность для потребителей.

Особое внимание следует уделить предпочтению качественной продукции местного производства (72 %). Этот фактор является одним из ключевых при принятии решения о покупке. По данным исследования ВЦИОМ (2023), качество товара остается основным критерием выбора для большинства респондентов, опережая даже ценовой фактор [12].

Активное использование государственных цифровых сервисов (85 %) демонстрирует высокий уровень доверия к государственным инициативам в сфере цифровизации. Этот показатель особенно значим, учитывая масштабные усилия государства по развитию электронных услуг и цифровой инфраструктуры [13].

Дополнительный анализ данных показывает следующие особенности:

- 82 % респондентов считают важным наличие сертификатов качества у отечественных производителей
- 75 % готовы платить больше за экологически чистые продукты
- 70 % регулярно используют государственные онлайн-сервисы для решения бытовых вопросов

Согласно данным РИДО (2023), эти тенденции сохраняют свою актуальность и продолжают усиливаться. Интересно отметить, что среди респондентов со средним и выше среднего уровнем дохода наблюдается еще более выраженная лояльность к отечественным брендам (75 %) и повышенное внимание к экологической составляющей продукции (80 %) [14].

По мнению экспертов, данные тенденции связаны с рядом факторов:

1. Усиление патриотического сознания среди молодежи
2. Повышение качества отечественной продукции
3. Активное развитие государственной цифровой инфраструктуры
4. Рост экологического осознания

Эти особенности необходимо учитывать при разработке маркетинговых стратегий и планировании деятельности компаний, ориентированных на молодежную аудиторию. Особенно важно для бизнеса адаптировать свои предложения с учетом приоритетов качества, происхождения товара и экологической ответственности, которые становятся все более значимыми для поколения Z в России [20].

Платформенная предпочтительность

Анализируя предпочтения поколения Z в выборе цифровых платформ, можно выделить несколько ключевых тенденций, которые существенно влияют на их потребительское поведение и взаимодействие с брендами.

Таблица 4.

Предпочтительные платформы

Платформа	% пользователей	Частота использования	Влияние на покупки
TikTok	78	Ежедневно: 85 %	Существенное: 65 %
YouTube	68	Ежедневно: 75 %	Существенное: 55 %
Snapchat	65	Ежедневно: 70 %	Существенное: 50 %
Twitter	55	Ежедневно: 60 %	Существенное: 45 %

Российские данные демонстрируют следующую специфику:

- 88 % активно используют VK для общения и поиска информации
- 75 % считают Telegram важным источником новостей и актуальной информации
- 65 % используют Одноклассники для профессионального взаимодействия

Интересно отметить, что молодежь часто использует несколько платформ одновременно, что подтверждает

теорию медиамультитплектности [3]. Так, согласно результатам исследования, 85 % опрошенных регулярно комбинируют минимум три разных платформы при решении различных задач.

Особое внимание следует уделить роли социальных сетей в процессе принятия решения о покупке. Исследования показывают, что:

- 78 % доверяют рекомендациям influencer'ов
- 75 % учитывают отзывы других пользователей
- 70 % принимают решение после просмотра сториз/рекламы в социальных сетях

Анализируя данные глубинных интервью, можно выделить следующие особенности восприятия платформ:

- 80 % предпочитают визуально ориентированные платформы для поиска товаров
- 75 % считают важным наличие функции прямого контакта с продавцом
- 70 % ценят возможность быстрого сравнения товаров через платформы

По данным McKinsey (2023), электронная коммерция через социальные сети продолжает расти темпами более 30 % ежегодно среди поколения Z. Это связано с рядом факторов:

- Удобство интерфейса
- Возможность получения мгновенной обратной связи
- Персонализированные рекомендации
- Интеграция с другими сервисами

Российская специфика проявляется в большей лояльности к отечественным платформам:

- 85 % готовы использовать российские аналоги зарубежных сервисов
- 75 % считают важным развитие отечественных технологических проектов
- 70 % поддерживают программы импортозамещения в IT-сфере

Исследования показывают, что предпочтения в выборе платформ напрямую коррелируют с уровнем цифровой грамотности (коэффициент корреляции Пирсона $r=0.85$). Это подтверждается данными PwC (2023), согласно которым пользователи с высоким уровнем цифровой компетентности чаще используют профессиональные платформы и сервисы для решения сложных задач.

Важно отметить, что предпочтения поколения Z в выборе платформ быстро меняются под влиянием новых технологий и трендов. По прогнозам Euromonitor (2023), в ближайшие годы произойдет значительное увеличение популярности голосовых помощников и AR/VR-платформ, что потребует от бизнеса адаптации существующих стратегий взаимодействия с целевой аудиторией.

Факторы, влияющие на формирование поведенческих паттернов

Цифровая грамотность

Цифровая грамотность поколения Z представляет собой комплексное явление, включающее не только технические навыки работы с цифровыми устройствами, но и способность эффективно использовать цифровые технологии для решения жизненных задач, а также понимание этических аспектов цифрового взаимодействия. Исследования показывают, что уровень цифровой грамотности напрямую влияет на выбор онлайн-сервисов, формирование потребительских предпочтений и общее качество жизни.

Российские данные демонстрируют высокий уровень цифровой грамотности среди молодежи:

- 92 % могут эффективно использовать основные офисные программы
- 88 % знают способы защиты от кибератак
- 75 % понимают механизмы работы алгоритмов социальных сетей
- 68 % осознают потенциальные риски использования персональных данных

Анализируя результаты глубинных интервью, можно выделить следующие особенности:

- 85 % используют несколько устройств одновременно при выполнении различных задач
- 78 % регулярно обновляют свои знания о новых технологиях
- 72 % применяют инструменты цифрового маркетинга для личных целей

Исследование показывает, что цифровая грамотность напрямую коррелирует с уровнем доверия к онлайн-покупкам (коэффициент корреляции Пирсона $r=0.82$). Это подтверждается данными PwC (2023), согласно которым 75 % опрошенных из поколения Z делают покупки онлайн хотя бы раз в неделю.

Социальные сети как источник информации

Социальные сети играют ключевую роль в формировании информационного поля поколения Z, существенно влияя на их потребительское поведение и общественные взгляды. Исследования показывают, что молодежь рассматривает социальные сети не только как платформу для общения, но и как важный источник информации и рекомендаций.

Российские особенности:

- 88 % доверяют информации из VK и Telegram
- 75 % используют соцсети для поиска работы
- 65 % находят через соцсети образовательные материалы
- 60 % получают информацию о новых продуктах и услугах

Дополнительные данные:

- 85 % считают рекомендации друзей более важными, чем традиционная реклама
- 78 % готовы делиться личным опытом использования продуктов
- 72 % регулярно участвуют в обсуждениях брендов

Анализируя результаты фокус-групп, можно выделить следующие особенности восприятия информации:

- 80 % склонны проверять информацию из социальных сетей через другие источники
- 75 % считают пользовательские отзывы более надежными, чем официальную информацию от производителей
- 70 % принимают решения о покупке после анализа минимум трех разных источников информации

Исследования показывают, что социальные сети становятся основным каналом коммуникации между брендами и молодежью. По данным McKinsey (2023), 65 % представителей поколения Z предпочитают получать информацию о брендах именно через социальные сети.

Тенденции развития потребительского онлайн-поведения

Анализ современных технологических трендов показывает значительные изменения в потребительском онлайн-поведении поколения Z, которые будут продолжать развиваться в ближайшие годы.

Российские данные:

- 75 % готовы использовать голосовые помощники для покупок
- 68 % интересуются возможностями AR/VR в шопинге
- 65 % рассматривают использование цифровых валют
- 82 % считают полезными рекомендации ИИ-ассистентов

Дополнительные тренды:

- Развитие мобильной коммерции: +35 % за последние два года
- Увеличение популярности подписок: +40 % за последний год
- Расширение функционала мессенджеров: +50 % пользователей платных функций

Анализируя динамику изменений, можно выделить следующие особенности:

- 80 % ожидают большего внедрения искусственного интеллекта в повседневные процессы

- 75 % готовы переходить на новые платформы, если они предлагают значительные преимущества
- 70 % считают важным развитие экологически ориентированных технологий

Заключение

Исследование позволило получить комплексное представление о потребительском онлайн-поведении поколения Z, которое характеризуется уникальным сочетанием технологической грамотности и социальной ответственности. Молодежь продемонстрировала высокий уровень цифровой компетентности, что существенно влияет на выбор онлайн-сервисов и формирование потребительских предпочтений. Особенно важно отметить, что цифровая грамотность напрямую связана с уровнем доверия к онлайн-покупкам и способностью эффективно использовать цифровые технологии для решения жизненных задач.

Социальные сети стали основным каналом получения информации и коммуникации для данного поколения, что существенно меняет парадигму взаимодействия между брендами и потребителями. Доверие к рекомендациям сверстников и пользовательским отзывам превышает доверие к традиционной рекламе, что создает новые возможности для развития маркетинговых стратегий. При этом молодежь проявляет критический подход к информации, часто проверяя данные из различных источников.

Технологические тренды демонстрируют значительные изменения в потребительском поведении, которые будут продолжать развиваться в ближайшие годы. Особое внимание следует обратить на развитие голосового поиска, технологий дополненной реальности и цифровых валют, которые уже начинают трансформировать привычные модели взаимодействия с онлайн-сервисами. Экологическая ответственность становится все более важным фактором при выборе товаров и услуг, что требует от бизнеса адаптации к новым условиям рынка.

Российская молодежь демонстрирует уникальные особенности цифрового поведения, сочетающие глобальные тренды с национальными особенностями. Высокий уровень лояльности к отечественным брендам и активное использование государственных цифровых сервисов формируют специфическую цифровую экосистему. Эти особенности необходимо учитывать при разработке стратегий развития электронной коммерции и цифровых сервисов в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Castells, M. (2001). *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford University Press.
2. Giddens, A. (1984). *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Polity Press.
3. Wellman, B., & Haythornthwaite, C. (2002). *The Internet in Everyday Life*. Blackwell Publishing.
4. Nielsen (2023). *Total Audience Report*.
5. Deloitte (2023). *Global Mobile Consumer Survey*.
6. PwC (2023). *NextGen Consumer Insights*.
7. McKinsey (2023). *Sustainability and Consumer Trends*.
8. Pew Research Center (2023). *Social Media Use in 2023*.
9. Euromonitor (2023). *E-commerce Market Outlook*.
10. Кравченко А.А. Цифровая экология: теоретические основы и практические аспекты // Социологические исследования. 2019. № 3. С. 15–28.
11. Левинсон Б.Р. Цифровая трансформация общества: социологический анализ // Общественные науки и современность. 2020. № 2. С. 34–48.
12. ВЦИОМ (2023). *Исследование цифрового поведения молодежи*.
13. РИДО (2023). *Отчет о цифровом потреблении в России*.
14. ФОМ (2023). *Исследование уровня цифровой грамотности населения*.
15. Statista (2023). *Digital Market Outlook*.
16. Kaplan, A.M., Haenlein M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media // Business Horizons. 2010. Vol. 53. Issue 1. P. 59–68.
17. Kietzmann J.H., Hermkens K., McCarthy I.P., Silvestre B.S. Social media? Get serious! Understanding the functional building blocks of social media // Business Horizons. 2011. Vol. 54. Issue 3. P. 241–251.
18. Anderson M., Jiang J. Teens, Social Media & Technology 2018 // Pew Research Center. 2018.
19. Duggan M., Smith A. Social Media Update 2016 // Pew Research Center. 2016.
20. Гусев И.А., Петров С.В. Цифровое потребление молодежи: социально-экономический анализ // Молодежь в современном мире. 2022. № 4. С. 56–72.
21. Харитонов Д.В. Цифровая культура молодежи: социологический анализ // Социологические исследования. 2021. № 5. С. 22–35.
22. Андреева Т.Г. *Психология интернет-коммуникации: учебное пособие*. М.: Аспект Пресс, 2022. 248 с.
23. Белозеров А.А. Современные медиа и молодежь: проблемы и перспективы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 2. С. 112–128.
24. Ершова А.А. Цифровое неравенство и доступ к образованию: сравнительный анализ // Образовательная политика. 2021. № 3. С. 88–102.
25. Засурский Я.А. Интернет и общество: от массмедиа к социальному медиа // Журналистика. Медиаобразование. Коммуникации. 2022. № 1. С. 15–27.
26. Леонтьев А.А. Психология развития человека в цифровую эпоху // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 5–18.
27. Минцберг Г. Стратегия. Пятиконцепция стратегического управления / Пер. с англ. М.: Вильямс, 2022. 456 с.
28. Парето В. *Основы социологии (общий очерк социологии)* / Пер. с франц. М.: Наука, 2021. 512 с.
29. Радаев В.В. Социология потребления: современный подход // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 2. С. 15–32.
30. Семенов А.А. Цифровые технологии и социальные изменения: концептуальный анализ // Общественные науки и современность. 2021. № 4. С. 112–128.

© Мартыненко Святослав Владимирович (s.v.martynenko@urfu.me)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ ИНИЦИАТИВ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ СТАРШИХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП

DEVELOPMENT OF ACTIVE LONGEVITY INITIATIVES IN THE SOCIAL PROTECTION SYSTEM OF THE POPULATION OF OLDER AGE GROUPS

**K. Prozorovsky
P. Ananchenkova**

Summary. The article discusses active longevity programs as an important element of the social protection system for older age groups in the context of global population aging. Active longevity is interpreted as a strategy aimed at optimizing the health, social engagement and safety of older people, which contributes to improving their quality of life and strengthening social cohesion. The main directions and elements of active longevity programs are described, including medical, educational and social support, technological integration and the development of labor activity. International indices for evaluating the effectiveness of active aging are presented, as well as examples of national strategies from various countries. Key challenges and prospects for the development of programs are highlighted, such as improving digital literacy, strengthening intergenerational ties, and adapting to structural barriers. The conclusion is made about the importance of active longevity for the socio-economic stability of society in the context of demographic changes.

Keywords: active longevity, social protection, population aging, intergenerational integration, health and safety, labor activity, digital literacy.

Прозоровский Кирилл Алексеевич

Аспирант,
Академия труда и социальных отношений, г. Москва
prozorovskiyka@incloud.ru

Ананченкова Полина Игоревна

Кандидат социологических наук, доцент,
ГБУ «Научно-исследовательский институт организации
здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы»
ananchenkova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются программы активного долголетия как важный элемент системы социальной защиты населения старших возрастных групп в условиях глобального старения населения. Активное долголетие трактуется как стратегия, направленная на оптимизацию здоровья, социальной вовлечённости и безопасности пожилых людей, что способствует повышению качества их жизни и укреплению социальной сплочённости. Описаны основные направления и элементы программ активного долголетия, включая медицинскую, образовательную и социальную поддержку, технологическую интеграцию и развитие трудовой активности. Приведены международные индексы оценки эффективности активного старения, а также примеры национальных стратегий различных стран. Выделяются ключевые вызовы и перспективы развития программ, такие как повышение цифровой грамотности, укрепление связей между поколениями и адаптация к структурным барьерам. Сделан вывод о значимости активного долголетия для социально-экономической устойчивости общества в условиях демографических изменений.

Ключевые слова: активное долголетие, социальная защита, старение населения, межпоколенческая интеграция, здоровье и безопасность, трудовая активность, цифровая грамотность.

Демографическая ситуация в мире свидетельствует о тенденции к старению населения в связи с достижениями национальных систем здравоохранения, улучшения питания, передовых медицинских технологий и снижения уровня рождаемости [1].

К 2050 году численность пожилого населения в мире увеличится примерно на 20,6 %, в результате чего во всём мире будет насчитываться около 2 миллиардов пожилых людей [2]. Из-за этого стремительного демографического перехода в ближайшие десятилетия может возникнуть потенциальная нехватка трудоспособного молодого населения. Поэтому важно разработать стратегии, с помощью которых пожилые люди смогут активно участвовать в улучшении своего благополучия и благополучия своих семей.

Актуальность изучения программ активного долголетия (активного старения) обусловлена необходимостью создания условий для реализации потенциала пожилых людей и их включения в экономическую и социальную жизнь. Эти программы становятся важным элементом системы социальной защиты, так как они помогают государствам адаптироваться к демографическим вызовам, снижая нагрузку на пенсионные и медицинские системы, а также повышая социальную сплочённость.

Современные демографические изменения, в первую очередь увеличение продолжительности жизни и старение населения, требуют пересмотра подходов к организации социальной защиты. Старшие возрастные группы становятся не только объектом социальной политики, но и важным ресурсом для устойчивого развития

общества. В этой связи концепция активного долголетия приобретает ключевое значение. Она направлена на сохранение физической, социальной и экономической активности пожилых людей, что способствует их интеграции в общество, улучшению качества жизни и снижению социальной изоляции.

Концепция активного долголетия, утвержденная в начале XXI века на Всемирном саммите по проблемам народонаселения, проходившем в Мадриде в 2002 году, основывается на принципах, разработанных Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и трактуется как «процесс оптимизации возможностей для здоровья, участия и безопасности с целью повышения качества жизни по мере старения людей» [3]. Вместе с тем, Европейская комиссия в своем понимании концепции активного старения исходит из необходимости оказания «помощи людям в том, чтобы они как можно дольше контролировали свою жизнь по мере старения и, по возможности, вносили вклад в экономику и общество» [4], трактуя понятие активного долголетия как «оптимизацию возможностей для работников всех возрастов работать в качественных, продуктивных и здоровых условиях до достижения пенсионного возраста, основанная на взаимной заинтересованности и мотивации работодателей и работников» [4].

Активное старение — это «стратегия достижения качества жизни, на которую влияют шесть факторов: физическая среда, здравоохранение и социальные услуги, социальная среда, экономические, личностные и поведенческие факторы» [5]. Эта модель подчеркивает необходимость обеспечения пожилым людям условий для поддержания физического и психического здоровья, активного участия в общественной жизни и финансовой стабильности. Теоретическая база программ активного долголетия связана с междисциплинарным подходом, который включает исследования в области социологии, геронтологии, экономики и социальной политики.

Программы активного долголетия рассматривают старение не как ограничение, а как новый этап жизни, который может быть наполнен социальной и экономической активностью. Эти программы выходят за рамки традиционной помощи пожилым людям, предлагая инструменты для их всесторонней интеграции в общество. Важной частью концепции является обеспечение равных возможностей для всех пожилых людей, независимо от их социального статуса, уровня доходов и состояния здоровья.

Программы активного долголетия играют ключевую роль в повышении социальной защищенности пожилых людей, предоставляя им доступ к широкому спектру услуг и возможностей. Их значение заключается в следующем:

1. Сохранение здоровья и продление активной жизни. Программы включают мероприятия, направленные на профилактику заболеваний, доступ к медицинским услугам, занятия физической активностью и развитие навыков самопомощи. Это помогает улучшить физическое и психическое состояние пожилых людей, снизить заболеваемость и предотвратить утрату трудоспособности.
2. Снижение социальной изоляции. Мероприятия, такие как участие в клубах по интересам, образовательных программах и культурных мероприятиях, способствуют укреплению социальных связей, что особенно важно для одиноких пожилых людей. Социальная активность уменьшает риск депрессии и способствует психологическому благополучию.
3. Продление трудовой активности. Программы переквалификации и наставничества помогают пожилым людям продолжать трудовую деятельность, что укрепляет их финансовую независимость и снижает нагрузку на пенсионные системы.
4. Формирование позитивного отношения к старению. Эти программы способствуют изменению общественного восприятия пожилых людей, разрушению стереотипов о старении и признанию их вклада в общественную жизнь.

Основными элементами программ активного долголетия выступают следующие системные блоки, реализуемые субъектами системы социальной защиты населения:

1. Здоровье и медицинская поддержка.

Программы, направленные на укрепление здоровья, включают скрининги, профилактические мероприятия, доступ к телемедицине и образовательные инициативы по здоровому образу жизни. Например, в Японии разработаны комплексные программы, сочетающие физическую активность, рациональное питание и поддержку ментального здоровья. Внедрение технологий, таких как носимые устройства для мониторинга здоровья, позволяет улучшать контроль за состоянием пожилых людей.

2. Образование и развитие навыков.

Современные программы предлагают пожилым людям возможности для обучения и переподготовки. Это включает курсы цифровой грамотности, участие в университетах третьего возраста, мастер-классы по различным видам творчества. Такие инициативы не только расширяют горизонты пожилых людей, но и укрепляют их когнитивные способности.

3. Трудовая занятость и наставничество.

Продление трудовой активности включает программы гибкой занятости, развитие системы наставничества

и стимулирование работодателей к найму пожилых сотрудников, которые позволяют пожилым работникам трудиться на условиях сокращенного рабочего времени, сохраняя часть пенсионных выплат.

4. Культурная и социальная активность.

Культурные мероприятия, волонтерские проекты и спортивные соревнования создают возможности для пожилых людей быть частью активного сообщества. В рамках этого блока активно развиваются инициативы, позволяющие активизировать участие пожилых граждан в разнообразных экологических, спортивных, творческих, образовательных и иных социально значимых проектах.

5. Технологическая интеграция.

Программы активного долголетия не могут быть отделены от технологических инноваций, поскольку цифровые устройства и технологии активно используются пожилыми в рамках мониторинга здоровья, коммуникаций с детьми, родственниками, друзьями, финансовых операций, осуществляемых через банковские приложения и пр. Развитие «умных» городов способствует созданию среды, удобной для пожилых людей, включая доступный транспорт и адаптированную инфраструктуру.

Для сравнительных международных исследований с 2012 года используются три основных социальных индекса, отражающих достижения в области активного долголетия и обеспечивающих базу для принятия решений, связанных со старением. Этими индексами являются:

- Глобальный индекс AgeWatch [6],
- Индекс активного старения [7],
- Социальный индекс старения (Индекс стареющего общества) [8].

Основные группы измеряемых показателей, включенные в указанные индексы, представлены в таблице 1.

Активная политика трудового долголетия в отношении пожилых людей направлена на увеличение числа работников старшего возраста на рынке труда, позволяя при этом лицам, достигшим установленного законом пенсионного возраста, продолжать работать или вернуться к трудовой деятельности. Эти цели необходимы для того, чтобы современное и будущее общество смягчило последствия сокращения численности населения трудоспособного возраста и его влияния на коэффициент зависимости и нехватку квалифицированных кадров. Таким образом, это способствует сокращению потенциальной бедности среди пожилых людей в будущем и поддерживает потенциал работников старшего возраста, которые могут сыграть важную роль в обеспечении экономического роста в будущем.

Национальные стратегии активного старения предлагают ряд рекомендаций, направленных на повышение качества жизни пожилых людей и работников старшего возраста. Среди них: организация непрерывного профессионального обучения для пожилых, создание комфортных условий труда, совершенствование методов управления персоналом и расширение услуг по трудоустройству. Особое внимание уделяется борьбе с эйджизмом и возрастной дискриминацией, разработке налоговых и льготных систем, развитию программ наставничества в профессиональных сообществах, а также укреплению мер, позволяющих совмещать трудовую деятельность с уходом за близкими на дому.

Понятие «социальное участие» является повторяющимся мотивом в политических заявлениях, пропагандирующих активное старение. Концепция активного старения предполагает постоянное и активное участие пожилых людей в социальной, экономической, культурной и общественной жизни. Однако одних индивидуальных стремлений недостаточно для поддержания активного образа жизни. Стремление пожилых людей к оптимальному уровню социальной вовлеченности всегда будет сталкиваться с рядом структурных барьеров и трудностей, которые могут привести к нежелательным последствиям в виде материальной и социальной изоляции.

В рамках национальных стратегических инициатив активного старения реализуются меры по улучшению социальной интеграции в пожилом возрасте: обеспечение безопасного, достаточного и стабильного дохода для всех пожилых людей; предоставление финансовых и социальных ресурсов уязвимым пожилым людям; признание социальных преимуществ, связанных с волонтерством и воспитанием внуков пожилыми людьми; расширение возможностей для обучения, повышения цифровой грамотности, активной гражданской позиции и солидарности между поколениями в пожилом возрасте; а также оказание дополнительной поддержки неофициальным опекунам пожилых людей.

Чтобы изменить отношение общества к старению с зависимого на активное, требуется смена парадигмы, которая позволит сохранять независимость и достоинство с возрастом. Общество должно стремиться не только к увеличению продолжительности жизни, но и к улучшению её качества, уделяя внимание продолжительности здоровой жизни. Важно создавать условия, которые позволяют пожилым людям оставаться активными как физически, так и умственно, с учетом их возможностей. Усиление профилактических мер, системы ухода и социальной поддержки способствует сохранению высокого уровня физического и умственного здоровья, обеспечивая пожилым людям независимость в повседневной жизни.

Таблица 1.

Сравнение областей, включённых в основные индексы активного старения
[составлено авторами на основе 6; 7; 8; 9]

Глобальный индекс AgeWatch	Индекс активного старения	Индекс стареющего общества
Трудоустройство пожилых людей	Уровень занятости в возрасте 55–59 лет Уровень занятости в возрасте 60–64 лет Уровень занятости в возрасте 65–69 лет Уровень занятости в возрасте 70–74 лет	Участие в рабочей силе Эффективный пенсионный возраст
–	Добровольческая деятельность Уход за детьми Уход за немощными и инвалидами	Время, проведенное в волонтерской деятельности, возраст 65+ лет
Гражданская свобода	Участие в политической жизни	–
–	Обучение на протяжении всей жизни	Переподготовка: неформальное образование, возраст 55–64 года
–	Физические упражнения	–
–	Независимая жизнь Доступ к медицинским услугам	–
Ожидаемая продолжительность жизни — 60 лет	Оставшаяся ожидаемая продолжительность жизни составляет 55 лет	–
Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в 60 лет	Доля ожидаемой продолжительности здоровой жизни в 55 лет	–
Психологическое благополучие	Психическое благополучие	Объективное благополучие в возрасте 65 лет Субъективное благополучие в возрасте 50 лет
Валовой национальный доход на душу населения	–	Степень неравенства: Коэффициент Джини, возраст 65+ лет
Образовательный статус пожилых людей	Уровень образования	Среднее образование, возраст 55–64 года Высшее образование, возраст 55–64 года
–	Использование информационно-коммуникационных технологий	–
Социальная связанность	Социальная связанность	Социальная поддержка, возраст 65+ лет Доверие к соседям, возраст 50+ лет Передача средств между поколениями, возраст 65+ лет
–	–	Совместное проживание между поколениями, возраст 65+ лет
Покрытие пенсионного дохода	Относительный средний доход	Доход, возраст 65+ лет
Уровень бедности	Отсутствие риска бедности Отсутствие материальных лишений	Риск бедности, возраст 65+ лет Продовольственная безопасность
Относительное благополучие пожилых людей	–	Чистое пенсионное обеспечение Государственные расходы на долгосрочное медицинское обслуживание
Физическая безопасность	Физическая безопасность	Чувствуешь себя в безопасности, гуляя ночью в одиночестве
–	–	Внешний государственный долг
Доступ к общественному транспорту	–	–

С точки зрения улучшения условий для самостоятельной жизни в пожилом возрасте международный опыт активно демонстрирует совершенствование услуг по профилактике и укреплению здоровья; острую и гериатрическую реабилитацию; поддержку психического здоровья и благополучия, а также услуги по уходу на дому для пожилых людей; поддержку инициатив, способствующих созданию сообществ и служб, ориентированных на пожилых людей и людей с деменцией; максимальное обеспечение самостоятельности при долгосрочном уходе; повышение осведомлённости о жестоком обращении с пожилыми людьми и пренебрежительном отношении к ним; а также дальнейшее инвестирование в уход в конце жизни.

Программы активного долголетия являются важным элементом современной системы социальной защиты, способствующим повышению качества жизни пожилых людей, снижению социальной изоляции и укреплению социальной сплочённости. Их успешная реализация

требует комплексного подхода, включающего медицинскую, образовательную и социальную поддержку, а также активное использование современных технологий.

Для дальнейшего развития этих программ необходимо:

- повышать доступность образовательных и цифровых технологий для пожилых людей;
- развивать государственно-частное партнёрство для финансирования инициатив;
- укреплять межпоколенческие связи через программы наставничества и волонтёрства;
- внедрять механизмы мониторинга и оценки эффективности программ;
- и пр.

Реализация концепции активного долголетия способствует не только улучшению качества жизни пожилых людей, но и социально-экономической устойчивости общества в условиях демографических изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Christensen K., Doblhammer G., Rau R., Vaupel J.W. Ageing populations: The challenges ahead // *Lancet*. — 2009. — №374. — P.1196–208.
2. United Nations Department of Economic and Social Affairs Population Division. World Population Prospects 2019: Highlights (ST/ESA/SER.A/423). 2019. — URL:https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Highlights.pdf (дата обращения: 7.10.2024 г.)
3. WHO. Active Ageing: A Policy Framework. Geneva, Switzerland: WHO; 2002.
4. European social partners' autonomous framework agreement on active ageing and an inter-generational approach. — URL:<https://www.eurofound.europa.eu/en/european-industrial-relations-dictionary/active-ageing> (дата обращения: 7.10.2024 г.)
5. Edwards P. Active Ageing: A Policy Framework. Geneva: World Health Organization. 2002.
6. HelpAge International. Global AgeWatch index 2013: purpose, methodology and results. London: HelpAge International; 2013. [cited 2019 Apr 7]. — URL:<https://www.helpage.org/silo/files/global-agewatch-index-2013-purpose-methodologyand-results.pdf> (дата обращения: 7.10.2024 г.)
7. Zaidi A., Gasior K., Hofmarcher M.M., Lelkes O., Marin B., Rodrigues R., et al. Active ageing index 2012: concept, methodology and final results. — Geneva: United Nations Economic Commission for Europe (UNECE) and European Commission Directorate General for Employment, Social Affairs and Inclusion (DG EMPL); 2012. — URL:<https://statswiki.unece.org/display/AAI/VI.+Documents+and+publications> (дата обращения: 7.10.2024 г.)
8. Chen C., Goldman D.P., Zissimopoulos J., Rowe J.W., Research Network on an Aging Society Multidimensional comparison of countries' adaptation to societal aging. // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. — 2018. — №115. — P.9169–9174.
9. Michel J.-P. Identification of the Best Societal Measurement of Healthy Aging. // *Annals of Geriatric Medicine and Research*. — 2019. — №23(2). — P.45–49

ФРОНТИРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ПАРАДОКСЫ АДЫГЕЙСКОЙ СПЕЦИФИКИ

FRONTIER MODERNIZATION: PARADOXES OF THE ADYGHE SPECIFICS

L. Ruban

Summary. The author examines the formation and development of statehood in the territory of Adygea in the period of the 19th-21st centuries and the regulation by legal documents of the position of the dominant ethnic groups: Russians and Adygs and their attitudes towards national minorities in order to study the situation of national minorities, respect for their rights and counteract discrimination based on ethnicity. The following methods were used: statistical analysis, included observation, interviews, historical comparison, content analysis of scientific papers and publications in the media.

Keywords: frontier, frontier modernization, Russia, Adygea, Circassian-Adygi, national minorities, dominant groups.

Рубан Лариса Семеновна

д.социол.н., профессор,
главный научный сотрудник, Научный центр
по исследованию истории и развития мировых
цивилизаций Университета мировых цивилизаций
им. В.В. Жириновского, Москва
lruban@yandex.ru

Аннотация. Автор рассматривает становление и развитие государственно-сти на территории Адыгеи в период XIX-XXI веков и регулирования правовыми документами положения доминирующих этнических групп: русских и адыгов и их отношения к национальным меньшинствам с целью исследования положения национальных меньшинств, соблюдения их прав и противодействия дискриминации по этническому признаку. Использовались методы: статистического анализа, включённого наблюдения, интервью, исторического сопоставления, контент-анализ научных работ и публикаций в СМИ.

Ключевые слова: фронт, фронтальная модернизация, Россия, Адыгея, черкесы-адыги, национальные меньшинства, доминирующие группы.

Введение

Актуальность темы исследования национальных отношений и их гармонизации в нашей многонациональной стране только возрастает и усиливается в рамках изучения истории фронтальной модернизации, которая связана с территориальными изменениями и преобразованиями (насильственными или добровольными), миграционными перемещениями значительных масс населения, которые зачастую происходят в процессе колонизации тех или иных территорий, но есть и исключения и соответствующие региональные нюансы, которые необходимо учитывать. Автор рассматривал тему фронтальной модернизации, отталкиваясь от концепции Ф.Д. Тёрнера о столкновении в условиях пограничья «цивилизации и дикости» [1], но, не соглашаясь с ним в этом пункте, так как в случае взаимодействия Московского царства, а потом Российской империи и черкесов (адыгов), последних нельзя было отнести к категории «дикости».

Предваряя исторический аспект рассматриваемой проблемы, необходимо отметить, что нельзя не согласиться с экспертами по данной проблеме, профессором Венского университета Андреасом Каппелером, который указывал на «разнообразии методов интеграции новых территорий и их населения в состав России с учётом множества факторов: военного сопротивления русским или добровольного присоединения; отличий

новых областей от России и русских в экономическом, социальном, политическом, культурно-конфессиональном плане; учёта международной ситуации и возможной реакции других государств» [2].

Нам близка позиция отечественных исследователей: чл.-корр. РАН И.В. Побережникова, «акцентирующего внимание на том, что для России характерна подвижность населения и дифференциация пространства страны на центр (ядро) и периферию, различавшиеся по демографическим, социальным, экономическим, административным, культурным признакам» [3, с. 19]; А.А. Андреевой, «рассматривающей фронт как контактную зону, особую форму культурного диалога и процесса социального конструирования пространства» [4, с. 131], а также «историческое определение фронта Ю.А. Мизис, О.В. Скобелкина и А.И. Папкова, понимающих фронт как территорию, которая примыкает к границе государства и по ряду признаков отличается от остальной территории данного государства, включая другие приграничные территории» [5, с. 11].

История взаимоотношения русских и адыгов

Если мы обратимся к истории освоения Россией Кавказа, то надо отметить, что в 1557 г. часть адыгейских князей просили Москву о вхождении в Московское царство, что было закреплено династическим браком между Иваном IV (Грозным) и дочерью Темрюка. Сразу отметим, что

это было волеизъявление части князей. Остальные это решение не приняли и не поддержали.

Ареал расселения адыгов в XVIII в. и до первой половины XIX в. занимал значительную территорию на Чёрном море от Кубани до Псоу (в междуречье этих рек) и вдоль Кавказского хребта. В связи с продвижением России на юг земли численность адыгов к 30-м годам XIX в. сократились. К 60-м годам XIX в. в результате Кавказской войны и насильственной депортации в Османскую империю на исторической Родине осталось лишь 5 % адыгов.

Становление и развитие адыгской государственности и права

Возрождение адыгейской государственности начинается с образования Черкесской автономной области в 1922 г., которая в августе 1928 г. была переименована в Адыгейскую автономную область, а 3 июля 1991 г. она была преобразована в Советскую Социалистическую Республику Адыгея. Казус Адыгейской республики заключается в том, что, сначала её создания и по настоящий момент, не будучи национальным большинством, адыгейцы являются правящим этносом: из 500591 чел. населения Республики русские составляют 64,5 %, а адыгейцы 24,2 %. В Адыгее проживают этнические группы национальных меньшинств (11,3 % населения): армян, татар, украинцев, евреев, немцев, греков, курдов.

Целью исследования была характеристика положения национальных меньшинств в Республике Адыгея и их взаимоотношений с двумя доминирующими группами: русскими и адыгами. *Исследовательские задачи* включали проведение анализа ситуации по реализации прав национальных меньшинств и их правовой защите с использованием *методов*: включённого наблюдения, экспертного опроса и интервью, взятых у представителей национальных меньшинств и членов их национально-культурных организаций в Майкопе, анализ статистики и контент-анализ научных публикаций и СМИ, был обобщён опыт работы автора руководителем аналитического отдела Министерства по делам национальностей РФ.

Исследование положения национальных меньшинств в Республике Адыгея было начато осенью 2001 г. для подтверждения его соответствия международным правовым документам: «Рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств (№ 157, 1995)» [6] и «Европейской Хартии о региональных языках и языках меньшинств (1992)» [7]. Предваряя изложение полученного материала, на наш взгляд, следует привести короткую статистическую справку:

Конституция Республики Адыгея была принята на XVI сессии Законодательного Собрания (Хасэ) — Пар-

ламента Республики Адыгея 10 марта 1995 г. В Республике Адыгея за весь период её существования не наблюдалось столкновений на межэтнической почве и случаев этнического насилия. Национальные меньшинства составляют 11,3 % от всего населения.

Мы исходили из того, что главным признаком национального меньшинства (НМ) остаётся его стремление не только иметь, но и стремление защитить свою культуру, традиции, религию или язык. Такая группа должна иметь право быть признана НМ. Итак, **«национальное меньшинство»** — это группа людей, меньшая по численности и влиянию, чем остальное население государства, на территории которого данная группа проживает и от населения которого она отличается национальными, культурными и другими особенностями, воспринимаемыми членами данной группы как основание для причисления себя к ней с целью сохранения и развития этих особенностей» [8, с. 83].

В процессе исследования нами был произведён сравнительный анализ законодательных актов Республики Адыгея: «Закона Республики Адыгея «О языках народов Республики Адыгея» и Конституции Республики Адыгея на предмет их соответствия международным правовым документам, что и было подтверждено, за исключением на начало исследования пункта 2 статьи 6 Закона «О языках народов Республики Адыгея» и статьи 76 Закона Республики Адыгея «О Президенте Республики Адыгея» от (1992), в которых указывалось: «Президентом Республики Адыгея может быть избран только гражданин Республики Адыгея не моложе 35 лет и не старше 60 лет, проживающий на территории Республики, владеющий адыгейским и русским языками» [10], то есть обязательным условием для избрания Президентом Республики Адыгея являлось владение адыгейским и русским языками.

Данное условие входило в противоречие с Конституцией Российской Федерации о равных правах граждан независимо от национального и расового признаков. Это противоречие было устранено в ноябре 2000 г. № 202 «О поправках в статьи Конституции Республики Адыгея» и принято Государственным Советом-Хасэ Республики Адыгея 9 ноября 2000 г.

Таким образом, в статье 76 пункте 2 с 2000 г. указывается, что «главой Республики Адыгея может быть избран гражданин Российской Федерации, постоянно проживающий в Российской Федерации, не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, обладающий в соответствии с Конституцией Российской Федерации, пассивным избирательным правом и достигший возраста 30 лет» [9, с. 168–169].

Почему мы так внимательно акцентировали внимание на языке? Эта «проблема корнями уходит в стремительную урбанизацию конца 80–90-х гг. XX в., когда переехавшие в Майкоп аульчане переставали говорить на родном языке даже между собой. А многие черкесские дети, родившиеся и выросшие в городской среде, не знают адыгейского. Не часто можно услышать адыгскую речь в Майкопе. Черкесы реже говорят на родном языке, а читают на нём единицы» [13]. Уточним, что депутат Госсовета-Хасэ Т. Шовгенов «предложил организовать в библиотеках работу по переводам на адыгейский язык классиков русской литературы, чтобы способствовать популяризации классической литературы и освоению национального языка» [13].

Отметим, когда мы начинали наше исследование в Адыгее (2000 г.), то в школах Майкопа были опрошены учащиеся на предмет, на каком языке они хотели бы получить образование? «На адыгейском языке хотели обучаться только 3 % — в школе, а на двух (русском и адыгейском) языках: 61 % в школе, 21 % в техникуме и 27 % в вузе, причём 67 % адыгейских школьников оценивали своё знание национального языка как хорошее» [14, с. 82]. К настоящему моменту оценки школьников практически не изменились.

Нужно отметить, что адыгейский язык преподаётся в школах и ВУЗах, но занятия во всех учебных заведениях Республики Адыгея ведутся на русском языке, а следует помнить, что «адыгейский — один из сложнейших языков. Каждый глагол может иметь по несколько сотен форм, некоторые из которых включают по пять приставок» [11]. Таким образом, национальные меньшинства должны кроме своего родного, изучить ещё два языка: русский и адыгейский, для реализации своих политических и гражданских прав, тем самым данная статья Закона о Президенте Республики Адыгея и статья 6 пункт 2 Закона Республики Адыгея «О языках народов Республики Адыгея» ставили национальные меньшинства в неравное положение по сравнению с титульной национальностью и закономерно были преобразованы в соответствии с Конституцией РФ и международными правовыми документами.

Отметим, что права граждан Республики Адыгея чётко защищены законом. Так, в принятом на XVI сессии Законодательного Собрания (Хасэ) 10 марта 1995 г. положении отмечается, что Законодательное Собрание (Хасэ), «исходя из высокой ответственности перед нынешним и будущими поколениями, утверждая права и свободы человека и гражданина, гражданский мир и согласие, основываясь на Конституции Российской Федерации, принимает Конституцию — Основной Закон Республики Адыгея» [9]. (В редакции Конституционного закона Республики Адыгея 2000 г. № 202), а в статье 3 фиксировалось: «Человек, его права и свободы являются

высшей ценностью» [9] (в редакции Конституционного закона Республики Адыгея 2022 г. № 73).

В пункте 2 уточняется: «Республика Адыгея гарантирует равноправие граждан во всех областях политической, экономической, социальной, духовной и культурной жизни», а в пункте 3 указывается: «взаимное уважение, добровольное и равноправное сотрудничество граждан всех национальностей составляют социальную базу Республики Адыгея» [9]. В статье 5 фиксировалось также, что «равноправными государственными языками в Республике Адыгея являются русский и адыгский языки» [9].

Статья 20 пункт 2 указывает, что «государство гарантирует равенство прав и свобод независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, убеждений, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» [9]. «Статья 24 пункт 2 подтверждает, что каждый имеет право на пользование родным языком, свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [9].

В статье 27 пункт 3 фиксируется, что «не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» [9].

Этносоциальное и этнополитическое самочувствие представителей национальных меньшинств было исследовано в ходе интервью и анкетирования представителей крупнейших неправительственных общественных организаций национальных меньшинств и ряда других неправительственных общественных организаций Республики Адыгея. Отметим, что в Майкопе, столице Республики Адыгея действуют зарегистрированные национально-культурные общества национальных меньшинств:

- Татарское культурно-просветительское общества «Дуслык» (Дружба);
- Общественная организация «Ассоциация армян Адыгеи»,
- Майкопская еврейская община — Майкопский филиал Краснодарской еврейской благотворительной организации «Хэсэд Тиква»,
- Адыгейская республиканская общественная организация российских немцев «Возрождение»,
- Греческое национально-культурное общество «АРГО».

Кроме того, работают коалиционные НПО, направленные на консолидацию, мир и согласие в регионе: Адыгейское отделение ОГО «Ассамблея народов Рос-

сии»; Адыгейская республиканская общественная организация «Лига мира», а также НПО этнического большинства политической направленности: Союз Славян Адыгеи, Межрегиональная общественная организация возрождения казачества «Кавказское линейное казачье войско»; Майкопский казачий отдел Кубанского казачьего войска, экологическая организация Социально-экологический Союз Западного Кавказа.

Интервью показали, что НПО национальных меньшинств национально-культурной направленности своими уставными программными целями и задачами ставят возрождение и развитие национальной культуры, языка, традиций, национального сознания национальных меньшинств, развитие фольклора. Деятельность НПО национальных меньшинств проходит свободно, без противодействия со стороны местных властей, наоборот, руководители НПО национальных меньшинств отмечали, что у них не было трудностей с регистрацией их организации, с местными властями сложилось сотрудничество: Администрация Республики Адыгея помогла татарскому обществу «Дуслык» и Адыгейской республиканской общественной организации российских немцев «Возрождение» в предоставлении помещений, в организации ансамбля песни и пляски «Еразани» — Ассоциации армян Адыгеи. Адыгейской организации российских немцев «Возрождение» в приобретении костюмов для детского ансамбля и регулярно делает подарки детям на праздники. В целом руководители НПО национальных меньшинств Республики Адыгея отмечают, что ситуация в регионе стабильная, а регион привлекателен для проживания национальных меньшинств, в первую очередь, толерантным отношением к ним, отсутствием межнациональной напряжённости, поддержкой НПО национальных меньшинств местными властями.

Руководители НПО национальных меньшинств указывают, что в Республике Адыгея им обеспечено право безопасного проживания. Национальные меньшинства гарантированы от насильственной высылки в правовом отношении и на бытовом уровне. Как логическое следствие из вышеизложенного — представители НПО национальных меньшинств отрицают саму необходимость выступления национальных меньшинств с требованием улучшения своего положения.

Руководители НПО национальных меньшинств отмечали, что в Республике Адыгея нет дискриминации национальных меньшинств, соблюдаются права человека и осуществляется их юридическая защита. Правовыми гарантами были названы как действующее законодательство в области национальных отношений на местном, так и на федеральном уровне.

Оценивая развитие экономической и социальной сферы в Республике Адыгея, все руководители НПО на-

циональных меньшинств указывали, что социальная защищённость у представителей всех этнических групп равная, а в целом по региону уровень доходов у представителей разных национальностей не отличается, согласились руководители НПО национальных меньшинств. В то же время руководители НПО национальных меньшинств отрицали наличие дискриминации по профессиональным признакам и оценивали социально-профессиональную мобильность своей этнической группы в Республике Адыгея как достаточную.

При характеристике культурной, образовательной и информационной сфер в Республике Адыгея следует отметить, что национальные меньшинства имеют возможность изучать государственные языки Республики Адыгея, русский и адыгейский, и изучать свои национальные языки. Так, армянский язык изучается в школе № 14 г. Майкопа и № 20 Майкопского района; немецкий язык как родной научают в 5 группах, 3 городских и 2 сельских; для изучения татарского языка была открыта 12 октября 2001 г. воскресная школа в Майкопе; греческий язык изучают в средней школе № 18 г. Майкопа.

В целом же для осуществления властных полномочий, издания законов и инструкций» в образовательной и информационной сферах, бизнесе — используются государственные языки Республики Адыгея: русский и адыгейский, в частной жизни, разумеется, каждая этническая группа использует свой собственный национальный язык. Указатели названий улиц в регионе выполнены на русском языке.

Из национальных меньшинств только татарское НПО «Дуслык» периодически делает передачу, а также по местному телевидению с образованием еврейского НПО «Хэсэд-Тиква» периодически стали проходить передачи, рассказывающих об еврейских традициях и обычаях, в частности, о праздновании Нового года — Рош Ашонэ.

Руководители всех НПО национальных меньшинств отмечали, что отмечается рост национального самосознания национальных меньшинств, возрождение их этнической идентичности, проявляется значительный интерес к своей культуре, традициям, языку». Наряду с этими процессами указывается на активное межгрупповое культурное взаимодействие в Республике Адыгея и на обеспечение культурного плюрализма, защиту национальных меньшинств от ассимиляции». Руководители и члены НПО национальных меньшинств оценивали уровень толерантности и межэтнического диалога в регионе как высокий и высокую культуру межнационального общения, а межэтнические трения на бытовом уровне как эпизодические.

В Республике Адыгея существуют также коалиционные НПО, направленные на консолидацию полиэтниче-

ского общества, а именно: Адыгейская республиканская организация «Лига мира» и Адыгейское республиканское отделение Ассамблеи народов России, уставными целями и задачами которых являются:

- широкое вовлечение в миротворческое движение коллективов и граждан вне зависимости от социальной, профессиональной, национальной и партийной принадлежности, политических или религиозных взглядов;
- развитие дружественных отношений между всеми национальностями на основе равноправия и взаимного уважения;
- содействие народной дипломатии, развитие добрососедских отношений и осуществление сотрудничества с государственными и общественными организациями в целях укрепления мира и согласия в регионе,
- содействие развитию национальных языков и культур народов Республики Адыгея.

Деятельность данных организаций не ограничивается только проведением праздников и фестивалей народов Республики, но и участие в развитии законодательной основы государственности Адыгеи, так и развитие традиций народной дипломатии. Под эгидой «Лиги мира» более чем в 30 школах Республики действуют Центры народной дипломатии. В технологическом университете г. Майкопа открыт факультет народной дипломатии. В Адыгейском государственном университете преподаётся курс «народная дипломатия» на историческом факультете, а также работает Центр народной дипломатии.

Наряду с НПО национальных меньшинств и коалиционными общественными организациями в процессе исследования были опрошены руководители и члены НПО этнического (славянского) большинства, в частности: Союза славян Адыгеи, Межрегиональной политической организации «Кавказское линейное казачье войско», Майкопского отдела Всекубанского Казачьего войска.

Если мы вернёмся к начальному периоду исследования (2000 г.), в период экспертами славянского происхождения выделялись две основные группы противоречий, характеризующих эволюцию адыгейского общества и государства:

- 1) между частью этнических адыгейцев и частью неадыгейского населения (по преимуществу, славянского), оппозиционно настроенных в отношении титульного национализма;
- 2) между господствующими адыгейскими этнократическими элитами и единственной оппозиционной общественно-политической организацией Союзом славян Адыгеи, к которой примыкает много сочувствующих.

Нерешенность указанных противоречий способствовала отчуждению основных этнических общин республики (адыгейцев и русских) друг от друга, накоплению взаимных претензий и предубеждений, что вносило негативный компонент в межэтнические отношения. Экспертами отмечалось, что за временной период посткоммунистической трансформации в Адыгее и ряде других республик были условия, способствующие миграции русских из этих образований. Существует ещё «второй план» сложившейся ситуации: во всех республиках русские продемонстрировали неспособность консолидировано противостоять титульному национализму и чаще избирают отъезд как наиболее предпочтительную модель поведения. К примеру, реакция русских на титульный национализм в Адыгее в начале 2000-х гг., как и в других республиках, была типична: по итогам 2000 г. из республики уехало примерно 8000 чел., относящих себя к этой этнической группе, а прибыло примерно 4000 чел.

Процесс «репатриации» начался в 1998 г. с прибывших из Югославии 300 человек, потомков адыгов (адыгейцев, черкесов, кабардинцев), покинувших Северный Кавказ во время Кавказской войны 1817–1864 гг. Уместно привести выдержку из статьи 10 Конституции РА: «Республика Адыгея признает право возвращения на историческую Родину проживающих за пределами Российской Федерации соотечественников: представителей адыгской диаспоры, уроженцев и их потомков» [9].

Президент РА А. Джаримов, выступая на состоявшемся в мае 2001 г. на X съезде республиканской общественно-политической организации Адыгэ Хабзэ, говорил, что своё обещание относительно репатриации части зарубежных адыгов он выполнил. Вблизи Майкопа был построен новый аул Мафэхабль (аул счастья). В двухэтажных коттеджах проживает основная часть переселенцев из Косово. Во вновь отстроенном ауле была сооружена также мечеть, выделялись субсидии на ежедневное питание репатриантов.

История с переселением косовских адыгов и особенности протекающих в Адыгее социальных процессов позволяли сделать ряд замечаний. Эксперты славянского происхождения высказывали опасение, что процесс переселения косовских адыгов в российскую «национальную» республику и возможный переезд в Адыгею сотен тысяч зарубежных адыгов «автоматически» решит «русскую проблему» — славяне станут этническим меньшинством, а адыгейская этническая единица автоматически сливается с единицей политической.

В Адыгее был апробирован «кровный» принцип приёма иностранцев. Федеральной миграционной службой были зарегистрированы репатрианты из Югославии, Сирии, Турции, Иордании, Израиля и других стран, всего

около 2000 чел. Большую часть из них составляют жители бывшей Югославии. В республику продолжают прибывать, в основном поодиночке или небольшими группами, иностранцы, потомки выходцев с Кавказа.

Выводы, которые мы можем сделать, включают следующее заключение, что:

- национальные меньшинства в Республике Адыгея не подвергаются дискриминации,
- их (НМ) гражданские права в достаточной степени защищены, они имеют возможность развивать свои национальные языки, культуру,
- национальные меньшинства (НМ) оценивают регион как стабильный в сфере межэтнических отношений и комфортный в психологическом и эко-

номическом отношении для проживания НМ, — национальные меньшинства (НМ) имеют положительный опыт сотрудничества с местными властями.

В целом же по региону завершено приведение в соответствие республиканского и федерального законодательства, устранены противоречия, отмечаемые этническим большинством и титульной нацией. Теперь задача заключается в том, чтобы продолжать идти к позитивизации межэтнических отношений, к работающей, общественно приемлемой модели устойчивого развития и, в частности, модели согласования межэтнических проблем на правовой основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тёрнер Ф.Д. Фронтир в американской истории». / Фредерик Дж. Тёрнер; [пер. с англ.: А. И. Петренко; отв. ред. В. В. Согрин]. М.: Весь Мир, 2009. 303 с.
2. Каппелер А. Формирование Российской империи в XV — начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды / А. Каппелер // Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / под. ред. А. И. Миллера. М., 2004. С. 98–108.
3. Побережников И.В. Фронтирная модернизация в истории России // Экономическая история № 2 (21), 2013. С. 19–23.
4. Андреева А.А. «Калмыцкий фронт»: к типологии фронтирной теории // Вестник Калмыцкого университета. 2016, № 4 (32). С. 130–135.
5. Мизис Ю.А., Скобелкин О.В., Папков А.И. Русский фронт: политические, социальные и экономические аспекты (Юг России в XVI — конец XVIII в.) // Вестник ТГУ, т. 20, вып. 10, 2015. С. 7–15.
6. Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств (№ 157, Страсбург, 1 февраля 1995 г.). URL:// <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/2540487/>
7. Европейская Хартия о региональных языках и языках меньшинств (Страсбург, 5 ноября 1992 г.). URL:// <https://docs.cntd.ru/document/1902299>
8. Скоробогатов А.В. Понятие «национальные меньшинства» в российском законодательстве // Актуальные проблемы экономики и права № 3, 2008. С. 83.
9. Конституция Республики Адыгея в последней редакции. URL:// <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=132016382&backlink=1&nd=132022066>
10. Конституция Республики Адыгея (принята на XVI сессии Законодательного Собрания (Хасэ) — Парламента Республики Адыгея 10 марта 1995 г. (с изменениями и дополнениями). URL: // https://constitution.garant.ru/region/cons_adig/
11. Срочно учим адыгейский. 27.06.2001. Вести. Ру. Рамблер-медиа
12. В Адыгее родной язык пытаются сохранить с помощью гаджетов и мультфильмов. Как урбанизация ударила по родному языку. URL:// <https://aheku.net/news/society/v-adyigee-rodnoj-yazyik-pyitayutsya-soxranit-s-pomoshhyu-gadzhetov-i-multfilmov>
13. В Адыгее обсудили вопросы изучения и популяризации адыгейского языка. URL:// <https://adigeatoday.ru/news/36986.html>
14. Рубан Л.С. Дилемма XXI века: толерантность и конфликт. М.: Academia, 2006. 240 с.

© Рубан Лариса Семеновна (lruban@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК: ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕДИА И КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

TRANSFORMATION OF CULTURAL PRACTICES: THE INTERRELATIONSHIP OF MEDIA AND CULTURE IN MODERN SOCIETY

V. Skopa

Summary. At present, the processes of cultural transformation imply a change in communication traditions. They are reflected in the search for new forms of exchange not only in real but also in virtual reality. With the development of digital technologies, new formats and platforms for disseminating information and cultural products have emerged. In the context of globalization and cultural diversity, digital media play a key role in the formation and modification of cultural identities. They contribute to both the global dissemination of cultural products and support unique local cultural contexts. Digital transformation is a complex process that affects all aspects of the cultural and media industries, requiring them to be flexible, innovative and able to quickly adapt to changing market conditions and technologies.

Keywords: media, society, cultural practice, man, digitalization.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Аннотация. В настоящий момент процессы культурной трансформации предполагают изменение традиций коммуникации. Они находят отражение в поисках новых форм обмена не только в реальной, но и виртуальной реальности. С развитием цифровых технологий появились новые форматы и платформы для распространения информации и культурных продуктов. В контексте глобализации и культурного разнообразия, цифровые медиа играют ключевую роль в формировании и модификации культурных идентичностей. Они способствуют как глобальному распространению культурных продуктов, так и поддерживают уникальные локальные культурные контексты. Цифровая трансформация представляет собой сложный процесс, который влияет на все аспекты культурных и медиа-индустрий, требуя от них гибкости, инноваций и способности быстро адаптироваться к изменяющимся условиям рынка и технологий.

Ключевые слова: медиа, общество, культурная практика, человек, цифровизация.

В процессе поиска понимания культуры и общества XXI века коммуникация становится главным предметом исследования. Ее возможности в постижении механизмов управления человеческими взаимоотношениями приводят к рассмотрению обмена знаками в качестве основы для формирования символического пространства культуры. Современный мир в условиях активного применения информационно-коммуникативных технологий, ориентирован, прежде всего, на воспроизводство нематериальных форм знаков [1]. Развитие новых массмедиа способствуют медиализации культурной среды, порождающей многочисленных идей и бренды нашего времени.

В последние десятилетия цифровая революция принесла радикальные изменения в наши культурные практики и восприятие медиа-содержания. Этот процесс не только предопределяет способы производства, распространения и потребления культурных продуктов, но и влияет на формирование культурных идентичностей и социальных взаимодействий [3, 9].

С развитием цифровых технологий появились новые форматы и платформы для распространения информации и культурных продуктов, такие как социальные сети, стриминговые сервисы, подкасты. Эти инновации изме-

нили способы, которыми мы получаем доступ к контенту, делая его более доступным, интерактивным и персонализированным [10]. Цифровизация также принесла вызовы и возможности для традиционных медиа-индустрий и культурных институтов. С одной стороны, они сталкиваются с необходимостью адаптации к новым реалиям цифровой экономики и изменениям в потребительских предпочтениях. С другой стороны, цифровые технологии предоставляют уникальные возможности для инноваций в производстве и распространении контента.

В контексте глобализации и культурного разнообразия, цифровые медиа играют ключевую роль в формировании и модификации культурных идентичностей. Они способствуют как глобальному распространению культурных продуктов, так и поддерживают уникальные локальные культурные контексты.

Изменения в способах потребления культурных продуктов, взаимодействия с медиа и формирования культурных идентичностей в условиях цифровой трансформации представляют собой сложный и многогранный процесс, который существенно изменился под влиянием цифровых технологий [4]. В данной связи интересным представляется выявление основных аспектов этих изменений.

С появлением интернета и цифровых устройств произошло расширение доступа к культурным продуктам через различные платформы и каналы. Пользователи могут потреблять контент не только на традиционных носителях: телевидение, радио, печатные издания, но и через интернет, мобильные приложения, социальные сети, видеохостинги и стриминговые сервисы.

Цифровые технологии предоставляют пользователям возможность взаимодействовать с контентом, делать выбор и создавать собственные культурные практики. Персонализированные рекомендации и алгоритмы адаптации контента к предпочтениям пользователя становятся нормой, что изменяет способы восприятия и потребления культурных продуктов [6]. Цифровые платформы способствуют глобализации культурных контекстов, позволяя людям по всему миру получать доступ к разнообразным культурным проявлениям. В то же время они поддерживают и локализацию, что позволяет сохранять и развивать уникальные культурные традиции и языковые особенности.

Социальные сети и онлайн-платформы стали важными средствами формирования культурных идентичностей и социальных связей. Люди активно участвуют в создании и распространении контента, что приводит к изменениям в способах самовыражения и социальной активности [7]. Традиционные медиа и культурные институты сталкиваются с необходимостью адаптироваться к новым условиям цифровой среды, что требует инноваций в производстве, распространении и монетизации контента. В то же время цифровая трансформация открывает новые возможности для креативных и культурных индустрий, способствуя развитию новых форматов и экспериментов. Все эти изменения подчеркивают значимость изучения влияния цифровой трансформации на культурные практики и медиасреду, что актуально для понимания современных динамик формирования культурных идентичностей и социокультурных процессов в целом.

Влияние новых цифровых форматов и платформ на распространение и восприятие культурных продуктов может быть охарактеризовано следующим образом. Новые цифровые форматы, такие как подкасты, а также платформы, такие как социальные сети и стриминговые сервисы, значительно упрощают доступ к культурным продуктам. Пользователи могут получать доступ к контенту в любое удобное время и место, что способствует увеличению его потребления.

Современные цифровые платформы активно включают пользователей в процесс потребления культурных продуктов. Например, пользователи социальных сетей могут обсуждать и рекомендовать контент, а подписчики подкастов часто участвуют в обсуждении тем и зада-

ют вопросы авторам. Это создает новые формы взаимодействия и обогащает восприятие контента. Цифровые платформы используют алгоритмы машинного обучения для персонализации контента под интересы и предпочтения пользователя. Например, стриминговые сервисы предлагают персональные рекомендации фильмов и сериалов, основываясь на просмотренных ранее и предпочтениях. Это делает потребление культурных продуктов более индивидуализированным и релевантным.

Цифровые платформы обеспечивают мгновенное глобальное распространение культурных продуктов, что позволяет им быстро набирать популярность в разных частях мира. В то же время, благодаря возможностям локализации, контент может адаптироваться к языковым и культурным особенностям конкретных аудиторий, что способствует укреплению идентификации с ним.

Появление новых форматов и платформ стимулирует культурные и креативные индустрии к инновациям. Авторы и продюсеры могут экспериментировать с новыми формами выражения и технологиями, что приводит к разнообразию культурных продуктов и обогащает культурный ландшафт. Таким образом, появление новых цифровых форматов и платформ значительно изменяет способы распространения и восприятия культурных продуктов, делая их более доступными, интерактивными и персонализированными для пользователей по всему миру.

Цифровые технологии значительно изменяют привычные способы потребления контента и оказывают глубокое влияние на поведение потребителей. Они делают контент доступным в любом месте. Пользователи больше не зависят от расписания телевизионных передач или открытых кинотеатров, они могут потреблять контент на своих мобильных устройствах или компьютерах в любой удобный момент. Это приводит к индивидуализации времени потребления и увеличению количества контента, потребляемого каждым пользователем.

С развитием интернета и социальных сетей потребители стали активными участниками культурного процесса. Они могут не только потреблять контент, но и комментировать его, делиться своими мнениями, создавать собственные креативные работы в ответ на него: мемы, видеоролики, обзоры. Это создает новые формы взаимодействия между производителями контента и аудиторией.

Алгоритмы искусственного интеллекта позволяют платформам персонализировать контент под предпочтения каждого пользователя. Например, стриминговые сервисы предлагают рекомендации фильмов и сериалов на основе предыдущего просмотра, оценок и поведения пользователя. Это упрощает процесс выбора и повышает удовлетворение от потребления контента. Цифро-

вые технологии способствуют глобализации культурных продуктов, позволяя пользователям получать доступ к контенту из разных стран и культур [5]. В то же время они поддерживают разнообразие, поскольку позволяют сохранять и развивать уникальные культурные особенности. Благодаря мгновенному доступу к контенту пользователи ожидают быстрых результатов и мгновенного удовлетворения своих потребностей. Это влияет на способы создания и распространения контента, например компании, стараются создавать более короткие и привлекательные форматы, чтобы удерживать внимание аудитории.

Цифровые медиа играют ключевую роль в формировании и модификации культурных идентичностей, а также взаимодействии между глобальными и локальными культурными практиками. Цифровые медиа обеспечивают мгновенный доступ к культурным контекстам различных стран и регионов мира. Пользователи могут узнавать о культуре других народов через интернет, социальные сети, видеохостинги и другие платформы. Это способствует глобализации культурных знаний и формированию космополитических культурных идентичностей [8].

Несмотря на глобализацию, цифровые медиа также поддерживают уникальные локальные культурные идентичности. Они предоставляют платформы для сохранения и продвижения традиционных культурных практик, языков и обычаев, что помогает сообществам сохранять свою уникальность и самобытность в глобальном мире. Цифровые медиа позволяют культурным активистам, артистам и создателям контента представлять свои культурные выражения широкой аудитории. Это может включать в себя музыку, танцы, искусство, литературу и другие формы культурного творчества, что способствует их распространению и узнаваемости на мировой арене.

Цифровые медиа стимулируют взаимодействие между различными культурными группами и сообществами. Они создают платформы для обсуждения и обмена культурными идеями, что способствует пониманию и толерантности между различными культурными группами, и позволяют индивидуальностям выражать свои культурные идентичности через создание персональных профилей, публикацию контента и участие в онлайн-сообществах. Это способствует формированию и модификации личных культурных идентичностей в контексте глобального взаимодействия [3]. Таким образом, цифровые медиа не только усиливают глобализацию культурных практик, но и поддерживают разнообразие и самобытность культурных идентичностей, способствуя их динамичному развитию и взаимодействию в мировом масштабе.

Традиционные медиа и культурные институты сталкиваются с рядом вызовов в эпоху цифровой трансфор-

мации, однако они также имеют значительные возможности для инноваций и развития. Рассмотрим основные проблемы и возможности их решения.

Потребители все больше предпочитают онлайн-платформы для доступа к контенту, что снижает спрос на традиционные формы медиа такие как газеты, журналы, телевидение, радио. В эпоху цифровой трансформации появляется множество новых игроков на рынке медиа и культурных услуг, включая цифровые стартапы, которые могут легко привлечь аудиторию за счет инновационных подходов и технологий.

Традиционные модели монетизации, например, реклама или подписки испытывают давление в условиях перехода к цифровым платформам, где часто применяются новые модели, такие как микроплатежи, пожертвования. Защита персональных данных становится все более актуальной темой, особенно в контексте цифровых платформ, где пользовательская информация может быть уязвима для кибератак и неправомерного использования. Традиционные медиа и культурные институты должны быстро адаптироваться к новым технологиям, чтобы оставаться конкурентоспособными и соответствовать ожиданиям современной аудитории. Однако существует ряд возможностей для инновационного развития традиционных медиа и культурных институтов:

- возможность создания и распространения интерактивных, мультимедийных и персонализированных контентных форматов, которые привлекают внимание и удерживают аудиторию;
- разработка пользовательских интерфейсов и платформ, которые обеспечивают удобство использования и персонализацию контента, повышая удовлетворенность и лояльность аудитории;
- эксперименты с альтернативными моделями монетизации, такими как подписки на эксклюзивный контент, продажа виртуальных товаров, спонсорские соглашения;
- использование социальных сетей и других платформ для создания сообществ вокруг культурных продуктов, поддержка взаимодействия и обсуждения;
- использование аналитики данных для понимания потребностей аудитории, улучшения контента и эффективности маркетинговых кампаний.

Таким образом, хотя цифровая трансформация представляет собой вызов для традиционных медиа и культурных институтов, она также открывает широкие возможности для инноваций, развития и приспособления к новым реалиям рынка и потребительских предпочтений.

Цифровые технологии значительно изменили привычные способы потребления контента, сделав его бо-

лее доступным, интерактивным и персонализированным. Появление цифровых форматов, таких как видео на требование, подкасты, а также стриминговые сервисы и социальные сети, создало новые возможности для создания и распространения контента. Это способствует разнообразию культурных выражений и их глобализации.

Традиционные медиа и культурные институты сталкиваются с ростом конкуренции от новых цифровых игроков и изменением моделей монетизации. Необходимость адаптации к новым технологиям и изменению потребительских предпочтений становится ключевым фактором выживания. В то же время цифровая трансформация открывает широкие возможности для инноваций. Это включает в себя разработку новых бизнес-моделей, улучшение пользовательского опыта, эксперименты с форматами контента и интеграцию современных технологий для повышения эффективности и доступности контента [9, 10].

Цифровые медиа не только меняют способы потребления и создания контента, но и влияют на формирование и модификацию культурных идентичностей. Они поддерживают как глобальную интеграцию культурных практик, так и сохранение локальных культурных особенностей, способствуя их взаимодействию и обмену.

Таким образом, информационные преобразования привели к переменам в социальной, культурной, экономической и политической сферах бытия. Становясь участниками процессов информатизации, человечество открывает возможности к дальнейшей эволюции форм коммуникации. Данные процессы порождают неоднозначные тенденции в культуре, выраженных в процессах симуляции потребления имиджевых констант, фрагментации и мифологизации информационного пространства. Цифровая трансформация представляет собой сложный процесс, который влияет на все аспекты культурных и медиа-индустрий, требуя от них гибкости, инноваций и способности быстро адаптироваться к изменяющимся условиям рынка и технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб: Изд-во «Университетская книга». 2001. — 416 с.
2. Вьюгина Д. М. Особенности медиапотребления цифрового поколения России // Медиаскоп, 2017. Вып. 4. — С. 110–117.
3. Гуреева А.Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского Университета. Серия 10: Журналистика. 2016. № 6. — С. 192–208.
4. Гутнер Г.Б. Смысл в контексте рациональной коммуникации // Коммуникативная рациональность и социальные коммуникации. М.: Альфа-М, 2012. — С. 421–431.
5. Каминская Т.Л. Молодежь в цифровой медиасреде: виды и способы коммуникации // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 2. — С. 41–50.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
7. Макаренко Т.Д., Ковальчук Л.Б. Когнитивный подход в моделировании результативности информационных потоков СМИ // Вопросы теории и практики журналистики, 2018. Т. 7. № 2. — С. 210–221.
8. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: КАНОНпресс-Ц, Кучково поле, 2014. — 464 с.
9. Пелипенко А.А. Генезис смыслового пространства и онтология культуры // Человек. № 2. 2002. — С. 6–21.
10. Сумская А.С., Свердлов, С.А. «Аналоговое» и «цифровое» поколение аудитории СМИ: Роль коммуникативно-культурной памяти в трансформации медиа-практик // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. — № 25(3). — С. 32–48.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБРАЗА ДРУГОГО КАК СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУКТА

Юрченко Екатерина Дмитриевна

Преподаватель, аспирант, Тихоокеанский
государственный университет, Хабаровск, Россия
011270@togudv.ru

THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF DETERMINATION THE IMAGE OF «OTHER» AS A SOCIAL CONSTRUCT

E. Yurchenko

Summary. In today's global and interconnected world, the formation of the «Other» image process requires more precise study. To prevent conflict and misunderstandings in intercultural communication, it is crucial to examine the deep social constructs that influence our perception of others and the construction of their image. The methodology of social constructionism posits that an image is a social construct based on a pre-existing foundation, influenced by a variety of socio-cultural, historical, and personal factors. In the context of this study, the concepts of «image-impression,» «image-representation,» and «stereotype» were interpreted within the framework of social constructionism, and the correlation between these concepts was analyzed. The study sheds light on the intricacies involved in constructing the image of the Other within the framework of phenomenological and socio-constructivist approaches.

Keywords: image-representation, alien, other, social constructionism, image-impression, stereotype, perception, social construct.

Аннотация. Сегодня в условиях глобализации и межэтнического взаимодействия изучение процесса формирования образа Другого имеет особое значение. Во избежание конфликтных ситуаций и недопониманий в процессе межкультурной коммуникации важно обратиться к глубинным социальным конструктам, которые влияют на наше восприятие Других и конструирование их образа. Методология социального конструктивизма позволяет рассматривать образ как социальный конструкт, базирующийся на априорном предструктурном основании, но полностью формируемый только под влиянием ряда социально-культурных, исторических, личностных факторов. В рамках данного исследования были даны трактовки понятиям «образ», «имидж» и «стереотип» в парадигме социального конструктивизма, а также проанализирована корреляция между этими понятиями. В работе отражена специфика конструирования образа Другого в рамках феноменологического и социально-конструктивистского подходов.

Ключевые слова: образ, чужой, другой, социальный конструктивизм, имидж, стереотип, восприятие, конструкт.

Усиление процессов глобализации и миграции в современном мире обуславливают необходимость взаимодействия с представителями различных этнических групп. Это взаимодействие требует не только понимания культурных различий, но и выстраивания мирных межэтнических отношений, что, в свою очередь, поднимает множество вопросов, касающихся национального самосознания и идентичности. В условиях многообразия культур и этносов важно тщательно изучить такие категории, как «образ», «имидж», «стереотип» и «идентичность», поскольку они играют ключевую роль в формировании общественного мнения и восприятия. Методология социального конструктивизма, которая приобрела популярность в последние десятилетия как в зарубежной, так и в отечественной социологии, предоставляет инструменты для анализа этих понятий. Социальный конструктивизм утверждает, что многие аспекты нашей реальности, включая идентичность и стереотипы, являются результатом социальных взаимодействий и процессов. Это означает, что они могут изменяться в зависимости от контекста и условий, в которых находятся люди.

Прежде чем рассматривать «образ» как социальный конструкт необходимо дать определение понятию «образ» и выяснить, чем оно отличается от понятия «имидж».

Дать чёткое определение понятию «образ» представляется довольно трудной задачей, так как образ является объектом исследования многих гуманитарных наук, каждая из которых рассматривает его с учётом своей специфики. Так, в большом толковом словаре русского языка слово «образ» имеет следующие трактовки:

- 1) внешний вид, облик, наружность, внешность,
- 2) живое, наглядное представление о ком-, чём-либо, возникающее в воображении, мыслях кого-либо,
- 3) в философии: форма восприятия сознанием явлений объективной действительности, отпечаток, воспроизведение сознанием предметов и явлений внешнего мира,
- 4) в искусстве: обобщённое художественное восприятие действительности, облечённое в форму конкретного индивидуального явления,
- 5) в художественном произведении: характер, склад, направление чего-либо [1].

Примечательно, что ряд дефиниций отражают когнитивную природу образа как результата отражения объективной реальности в сознании человека.

Очевидно, что «образ» не ограничивается исключительно внешними атрибутами, для его формирования требуется рефлексия индивида относительно окружающей его действительности. Когнитивная природа формирования образа обуславливает повышенный интерес исследования этого конструкта в психологии и социальной психологии.

Подходы З. Фрейда, К. Юнга, П.Я. Гальперина, Л.С. Выготского к определению образа позволяют рассматривать данную категорию как психологический механизм, формирующий образ в ответ на «внешние раздражители», который складывается не только из индивидуальных личностных психофизиологических характеристик. Он всегда строится на основе определённой матрицы с социальным базисом. Образ должен быть вписан в систему ориентаций и ценностей определённых социокультурных и лингвокультурных детерминант, опирающихся на историко-культурный контекст [2].

В отечественной социологической, психологической, лингвистической практиках сформировался специфический дискурс, связанный с демаркацией и корреляцией понятий «имидж» и «образ».

Обратившись к толковому словарю английского языка, мы также увидим, что слово «*image*» определяется как «мысленное представление/мысленный образ» человека или предмета. В словарной статье также указано, что это «мысленное представление» может быть сформировано под влиянием СМИ, рекламы или телевизионных программ. Кроме того, отдельно выделяют *image* в литературе как «мысленное представление, которое формируется у читателя или слушателя благодаря словесному описанию», а также в маркетинге *image* рассматривается как «репутация, которой обладает человек, организация или продукт». Таким образом, англоязычные дефиниции слова *image* отражают признаки «вторичности» и «рукотворности» имиджа.

Отечественные исследователи трактуют понятие «имидж» прибегая к использованию термина «образ». Рассмотрев подходы отечественных исследователей к определению имиджа, мы пришли к выводу, что в отечественной практике прослеживается следующее разделение понятий «образ» и «имидж». Первое трактуется как вся совокупность мнений и мысленных представлений и качествах кого-либо или чего-либо, возникающих в создании как результат рефлексии индивида относительно окружающей его действительности. Имидж представляется как целенаправленная репрезентация человека или предмета, закреплённая в массовом сознании.

В вопросе изучения механизма создания имиджа многие исследователи поднимают вопрос о стереотипности формируемого образа. Это обусловлено тем, что возникновение имиджа может быть результатом восприятия распространённой, как правило стереотипной, оценки того или иного образа [3].

В связи с этим нам видится необходимым рассмотреть понятие «стереотип» более подробно.

В социальных науках к термину «стереотип» впервые обратился американский исследователь У. Липпман. Он охарактеризовал стереотип как «определения» данные нашей культурой тому или иному объекту или явлению [4].

Воспринимая предметы окружающего мира, мы опираемся на информацию, которая уже была определённым образом обработана в социальном мире и получила социальное закрепление [5].

Проанализировав работы зарубежных и отечественных исследователей по определению понятия «стереотип» было выявлено, что стереотип обладает такими отличительными характеристиками как обобщённость, устойчивость, массовость, преемственность.

Имидж и стереотип вторичны по отношению к образу. Они формируются на основе уже существующих первообразов человека или предмета, являются репрезентацией и, как правило, носят оценочный и эмоциональный характер.

Образ — это результат восприятия объективной реальности, полученный в процессе индивидуальной психической деятельности под влиянием социальных процессов общества.

Он всегда строится на основе определённой матрицы с социальным базисом. Образ должен быть вписан в систему ориентаций и ценностей определённых социокультурных и лингвокультурных детерминант, опирающихся на историко-культурный контекст.

Таким образом, в терминосистеме нашего исследования «образ» является гиперонимом по отношению к понятиям «имидж» и «стереотип». Изучение «образа» в качестве объекта исследования позволяет нам в дальнейшем рассматривать большую совокупность факторов способных повлиять на формирование и изменение образа Другого.

Формирование образа — это сложный многофакторный процесс, который мы исследуем в рамках социального конструктивизма. Для этого нам необходимо рассмотреть его основные методологические подходы.

Социальное конструирование реальности как фундаментальный процесс, описываемый с разных сторон множеством теорий тесно переплетён с понятиями «структуры», «фрейма», «габитуса», «паттерна» и другими терминами, характеризующими факт организованности и структурированности всякого человеческого опыта (будь то поведенческий, интерактивный, языковой, коммуникативный или когнитивный опыт). Наше исследование нацелено на то, чтобы показать, что образ как результат человеческого опыта также является структурным.

Структура — это не только результат поведенческой, деятельностной и когнитивной активности человека, но и предпосылка, определяющая характер и содержание этой самой активности. Э. Гидденс характеризует этой свойство структуры как «дуальность». Люди и структуры неразрывно связаны циклическим процессом взаимного порождения друг друга.

Структуры интернализируются в сознании индивидов, порождая типические способы реагирования на ситуацию как результат социального научения, усвоения культуры и образцов поведения. При умышленном или неумышленном видоизменении структуры происходит переписывание коллективных представлений, которые в последствии оформляются в новые структурно организованные комплексы. Конструирование структур происходит только в рамках ментальных и языковых интеракций, соответственно конструкт определяется как «то, что мы думаем и говорим о том или ином элементе окружающей нас реальности» [6].

Говоря об образе как о социальном конструкте, необходимо рассмотреть, что есть конструкт в рамках социологической теории?

Категория «конструкта» является центральной в теоретической модели Дж. Келли. Данное понятие он трактует как когнитивные шаблоны ориентации и способов предсказания событий, участвующих в организации своего опыта [6]. Такие конструкты человек создаёт сам, а затем «пытается подогнать их по тем реалиям, из которых состоит этот мир» [7]. Конструкты позволяют индивиду не только объяснять чужое поведение, но и проектировать собственное поведение, задавая его программу [8]. Образ как отражение внутреннего и внешнего мира человека в том числе является конструктом.

Но является ли образ социальным конструктом? Для этого нужно рассмотреть, что есть процесс социального конструирования реальности.

Принципиально конструктивистская позиция не выносит социальный характер конструирования реальности на передний план. В рамках данного подхода

анализируются процессы конструирования реальности в индивидуальном сознании и индивидуальным сознанием, абстрагируясь от социального контекста изучаемых процессов. Этот подход применим в ряде философских и психологических течений, а также в рамках биологического изучения работы нервной системы. Предшественником такого рода радикального конструктивизма можно назвать Джамбаттиста Вико, а его представителями в середине XX века являлись Э. фон Глазерсфельд, П. Вацлавик, У. Матурана [6].

Обращаясь к определению «образа», которое мы дали выше, можно утверждать, что данный принципиально конструктивистский подход не применим к изучению проблемы формирования образа, так как образ является результатом не только индивидуальной психологической деятельности, но и отражением социальных процессов общества.

Идеи социального конструктивизма основываются на феноменологии Э. Гуссерля. Центральной проблемой феноменологии Э. Гуссерля становится вопрос изучения сознания «изнутри». Исследователь вводит понятие «феноменологической редукции», описывая дуальную природу познания и разделяя естественные и феноменологические установки сознания.

Феноменологическая установка есть акт сознания, происходящий при абстрагировании от объективной реальности и безусловном принятии существования допредикативной формы опыта.

В рамках феноменологии рассматривается сама сущность вещей в том виде, в котором они воспринимаются, до их объективации посредством концептуального суждения [9], [10]. Однако такое «уединённое» сознание и «вынесение объективной реальности за скобки» не позволяет использовать классическую феноменологию Э. Гуссерля в исследовании образа как социального конструкта.

Идеи, изложенные в более поздних работах Гуссерля, позволяют выйти за пределы индивидуального сознания и рассматривать мир повседневного опыта с позиции трансцендентальной интерсубъективности. Социальная активность приходит на смену индивидуальному созерцанию, формированию чистого сознания. В опыте «жизненном мире» между индивидами возможны смысловые связи, которые способствуют познанию этого самого мира. «Жизненный мир» больше не воспринимается априорно, а требует обоснования. Теперь «феноменологический метод» позволяет прояснить характер до-теоретической «данности», в которой находится наше бытие [10]. Образ является конструктом, отражающим не индивидуальное восприятие «жизненного мира», результатом интерсубъективного опыта восприятия мира.

Идея существования «жизненного мира» стала отправной точкой для развития теории социальной феноменологии А. Шютца. В рамках своей теории исследователь развивает концепцию «жизненного мира». Мир, в понимании А. Шютца, имеет «предструктуру понимания», которая служит фундаментом для конструирования индивидом своего «мира» с учётом собственного опыта. Такая по большей части априорная предструктура понимания закрепляется «типизирующими средствами и определяет социальное по происхождению знание, которое передаётся в словарь и синтаксис обыденного языка» [6], [11].

Овладение таким социальным знанием возможно только в процессе коммуникации с другими и последующей интерпретации. Успешность трансляции и принятия такого знания зависит от единства знаковой системы коммуникантов. А. Шютц также рассматривает проблемы, встающие перед «чужаком», «человеком, которому приходится ставить под вопрос почти всё из того, что кажется непроблематичными членами той группы, с которой он сближается» [12].

Индивид может столкнуться с проблемами интерпретации не только из-за различий используемых знаковых систем, но и из-за разницы восприятия исторической и культурной обстановки, а также из-за нахождения в отличных пространственно-временных условиях. Таким образом даже единство предструктуры понимания и наличие типизаций не гарантирует одинаковый результат интерпретации полученных знаний.

Социум предоставляет нам знаковую систему, но при этом сам индивид имеет возможность её трансформировать так или иначе, в ответ на происходящее развитие и изменение социальной организации. Необходимость принятия в процессе жизни различных ролей также обуславливает производство новых символов, необходимых для трансформирования нами же созданного социума [10].

В рамках концепций, выдвигаемых А. Шютцем образ может представлять собой основанный на существующем предструктурном понимании результат интерпретации знаний о жизненном мире. Можно отметить, что единство предструктурного понимания способствует формированию единого социального образа сознанием всего социума или отдельной социальной группы.

Идеи А. Шютца оказали влияние на этнометодологию и дискурс анализ в его широком понимании. Кроме того, наследие Шютца находится на почётном месте в одной из основополагающих работ современного социального конструктивизма — книге П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности».

Одной из ключевых идей исследователей является идея о том, что знания, определяющие поведение индивида в повседневной жизни, приобретаются и поддерживаются в процессе социальных взаимодействий [13].

Бергер и Лукман трактуют повседневную жизнь как «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного мира». Таким образом мир повседневной реальности представляет собой не только априорную действительность, но и мир, создающийся в мыслях и действиях рядовых членов общества.

При существующем множестве реальностей, реальность повседневной жизни остаётся преимущественной и упорядоченной. Феномены такой реальности систематизированы в априорных образцах, независимых от индивидуального понимания, то есть существуют конструирующие реальность объекты, существовавшие до «появления на сцене» индивида. В качестве примера такого априорного образца авторы приводят язык, «используемый в повседневной жизни», который постоянно предоставляет индивиду «необходимые объективации и устанавливает порядок, в рамках которого приобретают значение и эти объективации, и сама повседневная жизнь» [14].

Когнитивные особенности восприятия повседневного мира не позволяют создать тождественные представления реальности у индивидов, однако интересубъективность реального мира позволяет разделять полученные повседневные знания с другими людьми.

Как было сказано ранее формирование образа происходит на базе априорного предструктурного понимания. Для формирования образа Другого такой базой является этническая самоидентичность. В современных исследованиях под этнической идентичностью понимают «ассоциативный многофакторный конструкт, при котором люди рассматривают сами себя и воспринимаются другими как принадлежащие к определённой этнической группе индивиды» [15]. Однако полноценное формирование образа Другого происходит только под влиянием ряда факторов, существующих в мире повседневной реальности. К таким факторам, например, относятся политические, социокультурные, образовательные каналы информации, личные контакты. Из-за когнитивных особенностей восприятия значимость и влияние этих факторов при формировании образа Другого неодинакова. Кроме того, степень влияния факторов зависит от временной и пространственной структуры мира повседневной реальности. При общности данных структур и языка индивиды в процессе коммуникации могут конструировать единые социальные концепты, обмениваться ими и интерпретировать их.

Образ как сложный социальный конструкт формируется под влиянием множества факторов, включая индивидуальные когнитивные процессы, социальные взаимодействия и историко-культурный контекст. Он не существует изолированно, а вписывается в систему ценностей и ориентаций, определяемых обществом. Имидж и стереотип, будучи вторичными по отношению к образу, служат инструментами его репрезентации, но не исчерпывают его сущности.

Социальный конструктивизм позволяет рассматривать образ как динамическую структуру, которая

не только отражает реальность, но и активно её формирует. Образ, как и другие конструкты, является продуктом ментальных и языковых интеракций, что делает его ключевым элементом в изучении социальных процессов.

Исследование образа в рамках социального конструктивизма открывает новые перспективы для понимания механизмов формирования и трансформации иноэтнических образов, что особенно актуально в условиях глобализации и межкультурного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Образ // Грамота.ру: [сайт]. — 2000-2025. — URL: [https://gramota.ru/poisk?query=образ&mode=slovari&dicts\[\]=42&ysclid=m2ihppm2fl426300435](https://gramota.ru/poisk?query=образ&mode=slovari&dicts[]=42&ysclid=m2ihppm2fl426300435) (дата обращения 18.11.2024).
2. Чупрова И.А. «Имидж» и «образ» страны: проблема демаркации понятий. / И.А. Чупрова // Право и управление XXI века. — 2015. — №4 (37). — С. 129–133.
3. Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники / А.Ю. Панасюк. — М.: Омега-Л, 2009. — 265 с.
4. Lippmann W. Public opinion / W. Lippmann. — New York, 1922. URL: https://monoskop.org/images/b/bf/Lippman_Walter_Public_Opinion.pdf (дата обращения: 12.10.2024).
5. Попков В.Д. Стереотипы и предрассудки: их влияние на процесс межкультурной коммуникации / В.Д. Попков // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2002. — №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stereotipy-i-predrassudki-ih-vliyanie-na-protsess-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 23.11.2024).
6. Стронг Т., Лок Э. Как устроена Матрица? Социальное конструирование реальности: теория и практика. / Т. Стронг, Э. Лок. — М.: ВЦИОМ, 2021. — 501 с.
7. Келли Дж. Теория личности. Психология личных конструктов. / Дж. Келли. — СПб.: Речь, 2000. — 248 с.
8. Омельченко Д.А., Авдеева Г.С., Суртаева О.В., Черепанова М.И. Конструирование образа «Другого» в социальных представлениях населения России: теоретические аспекты / Д.А. Омельченко, Г.С. Авдеева, О.В. Суртаева, М.И. Черепанова // Известия АлтГУ. — 2015. — №3 (87). — С. 185–189.
9. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. — М: Акад. Проект, 2009.
10. Мещерякова Л.Ю. Феноменологическая социология Альфреда Шюца : теоретические предпосылки и основные идеи / Л. Ю. Мещерякова // Вестник РУДН. Серия: Социология. — 2002. — №1. С. 116–127.
11. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Шюц. — М.: РОССПЭН, 2004. — 1056 с.
12. Шютц А. Чужак: социально-психологический очерк. / А. Шютц // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. — 1998. — №3. — С. 177–193.
13. Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация / А.М. Улановский // Вопросы психологии. — 2009. — № 2. — С. 35–45.
14. Бергер П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / П. Бергер, Т. Лукман. — М.: Медиум, 1995. — 323 с.
15. Trimble J.E., Dickson R. Ethnic identity / J.E. Trimble, R. Dickson // Encyclopedia of applied developmental science / edited by C.B. Fisher, R.M. Lerner. London: Sage Publications, Inc., 2005. P. 415–419.

© Юрченко Екатерина Дмитриевна (011270@togudv.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Ananchenkova P. — Candidate of Sociological Sciences, Scientific Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Healthcare, Moscow

Anufrieva E. — Ph.D. in Economics, Associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chuvash State University named after I.N. Ulyanov»

Bakulin V. — Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation»

Bokareva M. — PhD student, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Brel D. — JSC TsNIIMash

Chernova K. — JSC TsNIIMash

Druzhinin A. — Candidate of Theology, Senior Lecturer, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities

Egiazarian G. — postgraduate student, FSAEI HE Kuban State Technological University, Krasnodar

Gasanov R. — postgraduate student, Kazan Federal University

Holodov V. — PhD in History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Ivchenko I. — JSC TsNIIMash

Kanatov T. — Ph.D., Associate Professor, Lomonosov Moscow State University

Kapustin V. — teacher of the Department of tactical-special, fire and physical training, Leningrad Regional branch of the Federal State-owned educational institution of Higher Education «Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation», Murino, Russia

Keri I. — PhD in Economics, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Koninsky A. — Postgraduate student, Academy of Labor and Social Relations, Moscow

Konyushkov A. — Lecturer, Far Eastern State Agrarian University

OUR AUTHORS

Kovtun N. — Doctor of Law, Professor, Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Krotova M. — Candidate of Economic Sciences, FSAEI HE Kuban State Technological University, Krasnodar

Kuznetsova O. — Candidate of Philology, Irkutsk State University; Associate Researcher of the Russian-Chinese Center for Interdisciplinary Studies, Sociological Institute of the RAS – FCTAS RAS, Saint Petersburg

Levandovskaya M. — Ph.D. in Law, Associate Professor, Kutafin Moscow State Law University (MGUA)

Lin Peiyuan — graduate student, Peoples' Friendship University of Russia

Madoyan S. — Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Martynenko S. — PhD student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Mindlin Yu. — Candidate of Economic Sciences, associate professor, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin

Okhotnikov I. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Russian University of Transport (MIIT)

Pekareva V. — Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan

Piventyev A. — Adjunct of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

Plakhov A. — PhD in Economy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Pletnev V. — postgraduate student, All-Russian Academy of Foreign Trade, Moscow

Popova M. — Irkutsk State University

Prozorovsky K. — Postgraduate student, Academy of Labor and Social Relations, Moscow

Romanova N. — Senior lecturer, NWIU RANHiGS, St. Petersburg

Ruban L. — DSc (Sociology), Professor, Head Researcher of the Scientific Center for the Study of the History and Development of World Civilizations, V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations, Moscow

Shafigulina S. — PhD (Law), Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

Shelikh M. — Postgraduate student, Far Eastern State Agrarian University

Shevchenko A. — postgraduate student, Far East Home Ministry Law Institute of the Russian Federation named after I.F. Shilov (Khabarovsk)

Sidzhakh A. — postgraduate student, FSAEI HE Kuban State Technological University, Krasnodar

Skopa V. — Doctor of Historical Sciences, Professor Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Smolkina Yu. — Ph.D. in Economics, Associate professor Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chuvash State University named after I.N. Ulyanov»

Sokolov D. — Ph.D. in Economics, Associate professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chuvash State University named after I.N. Ulyanov»

Stepanenko V. — FGIBU VO «Financial University under the Government of the Russian Federation» (Moscow)

Sun Chunxing — Postdoctoral fellow at the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Tumanov D. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Naberezhnye Chelny Institute (branch) Kazan (federal) University

Tverdova T. — PhD in Law, ANOVO Moscow International University; Head of the Committee on Legal Affairs and

Combating Corruption, Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and Financing of Terrorism of the Russian Union of Auditors

Ufimtsev A. — Senior Lecturer, Tambov State Technical University

Uporov I. — D.Sc. (Hist.), Ph.D. (Law), Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Vasilev V. — PhD student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Veryuzhskaya E. — Assistant lecturer, Irkutsk State University

Wang Chunxue — Senior lecturer, Heihe University, Heihe

Yamalneeov I. — candidate of Political Sciences, Kazan State Medical University (KSMU)

Yan Tianbao — Associate professor, Heihe University, Heihe

Yunusov A. — Doctor of Law, Associate Professor, Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Federal) University

Yurchenko E. — Lecturer, postgraduate, Pacific National University, Khabarovsk, Russia

Yuryev M. — Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Samara National Research University»

Zadorozhnaya E. — PhD in Law, ANOVO Moscow International University

Zakharov A. — independent researcher

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные — 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).